

Твой Дрѣм

КАНА М.

18+

Ксана М.

ТВОЙ ДЫМ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36074177

SelfPub; 2022

Аннотация

Он жестокий и всевластный дикарь, считающий, что все в этом мире зависит только от него. Она мечтательная и свободолюбивая девушка, стремившаяся чего-то достичь в этой жизни. У него нет сердца, а у неё самая чистая душа. Он не знает, что такое радость, а она каждый день улыбается новому дню. Его зовут Дарен Бейкер, и он пойдет на все, чтобы получить желаемое. Её имя Эбигейл Дэвис, и она готова бороться за то, что мы называем любовью. Судьба свела этих людей вместе, но забыла, что при этом соединятся две противоположности. Она даже не предполагала, что Раю придется столкнуться с Адом.

Содержание

1. Эбигейл	6
2. Дарен	20
3. Эбигейл	35
4. Дарен	52
5. Эбигейл	75
6. Дарен	91
7. Эбигейл	111
8. Дарен	134
9. Эбигейл и Дарен	153
10. Дарен и Эбигейл	172
11. Эбигейл	196
12. Дарен и Эбигейл	215
13. Эбигейл и Дарен	242
14. Эбигейл	267
15. Дарен и Эбигейл	289
16. Дарен и Эбигейл	305
17. Дарен и Эбигейл	330
18. Эбигейл	350
19. Дарен и Эбигейл	363
20. Дарен и Эбигейл	388
21. Дарен	419
22. Эбигейл	448
23. Дарен и Эбигейл	473

24. Эбигейл и Дарен	495
25. Эбигейл	525
26. Дарен	544

Ксана М.

ТВОЙ ДЫМ

Любовь — это ниточка, способная соединить две родственные души воедино, пусть даже одна из этих душ падшая.

1. Эбигейл

Шумная музыка, грязные танцы, алкоголь, крики, драки, обжимания и все, что ко всему этому прилегалает — это привычные элементы, наполняющие самые обычные развлекательные места Манхэттена. И модный клуб «Айрис» не стал исключением. Каждый вечер это заведение заполняли люди, у каждого из которых была своя отдельная история. Кто—то приходил сюда для того, чтобы расслабиться, посидеть с друзьями, выпить и поговорить. Кто—то воспринимал такие вечера, как возможность завести новые знакомства. Кому—то была необходима хорошая встряска, как говорят, «адреналин в кровь», а кто—то приходил сюда для того, чтобы утопить свое горе в очередной порции алкоголя, а большинство людей из данной категории совершенно не знали меры. Вы думаете, в таких заведениях что—то меняется? Нет. И сегодняшний вечер стал ещё одним подтверждением того, что данная схема движется лишь в одном направлении — по бесконечному кругу.

Я работала здесь уже два года. Не сказать, чтобы мне нравилось мешать коктейли и слушать пьяные разговоры, а порой и терпеть грязные приставания посетителей, просто выбирать особо не приходилось. А я с самого детства научилась довольствоваться тем, что давала жизнь, не смея про-

сильно о большем.

Вот и сейчас, прекрасно понимая, что без этой работы просто не выкарабкаюсь, проводила свою очередную лечебную терапию:

— Бен, если я налью тебе ещё, то боюсь, что до дома ты просто не доедешь, — мой голос был ровным, и я старалась говорить внятно.

— Плевать! — отмахнулся старик и покачнулся на стуле, но благодаря моей отменной реакции, благодаря которой я поймала его за рукава, ему удалось благополучно удержаться на месте. — У меня теперь нет дома, — пьяным голосом заливал он, пытаюсь снова не завалиться назад.

— Ты лишаешься дома практически ежедневно, но все равно возвращаешься обратно, — старалась успокоить его, одновременно следя за тем, чтобы он не грохнулся на пол.

— На этот раз не вернусь! — театрально сказал старик. — Она, — он поднял свой трясущийся указательный палец и направил его куда-то в сторону, — она меня доконала, — произнес Бен чуть тише. — И я больше не хочу её видеть, — он замотал головой, — никогда.

— Я сейчас позвоню Аманде, и она заберет тебя к себе, хорошо?

Бен лишь усмехнулся и развел руками.

— Да зачем ей нужен такой неудачник? Она не заслуживает пьяницу, которого презирает даже собственная жена!

— Не говори ерунду, Бен, — строго сказала я. — Аманда

любит тебя и никогда не бросит в таком состоянии.

— Она не заслуживает такого отца, — словно не слыша меня, повторял старик. — Посмотри, что сделала со мной жизнь!

— Это сделала с тобой не жизнь, Бенджамин Уайт, а бутылка, — от такой откровенности старик даже замер. — Да что с тобой? Ты приходишь почти каждый вечер, и, не уставая, повторяешь одно и то же: что твоя жизнь паршива и ты не достоин той любви, которую дарит тебе твоя семья. Но знаешь, что я тебе скажу? — сделала паузу, при этом, отодвигая от него стакан с виски. — Ты не прав. Потому что твоя семья — это лучшее, что когда—либо с тобой случилось. Ты должен ценить свою дочь и свою жену, потому что таких, как они днём с огнём в нашем мире не сыщешь.

— Эбби...

— Достаточно, Бен, — выдохнула. — Хватит жалеть себя. Начни просто жить. Жить так, как всегда хотел. Не думая, что выпивая очередную порцию алкоголя, ты что—то меняешь в себе или в своей жизни. Это «что—то» изменится лишь тогда, когда ты приложишь к этому усилия, — я положила свои локти на барную стойку и позволила себе облокотиться о неё. — Иди умойся холодной водой, а я пока позвоню Аманде.

Я заметила, как затряслась его нижняя губа и как вытянулось лицо. Его глаза стали совершенно иными. Они словно наполнились жадной жизни. Той жадной жизни, которую Я

так ценила в людях. И встретить которую удавалось всё реже.

Бен кивнул, а затем медленно встал на ноги и побрел в сторону уборной, пару раз удивленно, но благодарно оглянувшись. Я не любила быть строгой или читать нотации, но работая в таком месте, понимала, что свою мягкость нужно уметь скрывать. А в большинстве случаев просто засовывать куда подальше.

Из жизнерадостной, наивной и доверчивой, я превращалась в рассудительную, резкую и порой даже дерзкую Эбигейл, которую так сильно в себе презирала. Но ведь если бы я не надевала эту маску, то не смогла бы заработать нужную сумму, которую хватило бы на оплату жилья, еду и учебу сестер.

Та, которой я позволяла себе становиться в клубе, получала такое количество чаевых, которое ни за что не дали бы добросердечной Эбби.

Поэтому, у меня просто не было другого выбора.

— Я дома! Где вы все? — хлопнула дверь и бросила ключи на тумбочку, роняя тяжелые пакеты с продуктами на пол.

— Биби! — маленькая девочка в розовой пижаме выбежала из дальней комнаты, а затем ловко запрыгнула мне на руки, со всей присущей ей детской силой обнимая меня за шею. — Я так скучала по тебе.

— И я скучала, милая, — ласково улыбнулась, поправляя её растрепанные волосы. — Ты хорошо спала? — она кив-

нула. — Еще не завтракала? — отрицательно покачала головой.

— Я тебя ждала, — послышался тоненький голосок.

— Ади даже не притронулась бы к еде, пока не удостоверилась, что ты дома, — Мэнди сложила руки на груди и облокотилась о стену.

— Ты ещё не собрана? — удивилась, окидывая взглядом спортивный костюм сестры. — Разве у тебя занятия не с девяти?

— Мистер Макалистер заболел, а на замену поставить некого. Поэтому сегодня поеду в колледж позже.

— А я убегаю! Уже опаздываю! — четырнадцатилетняя блондинка в гетрах и клетчатой форме пронеслась мимо как самый настоящий ураган, но при этом не забыла наспех чмокнуть меня в щеку. — Рада тебя видеть, Би! И пока!

— Элли! — крикнула своей безумной сестре. — Ты забыла свой ланч!

— Да, точно, — улыбнулась она, возвращаясь к пакету на столе.

Она быстро схватила его, а затем снова понеслась к двери.

— Удачного дня, — сказали сестры в один голос.

— И вам!

— Эй, давай—ка, иди ко мне, — сказала Мэнди, протягивая свои руки к Адель, — Эбигейл нужно принять душ и немного отдохнуть.

— Но я хочу, чтобы она позавтракала вместе со мной, —

расстроено сказала малышка.

— Обязательно, детка, — улыбнулась я, — я купила твои любимые хлопья.

— Yummy Mummy¹! — радостно вскрикнула Адель, и лишь после этого охотно слезла с моих рук.

— Мэнди, разбери пакеты, хорошо? А я пока приму душ.

— Конечно, — кивнула та, а затем усмехнулась и удивленно приподняла брови, замечая, какое количество продуктов ей нужно разобрать. — У нас праздник?

— Клиенты попались щедрые. Я и тебе кое—что прикупила, покопайся.

— О, серьезно! — послышался счастливый возглас Мэнди. — Ты лучшая на свете сестра!

— Знаю, — крикнула в ответ, невольно улыбнувшись тому, какой забавной может быть Мэнди, когда дело касается арахисовой пасты.

Да, ей девятнадцать, и да, она уже встречается с парнем, — который, кстати говоря, не внушает мне совершенно никакого доверия, — но за это лакомство моя сестра могла продать душу. И почему—то мне казалось, что это не изменится ни через десять, ни через двадцать, ни даже через сорок лет.

Для меня сестры были всем на свете. На их долю выпало много испытаний, поэтому воспоминания о прошлом были

¹ «Fruity Yummy Mummy» — одна из упаковок хлопьев от компании General Mills из серии, посвященной «чудовищным персонажам». Эти хлопья с изображением забавной мумии в песочно—розовых тонах.

болезненными для каждой из них.

А особенно для Адель.

Ей было всего шесть и, казалось, она уже давно забыла все то, что вынесла и стерпела, ведь прошло больше двух лет, но каждый раз смотря в её глубокие голубые глаза, я видела в них страх. Тот самый страх, с которым боролась изо дня в день и из месяца в месяц, пытаюсь доказать малышке, что теперь она в безопасности. И что больше никто не посмеет причинить ей боль.

Но не всегда так легко забыть то, что с нами было. Ведь иногда это оставляет нестираемые шрамы.

Я стояла под струйками прохладного душа, позволяя им стекать по уставшему телу и забирать ненужные мысли, которые ежедневно причиняли столько боли. Я увезла своих сестер, вытащила их из ада, и пускай не сразу, но девочки научились жить иначе... так почему же я до сих пор чувствую, как сердце разрывается от невыносимых мучений? Что не дает мне покоя? Что заставляет так страдать?

Каждый день я спрашивала себя об этом, снова и снова задавая себе одни и те же вопросы. Но ни тогда, ни сейчас не находила на них ответа. И с каждым днем мне все больше казалось, что никогда и не найду.

Надев белую майку и простые потертые джинсы, я вышла из ванной и, натянув радостную улыбку, взъерошила мокрые волосы.

– Вкусно? — спросила Адель, которая радостно уплетала

свои любимые хлопья.

— Да, — кивнула та, — ты не сердисься, что я начала завтракать без тебя? Я очень голодная.

— Нет, родная, — ласково сказала, погладив её по светлым кудряшкам, — я даже рада этому.

Опустилась на стул рядом и потянулась к коробке с хлопьями.

— Ээ, нет, — вдруг услышала я, а затем увидела, как Мэнди отодвигает от меня лакомство, — это для малышки Ади. А тебе мы дадим кое—что посерьезнее. На одних хлопьях с твоей работой далеко не уедешь, — с укором заявила моя сестра, а затем поставила передо мной тарелку ароматных горячих вафель с ягодами и сиропом.

— О, Боже, скажи, что мне это не снится, — взмолилась, торопливо хватая вилку со стола. Когда я отправила в рот первый кусочек, то ощутила, как он блаженно растаял на языке, оставляя после себя невероятное послевкусие, поэтому не сдержала удовлетворительного стога. — За твои кулинарные способности можно убить.

— Знаю, — довольно усмехнулась Мэнди, — поэтому оставим это нашим маленьким секретом.

— Секреты не хранятся слишком долго, — улыбнулась я, отрезая себе большой кусок, — и рано или поздно о них становится известно всем.

— Тайлер говорит так же, — эти слова заставили меня помедлить. И, конечно же, моя пронизательная сестра не смог-

ла этого не заметить. — Хотя бы попробовала бы пообщаться с ним, — на удивление спокойно сказала Мэнди. — То, что у него есть наколки, и он играет в рок—группе, совсем не означает, что ему нельзя верить.

— Он сидел в тюрьме, — заметила я, не поднимая глаз.

— За угон машины в пятнадцать! С кем не бывает?

— С нормальными парнями не бывает.

— Ты не справедлива к нему, не даешь и шанса.

— Я не хочу, чтобы он сбил тебя с пути, — призналась я, — ты знаешь, как трудно нам было встать на ноги...

— Тайлер хороший парень! — заступилась Мэнди. — Как ты можешь судить о его качествах, если видела его лишь раз!

— Мэнди, — строже сказала я, на этот раз, поднимая свои глаза вверх. — Я не буду менять своего мнения о Тайлере. Особенно потому, что *ты* думаешь иначе, — я по—особенному выделила слово «ты». — И пока я не превратилась в злобную старшую сестру, у которой на праве опеки есть полное право запретить тебе встречаться с бывшим зэком, думаю, что этот разговор можно считать оконченным.

— Хорошо, — тихо сказала она, вытирая руки о полотенце и опуская голову вниз, — я поняла тебя. Ади, когда позавтракаешь, я сама отвезу тебя в садик, — обратилась она к малышке. — Мне по пути, а Эбигейл сможет заняться своими делами.

— Ладно, — послышался тоненький неуверенный голосок, после которого Мэнди кивнула и направилась в сторону ком-

наты. — Ты не должна расстраиваться, — так же тихо сказала она, заставив меня поднять на неё глаза.

— Я не люблю быть такой, — прошептала, чувствуя, как внутри у все сжимается, — строгой, требовательной, холодной, злой...

— Но тебе приходится, — неожиданно прошептала девочка.

— Да, милая, — сжала её маленькие пальчики в своих, — мне приходится, даже если совсем не хочется.

— Я понимаю.

Я слабо улыбнулась, а затем погладила малышку по её золотистым, слегка вьющимся волосам.

— Ешь хлопья, хорошо? Завтрак — это самая важная часть пищи, помнишь? — Адель кивнула, а затем задорно подняла свою ладонь вверх.

— Только если ты обещаешь, что больше не будешь грустить.

— Обещаю, — серьезно сказала, тоже поднимая свою ладонь, и Ади хлопнула по ней своей маленькой ручкой.

— Договорились! — радостно воскликнула малышка, после чего быстро взяла ложку и начала с большим аппетитом поглощать хрустящих монстриков, не забывая периодически обливаться молоком.

Я улыбнулась, медленно опуская свою руку вниз и не сводя своего взгляда с Адель. Для меня не было ничего важнее, чем видеть своих девочек такими беззаботными, веселыми

и жизнерадостными. За каждую их улыбку я готова была отдать все, что имела, хоть и знала, что этого все равно будет мало. Ведь счастье нельзя купить. Его нельзя измерить. Я даже не знала, можно ли дать счастью определение, ведь для каждого человека оно своё. Единственное. Родное. То, за которое он будет бороться до самого конца. И то, ради которого он, не задумываясь, пожертвует всем остальным.

Счастье бесценно. Пусть иногда нам и может казаться иначе.

– Я всё! — заявила Адель, аккуратно отодвигая от себя миску. — Скажу Мэнди, что готова ехать.

– А что, если ты сегодня не пойдешь в детский сад? — внезапно сказала я.

– Не пойду?

– Именно, — я развернулась на стуле и приблизилась к Адель. — Что, если мы пойдем в зоопарк, а затем поедем мороженое?

– Правда?

Кивнула, а затем улыбнулась.

– Тебе хотелось бы провести со мной этот день?

– Да! — задорно воскликнула Ади. — Я очень хочу! — я ничего не успела сказать, потому что малая внезапно кинулась мне на шею. — Я люблю тебя.

– Я тоже очень люблю тебя, детка, — ответила, крепко обнимая малышку, а затем быстро и игриво целуя в щеку. — А сейчас беги одевайся, а не то всё мороженое раскупят.

— Не раскупят! — весело крикнула Адель. — Это же только Я прогуливаю!

— Прогуливает? — из—за угла вышла Мэнди. Теперь на ней были джинсы и майка. — О чем это она?

— О зоопарке и мороженом.

Брови сестры взлетели вверх.

— И кто поведет её есть мороженое?

— Я.

— Что? — она облокотилась о стол. — Но ты сутки без сна, Эбби.

— Ничего, я в порядке. Спасибо, что беспокоишься.

— Ты моя сестра, разве я могу не беспокоиться о тебе?

— После того, что я сказала...

— Забудь, — перебила меня Мэнди. — Все хорошо.

— И ты не злишься на меня? — с надеждой в голосе спросила я.

— Нет.

— Даже немного?

— Даже немного.

— Даже самую чуточку?

— Эбс, — Мэнди рассмеялась и замотала головой.

— Ну хотя бы самую малую чуточку? — не унималась я.

— Ладно, если только самую малую чуточку! — сдалась

Мэнди, при этом весело рассмеявшись, и это заставило меня улыбнуться.

— Прости меня.

– Нет, это ты меня прости, — сказала Мэнди, нервно теребя пальцами. — Мы все знаем, как тебе не просто с нами. Было и есть. И вместо того, чтобы помогать тебе, мы лишь причиняем боль.

– Мэнди, ты не должна так думать, — я встала со стула и подошла к сестре. — Вы никогда не делали мне больно. Особенно ты, — приподняла её подбородок вверх, заставив заглянуть в глаза. — Ты — моя опора. Всегда ею была. И я знаю, что если со мной что-то случится, девочки никогда и ни в чем не будут нуждаться.

– Зачем ты говоришь так...

– Потому что это жизнь. И ты всё понимаешь ничуть не хуже меня.

Мэнди немного помедлила, а затем кивнула и опустила глаза вниз.

– Я готова! — Адель выбежала в коридор в своем лучшем платье, плетеных босоножках и с модной сумочкой под цвет одеяния. — Как я выгляжу?

– Милая, ты похожа на солнышко, — улыбнулась я, наклоняясь к малышке.

– А ты на небо, — ответила девочка, обвивая руками мою шею.

– Правда?

– Да, — тихо ответила Адель. — Теперь мы можем идти есть мороженое?

Я рассмеялась, поднимая визжащую от радости малышку на руки.

— Не хочешь прогулять колледж и поесть мороженого вместе с нами?

— Хочу, — усмехнулась Мэнди, перекидывая через плечо сумку. — Но заставлю себя поехать послушать лекции. Тем более, что сегодня я пишу лабораторную, от оценки которой будет зависеть, смогу ли я окончить этот год.

— Сможешь, дорогая. Мы верим в тебя.

— Да! — громко вскрикнула Адель. — Нет никого лучше моей Мэнди!

— Идите и развлекайтесь, — улыбнулась она, целуя маленькую Ади в носик, — а я позвоню миссис Кроуфорд и скажу, что Адель заболела.

— Врать очень нехорошо, — покачала головой я, и Адель повторила это движение точь—в—точь.

Мэнди усмехнулась и сложила руки на груди.

— Интересно, и у кого я этому научилась?

— Даже не представляю, — театрально удивилась я, и смех в одно мгновение заполнил пространство.

2. Дарен

Один удар. Второй. Третий. Интенсивнее. Чаше. Быстрее. Сильнее.

Я бил грушу изо всех сил, как мог, чувствуя, как с каждым ударом тело наполняется той жизненно необходимой силой, без которой уже не представлял ни одного своего дня. Ни одной его минуты. Кто—то находил успокоение в живописи, музыке или чтении, кто—то в работе, бейсбольном матче или алкоголе. Эти варианты были не для меня.

Я терпеть не мог дурацкую музыку, не понимал людей, которые часами напролет читали бесполезные книжки, считая, что так познают мир. Не любил смотреть на намалеванные холсты и рассуждать на тему того, как *«глубоко, должно быть, думал художник, вырисовывая эти невероятные линии...»*.

Я не смотрел бейсбол, футбол и прочую похожую ерунду, и из всего этого воспринимал лишь скачки. Лошади были моей страстью. Но ещё больше, чем самих лошадей, я любил то чувство триумфа, когда кобыла, на которую поставил, приходила к финишу первой.

Со сладким вкусом победы ничто не может сравниться.

А особенно, если эта победа приносит очередную денежную награду.

Ведь этим миром правят деньги. А тот, кто владеет деньгами, владеет и всем остальным.

И эту истину ничто и никогда не изменит.

Сосредоточился на снаряде, производя частые и мощные удары и ощущая, как кровь в жилах начинает бежать быстрее. Чувствовал, как секунду за секундой внутри разливается то, что было необходимо мне так же сильно, как и воздух. То, ради чего каждый день тренировался до полного изнеможения. То, что давало силы, и в то же время отнимало их все без остатка. То, что вызывало ни с чем несравнимое чувство эйфории. То, что я называл адреналином.

Ощущал, как пот стекает по спине, а с влажных волос капает вода. Бил кожаный мешок все сильнее и интенсивнее, и казалось, что этой силе не было предела. Спустя многие годы ожесточенных тренировок, руки будто бы онемели. Казалось, что они навсегда утратили былую чувствительность, и теперь ей не было места не только в моём теле, но и в моей душе.

С силой стиснул зубы, чувствуя, как ускоренное биение сердца звоном отзывается в ушах. Перепонки завибрировали, и я сделал резкий разворот, одним мощным ударом ноги отправляя снаряд в другой конец зала. Только когда кожаный предмет ударился о стену, позволил себе задыхаться.

– Ты всегда тренируешься так, словно готовишься к битве.

Знакомый голос заставил обернуться. Мой друг стоял у

стены, облокотившись о неё плечом и сложив руки на груди.

– Наша жизнь — это поле боя, — ответил, переводя дыхание.

– И готовым к её ударам нужно быть всегда, — закончил Пол.

– Давно ты тут стоишь?

Он взглянул на наручные часы.

– Минут пятнадцать, — затем пожал плечами, — хотел окликнуть тебя, но потом вспомнил, что это бесполезно. Когда тыходишь в свое Бэт—убежище, то пропадаешь для реального мира.

Слегка приподнял брови, начиная неторопливо разматывать бинты. И хотя в глазах плясали веселые искорки, выражение лица оставалось таким же сосредоточенным.

– Ты назвал мой тренировочный подвал Бэт—убежищем?

Пол усмехнулся.

– А что, разве я не прав? Ты чертовски богат, в твоём гараже стоит Линкольн², а из Генри получилась слишком удачная копия Альфреда. Тебе бы костюм, как у Брюса Уэйна, и точно будешь вылитым Бэтменом, — довольно заключил он, отталкиваясь от стены.

– Тогда ты будешь моим Робинот, — сказал, направляясь холодильнику.

– Зеленое трико я не надену.

² Экстравагантный дизайнерский автомобиль 50х годов, в данном случае является прототипом Бэтмобиля, использовавшимся в телесериале «Бэтмен» 1966 гт.

– Можем подобрать синее, — предложил, бросая Полу бутылку. — Розовое. Голубое.

– Иди к черту, — усмехнулся он. — Лучше подумай о наших клиентах. Один из них, например, звонил несколько часов назад. Собирается построить сеть дорогих отелей, охватывая побережье и центр Манхэттена. Весьма прибыльная сделка, учитывая, что её заказчик уже просто не знает, куда бы потратить свои миллионы.

– Поэтому он решил ещё больше приумножить свое состояние? Не легче ли было открыть именной благотворительный фонд или перечислить деньги на уже существующий?

Взял ведро воды, а затем поднял его над головой и опрокинул, чувствуя, как ледяная жидкость начинает словно просачиваться под кожу. Я не чувствовал холода, потому что за долгие годы привык к нему, а Пол привык к тому, чему раз за разом становился свидетелем.

– Почитав его биографию, могу почти с уверенностью сказать, что Дэмиен Гровер не тот, кто будет так «бесполезно» разбрасываться деньгами, даже несмотря на то, что испытывает острую необходимость на что—нибудь их потратить. За все эти годы он не перечислил в фонд ни цента.

– Тогда я не думаю, что нам стоит иметь с ним дело, — серьезно ответил, надевая на мокрое тело джинсы и закидывая на плечо полотенце.

– Тебя задело то, что Дэмиен не отчисляет средства на благотворительность? — спросил Пол, направляясь за мной.

— Это его личное дело. И меня оно не касается, — холодно ответил. — Я никогда не стану отказывать клиенту лишь потому, что он безразличен к окружающему миру. Единственное, что заставило меня принять такое решение, это его беззащитность. Дэмиен Гровер слишком зависит от собственных денег, и это делает его слишком слабым. Ты знаешь, что я не уважаю это качество. А значит и человека, который им обладает. Я не могу работать с тем, кого не уважаю.

— Но ты ведь даже ни разу не говорил с ним.

— Иногда для того, чтобы узнать человека, не нужно встречаться с ним. Тем более, что его биография говорит намного громче любых слов. — остановился и развернулся, внимательно смотря на друга. — Перезвони ему и сообщи, что «Даймонд Констракшн»³ отказывается заключать с ним контракт.

— Уверен?

Ответ не заставил себя ждать.

— Я всегда уверен.

— Сэр, — появившийся в дверях Генри протянул мне чистую одежду, — чай уже готов.

Я кивнул дворецкому, забирая у него из рук рубашку, а затем повернулся к другу.

— Останешься?

— Нет, побегу решать рабочие дела. Нужно просмотреть некоторые бумаги и решить вопрос с задержкой строитель-

³ «Diamond Construction» — строительная компания Дарена Бейкера.

ства. Передавай привет Элейн и скажи, что я зайду к ней, как только со всем разберусь.

— Передам, — кивнул, застегивая пуговицы.

Пол похлопал меня по плечу, а затем с улыбкой кивнул дворецкому.

— Был рад повидаться Альфред.

— Взаимно, мистер Грейсон⁴.

— Я обожаю этого парня, — довольно рассмеялся Пол, когда Генри сделал прощальный поклон и закрыл за ним дверь.

Я сложил на груди руки и пристально посмотрел на «Альфреда».

— Мистер Грейсон?

— Иногда я смотрю фильмы по комиксам, сэр. Это моя слабость.

— Ты смотришь фильмы? — искренне удивился, направляясь за Генри в гостиную. — Почему же за столько лет я ни разу не видел, как ты это делаешь?

— Потому что обычно в это время вы заняты другими делами, сэр.

— Какими же? — спросил, поправляя рукава.

— Вы спите, — ответил Генри, заставляя уголки моих губ дернуться.

Дворецкий улыбнулся в ответ, а затем осторожно кивнул, медленно и учтиво прикрывая свои глаза. Этот человек во

⁴ Ричард (Дик) Грейсон – настоящее имя первого Робина, который был подопечным, а в последствии и напарником знаменитого Бэтмена.

многим заменил мне отца и стал той семьей, в которой мы с Элейн так нуждались. Только два человека могли заставить меня улыбаться, пусть я давно и забыл, какого это.

Их присутствие в моей жизни делало меня другим человеком. Пускай всего на мгновение. Делало тем, кем я мог бы стать, если бы моя жизнь сложилась иначе. Но она сложилась именно так, и теперь я являлся тем, кем являлся.

— Дарен, садись, — знакомый голос выдернул из размышлений. Элейн улыбнулась, а затем кивнула на стул напротив. — Давай же, а не то будешь пить холодный чай.

Сдвинулся с места, при этом, не отводя своего взгляда от сестры. Её длинные светлые волосы сегодня были завязаны в слегка растрепанную косу, а небесно—синее платье подчеркивало бледновато—серебристую кожу. Её изумрудно—зеленые глаза сияли так ярко, что казалось, нужды в солнечном свете просто нет: одного её взгляда было достаточно для того, чтобы осветить весь мир и каждого его обитателя сделать безгранично счастливым.

— Эй, братец, где ты витаешь? — Элейн провела ладонью перед глазами, заставив меня часто моргнуть.

— Ты что—то сказала?

— Я спросила, почему Пол не остался на чай, — повторила она.

— Он сказал, что зайдет позже. В компании накопилось много дел. Я и сам вообще—то должен там быть, но сначала хотел удостовериться, что ты в порядке.

Она подперла руками подбородок.

— И как? Удостоверился?

— Выглядишь ты неплохо, — отпив чай из чашки, сказал я.

— А чувствую себя ещё лучше, — улыбнулась Элейн. — Да ладно тебе, не стоит возиться со мной, как с маленькой.

— Элейн... твоё здоровье — это не шутки.

— Я знаю, Дарен, — вздохнув, сказала она, — но это не значит, что каждую минуту нужно мне об этом напоминать. Я начинаю чувствовать себя не такой, как все.

— Прости, — после небольшой паузы ответил. — Я постараюсь быть... сдержаннее.

— Ты? Сдержаннее? — внезапно рассмеялась она. — Если это когда-нибудь произойдет, я обязательно отмечу этот день в календаре.

— Можешь сделать это прямо сейчас, — предложил.

Элейн игриво нахмурилась.

— Сомневаюсь, что это случилось столь быстро.

— Что? Ты не веришь брату?

— Я *знаю* брата, — поправила она. — Именно поэтому понимаю, что изменить тебя сможет разве что самое настоящее чудо, — затем мечтательно улыбнулась, — либо ангел, спустившийся с небес. С улыбкой, как у самого солнца и взглядом, как у неба.

— Какой ещё ангел? У тебя нет жара? — потянулся к сестре, чтобы потрогать её лоб, но она резко отстранилась и с укором шлепнула меня по руке.

– Нет у меня жара, с чего ты взял?

– Просто ты начала говорить про ангелов, вот я и...

– Я выражалась образно! Это метафора!

– Я не понимаю, когда ты говоришь своими излюбленными эпитетами.

– Я просто хочу знать, когда ты приведешь мне компанию,
— снова по—детски улыбнулась она.

– Тебе мало Генри и миссис Поттс?

– Я очень люблю их, Дарен, но иногда мне хочется поговорить с кем—то, кто не менял мне пеленки в младенчестве.

– У тебя есть я, — самодовольно заявил, перелистывая газету, — и Пол у нас практически живет.

Элейн подавила обреченный вздох и замотала головой.

– Вы — другое дело.

– Так, — выдохнул и отложил газету в сторону, полностью сосредоточив свой взгляд на сестре, — говори прямо, чего ты хочешь.

– Чтобы в этом доме и в твоей жизни кто—то появился.

– Кто—то? — непонимающе переспросил.

– Девушка, Дарен, — эти слова заставили меня напрячься.
— Начни уже с кем—нибудь встречаться. Полюби кого—нибудь. Задумайся о будущем. С этой работой ты стал слишком отстраненным и меня пугает твое наплевательское отношение к собственной жизни, — она замолчала, словно давая мне время всё обдумать. — Я не давлу на тебя. Просто больше, чем о собственном счастье, я думаю о твоём.

Заглянул сестре в глаза и увидел в них такую грусть, от которой моментально сдавило в груди. Я не мог видеть её такой, но и дать ей то, чего она хотела, тоже был не в силах.

Мне не нужны были отношения. Я не хотел семью и детей. И уж тем более, не желал ни в кого влюбляться.

Это было моё табу.

Та сторона жизни, которая находилась для меня под запретом. И пересечь красную линию значило бы раз и навсегда разрушить себя, погубить, растоптать, уничтожить.

Обошел стол, а затем приблизился к сестре и взял её за руку.

— Для того, чтобы быть счастливым, мне не нужно с кем—то встречаться, — ласково сказал, нежно касаясь губами её лба. — Ведь у меня есть ты. В тебе всё мое счастье, Элейн. И даже ангел, спустившийся с небес, не сможет этого изменить.

Почувствовал, как она нахмурилась.

— Я не буду нянчиться с тобой всю жизнь, Дарен Бейкер. Как бы сильно тебе это не нравилось.

— Мы поговорим об этом позже, — улучил момент для того, чтобы закончить этот разговор. По крайней мере, на время. — А сейчас мне пора в офис, — быстро чмокнул сестру в щеку, а затем схватил со стула пиджак, любезно оставленный там Генри, и направился к двери.

— Ты просто сбегаешь! — крикнула она, выезжая из—за стола. — Но мы договорим, когда ты вернешься!

– Не уверен, что успею к ужину и не думаю, что вернусь до темноты, — предупредил я. — Нужно многое сделать. Не жди меня, хорошо? Ложись спать.

– Без сказки не усну, — отшутилась Элейн, чем заставила меня улыбнуться.

Причем полной, широкой и счастливой улыбкой. Той, которую теперь можно было увидеть так редко.

– Ты всегда пользовалась этим приёмом, когда была маленькая. И куда бы я не уходил, мне приходилось возвращаться к ужину, потому что я знал, что без меня ты не сомкнешь глаз. Ты была очень упрямая.

– И это не изменилось. Правда мы стали немного старше. — она усмехнулась. — Ну, или намного.

– Я постараюсь закончить дела как можно скорее, — снова прижался губами ко лбу сестры, — обещаю.

– Дарен?

– Да?

– купишь мне леденцов?

– Сколько пожелаешь, Элс.

– Мистер Бейкер, — наши взгляды одновременно переместились на дворецкого, — ваш кейс, сэр.

– Спасибо, Генри. Я снова чуть не забыл о нем, — бросил ключи в карман. — Скажи миссис Поттс, пусть приготовит рагу из овощей и тот полезный суп, который врач порекомендовал для Элейн.

– Да, сэр.

– Если будут важные звонки, переправляй на мой мобильный.

– Конечно, сэр.

– И проследи за тем, чтобы моя сестра вовремя принимала все лекарства и делала необходимые инъекции. . .

– Иди ужеее, — растянула Элейн, пытаюсь вытолкнуть меня за дверь. — Каждый день говоришь ему одно и то же. Мне кажется, уже можно выучить твои слова и повторять, как мантру.

– Ты так не хотела, чтобы я уходил, а теперь выгоняешь?

– Быстрее уйдешь, быстрее вернешься, — тут же ответила она, делая очередное усилие. — И принесешь мне, наконец, мои леденцы.

Усмехнулся, а затем переступил порог дома.

– Хорошего дня, сэр.

– Я люблю тебя! — крикнула Элейн в закрывающуюся дверь, и я успел поймать на себе ласковый взгляд её изумрудных глаз и увидеть счастливую улыбку на губах.

Я жил лишь ради этих моментов.

Тех самых, за которые готов был отдать все на свете. Потому что ничто не могло сравниться с жизнью и здоровьем моей сестры. И никогда не сможет.

Покончил с делами около полудня, а затем мы с Полом поехали на место будущей стройки.

Сегодня «Даймонд Констракшн» подписала очень выгод-

ный и весьма интересный контракт.

Заказчик хотел построить зоопарк внутри зоопарка.

Идея проекта состояла в том, чтобы, заимствовав элементы «Парка юрского периода» создать похожий парк с возможностью хотя бы на некоторое время становиться частью дикой природы. Посетители могли бы безопасно находиться среди диких зверей в специальных защитных конструкциях и наблюдать за тем, как звери ведут себя в привычных для них условиях. Это требовало немалых затрат и обещало кучу бумажной волокиты в добавок с разного рода сложностями, но я знал — всё это меня не остановит.

Да, с самого дня основания наша компания занималась лишь постройкой зданий или их реконструкцией, но что мешало нам идти в ногу со временем?

Для «Даймонд Констракшн» это будет большим шагом вперед и возможно поднимет компанию ещё на уровень выше. На мировой уровень.

Повернулся и прищурился, когда в глаза попал яркий луч солнца.

Инстинктивно потянулся к лицу и замер, прикованный взглядом к девушке.

Она была совершенно обычная. Без единого намека на дешую вульгарность, которая в последнее время стала так популярна среди всех, кто меня окружал. На ней были простые потертые джинсы и белая майка, а её светлые волосы были завязаны в низкий хвост. Она радостно кружила ма-

ленькую девочку, которая звонко смеялась, запрокинув голову назад, пока её легкое желтое платье развивалось на ветру.

Девушка счастливо улыбнулась, и в этот самый момент я вдруг поймал себя на мысли, что эта улыбка, вероятно, могла бы соревноваться с самым солнечным светом.

Я не мог разглядеть цвета её глаз, но отчего—то ощущал их мягкость и теплоту, пусть ни разу так и не сумел достаточно хорошо разглядеть её лицо.

Всё в этой девушке словно умышленно напоминало мне о прошлом. Возвращало в те дни, когда я и сам был ещё ребенком. Оно больно швыряло, и швыряло прямо об асфальт, напоминая о том времени, когда и я так же звонко смеялся, времени, когда и моё сердце было наполнено любовью.

Любовь... сейчас это слово почти ничего для меня не значило.

За долгие годы жизни я понял одну единственную истину: любви не существует. Она является обманом. Обыкновенной иллюзией. Коварной и мучительной ловушкой, которая, поймав тебя в свои сети, делает абсолютно всё, чтобы полностью тебя уничтожить.

— Эй, ты в порядке? Дарен? Эй, — почувствовал знакомую руку на своем плече и повернулся, встречаясь с удивленным взглядом друга.

— Что?

— Это я хотел спросить тебя, «что»? Что с тобой?

– О чем ты?

– О твоём состоянии. Ты погрузился в себя ещё глубже, чем сегодня утром во время тренировки. Я ещё никогда не видел тебя таким, — промолчал и отвернулся. — Всё нормально?

– Как всегда. Где ты был?

– Ходил за водой, — Пол протянул мне бутылку, — клиенты звонили. Ждут нас у центрального входа.

– Да, — кивнул, окончательно вернув своему голосу твердость, — пошли.

Когда Пол ушёл, я почувствовал, как какая—то доселе невидимая сила что есть мочи пыталась заставить меня повернуться. Голос в голове будто бы вопил *«обернись, ты должен обернуться»*.

И я повернулся.

Наверное, впервые в своей гребаной жизни сделал что—то настолько безумное.

Понятия не имел, что за наваждение это было, но найти её так больше и не смог.

Но я *видел* её.

Видел достаточно отчетливо для того, чтобы не списать на мираж или галлюцинацию. Я мог бы поклясться, что та девушка и её улыбка были реальны. И что, черт возьми, пускай и всего на мгновение, но она вновь заставила меня *чувствовать*.

3. Эбигейл

— Ты уверена, что с тобой все в порядке? Выглядишь так, словно кто—то весь день танцевал с тобой квикстеп, — повернулась, встречая задумчивый взгляд пронзительных темных глаз. — Нет, скорее всего, его танцевали *на* тебе.

— Я в норме, просто немного устала.

— Ты хоть немного поспала? Хотя нет, не отвечай, твои мешки под глазами уже все мне рассказали. Ты вообще пользуешься тональником?

— Ты же знаешь, что нет, — спокойно ответила, открывая двери бара.

— Верно, — кивнула Нелли, усаживаясь за стойку, — и я давно твержу тебе, что это пора менять. Ты в зеркало когда в последний раз смотрелась?

— Сегодня утром вроде бы, — ответила, закидывая сумку на полочку снизу стойки.

— Вроде бы?! — Нэл почти подпрыгнула на стуле. — Милая, ты должна хотеть смотреть в зеркало! Ведь оно одно из прекраснейших творений, созданных руками человека!

— По—моему ты придаешь слишком большое значение зеркалам, — усмехнулась, начиная собирать свои волосы в хвостик.

Но подруга не собиралась отступить.

– Зеркало — мощнейшее оружие женщины. И оно имеет для неё чертовски большое значение.

– Ты права, — согласилась, делая задумчивое выражение лица, — не знаю, соглашусь ли с тем, что «зеркало — это оружие», но вот спасением я его точно смогла бы назвать. — облокотилась локтями о стойку. — Без него дико трудно, когда в глаз попадает соринка, а рядом никого нет. — Нелли вымученно прикрыла глаза. — В такие моменты я и правда могу согласиться, что зеркало — это одно из прекраснейших творений, созданных руками человека.

– Ты неисправима, Эбс, совершенно и бесповоротно.

– Знаю, — широко улыбнулась, потянувшись за тряпкой, — но ведь твоя любовь ко мне от этого не становится меньше, так?

– Мы слишком многое пережили вместе, — тихо сказала Нэл. — Мне кажется, что она никогда не станет меньше.

– Я уверена в этом, — ответила, заставляя подругу улыбнуться в ответ. Она повернула голову, и я заметила скрытую под слоем тонального крема ссадину. Свежую.

– Эй, что это у тебя?...

Я потянулась к её лицу, но Нелли резко отстранилась.

– Ничего.

– Нэл...

– Я просто упала, Эбби, все нормально, — на мгновение её взгляд забегал, и она часто заморгала, — поскользнулась на лестнице и стукнулась о перила.

— Поскользнулась на лестнице? — я не верила своим ушам. — Ты? Которая намертво вцепляется в перила?

— Да, — ответ показался мне слишком резким, чем и подтвердил мою догадку.

— У меня закружилась голова.

— Ты к врачу обращалась?

В глазах Нэл промелькнул испуг, а затем исчез так, словно его не было вовсе.

Однако, я слишком хорошо знала свою подругу. И знала, что она лжет.

— Я не посчитала нужным, — собравшись, ответила Нелли. — Просто небольшая ссадина и синяк.

Да, по части того, как нужно уметь быстро брать себя в руки, Нэл Сандерс была одной из лучших, но вот врать лучшей подруге она совсем не умела. Даже если старалась изо всех сил.

— Он снова бил тебя? — она промолчала. — Нэл, прошу, скажи мне правду.

— Нет, — еле слышно ответила она.

— Нэл...

— Я же сказала, что просто поскользнулась и упала. И это правда, — она пристально и умоляюще посмотрела мне в глаза. — Та правда, которую ты должна знать. Которую все должны знать.

Сердце мучительно зануло. Ведь, черт возьми, эта девушка была намного большим, чем просто подругой. Она была

моей семьей. А ради семьи я готова на очень многое.

— Скрывая ото всех побои, ты не сделаешь себе лучше, — объяснила я. — Лишь даешь ему понять, что он всесилен и может бить тебя столько, сколько пожелает.

— Возможно, мне и не удастся уберечь себя, — тихо ответила она, — но я не позволю, чтобы из—за меня пострадали другие.

— О чем ты? — я вышла из—за стойки и взяла подругу за руки. — Никто не пострадает. Тебе просто нужно набраться смелости и позвонить в полицию.

— Ты не знаешь Его, — она вертела головой, а я чувствовала, как трясутся её руки. — Он способен на многое. И я боюсь, что для него просто не существует границ.

— Я помогу тебе, — настаивала я. — Мы справимся с этим вместе.

— Ты не понимаешь...

— Нэл... посмотри на меня. Посмотри, — заставила подругу заглянуть себе в глаза. — Разве мы не договаривались, что что бы ни случилось, никогда не бросим друг друга в беде? Разве ты не сделала бы для меня то же самое?

— Я не могу рисковать тобой и девочками, — тихим, полным страха голосом говорила Нэл. И я осознавала, что никогда не видела её такой. — Все зашло слишком далеко, и я боюсь, что если предприму что—то, он... он очень страшный человек, Эбс.

— Не страшнее двух разъяренных женщин, — прошипела

я. — Он просто не представляет, с кем затевает войну.

— Эбби... это не твоя война...

— Не моя? — не веря услышанному, переспросила я.

— Скажи это тем женщинам, которые ежедневно страдают от рук таких уродов, как Он. Тем, кто не может самостоятельно сказать «хватит». Нет, Нелли, ты права, — завертела она головой, — все зашло слишком далеко. Мы должны поставить этого ублюдка на место.

Она опустила глаза, а затем достала мобильный.

— Он уже ищет меня, — Нэл поджала губы и выдохнула, — я пойду домой. Обещай, что ничего не предпримешь, пока я не позволю.

— Милая...

— Обещай, — потребовала она. — Прошу, Эбби, дай мне разобраться самой.

Я боялась давать подобное обещание. Очень боялась. Ведь тогда навсегда лишусь возможности поставить сукиного-сына на место.

Но Нелли так смотрела, так... умоляла.

И я в очередной раз сдалась.

— Ладно, — с трудом проговорила, — обещаю, — а затем сильнее сжала её руки. — Но если он ударит тебя снова... если перейдет границу...

— ...ты ничего не сделаешь, — настаивала она, — потому что обещала.

— Не заставляй меня делать это, Нэл. Я не вынесу, если

с тобой что—нибудь случится. С ума сойду от мысли, что могла помочь, но ничего не сделала.

— А я не вынесу, если пострадают Элли, Мэнди или Ади. Или ты. Вы — моя семья. И я буду защищать вас так долго, как могу. — хотела возразить, но Нелли крепко обняла меня. — Прости, но это мой выбор. Держись от всего этого как можно дальше.

— Дэвис! Иди за стойку, черт тебя подери! Клиенты ждут! Мы повернулись, а затем Нэл слабо улыбнулась.

— Иди. Тебе нужно работать.

— Но ты...

— Справлюсь. Все будет хорошо, — заверила она, а затем попятилась к выходу, — созвонимся, ладно? Я наберу.

Выдохнула, проводив подругу взглядом, а затем обреченно вернулась за стойку.

Всю ночь не переставая думала о том, каким ублюдком нужно быть, чтобы причинять боль любимой женщине? Чтобы раз за разом поднимать на неё руку?

Я не сомневалась, что её тело было покрыто синяками.

Я никогда не видела их. Как и не видела и самого действия.

Но если бы видела, не раздумывая спустила бы курок. Убила бы эту мразь собственными руками и ни капли не пожалела бы о содеянном.

Потому что каждый день наблюдала, как угасает эта добрая, милая и отзывчивая девочка. Как её темные, выразительные глаза становятся потускневшими и пустыми. Как из

неё с каждым днём всё сильнее уходит жизнь.

— Ай, — одернула руку, когда ощутила пронзительную боль, и лишь спустя некоторое время поняла, что стакан, который сжимала в пальцах, треснул.

Инстинктивно перевернула ладонь и обхватила запястье другой рукой, чтобы не дать крови от порезов пролиться на стойку, а затем потянулась к полотенцу на полке.

— Как моя милая сменщица провела свой день? Пришел твой спаситель, и тепе... — знакомый голос в одно мгновение перестал быть радостным. — Господи, Эбби, что ты... — он резко схватил первую попавшуюся тряпку со стола и быстро обмотал мою руку, на время останавливая кровь. — Какого черта ты тут творила?! Сражалась со стаканами?

— Я просто... я не знаю, как это вышло...

— Ладно, забудь, — высокий брюнет с темными глазами отмахнулся, заходя за стойку и на ходу прикрепляя к футболке бейджик. — Дай я гляну. По—хорошему раны нужно промывать. А лучше бы тебе показаться врачу.

— Всё нормально, Майк. Я в норме.

— Это ты называешь в норме? — он заставил меня посмотреть ему в глаза. — Ты разбила стакан *рукой*, Эбби. А это далеко не норма.

— Ты так говоришь, словно я постоянно так делаю, — нахмурилась.

— Если бы ты делала это постоянно, возможно, тогда твои слова про «норму» и имели какой—то смысл, — Майк

усмехнулся, а затем повел меня в подсобку.

— Карла, — крикнул он маленькой рыженькой девочке, — прикрой нас перед Гарри. Мне нужно помочь Эбигейл обработать руку.

— В этом нет необходимости...

— Эй, помолчи, ладно? — он потянул меня за собой. — Слышала бы Нелли то, что ты говоришь, тебе бы точно по пятое число влетело

Я закатила глаза.

— Почему ты всегда на её стороне?

— Потому что она всегда права.

— Или тут что—то другое, — тихо и с улыбкой сказала я. Так тихо, что можно было и не услышать. Вот только Майк услышал.

Почувствовала, как он напрягся, но больше ничего не сказала.

Он обрабатывал порезы и бормотал что—то о том, что подобными выходками я напоминаю ему ребенка, который вечно создает проблемы и себе, и окружающим. Говорил о том, что я совершенно не думаю о том, что делаю и какие предметы держу в руках. В общем, отчитывал как маленькую девочку. И, кажется, никогда не уставал это делать.

— Я поняла, Майк, — выдохнула, когда он закончил перевязку. — Теперь могу я вернуться к работе?

Он одарил меня хмурым взглядом, а затем сложил руки

на груди.

– Раны не глубокие, швы не потребуются. Но больно тебе все равно будет. Поэтому езжай домой.

– Майк...

– Разве я спрашивал тебя? — перебил меня, в который раз напоминая, что спорить с ним бесполезно. — Да и выглядишь ты, мягко говоря, не очень. Тебе необходим сон. И нормальная еда.

– Я не...

– Эбигейл! Зайди ко мне!

– Вот видишь, Гарри зовет, — соскочила со стола, воспользовавшись случаем. — У меня полно работы.

– Ты совершенно не думаешь о себе, — крикнул он мне вслед.

– Ты преувеличиваешь!

– Где тебя черти носят? — нахмурился Гарри, стоило мне только переступить порог. — Эта девчонка не справляется одна, не знаю, зачем вообще её нанял. Да и этот болван Майерс ещё не пришел, — проворчал он, тем самым заставляя меня улыбнуться.

– Майк пришел ещё пятнадцать минут назад, он помогал мне обработать руку.

Только сейчас мужчина обратил внимание на бинты.

– Что случилось? Ты поранилась?

– Просто слишком сильно сжала стакан. Майк сказал, что раны не глубокие, поэтому все нормально.

— Ну, раз Майк так сказал, — эти слова, казалось, и правда успокоили Гарри, он отвернулся, а затем снова, с некоторой долей понимания посмотрел на меня. — Но лучше бы тебе больше не злиться так сильно.

Я знала, что Гарри всегда видит людей насквозь. И сейчас, как и всякий здравомыслящий человек, он понимал, что для того, чтобы стакан лопнул, нужна просто не дюжая сила. И вряд ли просто протирая его, хрупкая девушка могла его разбить.

— Я помогу Карле, — перевела тему, большим пальцем указывая на дверь.

— Майк с этим справится, — Гарри встал со стула. — Для тебя у меня найдется задание поинтереснее.

— Поинтереснее?

— Один очень уважаемый человек хочет устроить небольшой прием. Нам повезло, что он захотел иметь дело именно с нами. Это большая удача для «J9».

— Твой бар один из лучших на Манхэттене, — улыбнулась я. — И этот человек сделал правильный выбор.

— Будем надеяться, что он останется того же мнения, — кивнул Гарри. — Потому что от тебя будет зависеть, обратиться ли он к нам снова.

— От меня?

— Да. Я хочу, чтобы организацию приема ты взяла на себя, — хлопнула глазами и открыла рот, чтобы возразить, но Гарри успел पहले. — Ты достаточно долго работаешь здесь

и знаешь возможности «J9», как никто другой. Ты владеешь прекрасными организаторскими способностями, а общение с людьми — твой врожденный дар. Доверив эту работу кому—то другому, я совершил бы большую ошибку, исправить которую уже не смог бы. Я верю, что именно *ты* справишься с этим, — Гарри подошел ко мне и протянул документы. — И Эбби, отказа я не приму.

Я посмотрела на красную папку, которую мой наниматель держал в руках, и поняла, что он вверяет мне что—то очень важное. Что—то особенное. Доверяет серьезную работу, надеясь на то, что я справлюсь, и что ему не придется стыдливо отводить свои глаза в сторону каждый раз, когда клиент будет проходить мимо.

Да, это большая ответственность, и я понимала, что если что—то пойдет не так, я больше никогда не смогу здесь работать. Но самое главное, больше никогда не смогу посмотреть в глаза Гарри. Человеку, который доверял мне, как себе самому.

Ощутила, как по телу забегали мурашки. Собиралась сказать, что не смогу, но поймала на себе теплый взгляд его пронзительных глаз. Он мгновенно согрел, уничтожая последние остатки тревоги и паники. Рука потянулась к красной папке, а затем я крепко сжала её в пальцах.

Я не должна думать, что не справлюсь. И тогда у меня все получится.

В конце концов, что может пойти не так?

Я практически вылетела из бара, на лету поправляя сумку и пытаюсь удержать огромную гору папок. Нет, ну разве Гарри мог ограничиться одной? Конечно, нет. Оказывается, что в той самой папке, которую я зачем—то всё—таки взяла, лежал только договор. А еще я должна была взять с собой кучу буклетов с меню и предложениями.

Честно признаться, пока я не ощутила на себе весь их вес, даже и не задумывалась о том, что их ассортимент настолько велик.

Господи, и зачем я вообще согласилась? Что на меня нашло?

Стояла бы себе всю смену за стойкой и не знала бы никаких бед, а теперь тащила через весь город пешком, неся в руках тонны макулатуры, потому что была даже не в состоянии поймать такси. Да тут любой был бы не в состоянии.

Почувствовала, как предательски заурчало в животе, и вспомнила, что уже давно ничего не ела. Не дай Бог Майк узнает, что был прав. Его альтер эго станет ещё больше.

Улыбнулась, а затем ощутила, как в сумке завибрировал мобильный. Заваленная папками, с растрепанными волосами, до которых было просто не дотянуться, я была абсолютно не готова доставать телефон, валявшийся где—то в самой глубине сумки, но понимала, что позволить себе пропустить звонок просто не могу.

А если это были её родные? Или Нелли? Вдруг что—то случилось?

Вздыхнула и, кое—как изловчившись, полезла внутрь сумки, пытаясь удержать папки, зажав их между рукой и телом. Для того, чтобы найти удобное положение, пришлось остановиться и отвернуться от солнца, которое светило прямо в глаза.

— Давай же, Эбби, ещё немного... ты сможешь достать его, не уронив папки и сохранив свою гордость, — затем покачала головой. — важнее сейчас ответить на звонок, не думай о том, как будешь выглядеть перед другими, — затем усмехнулась. — Но лучше бы все—таки никому не слышать, как ты стоишь посреди дороги и говоришь сама с собой. Это же первый признак шизофрении, — заинтересовавшись собственной мыслью, я даже выпрямилась. — Или второй...

Мои размышления прервал громкий, увеличивающийся гул и, повернув голову, я осознала, что стою на проезжей части. И на меня с бешеной скоростью несется огромная черная машина.

Я почувствовала нарастающую внутри панику, но не могла сдвинуться с места, словно ноги в одно мгновение приросли к асфальту. Чувствуя, как жизнь в прямом смысле того слова, проносится перед глазами, просто закрыла их и сильно зажмурилась, слыша, как автомобиль начинает тормозить. *Но он не успеет*, я знала, что не успеет...

В эту же секунду, какая—то невидимая сила свалила меня

с ног, заставляя упасть на дорогу и откатиться. Я могла бы поклясться, что меня сбил автомобиль, но тогда почему я не чувствовала боли? Почему не ощущала переломов? Или того хуже? Почему хотя бы не потеряла сознание и все ещё размышляла о причине, по которой ничего не чувствовала?

Я все ещё дышала, но прерывисто. Сердце все также билось, правда, раза в два быстрее. Я не открывала глаз, но чувствовала, что жива.

А ещё мне вдруг показалось, что сбила меня вовсе не машина.

Размышления об этом прервало касание чьей—то руки. И я поняла: эта самая рука ощупывает мой пульс.

Попыталась разлепить отяжелевшие веки, но когда открыла глаза, то смогла разглядеть лишь слабое очертание человеческой фигуры.

– Голова болит?

– Нет... — это был честный ответ, хотя перед глазами всё ещё плыло.

– Свое имя помнишь?

Я задумалась, а затем кивнула.

– Помню.

– Чувствуешь тошноту или слабость? Болит что—то?

Я прислушалась к своему телу. Сглотнула и закачала головой.

– Нет... думаю, что я в порядке...

– Отлично, — мягкий голос стал резче и холоднее.

Мужчина помог мне подняться, и в этот момент я инстинктивно схватилась за голову. Она не кружилась, но её слегка покачивало.

– Стоять можешь?

– Да. Я... — хотела поблагодарить мужчину, но увидела валявшиеся на дороге файлы и забыла даже о том, что всего минуту назад находилась где—то между жизнью и смертью. — Боже, мои папки!

Пронеслась мимо своего опешившего спасителя и кинулась собирать документы.

– Ты что, совсем жизнью не дорожишь? Эй! Да что ты... Осторожно, машина! — я заметила, как мужчина дернулся в мою сторону, но успела отскочить прежде, чем он сделал ещё один шаг. — Господи, что за психопатку я спас...

– Эти файлы очень важны для меня, — сказала, склоняясь над документами. — Мой наниматель поручил мне очень важную работу, и я...

– Избавь меня от истории своей жизни, — его холодный голос заставил на мгновение замереть. — Если тебе так сильно хочется подвергать опасности свою жизнь, то это твое дело, а значит, не моя забота.

Я повернулась к нему как раз в момент, когда он отвернулся.

– Что ты имеешь в виду?

– Я видел, как тебя вот—вот собьёт машина, поэтому не мог не вмешаться. Но сейчас я уйду, а ты можешь делать,

что пожелаешь. Хоть снова кидаться под колеса.

— И ты так просто уйдешь? — спросила, пытаясь заглянуть за его спину.

— Да, — его равнодушный и резкий тон не оттолкнул, наоборот, мне ещё сильнее захотелось увидеть лицо своего спасителя.

— Но ведь я так и не поблагодарила тебя, — сказала она, стремительно направляясь за ним.

— Не стоит. Я не герой.

— Но ты спас меня.

Услышала его раздражительный вздох.

— И уже начинаю об этом жалеть.

— Сделаем вид, что я этого не слышала, а ты этого не говорил, — сказала, начиная переходить на бег.

— Но я сказал, — резко ответил он. — И прекрати идти за мной по пятам.

— Я хочу посмотреть в глаза человеку, которому теперь многим обязана.

— Если бы ты хоть иногда смотрела по сторонам, не пришлось бы быть обязанной, — зло ответил он.

Я решила пропустить его шпильку.

— Чего тебе стоит просто повернуться? Разве это так трудно?

— Да.

Его равнодушное «да» убивало. И я понятия не имела почему.

Почему?

– Я ведь просто хотела тебя поблагодарить! — крикнула, но он как шел вперед, так и продолжал идти. Даже не думая оглянуться или хотя бы замедлить шаг.

– Ну и черт с тобой. Злюка!

Я так увлеклась захлестнувшими меня эмоциями, что даже не поняла, как снова вышла на дорогу. Обиженно бормотала себе что—то под нос. А мозг улавливал только отдельные слова — *гордец, невыносимый, надменный... характерный!*

Резко встала, понимая, что мысль, внезапно возникшая в голове, в одно мгновение отключила все посторонние звуки. Я слышала лишь собственное прерывистое дыхание и частые удары сердца. И больше ничего.

Секунда. Вторая. Третья.

Повернулась, понимая, что время не остановилось.

А затем услышала оглушительный визг колес и, выдохнув, зажмурилась.

4. Дарен

Я как раз подходил к повороту, когда вдруг поймал себя на мысли, что вокруг стало слишком тихо. *Подозрительно* тихо. Конечно, я был рад, что больше не слышу глупых замечаний, раздражающих просьб и историй из жизни обезумевшей чудачки. Но вместе с тем меня не покидало странное чувство какой—то непонятной тревоги. И как бы сильно я не старался отбросить его, у меня ничего не выходило.

По упорству этой девушки, можно было определить, что она совсем не из тех, кто сдается так легко. И то, что в придачу к своей напористости, она была ещё и сумасшедшей психопаткой, лишь усиливало это чувство у внутри.

Чувство, что что—то было не так.

Я не знал почему, но мне вдруг до дикости сильно захотелось повернуться.

Я не мог отделаться от ощущения, что нуждаюсь в этом.

Точно такого же ощущения, которое завладело мной вчера в парке. Которое побудило оглянуться на то, что мне просто привиделось.

Я понятия не имел, что со мной происходило, но осознавал, что дальше так было нельзя. Ещё немного, и это сведет меня с ума, доведет до безумия и крайности. А этого я никак не мог допустить.

Дарен Бейкер никогда не будет зависеть от глупых сантиментов, предчувствий и предубеждений. И ничто и никогда этого не изменит.

Телефон в кармане завибрировал, заставляя замедлить шаг. Я посмотрел на входящий, а затем ответил на звонок.

– Да, Пол, я уже иду. Скоро буду.

– Что? — его друг улыбнулся. — Дарен Бейкер идет? Пешком? Неужели разверзлись сами Небеса?

– Нет. Моя машина сломалась.

– И просить меня заехать ты, конечно же, не стал?

– В компании много дел. Ты потратил бы драгоценное время, которого у нас итак нет.

– Ты прав.

Я перевел взгляд на соседнее здание.

– Знаю. Я всегда прав.

Фокус переместился на дорогу, и я мгновенно застыл, заметив посреди проезжей части человеческую фигуру. И не просто фигуру... а *ту самую фигуру*, которую ещё не так давно спас от несущегося автомобиля.

Какого хрена она там делает? Что вообще у этой ненормальной на уме? И зачем, к дьяволу, она закрыла глаза?!

Пол что-то говорил, но я уже не слушал, медленно опустив руку вниз.

Мой взгляд бы прикован к девушке, которая уже во второй раз играла со Смертью. И, черт возьми, я не понаслышке знал, что Она такие игры не любила.

Услышал рев мотора, а затем увидел, как из—за угла выскочил черный тонированный мерседес, точь—в—точь такой же, который чуть было не сбил эту девушку в первый раз.

Не чувствуя твердости под ногами и, не разбирая совершенно ничего вокруг, мгновенно сорвался с места и понесся в её сторону. Бежал так быстро, как не бежал ещё никогда в жизни, бежал, соревнуясь с дьявольской скоростью автомобиля.

Какого черта он не останавливается?! Почему продолжает нестись прямо на неё?! Если он не сбавит скорость... Боже, я даже думать не хотел о том, что тогда произойдет.

Буквально в ту же секунду услышал, как машина начала резко тормозить, заставляя шины завизжать по асфальту. Это было бы величайшей удачей, если бы только водитель от неожиданности не потерял управление, и вместо того, чтобы вырुлить в противоположную сторону, не нацелился прямо на «объект».

Я видел, как от пугающего звука девушка широко распахнула глаза, видел, каким страхом наполнился её взгляд и понял, что увиденное заставило её оцепенеть. Её ноги приросли к полу, а доступ к кислороду перекрыло осознание собственной беспомощности.

Из горла вырвался крик, и я побежал быстрее. Побежал, как самый настоящий зверь.

Протянул к ней руки и резко развернул, изо всех сил прижимая к себе и заставляя сделать несколько оборотов. Не

рассчитав силу, с которой отталкивал её с дороги, врезался в стену дома. Подступающая боль должна была оглушить, но я практически её не заметил. Этому жизнь научила меня в первую очередь.

— Эй, вы в порядке?! — встретил на себе взволнованный взгляд парнишки, а затем увидел неподалеку тот самый мерседес, который теперь стоял поперек полосы. — Как же хорошо, что вы оказались рядом, я... я просто не знаю, что было бы, если бы вы не появились... — было видно, как сильно он нервничает. Он был ещё совсем мальчишкой, чья жизнь всего минуту назад мелькала перед его глазами словно вспышка. — Она просто стояла там, а я... мне так жаль...

— Ты можешь ехать, — перебил его. — Я разберусь.

Парень часто закивал. Его взгляд был наполнен сильнее-шим на свете страхом, который теперь навряд ли исчезнет так скоро. Ведь только что он чуть не погубил две жизни. Только когда мальчишка пропал из поля зрения, я сумел сосредоточиться на той, которую все это время крепко прижимал к своей груди.

Чувствовал, как сильно дрожало хрупкое тело в руках, и как тоненькие пальчики цеплялись за ткань рубашки. Она все ещё боялась, и я не мог этого не ощущать. Как и приятный запах, исходивший от её волос и слегка тронутой загаром кожи. Он обволакивал ноздри, словно преследуя своей целью затуманить рассудок, одурманить голову и сделать своим безвольным рабом. И как я не сопротивлялся, не под-

даться этим чарам не смог.

Что такого было в этой девушке, что заставляло меня терять голову?

Почувствовал, как её ноги ослабели и, успевая поддержать её за талию, развернулся, помогая упереться о стену здания. Она сильнее сжала мою рубашку пальцами, чтобы удержаться на ногах, и от их нажима, первые две пуговицы оторвались.

Ощутил, как они коснулись обнаженной кожи и замер, словно несколько тысяч вольт в одно мгновение поразили тело. Удар был быстрым. Практически молниеносным. Но не отталкивающим, а скорее наоборот — притягивающим.

Она стала медленно приподнимать свои веки, заставляя не только меня, но и весь мир вокруг, каждую его частичку, заморожено застыть.

Когда она подняла свои глубокие сапфировые глаза, я осознал, что ещё никогда на свете не видел столь чистого, столь идеального цвета. В нем будто бы разом сочетались все оттенки, сотворенные самим Богом. Соревноваться с такой красотой не смогло бы даже Небо. Настолько совершенной она была.

Чей—то звонкий смех за углом моментально вывел меня из оцепенения. Я резко отстранился и интуитивно попятился назад, но смог отойти лишь на несколько дюймов, потому что трясущиеся пальцы все еще стискивали ткань рубашки. Она так крепко держалась за меня, словно больше всего на

свете боялась даже попытаться отпустить.

И, черт возьми, это заставляло меня чувствовать что—то необъяснимое.

Что—то, чему в моей жизни просто не могло быть места.

— Моя рубашка, — слова прозвучали на удивление мягко, но от того не стали менее резкими. Я и правда изо всех сил старался сдерживать внутреннюю ярость, которая с каждой секундой становилась лишь сильнее, но её прикосновения невозможно было игнорировать.

Она опустила глаза на свои все ещё дрожащие пальцы, плотно сжимающие льняную ткань, и я заметил смятение, отразившееся на взволнованном лице.

Она осторожно выпустила лоскуток из своих рук, а затем вцепилась в каменную стену. Её губы слегка задрожали, а во взгляде застыло давящее, искреннее чувство вины.

Эта ненормальная напоминала мне маленькую перепуганную девочку, впервые встретившуюся с опасностью лицом к лицу. Но, вместе с тем, в её глазах я видел сильную и уверенную в себе женщину, чья отвага и бесстрашие могли победить абсолютно любой, даже самый сильный в мире страх.

Я отвел свой взгляд и отвернулся.

Почему было так тяжело уйти? Что, черт возьми, она сотворила со мной за эти несколько минут?

Что—то внутри словно мешало сделать эти несколько шагов. Уйти и забыть. Выбросить из головы. Удалить из памя-

ти. *Почему?*

Выругавшись про себя и, отбросив в сторону все эти въедливые мысли, вернул своему разуму привычное хладнокровие, но успел сделать лишь несколько шагов.

— Подождите, — её голос был едва слышен, но отзывался в сознании с такой силой и таким звучанием, что даже крик сейчас показался бы самым простым шепотом. Я слегка замедлил шаг, ощущая, что не в силах контролировать собственное тело, которое, черт подери, сейчас полностью подчинялось её мягкому тембру. — Спасибо, — выдохнула она, и я почувствовал, что она подходит ближе. — За оба раза. Я не хотела, чтобы так вышло, и...

Сжал руки в кулаки и решительно зашагал прочь. Оставив её позади и, не желая выслушивать, что она скажет дальше. Пусть это будет грубо и безразлично с моей стороны и пойдет вразрез с тем поведением, которое я обычно позволял себе по отношению к женщине. Пусть. Плевать. Сейчас я буду именно таким — невоспитанным и эгоистичным грубияном. Потому что в настоящий момент это единственное возможное решение.

Вспомнил, сколько осмысленности и мужества увидел в её глазах... какую невероятную палитру из самых разнообразных качеств смог разглядеть... и, увидев все это, не понимал, почему она поступила столь безрассудно. Почему вышла на эту чертову дорогу и стояла там, ожидая, пока...

Нет. Мне незачем знать причину. Я не должен думать об

этом. Не должен думать *о ней*. Единственное, что мне действительно стоит сделать, это забыть. Забыть это утро. Забыть то, что произошло. Забыть эту девушку, и то, что я почувствовал, заглянув ей в глаза.

Я не могу чувствовать. Просто не имею права. Сантиментам нет места в моём мире.

И никогда не будет.

— Добрый день, мистер Бейкер, — Элис быстро встала со своего места, а гул, который до этого момента стоял в приемной, моментально прекратился.

— Скажи Полу, чтобы зашел ко мне в кабинет, — отчеканил, не удастаявая её даже взглядом и стремительно направляясь к своей двери. — И побыстрее.

— Да, сэр, — она тут же потянулась к телефону, быстро набирая уже наизусть заученный номер, а остальные засуетились за своими рабочими местами, судорожно стараясь показать своему начальнику, что все это время были заняты только работой.

Кто—то пытался незаметно скинуть стаканчик с кофе в урну, а кто—то прятал недоеденные батончики в выдвижной ящик. Одни с испуганными глазами сворачивали лишние программы на своем компьютере, а другие убирали со стола все то, что не имело непосредственного отношения к работе.

Снова. Всё в этой компании ходило по замкнутому кругу.

Каждый раз я становился свидетелем одного и того же. Того, как мои сотрудники делали все что угодно, но только не работали.

Разве я когда—то был снисходительным и понимающим начальником? Одним из тех, которые улыбаются своим работникам, пьют с ними кофе и беспокоятся о проблемах, произошедших в их семье? Возможно, когда я решил дать этим людям шанс, то принял неверное решение. А ошибаться я очень не любил.

Резко распахнув дверь, бросил пакет на диван и начал расстегивать оставшиеся целыми пуговицы на своей рубашке. Заметив на столе записку, взял её в руки и развернул, мгновенно узнавая почерк.

«Знаю, что ты не любишь, когда отлучаются без предупреждения, но мне пришлось уехать. Не могла дозвониться тебе на мобильный. А оставлять сообщение твоей секретарше, все равно, что бросать слова на ветер — так же бесполезно...» — раздраженно выдохнул, не желая читать дальше.

Смял записку и одним движением бросил в стоящую в другом конце кабинета урну.

Холли Тревис. Её знали, как дочь своего отца. Дочь одного из самых известных и влиятельных людей в мире. А я знал её, как дочь человека, который когда—то собственными силами поднял «Даймонд Констракшн» с колен и спас мою семью от падения в бездонную пропасть. Ту самую пропасть,

к которой её подтолкнул Томас Бейкер.

Ту пропасть, из которой не все сумели выбраться.

– Эй, ты бы хоть дверь закрывал, прежде чем устраивать стриптиз, — усмехнулся Пол, заставляя меня моментально переключить свои мысли. — А то ведь все эти милые женщины в коридоре совсем перестанут работать.

– Все эти милые женщины, как ты выразился, итак не работают, — своим привычно холодным тоном ответил я, доставая из пакета попку. — И мне не нравится, что ты поощряешь то, что я запрещаю.

– Да ты только выгляни в коридор, — еще шире улыбнулся Пол, — мне кажется, что работа в этом месте никогда ещё не кипела столь сильно.

– Она кипит лишь потому, что я пришел, — набросил на себя рубашку и без тени улыбки посмотрел на друга. — Но я не могу быть здесь постоянно, и ты знаешь, почему.

– Элейн, — кивнул Пол, — да, я знаю.

Справившись с пуговицами, начал застегивать запонки на рукавах.

– Тогда ты понимаешь, что подобная рабочая обстановка совершенно не годится для нашей компании.

Пол понимал, к чему я клоню, и это заставило его забеспокоиться.

– Позволь мне разобраться с этим. Я поговорю с ними и всё объясню. Уверен, что мне удастся исправить положение.

– Они работают в «Даймонд Констракшн» не первый

день, — возразил я. — И даже не первый месяц. Я дал им достаточно времени. А они потратили его зря.

— Но это ведь не выход, — он предпринял последнюю попытку отговорить меня, но и она провалилась.

Я молча посмотрел на друга, а затем открыл дверь и вышел в холл, моментально привлекая к себе всё внимание во круг. Остановился в центре одного из небольших коридорчиков, на которые было поделено пространство компании, своим предварительным молчанием заставляя всех встать.

— В моей компании все работают по одному единственному принципу, — громко начал говорить, делая небольшую паузу, — *«приходя сюда, ты должен отдавать все свои силы этому месту»*. Ты можешь забывать о еде, о семье и даже о себе. Но забывать о своей работе — не имеешь права. Обязанности, которые каждый исполняет в «Даймонд Констракшн» являются единственно важным с того самого момента, как вы переступаете порог здания и до того, как вы выходите из него. За его пределами начинается другая жизнь, в которой я не смею указывать вам, *когда* пить кофе и красить ногти, — он сделал упор на этих словах. — Но здесь, с 9:00 и до 18:00 каждый из вас делает только то, что говорю я.

Повисло напряженное молчание, во время которого почти все испуганно глядели в пол, пытаясь устоять на дрожащих ногах. Боясь произнести хотя бы одно слово.

И не зря.

— Простите, сэр, — виновато начала какая—то девушка,

— если бы вы сказали раньше...

— Я ваш начальник, а не ваша нянька, — повышенным тоном, холодно пояснил, снова заставляя всех вздрогнуть. — В мои обязанности не входит разъяснение обыкновенных правил, которые каждый из вас должен был уяснить ещё до того, как начал здесь работать.

— Извините, мистер Бейкер, — произнесла другая девушка, — мы больше не повторим этой ошибки.

— Не повторяйте, — согласился я, — потому что все вы с этого момента уволены.

На лицах всех сотрудниц «отдела» застыл мгновенный страх. Они услышали то, чего услышать так сильно боялись. Пол обреченно закрыл глаза, а Элис, которая все это время стояла рядом, опустила их вниз, боясь сделать хотя бы одно неосторожное движение.

Работники других отделов стояли в молчании, и даже Холли, которую я заметил в дверях, смотрела в абсолютном безмолвии. Все, что она хотела сказать, можно было прочесть на её лице. Да, они все считали, что я был не прав. Считали, что я поступил жестко. Но не пытались сказать ни слова против, потому что знали — здесь решаю я.

— Элис, — обратился к своей секретарше.

— Да, сэр.

— Позаботься о том, чтобы каждый получил то, что заработал. И найди мне новых сотрудников.

— Хорошо, мистер Бейкер.

Я молча направился в свой кабинет, а затем сел за свое рабочее место и начал просматривать накопившиеся за неделю бумаги.

— Что с контрактом? — спросил, не поднимая глаз.

— Подписали, — тихо и безразлично ответил Пол, засовывая руки в карманы. — Приступаем к проекту через неделю.

Интонация друга заставила на некоторое время отвлечься от работы, и я поднял на него глаза.

— Мое решение не обсуждается. Но если тебе что—то не нравится, ты можешь пойти следом за ними. Ты знаешь, что в этой компании я никогда и никого не держу.

— Мне ты тоже так скажешь?

Властный голос заставил обоих сосредоточить свои взгляды на появившейся в дверях фигуре. В классическом комбинезоне в широкую черно—белую полоску и с собранными в элегантный пучок золотистыми волосами, Холли Тревис с самой первой минуты всегда создавала образ сильной, деловой и авторитетной женщины, владеющей не только огромным состоянием, но и вниманием всех мужчин этого города. Почти всех.

— Где ты была? — спросил, игнорируя её игривое замечание и снова сосредотачиваясь на документах.

— Встречалась с отцом, — она села на кожаный диван у стены, а затем посмотрела на Пола, который, все поняв по её взгляду, кивнул и вышел за дверь. — Он сказал, что ты не отвечаешь на его звонки, — продолжила она, переводя на

меня взгляд. — Сначала я думала, что ты просто не хочешь говорить с ним из—за того, что недавно между вами произошло, но когда сама не смогла дозвониться тебе сегодня утром, поняла, что что—то случилось с твоим телефоном.

— Разбил, — напряженно и все так же холодно сказал, закрывая папку.

— Купи новый. Или попроси об этом, в конце концов, свою секретаршу. Её обязанности мне вовсе не понятны, но так она хотя бы сделает для тебя что—то полезное.

— Холли, — резко поднял на неё свои глаза, — кому мне давать работу, а кому нет — это только мое дело. Я уже сказал Полу, и повторю тебе — если кому—то что—то здесь не нравится, то двери для него всегда открыты.

Ей определенно не понравились мои слова. Вряд ли она даже допускала, что когда—либо вообще их услышит. Но мой характер она знала так же хорошо, как и Пол, поэтому предпочла сделать вид, что просто не обратила на них внимания.

— Даяна знает людей, которые могут помочь с оформлением «коктейля», — вернулся её привычный деловой тон. — Я уже сказала, чтобы она отобрала только самых лучших дизайнеров. За всей организацией я прослежу лично. Но осталось найти хороших официантов, которые смогли бы подать приличные закуски. Возможно, я могла бы позвонить Луизе...

— Не стоит, — перебил её я, — я уже обо всем позаботил-

ся.

— Позаботился? — не поняла Холли. — Как?

Открыл было рот, но раздавшийся звонок телефона, вынудил с этим повременить.

— Да, Элис.

— Мистер Бейкер, к вам пришли.

— Кто?

— Человек от Гарри Филлипса.

— Хорошо, пусть войдет, — перевел свои глаза на Холли, — когда ты понадобишься мне, я сообщу.

Она немного замялась, пытаясь не выдать свою обескураженность моими словами, а затем нехотя, но вполне достойно поднялась с дивана, при этом, не забыв улыбнуться.

— Я буду у себя.

Спустя некоторое время я услышал чье—то негромкое «простите» и отчетливое ворчание Холли о том, что таким неуклюжим людям нужно и вовсе забыть сюда дорогу.

Если бы она встретила обыкновенного человека, не вращающегося в светских кругах, как—то иначе, я был бы слишком удивлен переменой в её характере.

— Мистер Бейкер?

Тихий голос, отчего—то показавшийся мне знакомым, заставил оторваться от документов и поднять голову. Там меня встретила пара глубоких синих глаз, в которых горело точно такое же изумление, как и в моих.

— Ты? — приподнялся со стула, все ещё слабо веря в про-

исходящее.

— Вы? — ошеломленно произнесла она, сильнее прижимая к себе папки.

— Ты что, следила за мной? — выпалил первое, что пришло в голову и нарушая глупое молчание.

— Что? Я...

— Послушай, у меня полно дел, — перебил её, понемногу приходя в себя. — И нет времени снова выслушивать, как ты благодарна мне за спасение.

— Но...

— ... и у меня нет совершенно никакого желания знать причины твоего сумасшедшего поступка. — она вновь попыталась открыть рот, но я остановил её движением руки. — Я не хочу ничего слышать, ясно? Просто уходи. У меня важная встреча.

Понадеявшись, что объяснил все более, чем доходчиво, я вновь склонился над папками на своем столе, привыкший, что если я изредка что—то и говорю не своим привычным деспотичным тоном, то, по крайней мере, не приходится повторять дважды.

— Вы всегда не даете людям и слова вставить?

Замер, услышав её вопрос, а затем снова медленно поднял глаза, встречая её хмурый взгляд. Мог бы поклясться, что если бы её руки не были заняты горой папок, то она непременно бы вызываяще их скрестила.

— Прости?

— Прощаю, — сказала она, огорошив своим ответом. — У меня не было совершенно никакого желания следить за Вами. А то, что я хотела извиниться, ещё не делает из меня неуравновешенную психопатку, какой Вы меня, по—видимому, считаете.

— Но у меня же нет оснований так думать, — с холодной иронией согласился я, — ведь только в здравом уме люди кидаются под машины.

— Я не кидалась под машину!

— Стояла на проезжей части, закрыв глаза! — повысил тон и поднялся с места. — Большая разница, верно? Ты уйдешь сама или мне позвать охрану?

— Вы всегда такой грубый?

— А ты всегда такая надоедливая?

Она молча изучала меня, внимательно вглядываясь в каждую жилку на лице, будто бы изо всех сил пыталась что—то понять. Я отвернулся, не желая, чтобы кто—то вторгнулся в его личное пространство. Я ненавидел, когда кто—то начал строить из себя чертового провидца... а особенно бесило, когда это делала та, от которой никак не удавалось отделаться.

Хотел велеть ей убираться вон из кабинета, как неожиданно вспомнил звонок Элис и слова Гарри. Я совершенно иначе посмотрел на папки в её руках и вдруг осознал то, что все это время мешала понять пелена ярости и недовольства: *это всё была она*. Та девушка, которую я спас. Та девушка,

которая не выходила из моих мыслей. Та девушка, которая должна была работать со мной. И та девушка, которая сейчас стояла здесь.

Это всё была она.

Что за игры вела Судьба?

Что пыталась доказать?

— Хорошо, — внезапно произнесла она, выдергивая меня из размышлений и делая несколько шагов к нему навстречу, — давайте попробуем начать все сначала, идет? — она взгромодила тяжелые папки на стол, а затем поправила одежду и вытянула одну руку вперед. — Меня зовут Эбигейл Дэвис, и я очень рада с вами познакомиться.

Смотрел на протянутую ладонь и не верил в то, что в этот самый момент это происходило именно со мной. И что это было самой настоящей реальностью. По всей видимости, кто—то очень великий решил позабавиться, поиграв в рулетку и подослав ко мне самую настоящую «беду в юбке».

Да ещё и такую безумную.

Сделал несколько шагов вперед, при этом, не сводя с Эбигейл взгляда. Видел, как её рука медленно опускается вниз, а в глазах пропадает ещё недавно светившееся там озорство. Встал к ней практически вплотную, опустил свой голос до хриплого, но твердого шепота.

— Принимаешь меня за идиота? — она завертела головой, инстинктивно упираясь руками в стол. — Тогда какого черта играешь со мной в эти игры? — её молчание заставило меня

наклониться и накрыть своими руками её слегка дрожащие ладони. — Я не добрый человек, Эбигейл, — еле слышно продолжал говорить. — Я не стану радоваться нашему знакомству. И то, что я еще не выгнал тебя, совсем не означает, что ты сама не захочешь уйти. Поэтому я объясню тебе очень простые правила, но сделаю это только один раз.

В глазах Эбби мелькало смятение, но она не шевелилась, внимая каждое слово.

— Я не люблю излишнее проявление эмоций и терпеть не могу, когда люди берут на себя больше, чем положено им по статусу. Если тебя прислали сюда выполнять работу, то будь добра, выполняй её молча и так, чтобы не находиться ко мне ближе, чем на милю. Я не желаю слышать твоих глупых вопросов. И у меня нет совершенно никакого интереса к твоей жизни. Да, я не позволил тебе оказаться под колесами той чертовой машины, но на этом всё. Я не хочу знать причин твоего поступка. Не хочу вообще ни о чем знать. Это другой мир, мисс Дэвис. Не тот, в котором Вы привыкли жить. Если здесь совершают промах, то больше уже никогда не стреляют снова. Здесь не прощают ошибок. И я не уверен, что такая экспансивная и наивная особа, как Вы, справится с трудностями реального, жестокого мира.

Эбигейл смотрела на меня так, словно боялась сделать хотя бы одно неосторожное движение. Я надеялся, что мои слова раз и навсегда поставят эту девочку на место, что она все поймет и примет единственно верное решение, а именно —

уйти. Я не просто думал, я был уверен, что именно так всё и будет, ведь никто и никогда не показывал иной реакции.

Осторожное, но уверенное движение её рук, заставило меня машинально убрать свои ладони от её. Я слегка растерялся, но с места так и не сдвинулся, в отличие от Эбби, которая тут же выпрямилась.

— Это уже не Ваша забота, мистер Бейкер, — её глаза загорелись такой жизненной силой, что я даже невольно замер, — тем более, что я не собираюсь совершать ошибку.

Помедлил, пытаясь увидеть истинный ответ в её глазах.

— А если ты все же оступишься? — еле слышно спросил, не сводя с неё взгляда. — Что тогда?

— Тогда я поднимусь.

— Это будет нелегко, — продолжал я.

— Я справлюсь.

— Ты так уверена в себе?

— Нет, — тихо ответила Эбигейл. — Просто я буду не одна.

Замолчал, а затем резко отстранился от неё и отошел к другому концу стола, услышав, как Эбби поймала ртом воздух.

— Почему ты так стремишься получить эту работу? — холодным и резким тоном спросил, вставая лицом к окну и засовывая руки в карманы брюк.

— Потому что обещала Гарри. А я не привыкла нарушать свои обещания.

– Хорошо. Прием состоится в пятницу вечером. У тебя есть три дня на то, чтобы все подготовить.

Услышал, как она улыбнулась.

– Хотели бы Вы посмотреть возможные варианты меню или...

– Нет, — перебил её. — Ты сделаешь все сама, без предварительного согласования со мной. — развернулся, полностью взяв под контроль свои эмоции. — Если ты думала, что мои слова были проверкой твоей стойкости, то ты ошиблась. Проверка начинается теперь.

– Я не совсем понимаю...

– Элис, — нажал кнопку своего телефона, — пригласи ко мне Холли. Это насчет приема.

– Да, сэр, — тут же ответила она.

Буквально через несколько минут дверь в кабинет отворилась и на пороге появилась роскошная блондинка, улыбка которой пропала, как только она заметила стоявшую около стола Эбигейл.

– А она что тут делает?

– Холли, — не обращая внимания на её язвительное замечание, начал я, — позволь представить тебе Эбигейл Дэвис — она займется полной организацией вечера. От фуршета и до декораций.

– Что? — в один голос ошарашено спросили они, и я заметил в глазах девчонки самый настоящий страх.

– Эта?! — возмутилась Холли. — Но она же безвкусная

и... простая, — презрительно добавила, оглядев Эбигейл с ног до головы. — Только представь, что за вечер она тебе устроит!

— Я так решил, — категорично заявил, — и это не обсуждается.

— Но мистер Бейкер... я же не дизайнер, — попыталась объяснить Эбигейл, — у меня нет организаторских способностей, и я совершенно не...

— Ты хотела эту работу, не так ли, — властно перебил её. — Ты её получила. Или не ты говорила мне о том, что тебе по силам любые трудности.

— Да, но...

— Прекрасно, — закончил за неё. — Холли расскажет тебе, что за тематику мы хотим видеть на приеме. Если у тебя появятся вопросы, не связанные с выполнением твоих прямых обязанностей, ты знаешь, к кому тебе обратиться.

— Мистер Бейкер...

— Это всё, — резко ответил, пресекая любые её попытки снова завести разговор. — Вы можете начинать работать, мисс Дэвис. Время ждать не будет.

Отвернулся к стеллажу, делая вид, что изучаю важные документы.

Когда дверь в кабинет захлопнулась, прикрыл глаза и облокотился руками о дерево.

Я должен был покончить с этим безумием прямо сейчас. Иначе мне не удастся вернуть себе полный контроль над соб-

ственными же эмоциями.

Она злила меня. Черт возьми, так сильно злила!

И я не понимал, что являлось тому причиной.

Не понимал, почему так реагировал на одно лишь присутствие этой женщины, но твердо знал, что принял верное решение. Так она будет держаться как можно дальше, а когда все закончится, они больше никогда не встретятся.

Да, я мог просто выгнать её. Мог попросить Гарри при-
слать кого—то другого или и вовсе поручить это Холли. Но не смог. Не смог потому, что слишком сильно хотел раз и навсегда проучить Эбигейл. Поставить её на место. Ведь справиться с такой работой будет ей просто не по силам.

Она поймет, что я был прав. А я лишний раз удостоверюсь в том, что никогда не ошибаюсь. Ошибки выводят из равновесия, именно поэтому я не мог себе их позволить.

В конце концов, мне нужно было продержаться всего три дня.

Три дня, и я снова вернусь к своей прежней жизни.

Да. Именно так и будет.

И я готов был поклясться, что ничто не сможет изменить решения, которое я принял.

Даже сама Судьба.

5. Эбигейл

Я вышла из кабинета в состоянии, описать которое обыкновенными словами просто не могла. Я была не просто рас-теряна, а ошеломлена и напугана. Я совсем не ожидала, что человек, который спас меня этим утром на дороге окажется клиентом «J9». Тем самым клиентом, работа с которым была для меня так важна. А я просто взяла и выставила себя перед ним полной дурой... дважды.

Да что на меня вдруг нашло? Почему я повела себя столь безрассудно?

Да, я бесспорно была импульсивна и обладала действительно взрывным, хоть и мягким характером, но не могла вспомнить, когда ещё вела бы себя *настолько* глупо.

Искоса взглянула на дверь кабинета, пытаясь представить себе человека, находящегося внутри этой комнаты. *Этот мужчина...* что—то в нем вынудило меня лишиться здравого смысла. Неожиданно я поймала себя на мысли, что в то самое мгновение не владела не только своими мыслями, но и собственным телом.

— Он прав, Эбби, — прошептала самой себе. — Ты действительно психопатка.

— Ты что—то сказала?

Резко развернулась на властный голос, увидев недоволь-

ное выражение лица своей «наставницы».

– Я...

– Не важно, — безразлично, но несколько напряженно отмахнулась Холли, — меня это не интересует. Избавь меня от мучения слушать твои глупые высказывания.

Подумать только, насколько похожи они были с этим гордецом. Может быть, они были женаты? Хотя нет, вряд ли. Я не заметила у него кольца, да и на её пальце бриллиант не сверкал. Тогда, возможно, они встречаются? Ну да, точно, не зря же говорят: муж и жена — одна сатана.

– Постарайся сделать усилие и запомнить то, что я сейчас скажу, — презрительный тон заставил меня поднять голову.

– Конечно, я...

– Прием будет официальным, — громким голосом перебила меня Холли, резко развернувшись и зашагав прочь. Я быстро пришла в себя и сорвалась с места, пытаясь на бегу достать из сумки блокнот и ручку. — Приглашены очень важные персоны. Настолько важные, что всё на вечере, начиная от декораций и заканчивая фуршетом, должно быть безупречным. Идеальным, правильным, безукоризненным... запоминай слово, которое больше нравится. Гостей будет тридцать, помимо меня, Дарена, его сестры и Пола. Еда должна быть легкой, но в то же время изысканной и сытной.

Я кивала, записывая каждую деталь.

– Среди приглашенных будут вегетарианцы, поэтому в меню не должно быть блюд лишь из мяса, рыбы и морепродук-

тов. Что касается напитков, надеюсь, ты знаешь, что предпочитают люди высшего класса, — на этих словах Холли развернулась, и так резко, что я едва успела затормозить.

— Простите, — прошептала, когда блондинка раздраженно закатила глаза.

— Дарен дал тебе шанс, — возбужденно напомнила она, — по какой причине, я не знаю. Возможно, разглядел в тебе какие—то *способности*. Но в любом случае, он — не я. Если ты допустишь хотя бы малейшую, даже самую незначительную оплошность, я не просто с позором уволю тебя, я сделаю так, что больше никто и никогда не доверит тебе не то, что организацию вечера, но даже обыкновенное мытье полов. — её ледяные глаза сверлили насквозь. — Надеюсь, ты понимаешь, что в твоих же интересах сделать все по эталону.

— Все будет сделано, как положено, — не без дрожи в голосе, но как можно более уверенно произнесла я. — Вам не стоит беспокоиться.

Неожиданно Холли улыбнулась.

— Верно, беспокоиться стоит лишь тебе. Ведь ты даже не представляешь, что такой человек, как Дарен Бейкер делает с теми, кто совершает ошибки.

— Мне известен излишне взрывной темперамент мистера Бейкера, но я не думаю, что...

— Взрывной темперамент... — усмехнувшись, повторила Холли, заставив девушку замолчать. — Скажи, Эбигейл, ты веришь в сверхъестественное? В его существование в древ-

ности и в реальном мире? В наше время.

Вопрос несколько обескуражил, но я ответила так, как думала.

— Да, верю.

— Тогда запомни этот день, — со всей серьезностью и как можно тише произнесла Холли, — потому что сегодня ты встретила самого Дьявола. Воплоти.

С этими словами она развернулась и направилась к своему кабинету, оставив меня растерянно смотреть ей вслед.

— Ты серьезно?! — Неожиданно закричала Нэл, вынуждая меня шикнуть.

— Ты можешь удивляться чуточку тише, мы же в общественном месте, — попросила её, оглядываясь на людей вокруг.

— Тише?? — она почти подпрыгнула на стуле. — Эбс, ты только что пересказала мне сюжет офигенного фильма, не меньше! А учитывая, что все это не фильм, а твоя жизнь, то я имею право радоваться так громко, как захочу!

— А вот мне совсем не радостно, — прошептала, помещивая ложкой кофе, — я выставила себя полной дурой вчера утром, причем дважды, а когда пришла в офис, он подумал, что я следила за ним. Затем я снова выставила себя полной дурой, когда простила его, ответив сарказмом на его сарказм, — выдохнула, взглянув на подругу. — Итог: я была дурой целых три раза за несколько часов. Не удивлюсь, если

он посчитает меня безумной неврастеничкой.

— Ты вовсе не безумная неврастеничка, — поддержала меня подруга.

— Ты говоришь так, потому что знаешь меня. А всё, что *он* знает обо мне, это то, что я совершенно невоспитанная и крайне неуравновешенная.

— Ему просто нужно время, чтобы узнать тебя получше, — уже спокойнее заключила Нелли, отпивая из своей чашки латте. — Первое впечатление очень часто бывает ошибочным.

— А я слышала, что первое впечатление всегда самое правильное. Поэтому, если он посчитал меня психованной, то, возможно, не так уж сильно и ошибается.

— Ну а ты? — нетерпеливо спросила Нэл, наклоняясь ближе.

— Что я? — переспросила, собираясь отпить из чашки.

— Что ты подумала, когда впервые его увидела? — она мечтательно подперла руками подбородок.

— Подумала: *как же хорошо, что он весит не под двести.*

— Ты неискривима, — завертела головой Нелли, и я усмехнулась, — но признайся, он же красавчик, правда? Весь такой властный, сексуальный и горячий, я права?

— Обычный, — ответила, а когда заметила недовольный взгляд подруги, добавила, — я не разглядывала его, Нэл, мне было совершенно не до этого, учитывая, что я испытала настоящий шок. Причем дважды. — затем задумалась. — Нет,

даже трижды.

Но Нэл такой ответ не устроил.

— Хочешь сказать, что мужчина, который один раз уложил тебя на лопатки, а второй — припер к стене, не вызвал у тебя совершенно никакого интереса? — тараторила она. — И что между вами не проскочило никакой искры?

— Он пытался не дать мне умереть, — объяснила, отставляя чашку, — в подобной ситуации между людьми не проскакивает искра. Тем более, после того, что устроила ему в офисе, не думаю, что он сможет хотя бы смотреть на меня без раздражения.

— Тебе вообще вредно думать, — нахмурилась Нэл. — У тебя это паршиво выходит.

— Спасибо, — усмехнулась, — я ценю твою поддержку.

— Послушай, — неожиданно серьезно заговорила она, — я понимаю, что ты переживаешь, потому что он подумал о тебе хуже, чем ты этого заслуживаешь. Наверное, любой человек, имеющий твой поистине ангельский характер, беспокоился бы по этому поводу и искал бы в себе какие—то изъяны. Но, милая, у тебя их нет. То, что один раз за всю свою жизнь ты поступила не совсем разумно, еще не говорит о том, что ты дура и неврастеничка.

— Да, но он...

— ... тоже вскоре это поймет, — перебила она. — А если нет, то, что с того? Он же тебе даже не нравится верно? Так почему тебя волнует, как он будет к тебе относиться?

Я только открыла рот для того, чтобы сказать, что меня это абсолютно не волнует, как у Нэл в сумочке завибрировал мобильный. Она откинула крышку, и всего через несколько секунд радостное выражение на ее лице сменилось знакомым напряжением.

— Это Эдвард. Мне пора, — прошептала, закрывая мобильник и вставая из—за стола, — если не накормлю его завтраком перед работой, устроит мне выволочку, — она устало улыбнулась, а затем, попрощавшись, вышла из кафе.

Всё время, что мы говорили, я пыталась доказать ей, что Дарен Бейкер совсем мне не понравился. И что я не думала о нашей встрече каждую дурацкую минуту.

По сути, так оно и было. Главное ведь убедить в этом себя саму, так?

Я допила свой латте, а затем расплатилась по счету и вышла на улицу.

Времени в запасе было ещё полно, поэтому я решила пройти через парк.

На время работы в «Даймонд Констракшн», Гарри полностью освободил меня от работы в баре, поэтому я снова могла высыпаться ночами, проводить вечера в кругу семьи и просто ощущать себя обычным человеком.

Осталось лишь побороть бессонницу.

И заново выстроить режим, который через несколько дней — когда всё закончится — опять придётся перекраивать.

Прикрыла глаза и сделала глубокий вдох, выпуская в легкие

свежий воздух.

Сегодня был очень тяжелый и ответственный день.

Нужно было продумать каждую мелочь, взвесить все «за» и «против» и составить окончательный план организации приема. И это учитывая тот не малозначимый факт, что опыта в подготовке подобных мероприятий у меня совсем не было.

Уже подходя к зданию, решила, что первым делом попрошу у Элис компьютер. Нужно почитать, как вообще принято готовить подобные вечера. Эта невысокая рыжеволосая девушка казалась очень милой и отзывчивой. А мне сейчас как никогда нужна была чья—то помощь.

Подышала, собралась с духом и распахнула дверь.

Несколько десятков телефонных звонков. Несмолкаемый давящий гул из голосов.

Наверное, впервые в жизни я стала свидетелем *такой* работы. Она не просто кипела, она бушевала и бурлила, сочась буквально из каждого видимого и даже скрытого от глаз уголка. Описать то, что происходило в офисе словами было очень сложно, а представить все это в своей голове и того труднее — *если такое вообще было возможно представить*.

Заметив знакомую фигуру в другом конце коридора, поспешила к ней, осторожно обходя несущихся напролом людей, которые буквально все сносили на своем пути.

— Эй, — отскочила от мужчины, который бежал на неё словно разъяренный бык. — Что здесь происходит? — спро-

сила, все еще настороженно глядя ему вслед.

— Напоминает сумасшедший дом, верно? — усмехнулась Элис. — Ты привыкнешь.

Я растерянно хлопнула глазами.

— Хочешь сказать, у вас тут такое каждый день?

— Только когда у босса плохое настроение или он неожиданно решает уволить целый отдел, — она издала нервный смешок, а затем подняла глаза. — Да, каждый день.

— Весь отдел? Ты серьезно?

Она кивнула.

— Поручил срочно найти всем замену, — затем указала на стопку анкет у себя на столе. — Мне нужно было предоставить мистеру Бейкеру пятерых кандидатов до сегодняшнего утра, а я все это время только и делала, что успокаивала бедных женщин и следила за тем, чтобы все было подписано и уплачено.

— Может быть тебе нужна помощь? — вызвалась я, хотя понятия не имела, чем вообще могла помочь.

— Я была бы рада, — выдохнула та, — но ты не знаешь, какие требования босс предъявляет к своим сотрудникам, и это лишь замедлит работу.

— Верно, — расстроено кивнула я, — жаль, что от меня так мало толку.

— Не переживай, — улыбаясь, завертела головой Элис, — я занимаюсь этим практически еженедельно, поэтому должна успеть до того, как раздастся «грозный крик».

– Мистер Бейкер так часто увольняет своих работников? Но почему?

– Ты ведь уже успела узнать его характер, верно? — тихо спросила она. — И должна понимать, какое наказание следует за малейший проступок, способный затормозить или остановить работу компании.

– Но ведь все эти люди работают на него, — я оглядела толпу, напоминающую рабочих муравьев, трудившихся на благо своей королевы. — Неужели еще никто не уходил отсюда по доброй воле?

– Я знаю, тебе будет трудно поверить в то, что я сейчас скажу, — начала Элис, — я и сама ни за что не поверила бы, если бы лично это не испытала. Но это место словно бермудский треугольник: тот, кто однажды попадает в его стены, уже не возвращается обратно. Не по собственному желанию.

– Не могу представить, — тихо ответила я, — но звучит жутковато.

– Ты тоже почувствуешь это, — уголки губ Элис слегка приподнялись. — Это место крадет сердце каждого, кто сюда приходит, как и его хозяин.

Я только собиралась сказать, что ко мне это уж точно не относится, как неожиданный удар двери о стену заставил вздрогнуть и резко развернуться.

Девушка рядом подскочила со своего места, а во всем офисе мгновенно образовалась просто идеальная тишина. Мне даже показалось, что всей этой суеты не было и в по-

мине.

— Ну вот, — услышала она взволнованный шепот, — вулкан проснулся.

Я подняла глаза и увидела причину столь разительной перемены.

Всего в нескольких шагах, излучая мощнейшую бурю эмоций, стоял мужчина, еще недавно спасший мне жизнь. Он был абсолютно спокоен, но его глаза метали молнии.

Кажется, сейчас будет самое настоящее извержение.

— Что для вас работа здесь: развлечение или серьезное дело? — громко спросил он. Сотрудники стояли, заведя дрожащие руки за спину и виновато опустив глаза вниз. — Мой стол прогибается под бесчисленным количеством анкет, но я нанимаю лишь тех, кто, по моему мнению, способен принести компании пользу, и в числе этих людей, по воле случая, оказались все вы. Вы, как лучшие. Как избранные. Так почему, сидя у себя в кабинете и занимаясь важными делами, я вынужден слушать этот непрекращающийся гул, которому не должно быть места в моем офисе? Почему я вынужден прерываться и тратить свое время, напоминая вам всем о том, что для успешной и продуктивной работы от своих сотрудников мне нужны лишь две вещи: тишина и исполнительность? Каждому из вас прекрасно известно, что договор с «Даймонд Констракшн» не является пожизненным, и вы вправе разорвать его, когда пожелаете. Но пока вы здесь и являетесь работниками этого офиса, я хочу, чтобы соблюдение

правил этой компании было для вас превыше всего остального. Превыше сна, еды и даже вашей семьи. В противном случае я не вижу смысла держать здесь любого из вас.

Дарен замолчал, позволяя всем этим людям обдумать то, что он только что сказал, а затем, когда времени для этого уже было отдано достаточно, резко развернулся.

Я замерла, когда его взгляд остановился прямо на мне. Он смотрел так, словно видел меня впервые или пытался вспомнить, кто я такая. Возможно, он и правда успел забыть, ведь вряд ли такой человек, как Дарен Бейкер станет держать в своей голове кого—то вроде меня. *Но все же...*

— Элис, — громко сказал он, заставляя нас обеих вздрогнуть, — скажи Полу и Холли, чтобы зашли.

— Да, сэр, — она потянулась к телефонной трубке, а Дарен, еще на мгновение задержав на мне свой взгляд, быстрым шагом пересек порог своего кабинета и закрыл за собой дверь.

Я ещё долго размышляла над тем, что сказала Элис, сидя за небольшим столиком в маленькой комнатке, скорее похожей на чулан, и поедая карандаш — *вредная привычка, но что поделать.*

«*Это место крадет сердце каждого, кто сюда приходит, как и его хозяин*», — эти слова застряли в голове и ни на минуту не выходили из мыслей. Я не понимала, как человек настолько властолюбивый и жестоко сердечный может вот так просто завоевывать любовь и уважение абсолютно всех, кто работает на него.

Разве такое вообще возможно?

Разве, когда кто—то обращается с тобой, как с вещью, которую можно просто взять и выкинуть, ты хочешь остаться рядом с ним?

Разве, когда этот же человек запугивает тебя настолько, что ты забываешь есть, пить, спать, да и просто жить, у тебя не появляется совершенно никакого желания уйти?

Как эти бедняги находят в себе силы и главное — желание работать в подчинении *такого* человека?

Я выдохнула и покачала головой. *Нет, я абсолютно точно этого не понимала.*

Заставив мысли об этом деспоте наконец отойти на задний план, я сосредоточилась на разработке плана. Сама выбрала этот «кабинет», заверив Элис, что работать в тихом и полутемном месте мне будет намного комфортнее, чем сидеть в светлом зале перед Его кабинетом и без конца напрягаться от одной лишь мысли о том, что Он вот—вот снова взорвется.

Спустя несколько часов работы, разработок различных вариантов декора и оформления «коктейля», я решила, что для начала этого будет достаточно. Мне нужно было показать наработки той вычурной блондинке, которая не вызвала у меня совершенно никакой симпатии, и если та одобрит, — *на что я очень сильно рассчитывала*, — заканчивать, как говорится с теорией и переходить к практике.

Пока что я смутно представляла себе, как именно управ-

люсь со всем сама, потому что для такого объема работы нужно как минимум человек пять помощников, а затем еще несколько официантов для самого приема, которые смогли бы помочь в разносе угощений и шампанского. Насчет второго я не сильно переживала, а вот над первым еще предстояло подумать.

— Элис, ты не видела мисс Тревис? — спросила, подходя к её столу. — А то у неё свет в кабинете не горит.

— Она уехала по поручению мистера Бейкера. Телефон отключила, — подняла глаза Элис. — А что, у тебя к ней какой—то вопрос?

— Я сделала наработки, — ответила, указывая на папку в своих руках, — хотела показать их, чтобы понять, что оставить, а что убрать.

— Боюсь, что сегодня у тебя не получится посвятить кого—либо в свои идеи, — её голос наполнился искренним сочувствием, — сомневаюсь, что мисс Тревис успеет вернуться до конца дня. А мистер Бейкер и мистер Макэвой уехали на деловую встречу.

— Нет—нет—нет, как же так? Я должна закончить план до сегодняшнего вечера, ведь еще столько всего необходимо сделать, а времени остается все меньше. Без одобрения кого—либо из руководства я просто не смогу продолжать работу...

— Эбби...

— ...нужно ведь еще найти помощников и заказать все

необходимое...

– Эбигейл...

– ... я не справлюсь, не успею, и меня уволят...

– Послушай...

– ... Боже, я разочарую Гарри....

– Да послушай же ты! — крикнула Элис, вынудив меня подпрыгнуть. — Прекрати паниковать, ладно? Успокойся и сядь, — она подвела её к стулу. — С чего ты взяла, что не справишься?

– Но ведь если никто не посмотрит предварительный план... я же совсем не умею... а если я допустила серьезную ошибку? Если сделала что—то не так? Боже, все пропало, — застонала, закрывая лицо ладонями.

– И ничего не пропало.

– Правда? — оживилась, поднимая взгляд вверх. — Ты можешь связаться с мисс Тревис?

– Нет, но даже если бы я и связалась с ней, то сомневаюсь, что она приехала бы сюда, чтобы посмотреть на твой план.

– Ты права, — поникла я. — И теперь все действительно пропало.

– Нет, — завертела головой Элис, опускаясь рядом на корточки, — ведь ты не позволишь этому случиться, верно? — заметив напротив себя недоуменный взгляд, она разъяснила: — возьми всё в свои руки. Доверься фантазии. Пусть твои идеи будут исходить из самой глубины сердца. Ведь что бы ты не сделала, главное, что это будет искренне.

– Ты правда считаешь, что у меня получится?

– Уверена в этом. Я знаю тебя не так давно, но за это короткое время поняла, что у тебя есть то, что не позволит тебе так легко сдаться.

– Что?

– Характер, — с полуулыбкой ответила Элис. — Твое упорство, Эбби. Ты единственная, кто, зная нрав мистера Бейкера, осмеливается что—то ему возразить. Ты не боишься быть честной и открытой. А свет, который исходит от тебя, невозможно не замечать.

– Откуда ты знаешь, что я возражала ему? — удивленно спросила я. — Ведь о том, что случилось за теми дверями никто не... — заметила ее улыбку, а затем понимающе кивнула. — Оо... кажется, и здесь любят подслушивать, я права?

– Просто он так кричал, — виновато потупила взгляд Элис, — я хотела убедиться, что всё в порядке. Надеюсь, ты не злишься на меня?

– Нет, конечно. Не понимаю только, почему он не выгнал меня. Если никто здесь не может сказать и слова против, если уволить человека совсем ничего ему не стоит... почему он стерпел то, как я повела себя с ним?

– Не знаю, — честно ответила она. — Но одно могу сказать наверняка: у всего, что делает Дарен Бейкер, всегда есть причина. И ты узнаешь о ней. Это лишь вопрос времени.

6. Дарен

У всего, я делаю, всегда есть причина.

Любое решение, принимаемое мной как начальником, братом, другом или партнером, рождается в моей голове не просто так, а лишь после тщательно составленного плана. Так было всегда.

Точнее, до вчерашнего дня.

Я сам не знал, какого черта натворил, когда предоставил этой девчонке возможность работать на меня, да еще и самолично доверил организацию приема, имеющего такое большое значение.

Почему я просто не уволил её? Почему стерпел то, как она разговаривала? Ведь никому и никогда не позволял относиться к себе подобным образом.

Так почему же эта сумасбродная упрямецка стала исключением?

С самого утра, как только Эбигейл переступила порог офиса, я больше уже не смог сосредоточиться на работе. Стоило услышать её голос в приемной, как у меня мгновенно сорвало крышу. И всё, чего мне теперь хотелось — *увидеть её*.

Это неконтролируемое желание завладело мной так сильно, что пальцы сами непроизвольно сжимались в кулаки, заставляя до боли стискивать зубы. Никогда еще я не испыты-

вал ничего подобного, и то чувство слабости, которое ощущал по её вине не просто приводило в ярость, а попросту сводило с ума.

Меня совершенно не раздражал еле слышный из кабинета гул, но когда я понял, что больше просто не в состоянии сдерживать поток внезапно нахлынувших чувств, воспользовался им как предлогом, чтобы выйти наружу и мельком посмотреть ей в глаза.

Мне не пришлось притворяться разъяренным, ведь злость внутри действительно кипела, и потому контролировать свои эмоции становилось всё труднее. Особенно после того, как я увидел её. Стало ли мне легче? Нет. Дьявольское влечение лишь усилилось.

Недолго думая, я отправил Холли на место будущего строительства, зная, что она проведет там почти весь день, а затем сказал Элис, что мы с Полом едем на важную встречу.

Он ни о чем не спрашивал. Просто кивал, будто понимал причину моего «побега», ведь именно этим я и занимался.

Бежал.

Спустя несколько часов я уже мчался по степи, чувствуя, как все мысли уносятся прочь. Как я становлюсь совершенно иным человеком. Пусть и всего на мгновение.

С нужной силой ударил бок лошади стремянем, а затем дернул поводья и погнал еще быстрее. Это ощущение свободы, которое я испытывал, каждый раз забираясь в седло, невозможно было описать словами.

Ведь разве можно было заставить человека прочувствовать это, если его пальцы никогда ранее не сжимали кожаный ремень?

Если он никогда не сидел в седле, не падал на землю и не гнал свою лошадь галопом?

Это было бы совсем как пытаться объяснить атеисту, что Бог существует — он никогда не поймет того, чего ни разу в жизни не испытывал.

Слегка откинувшись назад и натянув поводья, стал замедлять ход, заставляя лошадь из галопа перейти к движению рысью. Вороной мустанг тряхнул головой, но послушно зашагал вперед.

Окончательно остановившись, спрыгнул вниз, не забывая благодарно коснуться ладонью его гладкой шеи. Довольно фыркнув в ответ, скакун слегка лягнул землю ногой и медленно склонил свою голову вниз.

Прижался лбом к прохладной бархатистой щеке и прикрыл глаза, осторожно поглаживая холку⁵. На короткое мгновение позволил себе почувствовать что—то, существование чего категорически отрицал за пределами этого места.

Привязанность. Близость. Преданность.

Присутствие всего этого в моей жизни всегда было, есть и будет недопустимым, непозволительным и запретным.

Конь фыркнул и топнул ногой, заставляя встретиться с ним взглядом — понимающим, осмысленным, человеческим.

⁵ Холка – место на позвоночнике лошади между её лопатками.

Он смотрел так, словно проникал в самую глубину, знал все мои мысли, страхи и желания. Иногда мне казалось, что этот жеребец видел во мне совершенно другого человека. Не того, кем меня видели окружающие. Не того, каковым мне хотелось, чтобы меня видели. А того, кем я был много лет назад.

Того, кого изо всех сил старался в себе уничтожить.

— Ты тоже не сможешь этого изменить, — прошептал, сжимая своими пальцами поводья, — я именно такой, каким меня все видят и другим уже никогда не буду.

Конь снова фыркнул, при этом протестуяще тряхнув головой.

— Иногда наши желания не совпадают с реальностью жизни, Ахига, — прошептал, заглядывая в темные проникновенные глаза. — Иногда все, что ты можешь сделать — просто принять.

Осторожно провел ладонью по его шее, чувствуя, как мустанг успокаивается от моих прикосновений.

— Он всегда относился к тебе не так, как к остальным, — знакомый голос заставил уголки губ дернуться. — С того самого дня, как ты помог ему появиться на свет, ты стал для него Наги Танка⁶, которого он почитает. — Кваху встал рядом, коснувшись скул Ахига. — Глаза говорят вещи, которые не может сказать язык. И я вижу в его глазах преданность, силу которой не каждый человек сможет объять.

— Там, где я родился, люди никогда не смогут называться

⁶ Наги Танка – на языке индейцев Сиу означает «Великий дух».

Лакота Ойате⁷.

— Когда человек удаляется от природы, его сердце превращается в камень, — после небольшой паузы сказал Кваху, продолжая гладить Ахига. — Вы живете в мире, где властвуют Гордыня, Зависть и Гнев. И вы сами создали такой мир. Вы станете Лакота Ойате, когда будете готовы измениться, — его взгляд переместился на меня, — когда будете нуждаться в ином мире.

— Этого никогда не произойдет, — покачал головой я. — Корни человеческого порока ушли слишком глубоко в землю. Невозможно представить, чтобы миллиарды людей в одночасье изменили свою жизнь.

— Указывать людям путь недостаточно, нужно вести их по нему.

Я слабо усмехнулся, дергая коня за поводья.

— Одному человеку не под силу создать мир заново.

— Но под силу положить этому начало, — спокойно ответил индеец, смотря куда—то вдаль.

Мы шли молча почти до самого поселения, потому что я не посмел проронить больше ни слова. Перед Кваху — вождем племени Сиу⁸ — преклоняли колена все, кого ему самому только доводилось видеть. Его мудрость почиталась другими народами, а доброта и справедливость становились

⁷ Лакота Ойате – на языке индейцев Сиу означает «Великий народ».

⁸ Сиу (дакота, самоназвание *dakhota, lakhota, nakhota* – заключившие мир, объединённые) – индейский народ группы сиу на севере США и юге Канады.

примером. Он был легендой в любой точке мира, потому что абсолютно в каждого вселял надежду и веру в себя.

Кваху был способен поменять жизнь кого угодно: изменить его ценности и убеждения, наставить на правильный путь, помочь понять, кем он может являться и в чем его предназначение.

Но за многие годы успешных попыток, мысли лишь одного единственного человека изменить ему так и не удалось. Да и вряд ли когда—либо удастся.

— Прежде чем ты начнешь говорить, я хочу спросить тебя, — неожиданно начал Кваху, — мне нужно знать, помнит ли воин духа Чевеио мои уроки?

— Он помнит все Ваши уроки, — уверенно ответил я, — и никогда не позволит себе забыть.

— Тогда почему же мой самый главный урок не отложился в твоей памяти? Я всегда говорил, что это место было, есть и останется твоим домом, а мы всегда будем твоей семьей. Где бы ты ни находился и какими бы ни были твои мысли. Так разве для того, чтобы захотеть остаться в доме своей семьи, нужно просить разрешения?

Кваху повернулся и пристально посмотрел мне в глаза, словно именно в этот самый момент умело считывал с них ответ. Считывал причину. Он понимал меня, наверное, лучше, чем кто бы то ни было, и способен был разглядеть то, что было сокрыто от всех остальных.

Он мог знать все мои мысли и поступки, считать, что я

поступаю неправильно, но никогда не позволял мне почувствовать свое негодование или разочарование.

— Иногда ответы на наши вопросы находятся внутри нас самих, — тихо произнес он, положив ладонь туда, где было моё сердце. — Позволь духам этого места помочь тебе,пусти их в себя, и ты увидишь, как умиряется твой Зверь. Ты увидишь, что способен победить его.

С этими словами Кваху опустил руку и, еще ненадолго задержав на мне свой взгляд, отвел его в сторону и медленно направился к дому. Оставив наедине с существом, борьба с которым мне еще лишь только предстояла.

Я выключил воду и вышел из душа, оборачиваясь махровым полотенцем и взъерошивая мокрые волосы. Я прилетел намного позже, чем планировал, и уже получил около дюжины звонков и примерно столько же сообщений от Холли, Пола, Элейн и Элис.

Последней я перезвонил сразу же, как только смог, так как по содержанию сообщений от остальных троих понял, что с ними все в порядке, и они просто интересуются, где меня — дословно — «черти носят».

Точнее, так выразилась только моя сестра, потому что только она одна и имела на это право, — которое, кстати говоря, сама себе и создала.

Натянул джинсы и футболку, а затем спустился к барному уголку в гостиной.

Уже на последней ступеньке помедлил.

Посреди гостиной, с невозмутимым выражением на лице, облокотившись о подлокотник кожаного дивана и скрестив руки на груди, стоял Пол.

Собирался спросить: какого хрена он тут забыл, как услышал знакомый звук моторчика, заставивший повернуть голову.

— Эл, — удивленно произнес, — что ты тут делаешь?

— Ты не отвечал на звонки, — сказала она, подъезжая ближе, — поэтому, когда сработал датчик, я попросила Пола привезти меня сюда.

— Не смотри на меня так, — покачал головой он, замечая на себе хмурый взгляд, — когда твоя сестра чего—то хочет, она этого добивается.

— Где ты был? — строго спросила Элейн, прерывая их еще не начавшуюся перепалку. — Почему не брал трубку?

— Над океаном была плохая связь, поэтому я...

— Поэтому, как только появилась возможность, ты перезвонил Элис, а не мне? — перебила она. И если ей хотелось пристыдить своего брата, то ей это отлично удалось. — Ты хоть знаешь, как я волновалась? Знаешь, сколько всего себе надумала?

— Эл, я не думал, что ты будешь переживать... — пытался оправдаться, — ведь меня не было всего один день...

— Ты взял вертолет, — сурово, но все еще на эмоциях, оборвала меня Элейн. — Никому не сказал, куда направля-

ешься. И перестал отвечать на звонки. Неужели ты всерьез полагаешь, что сестра не станет тревожиться за брата, когда не знает, ни где он, ни что с ним, ни почему он вдруг неожиданно сорвался и отправился в незапланированную прогулку над атлантическим океаном?!

– Послушай...

– Нет, это ты послушай, — она подняла свою ладонь вверх. *Моя маленькая милая сестренка явно гневалась.* — Если ты еще хоть раз сотворишь подобное, я задушу тебя вот этими самыми руками. Слышишь, Дарен Бейкер, я не шучу! Возьму и задушу! И меня не остановит даже то, что я слишком сильно тебя люблю!

– Не остановит? — недоверчиво спросил я.

– Ни за что, — ответила Элейн, обиженно отворачиваясь к окну и складывая руки на груди.

– Хм, — наигранно задумался, опускаясь на корточки рядом с сестрой и протягивая ей конфету, которую успел взять со столика, — но тогда кто же будет приносить тебе любимые клубничные леденцы?

Элейн перевела свой взгляд на леденец, а затем покачала головой.

– И когда ты перестанешь вести себя, как ребенок?

– Когда перестанешь и ты, — просто ответил я. — Ведь мне прекрасно известно, что ты не умеешь злиться. А особенно на тех, кто тебе дорог.

– Ты прав, — согласилась Элейн, а затем выхватила из

моих рук конфету, — но если ты поступишь так снова, я научусь. И стану делать это даже чаще, чем ты, — с вызовом бросила она, а затем задумалась. — Хотя, чаще уже, наверное, некуда.

— Прости? — мои брови игриво приподнялись. — Намечаешь на то, что я злюсь постоянно?

— А разве нет? — спросила она, продолжая разворачивать конфету. — Мне кажется, что это твое обычное состояние.

— Точно, — усмехнулся Пол, но уже через секунду улыбка с его лица исчезла. Он откашлялся и взглянул на Элейн. — Я подожду тебя в машине.

— Вот оно! — воскликнула, когда Пол вышел за дверь — Ты посмотрел на него, используя этот свой коронный «деспотично—гневный взгляд настоящего Гордеца»! Надо же, — расплылась в улыбке Элейн, — пока она не сказала мне об этом, я даже и не замечала.

— Она? — осторожно спросил, поворачиваясь к сестре.

— Эта девушка, Эбигейл, — объяснила Эл, даже не замечая, как я напрягся.

— Ты была в офисе?

— Пол возил меня. Мне нужно было забрать некоторые свои книги, — она немного помолчала, наблюдая за тем, как я наполняю стакан бурбоном. — Она такая очаровательная и милая. Почему ты не говорил мне о ней?

— А почему я должен был говорить о ней? — спросил, повышая тон. — Разве она чем—то отличается от остальных

работников компании?

— По—видимому да, — заметила Элейн, — ведь она единственная сотрудница, которая работает в каморке.

— Что?

— Я сказала, что она работает в той темной и душной каморке, — повторила Элейн. — Измученная и бледная, эта бедная девочка, кажется, даже забывает, что должна хотя бы иногда что—то есть.

Застыл на месте, словно пригвожденный, прокручивая слова Элейн в голове.

Неужели эта девчонка действительно все это время провела в тесной комнатке без окон и кондиционера, в которой с трудом умещался даже самый обыкновенный стол? Разве в моей компании не было свободных кабинетов? Разве, в конце концов, Элис не могла выделить ей отдельное рабочее место, пусть даже в самой приемной? Так почему она захотела работать в месте, в котором невозможно было находиться? Даже пять минут...

— Дарен, — голос сестры заставил меня оторваться от своих мыслей.

— Ты что—то сказала?

— Я попросила тебя что—нибудь сделать, — повторила Элейн. — Поговори с ней.

— Я не собираюсь нянчиться со своими сотрудниками.

— Но ведь она совсем ничего не ест, — настаивала сестра.

— Я не велел ей голодать, — объяснил.

— Но она голодает, — нахмурилась Эл, а затем сложила руки на груди. — И, между прочим, из—за тебя.

— Это её работа, ясно? — резко бросил, не выдержав напора сестры. — На которую я, кстати говоря, не заставлял её соглашаться. Но она согласилась, а значит, стала обыкновенной сотрудницей, на которую распространяются такие же правила, как и на всех остальных. И если для того, чтобы успешно выполнить свою работу, она не должна спать и есть, значит, так тому и быть. Потому что все это будет только её решением. И оно меня совершенно не волнует.

Элейн оставила свои бесполезные попытки воззвать к моему благоразумию, поэтому я проводил её до машины, напомним про таблетки и уколы, которые она должна была сделать в обязательном порядке. Пол обещал проконтролировать все процедуры, поэтому я успокоился и вернулся в квартиру.

Взглянув на так и нетронутый стакан с бурбоном, облокотился руками о стойку и прикрыл глаза, пытаюсь понять, почему же мысли о той, которую я даже толком не знал, уже не в первый раз заставляли терять над собой контроль.

Почему я так реагировал на неё? На одно лишь упоминание о ней?

Я возвращался домой в полной уверенности, что смог избавиться от этого странного чувства внутри, но оказалось, что оно запылало вновь, причем с удвоенной силой.

Я не знал, как утихомирить пламя, которое разгоралось

лишь сильнее при любой попытке его потушить. Словно желая полить его водой, я выливал баллон горючего.

И это чувство слабости и беспомощности... что эта девочка делала со мной?

Возможно, Кваху был прав, когда говорил, что *«иногда ответы на наши вопросы находятся внутри нас самих»*, но забыл упомянуть, что они никогда не лежат на поверхности. Для того, чтобы найти их, мы должны копать. Копать так глубоко, как только можем. Потому что они будут изловчаться, прятаться, маскироваться. Делать все для того, чтобы не попасться нам в руки. Но еще он не сказал, что когда мы приближаемся к самой сути, то чаще всего отказываемся её принимать, потому что боимся того, что можем понять.

Боимся того, кого можем выпустить наружу.

Я сидел за столом, пытаюсь сосредоточиться на работе, но все попытки оказывались тщетными. Уже несколько раз вызывал к себе Элис, и уже выпил, наверное, по меньшей мере, около пяти чашек кофе, чтобы собраться, но кроме *ней*, думать больше ни о чем не мог.

— Черт, — выругнулся, а затем потянулся к кнопке телефона, — Элис!

— Да, сэр, — тут же отозвалась девушка.

— Зайди ко мне.

Она появилась практически моментально.

В шестой раз за час.

Не успел я убрать руку с аппаратуры, как дверь уже открылась.

– Вам что—нибудть нужно мистер Бейкер? Еще кофе?

– Нет, — быстро ответил, — кофе больше не нужно. Лучше скажи мне... — немного помедлил, пытаясь сформулировать вопрос, — эта девушка... она сегодня пришла?

– Девушка? — переспросила она.

– Я что, невнятно задал вопрос? — повисил голос я.

– Извините, сэр, просто... в компании работает так много людей, вот я и... —

– Не важно, — перебил её, снижая тон. — Забудь. Иди работай.

– Да, мистер Бейкер.

Сложил руки в замок и подпер ими подбородок.

Если я не удостоверюсь, что с ней все в порядке, то не смогу сосредоточиться.

Если не смогу сосредоточиться, то не сделаю важную работу.

Если не сделаю важную работу, то все мои многолетние труды пойдут насмарку.

А если они пойдут насмарку, то... нет, об этом я и вовсе не желаю думать.

Нужно прервать эту цепочку еще на самом начальном этапе.

Резко поднялся со своего кресла и рывком распахнул дверь, заставляя Элис моментально подпрыгнуть. Все в при-

емной и рабочей зоне застыли, словно в ожидании очередной бури. Но бури не было. И я просто прошел мимо.

Миновал коридор, а затем завернул за лифтовую кабину и остановился около небольшой серой двери. Она была слегка приоткрыта, поэтому я мог слышать легкое постукивание пальцев по клавишам клавиатуры.

Это было хорошим знаком и означало, что, по крайней мере, она работала. А значит, силы на это у неё были, и его сестра просто как обычно преувеличила действительность.

Собирался было уйти, как вдруг постукивание прекратилось, и наступила полная тишина. Как ни старался прислушиваться, не слышал ни её движений, ни её дыхания. И это отчего—то заставило меня напрячься.

Недолго думая, резко распахнул дверь с такой силой, что она ударилась о стеллаж, который стоял у стены, и книги моментально полетели на пол. Эбигейл испуганно подскочила со своего стула, а я осознал, что, наверное, выгляжу как полный идиот.

— Ничего, — мягко сказала она, — я соберу.

Я наблюдал за тем, как она медленно подошла к шкафу, а затем опустилась на колени и стала складывать книги в стопку, после аккуратно выставляя их на полку ровно в той последовательности, в которой они находились там до падения.

Её руки слегка дрожали, а ноги были такими же ватными, как в тот день, когда я спас ее от автомобиля. Она явно чувствовала слабость, о чем говорила бледность её кожи, кото-

рую было заметно даже при таком тусклом освещении.

Неужели подозрения Элейн на самом деле были не беспочвенными?

Тревожный звоночек в голове дал о себе знать.

– Что ты делаешь? — спросил резче, чем должен был.

– Складываю книги... — немного неуверенно отозвалась она.

– Нет, что ты делаешь *здесь*?

– Работаю... вы же сами наняли меня.

Раздражающе прикрыл глаза.

– Я имею в виду, почему ты работаешь в этом чулане. Здесь ведь совершенно нечем дышать, — протараторил так быстро и с такой злостью, что Эбигейл даже не нашла, что ответить. Она просто стояла и смотрела на меня так, словно была не в силах пошевелиться.

Я стиснул зубы, чувствуя, как все внутри начинает закипать.

– Почему ты молчишь?! Я задал тебе вопрос!! — неожиданно проорал, заставляя Эбигейл вздрогнуть и зажмуриться.

– Простите... я просто... я не...

– Тебя разве не учили внятно выражать свои мысли? — перебил её. — Что за...

То, как она резко схватилась пальцами за края стола заставило тревожный звоночек в голове зазвонить с удвоенной силой.

Я не знал, в какой именно момент понял, что она теряет сознание, но успел подлететь к ней прежде, чем её ноги окончательно подкосились. Одной рукой поддержал её за спину, а другой инстинктивно подхватил под ноги, аккуратно приподнимая вверх.

Когда я взял Эбби на руки, то почувствовал свежий запах полевых цветов, исходивших от её кожи. Её близость погнала кровь быстрее, но вместо того, чтобы отпустить её, я замер, боясь «спугнуть» это мгновение.

Я не знал, сколько времени простоял вот так, прижимая её к себе, но пройди даже много часов, они, наверное, показались бы мне одним мигом.

Когда Эбби пошевелилась, аккуратно опустил её в кожаное кресло в углу.

Она слегка нахмурила нос и зажмурилась, когда ей в глаза попал свет от лампы.

Протянул руку к столу и медленно отвернул плафон, сам не понимая, почему делаю всё это. Почему всем своим видом показывая, что она совершенно меня не волнует, в своих мыслях снова и снова продолжаю тревожиться о ней. И почему захожу за черту, которую сам же и обозначил.

Почувствовав, что она начинает приходить в себя, резко выпрямился и отошел подальше, не желая, чтобы она видела меня таким.

– Когда в следующий раз соберешься упасть в обморок, делай это не в моем офисе, — спокойно, но резко сказал

я. — Ты прекрасно знаешь правила. Здесь работают. Всё остальное должно оставаться за пределами этого места.

Не услышав ответа, раздражающе развернулся, собираясь снова отчитать её за дурацкое молчание, которое, похоже, начинало входить у неё в привычку.

Хотел было повысить голос, но запнулся, потому что неожиданно почувствовал, как в меня врезается что—то хрупкое и маленькое. Инстинктивно сцепил свои руки так, что стройное тело, ставшее причиной «столкновения», оказалось зажатым в моих объятьях.

Её прохладные ладони легли на широкую мускулистую грудь, а глубокие небесные глаза взметнулись вверх.

Поймав их сапфировый блеск, я осознал, что именно в этот момент был беспощадно сброшен в огромную каменную пропасть, оказываясь окончательно потерянным для всего остального мира. *Кроме её.*

— Прости, — прошептала она, неотрывно смотря в мои глаза, пока я точно так же, словно замороженный, смотрел в её. — За обе ошибки.

Медленно разжал руки, а затем отстранился, понимая, что не могу держаться от неё подальше.

Черт возьми, разве это так сложно?

— Элис сказала, что ты ничего сегодня не ела, — выдумал, обходя Эбигейл со спины.

— Да, я... наверное, заработалась.

— Мои слова о том, что в этой компании забывают о еде и

сне, применимы лишь к тем сотрудникам, которые не падают в обморок от каждого переутомления, — сказал он, подходя к столу и набирая номер на телефоне. — Если твое здоровье слабое или ты не можешь эффективно работать, не доводя себя до подобного состояния, то тебе не место в «Даймонд Констракшн».

– Нет, мистер Бейкер, я...

– Элис, — повелительным тоном начал я, прерывая её слова, — принеси Эбигейл поесть. Не важно что, просто принеси. И да, — я мельком посмотрел на девушку, — найди ей нормальное рабочее место. В этом подвале дышать невозможно.

Положил трубку, а затем поймал на себе её ошеломленный, но в то же время благодарный взгляд.

– Спасибо.

– Это не ради тебя, — резко ответил ей, — а потому что в моей компании работники не доводят себя до голодного обморока. Тебе это ясно?

– Да, мистер Бейкер.

– Через полчаса я хочу видеть отчет о проделанной работе у себя на столе.

– Хорошо, — она перекатилась с пятки на носок, а её лицо озарила улыбка, заставившая меня на какое—то мгновение замереть. Поняв, что ведет себя, как ребенок, Эбигейл выпрямилась и откашлялась. — Конечно, сэр, через полчаса отчет будет лежать на вашем столе. Что—нибудь еще?

– Нет, — стараясь оставаться невозмутимым, ответил я,
— справься сначала с этим.

– Справлюсь, — с улыбкой крикнула она мне вслед, а затем я услышал её едва различимый шепот, — я никогда не подведу того, кто в меня верит.

7. Эбигейл

— Босс никогда и ни за кого еще так не переживал, — недоумевала Элис, отпивая из чашки кофе, — ну, не считая свою сестру. В ней он души не чает. Но я ни разу не видела, чтобы он относился подобным образом еще к кому—то. Это просто невероятно!

— Нет в этом ничего невероятного, — пыталась приземлить подругу. — Просто мистер Бейкер не хотел чувствовать себя виноватым в моем плохом самочувствии.

— Виноватым? — улыбнулась Элис. — Милая, такое в нашей компании совсем не редкость, и о большинстве случаев мистеру Бейкеру отлично известно. Но за все года моей работы на него в качестве личного секретаря, впервые он позвонил мне для того, чтобы я кого—то накормила.

— Возможно, раньше в этом не было необходимости... — тихо предположила я.

— Или дело тут совсем в другом, — улыбнулась она. — Представь себе лица всех в компании, когда они узнали, что босс проявляет к тебе такое повышенное внимание.

— Боже, Элис! — воскликнула я. — И почему ты такая болтливая?

— А разве я могла молчать, когда тут такое происходит?

— Никакое не происходит, пойми, это просто недоразуме-

ние. Или же ваш босс вовсе не такой тиран, каким его все считают, — прошептала, повозив вилкой по тарелке, — даже в самом жестоком человеке порой скрыто мягкое сердце.

— Да, — согласилась Элис, — только это уж точно не про нашего мистера Бейкера. Иногда мне кажется, что у него и вовсе нет сердца.

Я внимательно посмотрела на подругу, которая что—то судорожно печатала в своем смартфоне, но ничего не ответила. Сделала глоток кофе, после чего позволила мыслям унести меня в свой мир. Я понимала, почему Элис и остальные сотрудники боялись этого мужчину. Понимала, почему они считали его жестоким и бессердечным, но отчего—то мне казалось, что они попросту не видели другой его стороны.

Той, которую мне посчастливилось уловить, пускай только и мельком. Ту, которую он всячески прячет, скрывая её за большим слоем масок. Но почему?

— Слушай, а тебе не пора идти к нашему Гордецу? — спросила Элис и, заметив, как я хмурюсь, улыбнулась. — Прости. Просто это прозвище пришлось всем по вкусу.

— Да я употребила—то его лишь однажды, — закатила глаза.

— И этого оказалось достаточно, — улыбка Элис стала шире, а затем она вспомнила, — кстати! Привезли то, что ты заказывала, — потянулась к пакету за своей спиной, после чего передала его мне. — Зачем это тебе?

— Не важно, — теперь улыбнулась я, — просто кое—кому

задолжала.

— Интересно, что же ты сделала с тем мужчиной, которого оставила без одежды... — мечтательно задумалась Элис, а затем рассмеялась, когда получила от меня легкий шлепок по руке. — Да ладно тебе, я же шучу. Хотя нет, — сдалась она, — мне действительно интересно. Ну, расскажи—расскажи—расскажи.

— Чтобы ты снова всему офису растрепала? Нет, — весело завертела головой я, — на этот раз я буду молчать.

— Прошу, Эбби, ты не можешь так со мной поступить, — умоляюще пропела она, в тот же момент оказываясь рядом. — Я обещаю, что и рта не раскрою! Вот, смотри, — она застегнула молнию на своих губах, — с этого момента Элис Уайт не сумеет сломить ни одна пытка. Даже самая страшная.

Я весело рассмеялась, а затем кивнула.

— Хорошо, я расскажу, но только позволь мне сначала отчитаться перед мистером Бейкером. Иначе не видать нам обеим этой работы.

— Весомый аргумент, — выдохнула Элис. — Но запомни, я буду ждать, и пока ты не вернешься, не сдвинусь с места! — буквально через пару секунд пространство заполнил звонок телефона, заставивший Элис моментально подпрыгнуть. — Ладно, не сдвинусь со своего места! — крикнула она, подлетая к телефону и падая на стол. — «Даймонд Констракшн», Элис Уайт у телефона, чем я могу вам помочь?

Я снова улыбнулась и покачала головой, а затем развернулась к своему новому столу. Элис помогла мне устроиться в приемной, можно сказать, в нескольких шагах от её собственного рабочего места. Теперь их разделяло не более 20 футов⁹, что было довольно удобно, учитывая, что это милое рыжеволосое создание было единственным человеком во всем этом огромном офисе, с которым я могла поговорить.

Точнее, единственным, кто делать этого не боялся.

Остальные же напоминали мне зомбированных мертвецов, заикленных на собственных обязанностях, из которых невозможно было вытянуть ни единого слова. Разве что вместо слова «*мозгиши*» в их головах крутилось: «*рабоотааа*».

Взяла со стола необходимые папки и, захватив пакет, направилась к кабинету, ведущему прямо в Ад.

Дверь, от которой я не отрывала своего взгляда, была настолько близко, что расстояние можно было запросто измерить обыкновенными шагами.

Сколько их там было... десять? Восемь? Еще меньше?

Сильнее прижав папки к груди, на мгновение прикрыла глаза, собираясь с силами, а затем негромко постучала.

– Да, — сильный мужской голос заставил сердце подскочить и снова упасть.

Я непроизвольно приложила к нему руку, мысленно приказывая успокоиться.

Да почему я так на него реагирую?

⁹ 20 футов = около 6 метров;

Сделала несколько ритмичных выдохов, а затем медленно толкнула дверь и вошла в кабинет. В его самом дальнем углу, за большим дубовым столом, сидел Он — тот, кто в последние дни совершенно не хотел покидать моих мыслей. И которому едва ли было дело до такой, как я.

— Ты опоздала, — произнес Дарен, не поднимая своих глаз и перелистывая страницу газеты. — На целую минуту.

Он что, серьезно?!

— Переезд занял больше времени, чем я предполагала, и...

— Отчет, — только и сказал он, по всей видимости, не желая выслушивать её оправдания.

Вот напыщенный индюк! Ведет себя так, словно я опоздала ни на минуту, а на все двадцать!

Сделала несколько шагов к столу, а затем положила на него файлы.

— Я хотела бы рассказать о своей идее. Она состоит в том, чтобы пос...

— Не стоит, — перебил её Дарен, невозмутимо открывая первую папку, — я умею читать.

— Как неожиданно, — себе под нос проворчала я.

— Ты что—то сказала?

Он, наконец, поднял на меня глаза.

— Я? — испуганно замерла, указав на себя, а затем замотала головой. — Нет.

Он смотрел на меня немного дольше, чем я ожидала, словно пытался разглядеть на моём лице более правдивый ответ.

Когда Дарен все же отвел свой взгляд, снова сосредотачиваясь на файле, я еле заметно выдохнула, облегченно прикрывая глаза.

Думай прежде, чем говорить, Эбби. Иначе тебе не сносить своей головы.

Отругала себя, а затем вновь посмотреть на Дьявола.

Казалось бы, он действительно внимательно изучает материал, — хотя, чему я, собственно, удивлялась? Ведь это будет его личный прием. Прием, который, по всей видимости, много для него значит и который должен пройти именно так, как он планировал.

Выражение его лица совершенно не менялось — за все то время, что он вчитывался в документ, на нем не дрогнул ни один мускул. Я не заметила ни тени улыбки, но не уловила и недовольства.

Он даже бровью ни разу не повел!

И как понять, что на уме у человека, который совершенно никак не выражает свои эмоции? Боже, он что, каменный?!

Дарен взял со стола второй файл и так же невозмутимо открыл его, начиная просматривать первые страницы. Понимая, что больше не в силах держать себя в руках, я прикусила нижнюю губу и начала мять края майки.

Я всегда так делала, когда переживала и совершенно ничего не могла с собой поделать. *Наши самые вредные привычки имеют свойство оставаться с нами навсегда.*

— Ты сама это сделала? — его неожиданный вопрос привел

меня в замешательство. Я просто стояла и молчала, не зная, что сказать. — Эбигейл, — повторил он, поднимая на меня глаза, — это твоя идея?

— Моя, — выдохнула, чувствуя, как мгновенно стало легче.

— И тебе совсем никто не помогал?

— Никто, — уже увереннее сказала я, а затем, когда, наконец, разглядела в его глазах нечто похожее на изумление, не сумела держать легкую улыбку. — Если честно, такое задание я выполняла впервые. Поэтому мне было очень важно, что вы скажете. Но я очень рада, что вы считаете мою работу достойной, пот...

— Я этого не говорил.

— Но ведь вы... — он так резко поднял на меня взгляд, что я запнулась, больше не решаясь произнести ни слова.

Теперь я понимала, что имела в виду Элис, когда говорила, что настроение этого человека меняется с молниеносной скоростью — по шкале от просто «злого» до «очень разъяренного». И понять, на какой отметке оно находится в данную секунду, было почти так же трудно, как найти иголку в стоге сена, — а точнее, практически невозможно.

— Еще очень многое нужно доработать, — громко сказал Дарен, закрывая файлы и бросая их на край стола. — Ты не учла метраж зала, поэтому многие декорации не проработаны полностью.

— Да, но вы не сказали мне об этом, — решила тихо про-

изнести, при этом замечая, как Дарен замирает.

– Прости, что?

– Просто... если бы вы сразу сказали мне, на какую площадь рассчитывать, то я бы никогда... — резко поднявшись со своего кресла, он заставил меня инстинктивно замолчать.

Он начал быстро выходить из—за стола, и я осознала, что, черт возьми, сильно—пресильно попала! Недолго думая, резко схватила со стола папки, а затем попятилась назад.

– Знаете, вы правы, — испуганно лепетала, пока он величественно и гневно, хотя уже и не так быстро, направлялся в мою сторону, — мне действительно нужно внести некоторые коррективы в план. — старалась нащупать рукой дверь, мечтая поскорее выбраться отсюда и убежать как можно дальше. — Поэтому, я... — ощутила, как врезалась в стенку, причем в ту её часть, где не было ручки, а значит, и двери тоже.

Черт. Черт. Черт.

Он сократил расстояние между нами до предельного минимума, а затем медленного упер свои ладони по обе стороны от моей головы, заставляя затаить дыхание.

– Разве я отпускал тебя?

– Я просто...

– ...забыла, что здесь только я принимаю решения, — закончил он, — а я не позволял тебе уходить.

Почувствовала, как задрожала и начала инстинктивно стискивать пальцами стенку, к которой была прижата. Не

сводила с Дарена взгляда, и он тоже — не сводил. Возвышался надо мной, как огромная отвесная скала над плоской равниной — заставляя всецело ощутить свое величие и власть. От него исходил едва уловимый аромат кофе, но его нотки перебивал притягательный и дурманящий запах, который невозможно было не почувствовать — «мужской» запах. Запах, от которого сердце начинало биться в сто крат чаще, а пульс самовольно замедлялся.

Стиснула пальцы сильнее, замечая, как напряглись скулы человека, напоминавшего мне грозного Зевса, владеющего не только небесным сводом, но и всем миром. Его глаза неожиданно загорелись, словно на какое—то мгновение в них засверкала мощнейшая молния, а затем буря в них стихла так же быстро, как и появилась, и он резко убрал руки.

– Ты едешь со мной.

– Что?

– Господи, она еще и глухая, — еле слышно прорычал он, забирая со стола свой мобильный. — Я сказал, что ты едешь со мной, — затем он подошел к телефону и нажал кнопку связи, — Элис, скажи Владимиру, пусть подготовит машину. Мне нужно уехать.

Я молча наблюдала за действиями Бога, боясь неосторожно шевельнуться.

Когда он направился к двери, что—то набирая на своем смартфоне, я лишь сильнее прижалась к стене, почти что уверенная в том, что сейчас он пройдет мимо. Выйдет за эту

дверь и тем самым даст мне понять, что все его слова были просто игрой моего воображения и ничем иным. Что я услышала лишь то, что хотела услышать. *Наверное*. И что на самом деле с моим слухом все в порядке.

Но вместо этого он остановился у самого порога и повернулся.

– Тебе, что, нужно особое приглашение?

– Да... то есть, нет, — исправилась я.

– Тогда поехали, — подытожил он.

По его виду я поняла, что он едва сдерживался.

– Куда?

Дарен раздраженно стиснул зубы.

– Ко мне домой.

Мои глаза испуганно расширились.

– Что? Зачем?

– Потому что я так хочу, — властно ответил Дарен, заставляя меня замереть.

Я сильнее вжалась в стенку, дрожащими пальцами практически соскабливая с неё краску. По всей видимости, он заметил страх в моём взгляде, потому что выражение на его лице несколько смягчилось.

– Ты собираешься осмотреть зал для приема или тебе, волшебнице, это ни к чему?

– Зал...

– Да, зал, — рассердился он. — Тот, на оформление которого у тебя остались сутки.

Я внезапно сложила руки на груди.

– Вы никогда не пробовали разговаривать с людьми иначе?

Заметила, как он застыл, а затем его брови слегка сдвинулись.

– Собираешься учить меня хорошим манерам?

– То, что вы здесь главный, не дает вам права вести себя со всеми так надменно.

– Не тебе говорить мне о моих правах, — плотно сжав зубы, ответил Дарен. — Ты здесь просто для того, чтобы выполнять свою работу. А если будешь открывать свой рот не по делу, то лишишься и этой привилегии. Подвести Гарри было бы для тебя большой досадой, я прав?

При упоминании о нем, сердце мгновенно сжалось.

Я на самом деле боялась не оправдать его надежд.

Боялась, что он разочаруется во мне и станет смотреть на меня совершенно другими глазами. Но самое главное — я боялась, что Гарри перестанет мне доверять.

Вряд ли я смогла бы это пережить.

– Я только возьму сумку, — сказала, не желая смотреть этому человеку в глаза.

Пусть он считает, что имеет козырь в рукаве.

Пусть думает, что упоминание о Гарри, помогает ему усмирять мой нрав.

Пусть полагает, что я сдалась.

Ведь он даже не представляет, как сильно ошибается.

— Пятая авеню, — сказал Дарен, когда мы сели в машину.

— Пятая авеню, ну конечно, — пробурчала себе под нос, — где же ещё этот павлин может жить. И как это он вообще решился доехать до своего дворца на офисной машине.

— Карета была занята, — услышала голос, заставивший моментально замереть.

Его глаза сверлили, но я решила держаться до конца и ни за что не давать этому человеку понять, что он хоть немного меня напугал.

— Подслушивать нехорошо.

Заметила, как он шокировано повёл бровями.

Э—эм...

— Подслушивать? Мы сидим в этой машине вдвоем, — сказал он, затем мельком взглянул на водителя и добавил, — втроем. И если ты произносишь что—то вслух, то это непременно будет слышно всем.

— Могли бы заткнуть уши, — проворчала.

— Могла бы держать свои мысли при себе.

Хотела ответить индюку так же язвительно, но промолчала, гордо отвернувшись к окну. Стараясь отвлечься, смотрела на проезжающие машины и мелькающие дома. На смеющихся и сосредоточенных на чём—то людей. На кипящую вокруг жизнь.

И это успокаивало.

По крайней мере, отвлекало от этого вечно злого, спеси-

вого, напыщенного и...

— Мисс Дэвис, — мужской голос заставил повернуться.
— Позвольте вашу руку.

Владимир — их водитель, стоял немного склонившись и вытянув свою ладонь вперед. Еще до того, как я села в эту машину, мне представился шанс узнать этого человека поближе. Пока Дарен что—то обсуждал с Полом, — тем милым и приветливым брюнетом, который очень мне импонировал, — между нами тоже завязался диалог.

И пусть говорили мы всего несколько минут, этого оказалось вполне достаточно, чтобы я могла составить о Владимире своё мнение — и мне оно понравилось.

Когда он улыбнулся, я подала ему руку и вылезла из машины.

— Спасибо.

— Помогать красивым девушкам — мой долг, — его глаза блеснули, и я не смогла сдержать улыбки.

— Владимир, — грозный голос заставил нас повернуться, — ты можешь ехать. Сегодня ты мне больше не понадобишься.

— Да, сэр, — послушно кивнул он, а затем ненадолго задержал на мне свой взгляд. — Надеюсь, мы скоро встретимся. Ведь я еще не поделился своим мнением насчет несчастной любви Наташи и Андрея.

— Буду рада его услышать.

— А я — им поделиться, — с улыбкой ответил он, а затем

наклонился и коснулся своими губами моей руки.

Я слегка вздрогнула от неожиданности, но руки не убрала.

Краем глаза заметила разъяренные глаза Дьявола и его напрягшиеся скулы, словно всё это по какой—то причине выводило его из себя. *С чего бы это?*

— Ты отвлекаешь его от работы, — резко бросил он, когда Владимир сел в машину. — Не забивай его голову всякими глупостями.

Заморгала, не поверив своим ушам.

— Мы просто обсуждали «Войну и мир», — заметив в его глазах недоумение, уточнила, — это роман Льва Толстого, одного из величайших писателей мира, — недоумение с его лица никуда не исчезло, зато передалось мне, — вы, что, не читали?!

— Я не трачу свое время на подобную ерунду, — ледяным тоном ответил он.

— Это не ерунда, — заступилась я, — а классическая литература.

— Литература пишется для людей, которые предпочитают сидеть дома и читать о жизни других, вместо того, чтобы строить собственную, — громко сказал Дарен. — И пока один покоряет мир, остальные покоряются ему. Поэтому я не нахожу выгоды в литературе.

— В ней и не должно быть выгоды, — прошептала я. — Она просто учит нас чувствовать.

— Но не учит, как заработать.

– Деньги — не всё в этом мире.

– Всё, мисс Дэвис, — спокойно ответил он, — просто нужно знать, как ими пользоваться.

Сказав это, Дарен развернулся и направился к высокому стеклянному зданию, на которое я только сейчас обратила свое внимание.

Я сказала «к высокому?» Поправочка: к нереально высокому. К такому высокому что невозможно было описать его словами.

Оно возвышалось над остальными строениями, теперь казавшимися настолько маленькими, что сравнить их можно было разве что с лилипутами, в страну которых пробрался огромный зеркальный великан.

Конечно, я уже видела небоскребы и ни раз, но этот определенно был самым высоким. И выглядел так же величественно, как и человек, который в нем жил.

Я заставила себя оторвать взгляд от стеклянного дворца, а затем вошла внутрь.

Мы молча шли по длинному коридору, а затем в такой же тишине ехали в огромном зеркальном лифте, по своей грандиозности ничуть не уступающему самому зданию.

Я взглянула на экранчик, и мои глаза тут же расширились — 123 этаж! Я ехала со своим вечно разъяренным боссом на 400 метров в высоту! Боже, я просто надеялась, что сильно преувеличила эту цифру.

Когда двери лифта открылись, осторожно вышла и прак-

тически моментально замерла. Почувствовала себя Алисой, которая по волю случая попала в Страну Чудес, хоть этот Гордец совсем и не был похож на того милого белого кролика.

Всё в холле, начиная от стен и заканчивая мебелью, было выполнено в чисто белых тонах, изредка перемешиваясь с нежно—бежевым и шоколадным. Вокруг висели картины, а на полочках и некоторых тумбах стояли фотографии. Это место было таким светлым, уютным и... простым — при всей его нескрываемой дороговизне, — что тот факт, что здесь живет человек, настолько властный и жестокий, просто не укладывался у меня в голове.

Оглянувшись, заметила, что Дарен куда—то исчез, и осторожно подойдя к огромным панорамным окнам, позволила себе на мгновение выглянуть наружу.

Вид всего Манхэттена... да, что там Манхэттена! Всего Нью—Йорка! Этот вид заставил затаить дыхание. Мне показалось, словно весь мир в этот самый момент простирался перед моими глазами. Весь мир лежал на одной, лишь моей ладони.

И это чувство было несравнимо ни с одним другим чувством на свете.

И если бы я засыпала и просыпалась в таком месте, то каждый мой вечер был бы похож на настоящую сказку. Но это были лишь мечты — не более.

— Тебе никогда не жить в таком месте, Эбби, — прошепта-

ла, инстинктивно обнимая себя руками, — спустился на землю, девочка. У тебя совсем иная судьба.

Я еле заметно выдохнула и, в последний раз бросив свой взгляд на город, отвернулась. Мой взгляд переместился, заставив растерянно застыть.

Дарен стоял всего в нескольких шагах поодаль, сунув руки в карманы своих брюк. Он успел снять пиджак и закатать рукава рубашки, его скулы не были напряжены, а глаза не метали молнии, и в этот самый момент мне казалось, что передо мной другой человек.

Не тот, кого все привыкли в нем видеть.

И не тот, кем он хотел перед всеми казаться.

— Я просто... — указала на окно за своей спиной, — ...очень красивый вид.

— Я собираюсь провести прием здесь, — только и ответил он, и привычное выражение Властного Гордеца вновь поселилось на его лице.

— Да... — слегка протянула, оглядывая холл, — место чудесное. Я уже вижу, как можно расположить те декорации, которые я уже придумала. И, кажется, знаю, что еще можно добавить. Этот стол мы отодвинем. А этот диван поставим вон в тот дальний угол, — оживилась, а затем повернулась и вышла в середину зала. — Здесь должно быть пустое пространство. Все лишнее мы уберем. Там организуем для вас небольшую сцену для выступления. Вы же будете говорить речь?

Дарен не ответил, но я не растерялась и продолжила.

— Светомузыку я уже подобрала. С официантами договорилась — они тоже будут выглядеть не совсем обычно. Вот здесь можно поставить стол с закусками, — указала на место рядом с окном. — Гости будут подходить за едой и невольно бросать свой взгляд на вид, который отсюда открывается. А так, как это будет после ужина, то думаю, они смогут застать и красивый закат. Я уверена, что это придаст вечеру некое очарование.

Замолчала, ожидая его одобрения или восторга.

Интересно, что же он скажет?

Восторг был бы весьма уместен.

Ведь я понимала, что идея потрясающая.

— Мне не нужно очарование, — сухо ответил Дарен, — я просто хочу, чтобы всё прошло на уровне. У гостей должно быть достаточно еды и напитков, а декорации не должны быть вычурными или детскими. Никакой светомузыки, раскрашенных официантов и прочей романтической ерунды с закатами. Все строго и по—деловому.

— Но ведь невозможно постоянно жить в строгости, — возразила я, — уверена, вашим гостям понравится, что на вечере будет что—то, что заставит их улыбнуться. Возможно, даже повеселиться.

— Это не детский утренник, мисс Дэвис, — строго сказал он, — а высокочеловеческий прием. Люди моего мира не привыкли к подобному, и я не хочу, чтобы вашими стараниями

вокруг этого вечера и его провала много месяцев не смолкали сплетни.

— Но я не...

— Вы знаете, где находится выход, — резко перебил меня Дарен.

Я даже ответить ничего не успела, потому что он просто развернулся и ушел.

— Какой же он упрямый! — негодовала, оставшись наедине с тишиной. — Вечно злится и никогда не одобряет ни одной моей идеи! А ведь я просто хотела сделать как лучше, — обиженно сложила руки на груди, внезапно зацепившись глазами за большую цветную фотографию.

На ней была запечатлена красивая светловолосая девушка, стоявшая рядом с конем.

Она была одета в простые деревенские штаны и темно—синий свитер, и очень напоминала ту прелестную девушку, с которой я познакомилась сегодня утром, разве что на фотографии ей было не более пятнадцати. И она была не в кресле.

Её голова была естественно повернута в сторону, и у меня создалось впечатление, будто бы она не знала, что где—то неподалеку кто—то направил на неё объектив.

Я любила такие фотографии. Они были живыми. Дышали чем—то настоящим. Тем, чего никогда не передаст никакая заранее спланированная поза.

Почему Господь допустил это с ней? Почему искалечил

такую светлую душу?

Прикрыла глаза и сложила перед собой руки, шепотом произнося молитву. Возможно, кто—то скажет, что это не поможет Элейн встать на ноги, но Бог должен знать, что есть люди, которые всегда будут надеяться на чудо.

Иногда искренняя вера даже нескольких людей может оказаться сильнее самой твердой воли Господа.

Открыв глаза, сделала несколько шагов к лифту, и вдруг услышала, как что—то упало. Взглянув вниз, увидела пакет, который Элис дала мне утром.

А я чуть было о нем не забыла!

— Гордец, — пробормотала себе под нос, поднимая с пола пакет. — Постоянно твердит мне о манерах, а сам о них видимо ничего не знает. *«Это не детский утренник, мисс Дэвис, — спародировала его. — Люди моего мира не привыкли к подобному...»*. Этому богачу не угодишь.

Нажала кнопку лифта и стала ожидать, пока он приедет.

Я не понимала, что чувствовала: злость, обиду, раздражение или что—то еще, но ощущала, как то, что ещё недавно полыхало внутри, начинает медленно догорать.

Опустила глаза на подарок, который ещё сжимала в руках.

Наверное, было бы неправильно уехать и так и не отдать ему то, что так долго выбирала. Не важно, как высокомерно этот зазнайка себя вел, это же из—за неё от его прежней рубашки отлетели почти все пуговицы. Значит, её долгом было купить ему новую.

Что она и сделала, как только окончательно пришла в себя и поняла, что Судьба Затейница снова свела их вместе.

— Ладно, девочка, надеюсь, ты об этом не пожалеешь, — сделала вдох, а затем вытащила сверток из полиэтилена и положила его на небольшую тумбочку около лифта, рядом с большой и красивой вазой. Быстро нацарапала несколько слов на карточке, а затем вложила её между ленточками, которыми перевязала бумажный пакет.

Услышала, как открываются двери лифта и повернулась.

— Эй, привет, — тепло улыбнулся брюнет, заставляя её замереть. — Эбигейл, верно? Мы познакомились сегодня утром.

— Конечно... а вы Пол, — улыбнулась ему, — я помню.

— Да, — он неуверенно почесал затылок, — а что ты здесь делала? — Этот вопрос обескуражил, и я застыла. — Я хотел сказать, у тебя были какие—то дела с Дареном?

— Да. Я осматривала зал для приема. Чтобы более подробно и качественно проработать детали. Кое—что подкорректировать, а кое—что добавить.

— Дарен рассказал мне о твоём плане, — внезапно сказал он, — без особых подробностей, но я уловил суть. Могу наверняка сказать одно: ты очень талантлива. И я уверен, что любая твоя идея произведет настоящий фурор.

— Спасибо, — застенчиво ответила я, — жаль, что мистер Бейкер так не считает.

— Так он же Гордец, — усмехнулся Пол, складывая руки

на груди, и я так же не смогла сдержать улыбки. Это слово и правда прижилось.

— Я пойду, — сказала, нажимая кнопку лифта, — мне еще нужно закончить план.

— О, — услышала, когда зашла в лифт, — тебя подвезти?

— Спасибо, я доберусь.

— Уверена?

— Уверена, — согласно кивнула, а затем перевела свой взгляд на незатейливую технику, — хотя... кое с чем вы все же могли бы мне помочь, — он внимательно посмотрел на меня, и я невольно закусила губу, — я не знаю, как заставить этот лифт поехать вниз.

Пол неожиданно искренне рассмеялся, а затем уперся одной рукой о проем, другой что—то быстро нажав на цифровом дисплее.

— Вот, — всё еще улыбаясь, сказал он, — ты просто набираешь нужный этаж, а затем жмешь эту кнопку. Уже буквально через минуту лифт доставит тебя вниз. В целости и сохранности.

— Я не боюсь лифтов, — улыбнувшись, уточнила я.

— Прости, — снова рассмеявшись, сказал он, — я просто не смог удержаться.

— Спасибо.

— Обращайся, — кивнул Пол, а затем зашел обратно в квартиру.

Когда двери лифта закрылись, я прислонилась к стене и

закрыла глаза, думая о том, как много работы мне ещё только предстоит. Снова придется не спать всю ночь, а затем следить за тем, чтобы вся организация прошла именно так, как хочет Он.

Ни на йоту не отходя от намеченного плана.

А вдруг ему и на этот раз что—то придется не по вкусу?

Вдруг я облажаюсь с закусками или официанты окажутся немного неуклюжими?

Зажмурилась сильнее, а затем сделала глубокий вдох и поймала себя на мысли, что здорово влипла, когда согласилась на эту работу, потому что с таким человеком, как Дарен Бейкер, проблемы совершенно точно станут моим верным спутником.

8. Дарен

Я стоял у окна и, вертев в руках стакан с бурбоном, смотрел на город.

Очень надеялся, что девчонка, ставшая причиной всех моих бед, послушалась и ушла. Потому что меньшее, что мне сейчас было нужно — это видеть её, слышать её и говорить с ней. Хотя на самом деле я сильно этого желал.

И это была моя основная проблема.

Поднес к губам стакан и сделал глоток, ощущая, как янтарное пойло медленно стекает по горлу, согревает его, безжалостно обжигает желудок и, вместе с тем, вызывает ни с чем несравнимое отвращение.

Я не пил.

Долго пытался понять, что люди находят в алкоголе. Что за странное удовольствие получают, нажираясь и теряя себя. Но так и не смог.

Странно, верно?

Будучи сыном человека, который не представлял ни одного своего дня без бутылки, я должен был бы пристраститься к пагубной привычке. Но этого не происходило. Поэтому я просто поставил почти нетронутый стакан на крышку рояля.

Снова.

— Так и думал, что найду тебя здесь, — голос друга заста-

вил меня обернуться. Пол уже поднялся вверх по лестнице и направлялся ко мне. — Вот, — он протянул папку, — принес бумаги для завтрашней сделки.

— Отлично, — кивнул, принимая документы из его рук.

На мгновение в воздухе повисла тишина, а затем я услышал:

— Я только что встретил Эбби у лифта. Она выглядела напряженной и расстроенной.

— Наверное, устала, — предположил, проглядывая содержимое папок.

Пол снова замолчал, но сдержать поток своих эмоций всё таки не смог:

— Так, ладно, слушай, эта бедная девочка и так из кожи вон лезет, даже есть забывает, потому что очень хочет сделать твой вечер идеальным, — я замер и медленно поднял глаза на друга. — Её идеи фантастичны! Даже я, черт возьми, это признаю! Я, Дарен, — выделил он, — человек, который с самого младенчества знает всё об арт—дизайне. А ты просто не можешь её поддержать? Неужели так сложно сказать ей пару приятных слов? Неужели это и правда так трудно для тебя?

— Закончил? — когда Пол промолчал, я со звуком захлопнул папку. — Ты прекрасно знаешь меня. И тебе известно, что я никогда не стану хвалить человека, если его работа мне не нравится. Как бы легко ему от этого не стало. Если человек, работающий на меня, не может взять себя в руки и ка-

чественно выполнить то, что ему поручено, значит, ему просто не место в «Даймонд Констракшн». И мисс Дэвис знала обо всех условиях, когда соглашалась на эту работу. Так что вряд ли вечное нытье и жалобы поднимут её в моих глазах.

— Она не жаловалась, — заступился за неё Пол, а затем последовал за мной вниз, — я думаю, Эбигейл вообще не из тех, кто станет ныть из—за работы.

— Мне не интересно обсуждать своих сотрудников, Пол, — попытался остановить друга, — и если тебе больше не о чем со мной поговорить, то лучше просто помолчи.

— Как скажешь, — он сел на диван и взял со столика свежий номер «GQ»¹⁰. — Тем более, что говорить с тобой всё равно, что общаться со стенкой. Хотя нет, — усмехнулся он, — со стенкой это делать приятнее.

Я сурово посмотрел на друга и сложил руки на груди.

Испепелить не успел — мобильник Пола завибрировал.

— Это Холли, — сказал он, а затем замолчал, читая сообщение. — Заказчики хотят встретиться с нами в офисе через час.

— Что—то случилось?

— Не знаю, — напряженно ответил Пол. — Но сомневаюсь, что они зовут нас выпить кофе.

Я тоже в этом сомневался.

¹⁰ «GQ» — мужской ежемесячный журнал о моде и стиле: бизнес, спорт, истории успеха, мода, здоровье, путешествия, женщины, эротика, автомобили и технические новинки.

И это напрягало.

— Ты на машине?

— Нет, — завертел он головой. — Мы можем позвонить Владимиру.

— Я уже отпустил его на сегодня, — ответил резче, чем хотел, но понимал, что видеть своего водителя сейчас не хочу. — Вызови такси. Я спущусь через пять минут.

— Окей, — кивнул Пол, — не забудь эти папки, — он указал на файлы, которые я держал в руках, а затем скрылся за дверями лифта.

Я подошел к зеркалу, не глядя положив на тумбу папки, а затем стал спускать рукава рубашки, застегивая на запястьях пуговицы.

Мысленно готовился к проблемам, которые поджидали нас в офисе.

Снял пиджак с вешалки и, накинув на себя, ловко застегнул его снизу. Вспомнил про папки и потянулся к ним, переместив свой взгляд.

Бумажный пакет?

В голову закралась мысль о том, что его оставила Эбигейл, но я тут же прогнал её.

Бред. Зачем ей это?

Сунул пакет в ящик тумбочки и направился к лифту.

Сейчас он точно не станет с этим разбираться. У него слишком много дел. Серьезных дел. Это может и подождать.

Вышел из машины и поправил пиджак.

Сегодня на мне был темно—синий итальянский костюм от Бриони, шелковая голубая рубашка и черные лаковые туфли. Я не стал надевать галстук, так как легкая небрежность в одежде этим вечером была вполне уместна.

— Мисс Трэвис, — Владимир подал Холли руку, и она вылезла из машины, приподнимая подол платья. Глубокий вырез на спине, разрез от правого бедра. А зона декольте словно легкое золотое оперение.

Если дочь магната и выбирает себе вечерний наряд, то это определено что—то по—королевски запоминающееся.

Пол и Холли были заняты новой сделкой все оставшиеся до приема часы. Точнее, пытались спасти то, что от неё осталось — *по их словам*.

Да, я не был вежлив, когда заявил, что, если выставленные мной условия наших клиентов не устраивают, они могут проваливать. Но если сделают это, ни одна уважающая себя фирма больше никогда не захочет иметь с ним никаких дел.

Резко. Грубо. Властно. Но разве я не был прав?

Перевел взгляд на небоскреб и почувствовал, что волнуясь.

Сегодня был очень важный вечер. Очень значимый вечер. Отдавая все свои силы этой сделке, никто из нас так ни разу и не приехал, чтобы проконтролировать организацию. И теперь я просто надеялся, что девчонка ничего не испортила.

— Спасибо, приятель, — услышал знакомый голос и обернулся.

Пол захлопнул дверцу такси и широко улыбнулся.

— Твоя машина тоже сломалась? — спросил, когда тот приблизился.

— Техника — вещь непостоянная, — весело пожал плечами он. — А ты почему всё ещё не внутри? Я думал, что ты приедешь пораньше.

— Это моя вина, — прощebetала Холли, хватая меня под руку, — Кэндис очень долго возилась с моей прической. Ты же знаешь, как сложно девушке собраться.

— Ну да, — слегка натянуто улыбнулся Пол и, заметив это, я не смог сдержать усмешки. — Элейн звонила мне каждые полчаса с тех пор, как Владимир привез её, и просто кричала от восторга! Причем каждый раз еще сильнее прежнего, — рассказал он, вызывая лифт. — Теперь мне не терпится посмотреть, что наша фея сделала с твоей пещерой, что она превратилась в настоящий замок.

Холли неожиданно фыркнула.

— Прошу тебя, Пол, не восхищайся этой девицей в моём присутствии, — когда лифт приехал, она закатила глаза. — Надеюсь, эта деревенщина ничего не испортила.

— Я верю в неё. Она милая девушка. И очень способная.

— Догадываюсь о её *способностях*, — ядовито усмехнулась Холли, увереннее сжимая мою руку.

— Тебе ли об этом не знать, — с сарказмом ответил Пол.

Я старался не влезать в их перепалку. Всё время, что они работали над проектом, Холли обязательно раз в полчаса, но бросала что—то язвительное в адрес Эбигейл, а Пол в то время не упускал возможности поддеть её саму и, тем самым, защитить ненормальную.

Таким образом, я думал о девчонке постоянно, даже, если этого не хотел.

Когда двери лифта открылись, я поднял глаза и непроизвольно замер. Почувствовал, как тоненькие пальчики расслабились и теперь уже не стискивали руку — Холли была так же шокирована, как и я.

— Думаю, что тебе следует взять свои слова обратно, — услышал довольное замечание друга. — Потому что эта девочка определенно всех нас сделала.

Пол сунул руки в карманы и широко улыбнулся, оглядывая зал. Здесь всё было совершенно не так. И даже не так, как в изначальном плане.

По ширине зала тянулось несколько белоснежных арок, наверху каждой из которых блестели дорогие люстры, будто сотворенные из драгоценных алмазов. В дальнем углу стоял стол с закусками, от многообразия еды на котором у меня зарябило в глазах.

Всё было разложено максимально эстетично и полностью по моему вкусу.

Около панорамного окна, как Эбигейл и хотела, стоял длинный стол с алкоголем. Бокалы с белым и красным вином

были расставлены в строгом порядке — по цвету и вкусу — образуя фигуру, напоминающую сердце.

На соседнем столике стояли стаканы с лимонадом, соком и водой, которые создавали такие же незатейливые, но изысканные фигуры.

По залу ходили официанты с подносами — кто—то с шампанским, которого не было на столиках, а кто—то с закусками, аромат которых доносился даже из другого конца зала.

Официанты были одеты в элегантные черные брюки, такого же цвета жилетки и белые рубашки, красоту которых подчеркивали бабочки с металлическим отливом.

Думал, что больше уже ничто не сможет его удивить.

Понял, что ошибся, когда взгляд переместился на сцену.

Эбби расширила её — Господи, как? — и оборудовала всем необходимым.

Понял, что чувствую гордость за эту сумасшедшую и улыбаюсь, хотя не должен.

– Дарен, — услышал раздраженный голос Холли и прочистил горло, — зачем эта неумеха поставила столы? Разве она не знала, что это фуршет?

Конечно же, Эбигейл знала. Ведь я лично говорил ей. Но всё равно поставила несколько столиков, и на каждом — вазу с цветами.

– Хэй, принцесса, иди сюда! — я посмотрел на Пола, радостно махающего кому—то в толпе. Проследил за его взгля-

дом и замер, увидев улыбающуюся Эбби.

На ней было простое кремово—бежевое платье выше колен, обрамленное красивыми рисованными цветами, а её длинные золотистые волосы непослушными волнами падали на плечи. На её лице не было ни грамма макияжа, оно вообще было совершенно обычное, так почему же я не мог оторвать от него взгляд?

— Это просто сказка, красавица! Как ты одна смогла всё это сделать?

— Если честно, мне помогали, — немного застенчиво ответила она, мельком взглянув на меня. — Я не справилась бы без помощи.

— Кто бы сомневался, — язвительно бросила Холли.

— Рада видеть вас, мистер Бейкер, — тихо сказала она, смотря прямо на меня. Наши взгляды встретились, и я ощутил, как все внутри перевернулось. — И вас, мисс Тревис.

Холи снова фыркнула, но на это никто не обратил внимания.

— А вот и вы! — раздался счастливый голос. — И где вас, позвольте спросить, черти носили? Мы с Эбби устали ждать, пока вы, наконец, притащите сюда свои деловые задницы.

Глаза девчонки испуганно забегали.

— Я так не говорила...

— Да ладно тебе, — весело рассмеялась Элейн, — мой брат хоть и совсем не понимает шуток, но знает, что ты никогда бы так не сказала. Ведь ему абсолютно никто не смеет пере-

чить, я права?

— Ты приняла лекарства? — спросил, игнорируя её сарказм

— Прошу тебя, не начинай, — вздохнула она, — мы ведь на празднике!

— Это не праздник. Ты знаешь, что тема вечера серьезная. Как и твоё здоровье.

— Да, я приняла лекарства, — закатив глаза, ответила она.

— Мне кажется, идея с бокалами просто чудесная, — втиснулся в разговор Пол, вызывая невольную улыбку на губах Эбби. — Она очень оригинальная и определенно привлекает внимание гостей.

— Как по мне, так это скорее ребячество, — съязвила Холли. — Похоже, эта девочка забыла, что работает на серьезную компанию. Я так и вижу утренние заголовки: *«Дарен Бейкер превратил благотворительный прием в детский утренник»*, — выплюнула она, а затем осторожно забрала свою руку, — я поищу Агнесс и попытаюсь хоть немного спасти положение. Возможно, мне это удастся, и она напишет не такую разгромную статью.

Поймал на себе хмурый взгляд Пола.

Чувству справедливости этого парня можно было позавидовать.

— А я думаю, что ты настоящая молодец, — Эбби подняла на него глаза, — раньше мне доводилось восхищаться лишь твоими зарисовками, но теперь я знаю, что они лишь

малая доля того, что мне посчастливилось увидеть. Это просто сказка, — затем он сжал её плечо и добавил, — самая настоящая.

— Я думаю точно так же, — улыбнулась Элейн, подъезжая к ней ближе. — Для того, чтобы организовать всё это, нужно не только желание, но силы, упорство и огромный талант. Не каждый профессионал способен сотворить подобное, не то, что любитель, — усмехнулась она, и я заметил, как искренне улыбнулась Эбби.

— Кстати, насколько я помню, ты обещала нам что—то запоминающееся.

— Да! — после слов Пола её глаза загорелись. — Надеюсь, вам понравится! Особенно тебе, — добавила, сильнее сжимая руку Элейн.

Затем коснулась своего микрофона, и почти в ту же секунду свет в зале погас.

Послышалось изумленное перешептывание гостей.

На автомате начал придумывать, как разгрести последствия, а заодно и перебирать в голове способы, которыми буду убивать эту невыносимую девчонку.

Потянулся к мобильнику, чтобы позвонить электрику и спасти хоть что—то от этого вечера, но неожиданная вспышка света заставила меня замереть.

Сцена загорелась серебристо—синими огнями, а по полу иллюминацией забегала вода. Все в зале восторженно ахнули, удивленно осматривая магию под своими ногами.

— Как ты это сделала? — улыбаясь, весело кричала Элейн, пока Пол забирал шампанское с подноса проходящего мимо официанта.

— Это еще что! — рассмеялась Эбби, а затем указала на сцену. — Ты туда посмотри.

Она послушно развернулась, наблюдая за тем, как сцена переливается всеми возможными цветами. Как сверху спускаются композиции из белых цветов, с которых свисают ярко мигающие гирлянды, освещающие всю площадку.

Зрелище и без того было впечатляющим, а когда огромный шар начал вертеться, прямо из его ядра вышла девушка. В этот момент заиграла музыка.

Ее небесно—белое платье заиграло, а светлые волосы рассыпались по плечам.

Она подошла к микрофону, и я услышал, как ахнула Элейн.

— О Господи, глазам своим не верю...

— Это... — Пол даже дар речи потерял. — Это же...

— Лара Фабиан, — тепло улыбнулась Эбби.

— Эта песня... — выдохнула Элейн, по щекам которой струились слезы. — «Ты — мое сердце». Моя самая любимая.

В абсолютной тишине все присутствующие слушали светловолосую итальянку, восторгаясь её божественным голосом и замороженно ловя каждое её слово.

Но я смотрел совсем не на неё.

Я не мог оторвать глаз от девушки, которая держала за руку мою сестру — единственное дорогое, что у меня было. Наблюдал за тем, как искренне менялись эмоции на её лице: как она сунула брови и кусала губы, как высоко вздымалась её грудь, и как она пальцами другой руки сжимала спинку коляски.

Ее чувства и переживания были такими настоящими, что мне казалось, словно в этот момент она переживала абсолютно те же эмоции, о которых пелось в песне.

— Цепляет, верно? — услышал и тут же развернулся, заметив стоящего рядом с собой Пола. — Взгляда невозможно оторвать.

— Не говори чушь, — серьезно ответил, скрестив руки на груди. — Я не смотрел на эту безумную. Просто наблюдал за сестрой.

— Безумную? — усмехнулся он, а после кивнул в сторону сцены. — Но я имел в виду Лару. Ты же её разглядывал, да?

Сжал зубы, а затем расслабил руки, понимая, что больше не могу здесь находиться.

— Мне звонят, — сказал, а затем развернулся и направился через толпу.

Вышел на открытую террасу и громко выдохнул. Здесь музыка была тише, и думалось намного проще.

Уперся ладонями в перила и прикрыл глаза. Услышав шум, понял, что кто-то споткнулся о горшок, и резко развернулся.

Эбби виновато прикусила губу.

– Извините.

– Что ты здесь делаешь? — раздраженно выпалил, вновь не сдержав себя.

– Хотела удостовериться, что вы в порядке.

– Я в порядке. Иди к гостям.

Но вместо этого она встала рядом, тоже облокачиваясь о перила.

– Почему вы ушли?

– Разве я обязан перед тобой отчитываться?

– Нет. Но можете просто поделиться.

– Захотел подышать, — тихо произнес, сам не зная, зачем.

— Я ответил на твой вопрос? — когда она кивнула, я сделал то же самое. — А теперь иди в зал. — отвернулся, однако заметил, что Эбигейл так и не сдвинулась с места. Снова посмотрел на неё. — У меня что—то с лицом не то?

– Совсем нет, — вдруг улыбнулась она, — просто я пытаюсь понять.

– Что понять?

– Вас, — она заглянула мне глаза. — И на деле это намного труднее, чем я думала.

– Поэтому лучше не лезь в это, — резко бросил, сосредотачиваясь на небоскребах.

– Раньше я тоже сторонилась людей, — после долгого молчания сказала она. — Очень трудно начать верить кому—то, когда однажды тебя уже предавали.

Резко повернулся, и лишь тогда понял, что сдал себя с потрохами. Взяв связку с миллионом самых разнообразных ключей, она смогла найти тот, что открывал именно мою дверь. И только что я собственноручно дал ей это понять.

— Я же сказал, не лезь, — сквозь зубы рявкнул я. — Это не твое дело.

— Прятать за яростью свою боль, вот ваша тактика, верно? Вы просто считаете, что так будет проще, — ощутил, как пальцы начали сжиматься в кулаки. — Кто сказал вам, что если сдерживать свою боль, то она утихнет? Когда не с кем ею поделиться, когда никто не может забрать её кусочек себе, становится только хуже...

— Что в словах «не лезь, это не твое дело» тебе было не понятно?! — прикрикнул, заставляя Эбби вздрогнуть. — Ты что, действительно не усваиваешь с первого раза то, что тебе говорят?! Или ты просто настолько упертая, что не умеешь останавливаться??

— Я просто хочу помочь...

— Мне не нужна помощь. Особенно от тебя.

Развернулся, чтобы уйти, но она заставила меня остановиться:

— Всем нужна помощь, мистер Бейкер! И особенно вам! — я стоял посреди площадки и не двигался до тех пор, пока она не обошла меня со спины и не заглянула в глаза. — Я не знаю, почему вы хотите казаться хуже, чем есть на самом деле, — уже спокойнее, но также уверенно продолжала Эбби-

гейл, — но вы правы, во мне слишком много упорства. И его точно хватит, чтобы это выяснить.

— Повторяю, — сжимая кулаки, доходчиво произнес, — не лезь. Это...

— ... не твое дело, — закончила она, подходя ко мне практически вплотную. В её глазах горел настоящий огонь. — Я понимаю с первого раза, мистер Бейкер. Но дело в том, что я, действительно, не умею останавливаться.

— Ты просто не понимаешь, во что ввязываешься, — медленно шёл вперед, заставляя ненормальную отступить назад. Какой бы смелой она не была, *меня* она все же боялась. — Я не нуждаюсь в помощи. Мне не нужны твои советы, и уж тем более я не собираюсь раскрывать перед тобой душу, — когда она врезалась спиной в стену, упер свои руки по обе стороны от её лица. — Это не игра, Эбигейл. — Но если бы даже и была ею, она слишком опасная для такой, как ты. Твои попытки совершенно ни к чему бы не привели. Ведь я тоже не умею останавливаться.

— Я бы никогда не попросила вас остановиться, — неожиданно прошептала она, стойко выдерживая мой полыхающий взгляд, — если бы только вы позволили мне попытаться.

Её слова заставили растерянно застыть на месте.

Я заметил, как задрожал её голос. Не знал, была ли эта дрожь от того, что она боялась или от того, что на террасе стало слишком холодно, но решил не выяснять.

Убрал руки и отступил.

— Иди внутрь, — прошептал, из последних сил держа себя в руках. Заметил, как она открывает рот, чтобы ответить.
— Даже не думай спорить со мной.

Спорить она, действительно, не стала. Только вот я не знал, радоваться этому или нет, потому что с места ненормальная так и не сдвинулась.

— Почему тебе всегда нужно повторять по несколько раз?!
— разозлился, понимая, что хожу по краю. Что она залезла слишком глубоко. Капала слишком рьяно. А я просто не мог этого допустить. — Я же сказал тебе идти в дом!

— Я не могу, — просто ответила она.

— Почему? — сквозь зубы проговорил я. — Забыла, как это делается?

— Вы ничего мне не ответили. Я просто не...

— Эбигейл, черт тебя подери, иди внутрь!! — закричал так сильно, что девчонка даже зажмурилась.

И, черт возьми, как же хорошо, что в доме орала музыка.

— Не пойду, — твердо сказала она, пока её пальцы вжимались в стену. — Пока вы не ответите мне.

— Пока не отвечу? — злился, упираясь ладонями в камень.
— Ты так сильно хочешь, чтобы я тебе ответил? Почему?

Эбигейл смотрела точно в мои глаза, не смея отводить своих.

— Потому что это важно для меня.

— Почему, Эбигейл?! — неожиданно схватил её за плечи, чувствуя, как она вздрагивает. — Почему это важно для те-

бья?! Почему ты не можешь просто оставить меня в покое?!

— Потому что знаю, каково жить с невыносимой болью внутри! — так же сильно закричала она. — Потому что знаю, что такое день ото дня собирать себя по кусочкам! — её глаза наполнились слезами, но огонь в них стал лишь сильнее. И от этого я непроизвольно замер. — Не только ваша жизнь играла с вами в войну, мистер Бейкер, — продолжила она. — Только вот моя война научила меня никогда не опускать руки и бороться до самого конца. У меня за спиной всегда стояли люди, которые бились вместе со мной, и именно они давали мне силы на то, чтобы после каждого падения я вставала вновь. Я не заставляю вас принимать мою помощь, но это вовсе не означает, что я отступлю. Даже если вы начнете бой в одиночку, вы никогда не будете сражаться один. Потому что и за вашей спиной всегда будет кто—то стоять.

Видел, что последние слова дались ей с огромным трудом, потому что она прошептала их одними губами. Эбигейл так быстро сорвалась с места, что даже не позволила мне ответить.

Но даже если бы и позволила, что я мог сказать?

Чувствовал, что, говоря ему все это, она была искренна, как никогда.

Чувствовал, что, пытаясь достучаться до него, растеребила собственную рану.

Но больше, чем всё это, чувствовал, что она смогла найти внутри меня то, что я считал навсегда потерянным.

жал пальцы в кулаки и со всей силой ударил ими по стене. Закрывая глаза и сдерживая внутри мучительный крик. Прикосновение холодного камня к коже заставило плотно стиснуть зубы.

Я не должен был меняться. Просто не имел права. Мне нужно было научиться контролировать в себе то, что она смогла пробудить. Мой Зверь должен быть сильнее. Всегда. И во всем.

Медленно дышал, пытаюсь снова взять себя в руки.

Ей не удастся изменить меня. Не удастся спасти.

Она просто не понимает, с чем ей придется столкнуться.

Не понимает, что внутри меня сидит Тьма. И что для меня уже нет обратного пути.

Потому что тот, кто хотя бы раз коснулся этой тьмы, навсегда остается в её власти.

Господи, в этой девочке было столько света... столько чистоты, силы и веры...

Я просто не мог позволить ей пойти за мной. Надеяться на то, чему не бывать.

Она должна была держаться от меня как можно дальше. И я должен был сделать так, чтобы она сама захотела уйти.

А для этого должен был показать ей своё истинное лицо.

Лицо дикого Зверя с душой существа Дьявола.

9. Эбигейл и Дарен

Выбежала с террасы в зал, и остановилась в дальнем углу стены, хватаясь за неё, как за опору. Пыталась успокоиться, но грудь сдавливало с такой силой, что дышать становилось невозможно. Из глаз брызнули слезы, заставляя ощутить тянущую боль в груди. Казалось, словно кто—то медленно резал мою плоть лезвием, стараясь при этом заставить кричать как можно сильнее, намеренно оставляя в сознании и лишая даже капли морфина.

Крепче вцепилась пальцами в штукатурку, чувствуя, как старые раны открылись вновь. И ныть стали вдвое... нет, вчетверо сильнее.

Я лечила эту боль неделями, месяцами, годами.

Долгое время училась контролировать её действие внутри.

И именно в тот момент, когда решила, что, наконец, справилась, — всё, чего таким упорным трудом добивалась, рухнуло перед моими глазами как карточный домик.

Порывисто. Безжалостно. Лишь от одного дуновения ветра.

Мы никогда не забываем боль своего прошлого.

Да, она утихает. Становится меньше и ощущается не так явно. Но, вместе с тем, навсегда остается с нами.

Я не знала, сколько проплакала, но каждую минуту, проведенную в пелене воспоминаний, всеми силами пыталась отогнать их прочь.

Как можно дальше от меня самой. Как можно дальше от моей семьи.

— Эй, а я везде тебя ищу, — обеспокоенный голос заставил взять себя в руки. Сделать вид, что ничего не случилось. И, насколько это было возможно, улыбнуться.

— Музыка была слишком громкой. Мне захотелось немного побыть в тишине.

Весьма странная отговорка для той, которая почти всю свою жизнь проработала в баре в самом центре Манхэттена, где о тишине и покое люди, по всей видимости, даже и не слышали. К такому — хочешь ты или нет — привыкаешь. Вот и я привыкла. Так что громкая музыка в последнюю очередь могла заставить меня чувствовать дискомфорт.

— Понимаю, — улыбнулась Элейн, — к тому же этот вечер забрал у тебя много сил.

— Да, — согласилась я, мыслями находясь совсем не здесь.

Я думала о мужчине, который остался за стеклянными дверьми, и который заставил меня чувствовать необъяснимое желание быть рядом.

Быть рядом для того, чтобы в любой момент, когда это только понадобится, прийти ему на помощь.

Я вспомнила боль, промелькнувшую в его глазах. Вспомнила его сжатые в кулаки пальцы, напряженные скулы. Он

не хотел моей помощи, однако отчаянно в ней нуждался.

Я знала это. Ощущала каждой клеточкой.

Двери с шумом разъехались, и мы с Элейн повернулись.

Дарен вышел с террасы. Его взгляд был опущен, а тело все так же напряжено.

Когда он поднял глаза, я замерла.

Дыхания снова не хватало, а сердце начало колотиться с удвоенной силой. Но вот только причина этому теперь была совершенно иная.

Одного его взгляда, казалось, было достаточно, чтобы понять, что творилось у меня на душе. Он словно видел меня насквозь. Чувствовал всё, о чем я думала. И разделял эту боль вместе со мной. *Пытался* разделить.

Такой мягкости в его глазах я еще никогда прежде не видела.

— Тоже захотел побыть в тишине? — с легкой издевкой спросила Элейн, широко улыбнувшись.

Выражение на лице Дарена переменилось — перед нами снова стоял тот суровый надменный Гордец, которого когда-то я впервые встретила в переулке.

— Важный звонок, — ответил он, поворачиваясь к сестре.

— О да, — она весело закатила глаза, — работа прежде всего.

— Дарен! — сладкий, но вместе с тем, властный голос, заполнил пространство. — Я везде тебя ищу! Ты что, забыл, что должен дать Агнесс Янг интервью? И *они* уже давно при-

шли, — со странным намеком сказала Холли, а затем схватила Дарена под руку и, повиснув на ней, повела его за собой.

Её хищный взгляд и наглая улыбка громко кричали: «смотрите, стервы! Это *мой* мужчина! Дарен Бейкер принадлежит *мне!*».

Не выдержав, закатила глаза. *Вот же фифа.*

— Пойдем со мной, — не громко позвала Элейн. — Я хочу кое с кем тебя познакомить.

Мы двинулись через толпу по направлению к лифту. Элейн здоровалась с теми гостями, которых ещё не видела. Кому—то кивала, кому—то улыбалась.

Было так странно наблюдать за настоящими эмоциями и чувствами и понимать, что почти каждый присутствующий здесь был открыт и сердцем, и душой. Чист и неподделен.

Возможно, это высшее общество было не такое уж и фальшивое.

— Грег!

Один из мужчин повернулся, и лицо его моментально засветилось.

— Как чувствует себя моя самая любимая пациентка?

Довольно привлекательный шатен — высокий, стройный, молодой и с притягательными ямочками на щеках. Однозначный любимец женщин.

— Ты спрашивал меня об этом полчаса назад, — тепло улыбнулась она, вынуждая мужчину усмехнуться, — я хочу кое с кем тебя познакомить. Эбигейл — моя добрая подруга,

хозяйка и фея этого вечера.

Я бы не выражалась столь категорично...

— Так это вы? — *ко всему прочему, у него были безумно красивые глаза...* — А я всё думал, кто же эта волшебница, которая сотворила подобную красоту. Я Грег, — он взял стакан в другую руку и протянул мне свободную, — Грег Мартин. Врач вот этой ненормальной, — кивнул он в сторону Элейн, и айкнул, когда та стукнула его по ноге.

— Очень приятно, — улыбнулась, вкладывая свою ладонь в его.

Замерла, когда Грег поднес мою руку к губам.

— Мне ещё приятнее. Я только что познакомился с самой соблазнительной женщиной этой вечера.

Не знаю, почему, но его взгляд притягивал, словно магнит.

— Не смущай девочку, Грег, иначе она решит, что ты патологический бабник, — он усмехнулся, а Элейн повернулась ко мне. — Этот человек прекрасный доктор, но иногда его язык шевелится быстрее мозга.

Он широко улыбнулся, а затем наклонился ко мне. Его рука коснулась талии.

— Не верьте ей. Она любит преувеличивать.

— Мисс Бейкер, — симпатичная блондинка невысокого роста, которую я, кажется, уже видела в офисе, протиснулась к нам через толпу.

— Да, Нора?

– Ваш брат попросил напомнить про лекарства.

– Да, спасибо. Он прав, я чуть не забыла, — Элейн повернулась ко мне. — Ничего, если я ненадолго покину тебя?

– Да... — растянула, а сама ощутила легкий приступ паники, — иди... всё хорошо.

– Уверена?

Кивнула, несмотря на то, что знала, что буду ощущать себя «не в своей тарелке».

Очень неудобно находиться среди людей совсем не твоего круга и каждый раз бояться сказать или сделать что—то не так. Особенно, если иметь моё имя, мой характер и мою фантастическую привычку постоянно влипать в неприятности.

– Не переживай, — произнес успокаивающий голос рядом, — я же здесь. И не оставлю Эбигейл ни на секунду. Обещаю.

Элейн удовлетворительно улыбнулась, а затем прошептала:

– Я скоро вернусь. Вот увидишь, Грег не даст тебе заскучать.

Кивнула, пытаюсь скрыть волнение и перестать сжимать пальцами платье.

И дышать—дышать—дышать...

– Шампанского?

– Ммм благодарю, но я не пью.

– Серьезно? Совсем? Ни вина, ни коктейлей?

Я завертела головой.

— Не выношу алкоголя.

— Что ж, — улыбнулся он, поставив оба бокала, — тогда это нам не нужно.

Я растеряно посмотрела вслед уходящему официанту.

— Но вы же даже не притронулись...

— Всё нормально, — улыбнулся Грег. — Если честно, я тоже не любитель.

— Но отчего—то я всё же чувствую себя виноватой.

— Это легко исправить, — услышала, краем глаза замечая протянутую ладонь.

— О, нет, я... не танцую...

— Тебе нечего бояться, — тихо произнес Грег, едва ощутимо касаясь моей руки.

Словно нежное перышка, которое всколыхнул легкий ветерок.

— Я не боюсь. Просто... — закусил губу и призналась: — не очень умею.

— Ах, вот оно что. — тихо рассмеялся он, и я засмотрелась на появившиеся на его щеках ямочки. — Тогда всё ещё проще, чем я думал. Просто танцуй сердцем, — он медленно потянул меня в зал, и я, сама того не осознавая, поддалась.

Очнулась, когда почувствовала, как его ладонь мягко скользнула по талии.

— Но я...

— Доверься мне, — тихо попросил он.

И этих простых слов оказалось достаточно для того, чтобы я расслабилась.

Положила руку ему на плечо и заглянула в глаза.

Грег был выше меня на целую голову. Я не носила каблук, а платье надела не самое роскошное, так что теперь, помимо того, что мне было жутко страшно, я ещё и чувствовала себя очень глупо. И выглядела — уверена — так же.

— Не думай ни о чем, — прошептал Грег, медленно наклоняясь к моему уху. — Ты прекрасна.

Сморгнула, чувствуя, как колотится сердце.

Мы были знакомы всего пять минут, а он умудрился считать меня, словно открытую книгу. Как?

Размышления прервала заигравшая музыка и появившаяся на сцене Лара.

Теперь на ней был изящный шелковый комбинезон с глубоким декольте, изумительно подчеркивающий шикарную фигуру. Я даже не сомневалась, что взгляды абсолютно всех мужчин в зале были прикованы к будоражащей кровь итальянке.

На какое—то мгновение мне захотелось ощутить такие взгляды и на себе. Хотя бы один такой взгляд. Но я усмехнулась и прикрыла глаза, отбрасывая в сторону глупости.

Никто и никогда не станет смотреть на замухрышку вроде меня с таким же неприкрытым желанием. Это была не моя сказка.

Не моя.

Я стоял у стены, скрестив на груди руки, и наблюдал за тем, как Грег Мартин выводил Эбигейл в центр зала. Я уважал этого человека, потому что именно благодаря ему моей сестре с каждым днём становилось всё лучше, но то, что он так настойчиво обхаживал эту сумасшедшую выводило меня из себя. И выводило так сильно, что кроме своего кулака и его рожи я больше уже минут пять ничего вокруг не видел.

Мной овладевало дикое желание сорваться, схватить её за руку и увести как можно дальше. От этого места. От этих людей. И особенно, мать его, от Грега Мартина.

Какого черта она вообще пошла с ним танцевать?

А главное, какого черта его сестре пришло в голову их знакомить?

Неужели это было так необходимо?

Сильнее сжал в пальцах бокал, который, наверное, лопнул бы, если бы мою руку не накрыла дружеская ладонь.

Пол встал рядом и без единого намека на веселье посмотрел мне в глаза.

– Ты в порядке?

– В полном, — процедил, а затем резко поставил стакан.

Отвел взгляд, но слишком поздно — Пол всё понял.

Я знал это. Потому что мой друг не был полным идиотом.

– Элейн приняла необходимые лекарства. Ты можешь не волноваться, я все проконтролировал.

– Когда все закончится, отвези её домой.

– А ты?

– Сначала решу кое—какие дела.

Одна лишь мысль о том, что кто—то дотрагивается до этого светловолосого ангела, сводила с ума. И с каждым разом сдерживать эмоции внутри становилось всё труднее.

Какого хрена со мной происходило?

Кажется, я задавался этим вопросом слишком часто, но ещё ни разу не получил даже гребаного намёка на ответ.

Зато ощущал, как новые эмоции накрывают каждый раз, когда я думал о ней или она просто находилась рядом. И даже привычный, обыденный гнев обретал какие—то совершенно новые, ранее несуществующие оттенки.

Чужая рука скользнула по её талии. Сладкий шепот заставил робко улыбнуться. Почему она улыбалась?! Почему она, твою мать, улыбалась ему?!

Пальцы инстинктивно сжались в кулаки.

Костяшки побелели, а ногти до боли впились в кожу.

Я почувствовал, как кровь в жилах замедлилась, как оголился каждый нерв внутри, а инстинкты почти полностью взяли верх над разумом — Зверь просыпался. И он был чертовски разъярен. Был готов рвать в клочья.

Безжалостно. Варварски. Как можно сильнее мучая свою жертву.

А точнее, этого донжуана в халате, фривольно посягнувшего на то, что ему даже не принадлежало. И принадлежать никогда не будет — уж в этом сомнения не было.

Эбигейл что—то сказала Мартину и неожиданно оступилась. Я дернулся, готовый подбежать к ней настолько быстро, насколько это было возможно.

Но не пришлось.

Не мои руки подхватили её.

Не мои руки прижали её сильнее.

И застенчиво улыбнулась она тоже совсем не мне.

Твою мать, как же всё чесалось.

Как же сильно хотелось подойти и...

Когда расстояние между «парочкой» сократилось сильнее, я сорвался.

— Да пошло оно всё, — прорычал, и до боли стиснув зубы, направился в зал.

Я заметила Его еще несколько минут назад.

Дарен стоял у стены и, казалось, спокойно наблюдал за гостями, но отчего—то я чувствовала его взгляд именно на себе.

Показалось или...

Нет. Эбби, милая, спустись с небес на землю и перестань грезить о невозможном.

Разве может такой статный мужчина как Дарен Бейкер выбрать объектом своего внимания простую и невзрачную...
меня?

В зале было столько шикарных женщин, которых я не побоялась бы назвать красавицами. Их внешность и манера по-

ведения, наверное, были настоящим эталоном. До которого мне самой вряд ли было по силам дотянуться.

– Ты в порядке?

– Что?

Подняла глаза и неожиданно оступилась, не удержав равновесие. Грег подхватил меня, предотвращая позорное падение, которое, если бы не он, точно бы состоялось.

– Прости, — улыбнулась ему. — Говорила же, что совсем не умею танцевать.

– А мне показалось, что ты прекрасно танцуешь.

– Я неуклюжая, — объяснила, напоминая, как только что едва не шлёпнулась. — Особенно в танцах.

– Пока я рядом, тебе нечего бояться. — он сильнее притянул меня к себе. — Если только ты не мечтаешь стать звездой этого вечера, тогда, я могу помочь, — прошептал Грег, и, не выдержав, я залилась смехом.

– Не мечтаю. Но если мне очень захочется — я непременно к тебе обращусь.

– Буду рад помочь, — весело подмигнул он.

Я улыбнулась и покачала головой.

Мы познакомились менее получаса назад.

Казалось, чужие друг другу люди должны ощущать хотя бы некоторую неловкость, танцуя вместе. Но чувство легкости рядом с этим мужчиной появилось почти тут же. И весь танец ни на секунду меня не покидало.

Я уже в который раз задержала свой взгляд на его улыбке

— она была не такой, как у других мужчин. Не хищная. Не собственническая. Не фальшивая. А самая искренняя и настоящая. Улыбка, за которой ничто не скрывалось. И которая ничего не требовала взамен.

— Ты случайно ничем не разозлила хозяина вечера?

Моргнула, не сразу осознавая вопрос.

С губ чуть было не сорвалось справедливое «что?», но затем я вспомнила, что Дарен Бейкер, как и Брюс Беннер, был зол постоянно.

— Не обращай внимания. Порой мне кажется, что с таким выражением на лице он родился. — я думала, что вышло хотя бы чуточку смешно, но серьёзность в глазах Грега от этого только усилилась.

— Не тот случай.

Проследив за взглядом Грега, я повернулась.

И тут же об этом пожалела.

Вы когда—нибудь видели разъяренного дикого волка?

Его затуманенные, бешеные глаза, горящие безумным пламенем и ужасающий оскал, от которого мурашки бегут по коже? Взгляд хищника на жертву, от которого подкашиваются ноги и перехватывает дыхание?

Именно так смотрел на меня Дарен Бейкер — как зверь на свою добычу.

И когда он приблизился, я почувствовала, как страх сковал всё тело.

— За мной, — рывкнул он, а затем схватил меня за руку и

куда—то потащил.

Я не ощутила и малейшего препятствия для Дарена — Грег легко отпустил мою руку, позволив Гордецу меня забрать.

Быстрым шагом пробираясь через толпу, он уводил меня всё дальше.

С молниеносной скоростью преодолевая ступеньки, что позволяло ему фактически взлетать наверх. ЕМУ. Не мне.

Ну уж нет.

Не дожидаясь конца лестницы, резко выдернула свою ладонь из его руки и вцепилась пальцами в перила. Дарен тут же остановился и развернулся.

— С ума сошла?! — закричал он. — А если бы упала?! Совсем не думаешь головой?!

— Это вы не думаете головой! Кто дал вам право хватать меня и тащить сюда без моего согласия?

— Это право дала мне *ты*, когда согласилась работать на меня! — он подошел ближе. — И я буду хватать тебя, когда захочу и тащить куда захочу!

— Вот именно, мистер Бейкер! — ткнула в него пальцем. — Я всего лишь *работаю* на вас. Я не ваша кукла и уж тем более не ваша рабыня, которой вы можете распоряжаться! Поэтому нет, вы больше не будете хватать меня, когда вам заблагорассудится!

— Я буду хватать тебя, Эбигейл, — в доказательство своим словам Дарен резко вцепился в мои плечи. — И знаешь,

почему?

Я испуганно, но гордо смотрела ему в глаза, ожидая, пока он ответит. Но он молчал.

Его взгляд был настолько безумным, что заставлял невольно дрожать.

Я с ума сходила от страха, практически умирая от одного его вида, но будь я проклята, если позволю ему это почувствовать.

Собрав всю свою волю в кулак, вздернула плечи и отошла в сторону, стряхивая с себя его руки. Ощутила, как запылали глаза — пусть знает, что не только он умеет злиться.

– Я выполнила поручение. Предоставила напитки и даже организовала этот вечер. Сделала сверх того, что умела и с чем должна была справиться, когда давала своё согласие. И теперь, как бы сильно вам не хотелось, я больше на вас не работаю. С этой самой минуты все ваши причины для меня совершенно ничего не значат.

Он стоял молча всего мгновение, а затем развернулся и направился в другой конец комнаты. Я внимательно наблюдала за тем, как он медленно подходит к большому комоду и, открывая верхний ящик, достает оттуда папку.

– Возьми.

– Что это?

– Прочти и узнаешь.

Я осторожно взяла из его рук красную папку и опустила на неё свои глаза. Красный с самого детства внушал мне чув-

ство опасения, наверное, оттого, что был самым агрессивным, и одновременно самым сильным из всей цветовой гаммы.

О, как же точно он подходил этому Гордецу!

Не без волнения открыла первую страницу.

Глаза пробежались по напечатанным буквам. Сердце гулко застучало, когда я поняла, что именно держу в руках. Сглотнула и несколько раз сморгнула, отказываясь верить тому, что вижу. Снова пробежалась по тексту, но ничего не изменилось.

Значит, не показалось. Мой мир, в самом деле, только что рухнул.

– Хочешь ещё раз повторить все то, что сказала?

Триумфа в его голосе не заметил бы только истинный глупец.

– Я не... вы купили бар? — подняла на него глаза. — *Мой бар?*

– Именно это я и сделал, — ответил Дарен, засовывая руки в карманы брюк.

– Но... Гарри не мог... он бы никогда...

– Он продал бар совершенно не раздумывая, стоило ему лишь услышать, какую цену я предлагаю. Я же говорил вам, мисс Дэвис, за деньги в этом мире можно купить всё.

– Зачем вам это? — не понимала я, слабо цепляясь пальцами за края папки. — Какую выгоду вы получили, купив «J9»? — он молчал, но я не собиралась сдаваться. — Я ра-

ботала у вас не так долго. И, возможно, не всегда понимала мотивы ваших поступков. Но одно я всё же поняла — вы никогда и ничего не делаете просто так. Вы бы не купили этот бар, если бы что—то с него не получили. Так что же это? — он молчал, но я не сводила с него взгляда. — Ответьте! Почему вы купили мой бар?

Его глаза горели сильнейшим пламенем, которое я когда—либо видела. Пламенем настоящего Ада.

— Причины моих поступков совершенно ничего для тебя не значат. Разве не так ты сказала мне пять минут назад?

Сглотнула, понимая — да, так.

— Вы не можете просто взять и поставить меня перед фактом, — затараторила, хотя и понимала, правда не на моей стороне. — Вы должны сказать мне причину!

— Я не обязан был информировать тебя даже о том, что купил бар, — прошипел Дарен, подходя ко мне практически вплотную, — и уж тем более я не намерен говорить с тобой о причине.

— Тогда для чего вы вытащили меня с танцпола и силой притащили сюда? — я ощущала странную дрожь по телу, но старалась не подавать вида.

Расстояние между нами было настолько незначительным, что я могла чувствовать бешеную музыку, с которой отбивалось его сердце. И, кажется, моё собственное отвечало ему тем же самым безумным ритмом.

— Я сделал то, что посчитал нужным, и не собираюсь об-

суждать с тобой свои решения.

Мы просто стояли и смотрели друг на друга, и я ощущала, как задыхаюсь.

Ещё никогда в жизни я не испытывала ничего подобного. Сердце замирало так, словно я балансировала на самом краю утеса, пытаюсь найти опору, и чувствуя непреодолимый страх споткнуться и сорваться вниз. Но одновременно с этим меня необъяснимо влекла эта пропасть, и я понимала, что готова была добровольно в неё шагнуть.

Заметила, как его взгляд переместился на мои губы, и поняла, что невольно их приоткрыла. Сильнее вцепилась пальцами в перила. И закрыла глаза, пытаюсь дышать.

Я не знала, почему ощущала всё это. Не понимала, почему он не выходил из моих мыслей. Но, самое главное, не могла объяснить реакцию собственного тела на его близость и прикосновения.

Почувствовав, что Дарен отошел, медленно открыла глаза.

Он отвернулся и теперь стоял ко мне спиной. Напряжение его тела было настолько сильным, что, казалось, заставляло комнату и все предметы в ней неосознанно вибрировать.

– Продолжишь свою работу с понедельника, — его резкий голос заставил меня замереть. — И не опаздывай. У тебя будет много дел.

Не повернувшись, он преодолел лестничный пролёт, и вскоре я услышала, как внизу хлопнула дверь. Всё ещё цеп-

ляясь за перила, опустилась на ступеньку и, наконец, смогла выдохнуть.

Физически. Но не морально.

Прошедшая неделя была очень тяжелой. И наступающие выходные были необходимы мне как воздух. Мне нужно было перевести дух и прийти в себя.

Целых два дня на то, чтобы не видеть его. Не говорить с ним и не вспоминать о нем.

Я проведу это время семьей. Мы уедем за город. Как можно дальше от этой жизни. И, самое главное, как можно дальше от *него*. Да. Это поможет отвлечься и расслабиться. А затем, вернувшись, я обязательно что—нибудь придумаю.

Разберусь со всеми проблемами одним щелчком пальцев. И буду готова к абсолютно любому повороту.

Даже самому неожиданному.

10. Дарен и Эбигейл

Ноги на ширине плеч. Локти вниз. Сжатые в кулаки пальцы у лица. Колени согнуты. Спина прямая. *Удар.* Адреналин начинает наполнять кровь. *Снова удар.* Затем ещё и ещё.

Ни за что не останавливаться. Бить чаще, интенсивнее и сильнее. Бить так, чтобы чувствовать, как ломит тело, и ощущать, как горят костяшки пальцев. Бить до последнего вдоха, борясь с усталостью и изнеможением.

Бить. Бить. Бить.

И не думать больше ни о чем. И *ни о ком.*

Думать лишь о боли. Нуждаться в ней отчаянно. Безумно. Зверски. Как никогда ранее. Так, словно от неё зависит жизнь. Словно навеки связан с ней единой нитью.

Стискивал зубы при каждом новом ударе, стараясь лишь ускорять свой ритм, чувствуя, что только так в полной мере насыщает своего Зверя.

Отключая разум. Давая волю инстинктам. И ни на толику не жалея себя.

Сегодня Тьма внутри меня возьмет всё, что ей будет нужно, и я отдам это, совершенно не сопротивляясь. Полностью покоряясь её воле. *Ведь тот, кто совершает ошибку, должен быть наказан.* Это правило, которому я безоговорочно следовал всю свою жизнь. И которое впервые за долгие годы

мне приходилось применять к себе.

Дарен Бейкер никогда не ошибается? Черт возьми, да!

Но то, что было истиной такое долгое время, этим вечером моими собственными усилиями полетело в тартарары. И виной тому была *она*. Девушка, которая не выходила из моей головы. Девушка, чье имя постоянно хотело сорваться с губ, и чей образ беспрерывно всплывал перед глазами.

Она перевернула мой мир. Заставила мою жизнь пойти под откос. Разрушила то, что я такими усилиями столько лет возводил. И что же я? Вместо того, чтобы держаться от неё как можно дальше, купил бар, в котором она работает.

Какого хрена, Дарен?! Чем ты, твою мать, думал, когда делал такую глупость?! Неужели эта сумасшедшая девчонка на самом деле так сильно въелась в твою голову?!

– Дьявол!!!

Ударил, что есть мочи. Так, как не бил еще никогда в своей жизни. И снаряд, не выдержав нагрузки, слетел с цепи и отлетел в другой конец зала.

Зарычал, выпуская наружу то, что так долго томилось внутри, а затем мощными и частыми движениями стал наносить удары в стену.

Один. Второй. Третий.

Мне нужно было чувствовать боль. Сильную. Мучительную. Невыносимую.

Потому что тварь внутри меня жаждала крови. И я с лихвой отдавал её ей.

Пот ручьями стекал по обнаженной спине. Я ощущал, как ныла каждая мышца, а костяшки пальцев всё сильнее неме-ли. Стал замедлять темп, чувствуя, каким болезненным ощу-щается каждый новый вдох и с каким трудом он дается.

Грудь горела и часто вздымалась. Руки ослабли и перестали слушаться, но если бы было нужно, я бы ударил снова. Бил бы до тех пор, пока не перестал бы дышать.

Если бы только было за что бороться.

— Дарен? — голос сестры заставил сморгнуть. — Ты здесь?

— Да, — крикнул, преодолевая жгучую боль, — сейчас поднимусь.

С усилием оттолкнувшись от стены, стиснул зубы и направился в сторону «душа».

Быстро вылив на себя ведро ледяной воды, натянул майку, передел штаны и направился к лестнице, бросив невольный взгляд в сторону валяющейся в углу боксерской груши. *С какой же силой я бил, что сумел оторвать прочно прикрепленный снаряд?*

Поднявшись наверх, встретился с облегченным взглядом Элейн.

— Я тебя уже пару часов ищу, — весело заметила она, — думала, что ты, как всегда, весь погряз в работе. Но оказывается, Пол был абсолютно прав. Ты снова торчал в своем ужасно—страшном подвале.

— Что—то случилось? — спросил, вытирая руки полотен-

цем.

— Нет, — улыбнулась она, — скорее, у меня есть для тебя новость. Ну, или просьба. Хотя, наверное, это всё же требование, потому что я не хочу, чтобы у тебя было право выбора. Но я обещаю, что тебе понравится!

— Эл, ты же знаешь, что я не люблю сюрпризы.

— Это не сюрприз. Хотя, конечно, с какой стороны посмотреть... — заметив мой настороженный взгляд, она быстро покачала головой. — Нет, точно не сюрприз.

— Ты скажешь, в чем дело или нет?

Перекинул полотенце через плечо.

И тут же об этом пожалел.

Взгляд Элейн упал на мои руки. Она замерла, а в глазах застыл ужас.

— Боже, что с тобой?!

— Все в порядке, — хотел спрятать руки, но Элейн быстро их перехватила.

— Нет! Что же может быть в порядке, если твои руки все в садинах и... это что, кровь?!

— Элейн...

— Миссис Поттс, — не слушая, закричала она. — Скорее идите сюда!

Женщина, с детства работающая в их доме и знающая их с пеленок, прибежала так быстро, что я даже рта не успел открыть.

— Мисс, — кивнула она, — вам что—нибудь нужно?

– Да, — встревожено пролепетала она, — принесите, пожалуйста, аптечку.

– Не нужно.

– Нет, нужно.

Ни одна, ни другая женщина даже и не думали меня слушать.

Когда миссис Поттс ушла, Элейн потащила меня к дивану.

– Ты вечно всё преувеличиваешь.

– Садись и молчи, — велела она, и я подумал, что властный характер, по всей видимости, всё же был у Бейкеров в крови.

Не спеша опустился на диван, позволив сестре коснуться ноющих ссадин.

Дернулся и стиснул зубы, приказав себе терпеть.

– Прости, — поймал на себе её виноватый взгляд. — Очень больно?

– Нет, — попытался убрать руки, но Элейн не позволила, осторожно замотав головой, словно умоляя позволить обрабатывать раны.

Она была всей его жизнью... его смыслом. Разве он мог огорчить её?

Миссис Поттс принесла аптечку, и Элейн начала доставать оттуда необходимые баночки. Промокнув вату в какой-то жидкости, она немного подождала, а затем медленно опустила её на ранку. Я с силой стиснул зубы, и она не смогла этого не почувствовать.

— Почему ты тренировался без бинтов? — тихо спросила, не поднимая глаз. — Почему так хотел сделать себе больно? Последний вопрос заставил меня застыть.

Она не должна была думать так. Не должна быть считать, что он нарочно причинял себе боль. Его сестра не окажется втянутой во все это. Он ни за что не потащит её за собой.

— Я не смог их найти, — соврал.

За что, наверное, буду гореть в Аду.

— Возможно, я в самом деле не знаю многих вещей, — она осторожно бинтовала его руки. — И безальтернативно прикована к коляске, не имея возможности спуститься вниз и убедиться, что всё именно так и есть. Я даже могла бы поверить в то, что так разбить свои пальцы можно просто колотя боксерскую грушу, — затем она остановилась и подняла на него свои глаза. — Но неужели ты действительно думаешь, что я не пойму, когда мой брат меня обманывает?

Увидел в её зеленых глазах столько боли и горечи, что сердце невольно сжалось.

Я не мог выносить её слез. И готов был убить любого, кто только посмел бы её обидеть. Мою маленькую сестренку, которую я поклялся всегда оберегать. И вот сейчас сам стал тем, кто заставил её страдать. *Но что я мог сделать? Разве у меня был выбор?*

— Эл...

— Я закончила, — сказала она, быстро отводя свой взгляд

и складывая всё обратно в аптечку. — Не мочи руки хотя бы несколько часов. Мазь должна полностью впитаться.

— Эй, — взял её за запястье, не позволяя уехать, а затем опустился на колени рядом. Элейн повернула голову и на мгновение прикрыла глаза. — Да, я такой. Но ты знаешь, что ты — всё для меня. И если я обманываю, то лишь для того, чтобы защитить тебя. Ты можешь злиться на меня за это. Можешь обижаться. Кричать. Ругать. Или даже швыряться вещами. Обещаю, я и слова тебе не скажу. Но только прошу, не отворачивайся от меня, — сглотнул, невольно сделав паузу. — Еще раз я этого просто не переживу.

Элейн медленно повернулась. В её глазах блестели слезы, но вместо обиды и горечи в них теперь горели сожаление и боль. Ей было больно *из—за меня*. Из—за того, что я заставил её вспомнить. И из—за того, через что *мне* пришлось пройти.

Она кинулась мне на шею и зажмурилась, прижимая меня к себе. Я слышал её тихое «прости» и чувствовал, как по щекам текут слезы. В её руках мне всегда становилось спокойнее. Я чувствовал себя нужным и важным. Чувствовал, что у меня есть семья.

— Так ты расскажешь мне о своей новости—просьбе—требовании? А то у меня уже колени затекли. — слегка навеселе признался я и ощутил, как Элейн улыбнулась. Она уже не плакала. Её голова спокойно лежала на моей груди, а руки ласково обнимали за плечи.

– Я и сама больше не могу молчать. Но ты должен пообещать мне, что скажешь «да» несмотря ни на что.

Я нахмурился.

– Почему мне кажется, что если я послушаю тебя, то обязательно об этом пожалею?

– Потому что ты параноик, — невозмутимо пожала плечами Элейн, а затем задорно улыбнулась. — Но если ты не попробуешь, то не узнаешь наверняка.

– И в кого ты такая лиса?

– В одного невыносимого зануду. Но не будем называть имен, — тут же отмахнулась она, заставляя меня тихо рассмеяться.

Я покачал головой, и она тоже не смогла сдержать улыбки.

Только Элейн могла заставить моё лицо светиться от счастья. Та, которая каждую минуту дарила мне то, чего за долгие годы так и не смогли дать самые, казалось бы, родные мне люди. *Любовь. Заботу. И бесконечную нежность.* И я хотел бы иметь возможность дарить то же самое в ответ. Хотел бы взять и просто обменять все отведенные мне секунды радости на её счастливую улыбку. И отдать свою жизнь за то, чтобы она снова могла ходить.

И я бы отдал. Если бы только мог.

– Эй, прием—прием, — Элейн помахала руками перед моим лицом, — очнитесь, мистер Бейкер. На календаре уже 2064, вам 80, автомобили летают, а инопланетяне захватили планету.

– Очень смешно.

Элейн не удержалась и вновь залилась звонким смехом.

Когда я поднялся, откинулась на спинку кресла.

– Так ты скажешь мне, что задумала или нет?

– Да, — ее улыбка стала шире, — когда услышу знаменитое слово Дарена Бейкера, которое не нарушается ни при каких обстоятельствах.

– Хорошо, — сдался, складывая руки на груди. — Я даю тебе своё слово. Теперь ты скажешь, за что я имел несчастье продать свою душу?

Элейн бросила белую бейсболку с надписью "Wild Man", которую я ловко поймал.

– Тебе это понадобится, — ответила она, не дожидаясь моего вопроса. — И оденься немного... посвободнее, — затем улыбнулась. — Сегодня это будет к месту.

Я не верил, что согласился на это.

Сказал своей безумной сестре «да» и теперь стоял на площади и, сунув руки в карманы джинсовых шорт, смотрел на огромную вывеску "Бронкский зоопарк".

Какого черта я тут забыл? Хороший вопрос, верно? Мало того, что теперь я весь день должен был гулять по парку, расточительно тратя своё время, так еще и одет был, как самый настоящий ребенок. Шорты, майка, бейсболка? Господи, хоть бы никому из моих знакомых не пришло в голову сегодня прогуляться по зоопарку.

— Эй! Ты долго будешь стоять у входа? Ну же, мы уже устали тебя ждать, — крикнула Элейн, широко улыбаясь и махая рукой.

Ей было хорошо. Она любила такие места. Обожала радость, веселье и беспечность, наверное, потому, что, отчасти, и сама была именно такой.

Только вот я таким не был, поэтому это место меня совсем не радовало.

— Я тебе мороженого купил, — Пол протянул мне сливочный рожок, посыпанный маленькими разноцветными шариками и сладкой стружкой.

— Оставь себе, — отвернулся, краем глаза замечая неодобрение на лице сестры.

Думал, что услышу что—то вроде «ты обещал мне вести себя иначе» или «разве ты не можешь просто расслабиться», но Элейн молча отвернулась и отъехала в сторону.

Ладно, разберусь с этим позже.

Хотел сделать шаг, но почувствовал, как что—то потянуло меня за штанину.

Опустил глаза, и тут же замер.

Рядом со мной стояла маленькая девочка с каштановыми волосами в розовом платье и внимательно смотрела на меня своими большими голубыми глазами.

— Дядя, а вы не можете мне помочь?

Осмотрелся, но не заметил никого, кто бы искал ребенка или просто наблюдал за происходящим неподалеку — *а по-*

чему нет?

— Чего ты... хочешь? — пытался говорить как можно мягче — ведь именно так обычно говорят с детьми — но чувствовал, что выходит как—то паршиво.

— Я потерялась, — тихо ответила она.

Твою мать, только этого не хватало.

— Ну я... кхм, — откашлялся, снова оглядываясь.

И что мне, черт возьми, теперь делать?! Я совсем не знал, как нужно общаться с детьми. Точнее, я просто с ними не ладил. Не сказать, чтобы испытывал ненависть к этим маленьким человечкам, но всё же старался держаться от них как можно дальше, потому что некоторые представители этого вида были настоящими дьяволятами.

И все же, эта девочка не внушала ужаса или отвращения.

Более того, её небесно—голубые глаза и милое наивное личико заставляло симпатизировать ей. Эта малышка напоминала маленького ангелочка.

Ещё раз огляделся и, удостоверившись, что никто не смотрит, неспешно опустился на корточки.

— Тебя разве не учили никогда не разговаривать с незнакомцами?

— Учили, — бойко ответила она. — Я знаю, что в мире очень много нехороших людей. И я не так доверчива, как другие дети.

— Тогда почему же ты подошла ко мне?

— Вы показались мне другим, — вдруг тихо сказала она, и

эти слова заставили меня застыть.

Ее глаза были такими глубокими, что казалось, продирали душу насквозь. Но разве это могло быть правдой? И разве маленькая девочка могла действительно чувствовать, что я чем—то отличался от других?

Нет. Конечно же, нет.

— Эй, ладно, давай—ка лучше найдем твою маму, хорошо?

— Не получится, — услышал, когда выпрямился.

— Почему?

— Просто у меня ее нет.

Несмотря на боль, которую должна была испытывать, она говорила ровно и спокойно. Так, словно и вовсе не нуждалась в матери. Но разве такое вообще возможно? Не хотеть родительской ласки? Вряд ли. Если только кто—то не заменил девочке маму так же, как это сделала для меня Элейн.

— Ты ведь здесь не одна, верно?

Она кивнула.

— Верно.

Подумал, как же сильно должно быть тот, кто дарит этой малышке любовь и заботу, волнуется и переживает. Ведь то же самое чувствует Элейн, когда меня долго нет рядом.

— Так, ладно, ангелок, — малышка улыбнулась, а я наклонился. — Рассказывай всё по порядку.

Вырваться из города. Расслабиться. Отдохнуть.

Именно это я вчера и планировала.

Реализовались ли мои планы? Смотря, с какой стороны посмотреть.

Мы действительно покинули шумный Манхэттен и выбрались на природу. Там, где были в тишине и покое, и где дышалось значительно легче. А главное, на все 200% я была уверена, что здесь уж наверняка не встречу этого невыносимого Гордеца.

Уж куда—куда, а в такие места он определенно был не ездок.

Конечно, выехать за пределы самого Нью—Йорка нам так и не удалось. Когда ваш штурман — маленькая шестилетняя девочка, то можете считать, что у вас нет никаких планов, ведь она создаст совсем новую программу на выходные.

Что, в принципе, и произошло.

– Биби, я хочу Поп—кейк¹¹.

– Ммм, — я улыбнулась, а затем слегка наклонилась к Адель, — Dippin`Dots¹²?

– Да! Я очень хочу пингвинчика!

– Будет тебе пингвинчик, — кивнула, а затем повернулась к девочкам, — а вам чего—нибудь хочется?

– Если сегодня у нас праздник в Dippin`Dots, то зеленый

¹¹ Pop Cakes – тортики на палочке, оригинальные кондитерские изделия с индивидуальным характером на любой вкус и аппетит, готовятся из натуральных ингредиентов.

¹² Dippin`Dots – американская компания. Производитель гранулированного мороженого и других десертов.

персиковый чай с клубникой, — отозвалась Элли, что—то внимательно записывая в свой блокнот.

— Я бы тоже попила что—нибудь охлаждающего, — выдохнула Мэнди, поправляя свою бейсболку, — жара сегодня стоит просто невыносимая. Думаю, что поездка к озеру была бы более удачной.

— Не начинай это снова, — покачала головой Элли, — ты же знаешь, как сильно Ади хотела в зоопарк. И это здорово, что мы собрались и вырвались сюда всей семьей. К тому же я, наконец, допишу свою работу о гориллах. Ведь посмотреть на их жизнь вживую, — это совсем не то же самое, что читать о ней в интернете.

— Ладно—ладно, — выдохнула Мэнди, — я готова искупить свою вину и сходить за десертами, — она протянула руку, и я улыбнулась, залезая в сумочку. — А тебе что—нибудь купить?

— Нет, мне ничего не хочется.

— Биби, я хочу залезть на вон того носорога! Все там фотографируются!

— Сейчас, милая, подожди минутку, — выпустила её руку из своей ладони, чтобы было удобнее доставать деньги. — Мы будем у носорога. И не покупай ничего лишнего.

— Понялааа, — прощебетала Мэнди и направилась в сторону кафе.

— И на что ты будешь снимать Адель? — улучив момент, спросила Элли, пока малышка отошла, разглядывая гуляю-

щего по территории зоопарка павлина. — Из нас всех телефон есть лишь у тебя, и то на нем нет фотокамеры.

— Я об этом не подумала, — расстроено прикусила губу.

— Надо было одолжить у Нэл фотоаппарат. Она же сто раз нам предлагала.

— Нет. Ты же знаешь, как её деспот-муж реагирует, когда она своевольно распоряжается "его" вещами, — сделала в воздухе кавычки. — Ей бы снова досталось.

— Да, ты права, — понимающе кивнула Элли. — Я попытаюсь поговорить с Ади. Может быть, вторая порция поп—кейка заставит ее забыть о фотографии.

— Адель, милая, мы... — слова застряли в горле, когда, обернувшись, я не нашла малышки. Стала озираться по сторонам, но глаза будто бы нарочно подводили — я нигде не могла её найти.

— Я посмотрю у носорога, — подорвалась Элли, замечая мой испуганный взгляд, — может быть, её просто не видно за другими детьми.

— Да... — кивнула, стараясь держать себя в руках.

Когда Элли убежала, прикрыла глаза и медленно выдохнула.

Еще ничто и никогда не заставляло меня бояться столь сильно. И всё потому, что ни один в мире страх никогда не сравнится со страхом потери. Потери того, кого любишь больше собственной жизни.

Доверилась своей интуиции и побежала в противополож-

ную сторону. Ее не было у носорога. Я чувствовала. Моей девочки там не было.

Осматривала каждого ребенка, боясь пропустить хотя бы малейшую, пусть даже и самую незначительную деталь. Искала возле ларьков с мороженым. Опрашивала прохожих, описывая приметы и дрожащими руками указывая рост, но все безрезультатно.

Никто не видел Адель.

Не понимая куда, но все же бежала дальше. Продолжала пытаться. Ведь если их девочка не найдется, то вся жизнь просто потеряет для меня всякий смысл.

– Вы нашли ее?

– Нет, — Мэнди отрицательно покачала головой. — Но обязательно найдем.

– Думаю, своими силами мы не справимся. Парк слишком большой, — констатировала Элли. — Надо сообщить охране. Объявление по...

– Внимание, — прозвучавший голос диктора заставил Элли замолчать. — Близкие Адель пройдите к будке охраны. Потерянная девочка цела и невредима. Повторяю: близкие....

– Кто—то догадался ещё до меня...

Не слушая сестру, я уже стремглав мчалась к будке.

— Готово, — произнес высокий и худощавый мужчина, заканчивая объявление и выходя из будки. — Теперь, кто бы

не искал эту малышку, он обязательно её найдет.

Адель застенчиво улыбнулась, когда он потрепал её по голове, взъерошив вьющиеся каштановые волосы.

Я кивнул.

— Больше не убегай, — попросил девочку охранник, опускаясь на корточки и протягивая ей конфету. — И обязательно повеселись. В нашем парке много интересного. Договорились?

Адель счастливо закивала, принимая из его рук сладость.

И всё же, какой бы умной эта малышка не была, она оставалась обыкновенным ребенком. Еще слишком наивным для этого жестокого мира. Девочкой, которая еще даже не представляет сколько зла, ненависти, зависти и пороков ожидает её впереди.

— Адель! — громкий крик прорезался сквозь толпу, заставив девочку повернуться.

— Биби! — она закричала так же сильно, а затем побежала в сторону зова, позволяя любимым, знакомым рукам тут же прижать её к себе.

— О, милая, ты так сильно меня напугала. Больше никогда так не делай, хорошо?

— Не буду, — пробормотала она, утыкаясь носом в родную шею.

Я был рад, что помог семье воссоединиться.

Единственное, чего не понимал — почему, когда услышал женский крик, сердце так заколотилось? И почему голос по-

казался таким знакомым?

Заметил, как к малышке подбежали еще двое. И, как Дарен понял из рассказа Адель, это были ее сестры: Мэнди и Элли.

— О, малышка, — та, что постарше, протянула к ней руки, — и заставила же ты всех нас понервничать! Эбби чуть инфаркт не хватил, когда она потеряла тебя из виду.

При упоминании знакомого имени, замер, выпуская руки из карманов и прислушиваясь.

— Я просто хотела посмотреть носорога, — прошептала девочка. — А затем увидела черепашку. Я потерялась, поэтому попросила хорошего дядю помочь мне.

Заметил, как напрягать спина девушки, которую Адель назвала Биби.

— Дядю?

— Да. Вон того.

Малышка улыбнулась и указала своим маленьким пальчиком на меня.

Девушка повернулась, и наши взгляды схлестнулись.

Я ощутил, как сжался желудок. И заметил, как побелело лицо сумасшедшей.

— Вы? — выдохнула она, по всей видимости, не до конца веря происходящее. Сказать по правде, я и сам не верил.

— Ты знаешь его? — попыталась тихо спросить блондинка, при этом широко улыбаясь. Эбигейл лишь неуверенно кивнула, не в силах вымолвить ни слова. — Ладно... эмм,

привет, — громче сказала она, сунув руки в задние карманы юбки. — Я Мэнди. А это Элли, — она указала на девочку помладше с такими же светлыми волосами и глубокими голубыми глазами, которая так же нерешительно помахала в ответ. На вид ей было не больше пятнадцати. — Мы... ммм, очень благодарны вам за помощь, — сказала она, наконец, подобрав нужные слова.

— Да... — поддержала её Элли. — Большое вам спасибо. И если мы чем-то можем вас отблагодарить...

— Не стоит, — прервал девочек, стараясь, как мог, смягчить свой привычный тон.

Они замолчали, а та, с которой я не сводил взгляда, опустила глаза вниз.

Что она чувствовала? Почему молчала? И как ему, черт возьми, теперь быть?

— Дарен! Мы тебя уже полчаса ищем, ты же нев... Эбби? — Элейн рассмеялась, не веря своим глазам. — О, Боже, невероятно! Что ты здесь делаешь? — она еще больше рассмеялась и покачала головой, подъезжая ближе. — Господи, какой странный вопрос я задала... нужно было просто сказать, как я рада тебя видеть!

— Ничего, — улыбнулась Эбигейл, начиная, кажется, приходить в себя. — Я тоже рада видеть тебя. И тебя, Пол, — она кивнула улыбающемуся парню, — затем немного помедлила и тихо произнесла: — И вас, мистер Бейкер.

Она не подняла на меня взгляда, но я и без того уловил

её смятение.

— А это твои сестренки, верно? — прошебетала Элейн.
— О, что за прекрасные создания. И эта малышка...

— Ты тоже заметил, что старуха Судьба вечно сводит вас двоих вместе? — спросил тихий голос рядом.

Я даже вздрогнул, а затем повернулся, замечая довольное лицо друга.

— Не носи чепуху, — зло бросил, складывая руки на груди.
— Ты же знаешь, что я не верю во всю эту ерунду.

— Да, — ответил Пол, принимая такую же позу. — Но ведь это же не означает, что я не прав. Верно?

Хмуро посмотрел на друга, ощущая дикое желание стереть с его рожи эту самодовольную ухмылку. Друзья друзьями, а убить в этом придурке Всезнайку с каждым днем хотелось всё сильнее.

— Знаю, — вдруг сказал он, поворачивая голову, — иногда у меня тоже появляется желание тебе врезать, — Пол снова широко улыбнулся. — Не только я могу быть занозой в заднице.

— Эй, вы там! — позвала Элейн, заставляя нас повернуться. — Хватит секретничать. У меня появилась отличная идея, и я знаю, что всем вам она тоже придется по вкусу.

Снова она что—то удумала. Господи, вразуми её.

— Почему—то мне кажется, что я знаю, что именно пришло ей в голову, — прошептав, улыбнулся Пол.

— Тише ты, — шикнула на него Элейн, и он извиняю-

щее поднял ладони, заставляя девушку рассмеяться. Только вот мне было совсем не до веселья. — Я думаю, что нам нельзя упускать такую отличную возможность, — между тем продолжала она. — Раз уж мы встретились в самом начале путешествия, я предлагаю, отныне, продолжать его вместе. По—моему здорово будет, правда?

— Нет! — одновременно воскликнули мы с ненормальной, после обменявшись невольными взглядами. Заметив недоуменное лицо Элейн, да и остальных присутствующих, Эбигейл взяла на себя смелость заговорить первой.

— Я хотела сказать... — она словно пыталась подобрать слова, — после того, что произошло нам будет лучше вернуться домой... Адель нужен отдых, так что...

— Но Биби, я совсем не устала! Мне хочется посмотреть на животных и покататься на трамвае.

Запротестовала малышка, но тут же получила в ответ отрицательный кивок.

— Милая, я не думаю, что это хорошая мысль.

— Но ведь ничего плохого не случилось... — не унималась она. — Мы так долго ехали...

— Родная...

— Адель права. Проделав такой путь, вы не можете просто взять и уехать, — неожиданно сказала Элейн. А, когда Эбби взглянула на неё, вздохнула. — Я знаю, что это не наше дело, и ни я, ни кто—либо ещё не может принимать таких решений за тебя. Но ведь ты доставила этой девочке такую

большую радость, когда привезла сюда, так зачем же хочешь забрать эту радость обратно?

Эбигейл молча открывала и закрывала рот. И я прекрасно понимал причину её метаний. Понимал желание избежать этой совместной прогулки. Ведь, наверное, и для неё эти выходные должны были стать глотком свежего воздуха. Но вместо этого грозили вновь пережить горло.

Я не знал, что она решит. Не знал, сможет ли сказать «нет», смотря в маленькие голубые глаза, понемногу наполняющиеся слезами. И не знал, стоит ли вмешаться. Стоит ли поддержать её в выборе, пока она не сделала то, что не пойдет на пользу ни ей, ни мне.

— Прости, Эл, — внезапно прошептала Эбигейл, перед этим искоса взглянув на меня. — Но лучше мы поедem домой.

— Но Эбби...

— Элейн, — решился прервать сестру. — Таково решение мисс Дэвис, и мы должны уважать его, — когда их взгляды встретились, заметил, как Эбби выдохнула. — Она как никто другой знает, что будет лучше для её семьи.

Мой голос звучал по обыкновению твердо и надменно. Да, я не ожидал, что ненормальная откажется, но понимал, что это решение было самым правильным. Им не стоит снова ступать не на ту дорогу. Не стоит делать то, о чем оба несомненно пожалеют.

Ведь я понимал, что она чувствовала то же самое.

И так же, как и я, старалась от этого убежать.

— Нет—нет—нет, — вдруг встрял в разговор Пол. — Вы что, серьезно? «Таково решение мисс Дэвис, мы должны его уважать», — передразнив друга, расстроено усмехнулся он. — Мы же в зоопарке, а не за столом переговоров. Очнитесь вы, наконец. — он перевел свой взгляд на Эбби. — Элейн права: вы не должны уезжать только потому, что ты думаешь, будто бы Адель пережила потрясение. Ведь это совсем не так. Посмотри на неё. Она даже и не подумала испугаться, не то, чтобы заплакать. И все почему? Потому что была с Дареном. Да, он, конечно, далеко не Санта—Клаус, но именно с ним она чувствовала себя в безопасности. Да такой храброй девочки, как эта малышка, я еще никогда не встречал. И мне кажется, что за своё мужество она заслуживает, как минимум, прогулки на трамвае и огромную баночку мороженого, — улыбнулся Пол, наклонясь к ней, — я прав?

— Да! — Восхищенно воскликнула Адель, неожиданно обнимая его за ноги. — Спасибо! Ты очень хороший!

Пол улыбнулся и обнял девочку в ответ.

— Я бы тоже хотела остаться, — осторожно сказала Элли, делая шаг вперед. — И... — она посмотрела на другую свою сестру, — думаю, что Мэнди так же не будет против.

— Нет, — спокойно ответила та, качая головой. — Я только за.

— Ну же, Эбби, — счастливо улыбнулась Элейн, — соглашайся.

Ощутил, как сердце заколотилось сильнее и медленно повернул голову.

Неужели она скажет «да»? Неужели сдастся?

Эбигейл молчала. Её грудь вздымалась вверх так часто, словно и у неё внутри было совсем не так спокойно, как казалось на первый взгляд. Словно и у неё всё сжималось, танцевало, опускалось и взрывалось, и объяснение этому она так же, как и я, не находила.

Наконец, после нескольких секунд тишины, которые, однако, показались мне долгими минутами, она не спеша подняла глаза и посмотрела точно на меня.

А затем дала ответ.

11. Эбигейл

Я не верила, что сказала это.

Не верила, что согласилась.

В любом случае, это только ради сестер. Ради малышки Ади.

А не потому, что я хотела провести день с этим невыносимым Гордецом.

Вовсе нет.

Не переставая убеждать себя в этом, я разглядывала животных в огромных вольерах, слушала, как радостно кричит Адель и смеется Элейн. Краем уха улавливала разговор Мэнди и Элли о гориллах. Но думала всё равно только о нём.

Пол и Дарен шли впереди и что—то негромко обсуждали. И если эмоции первого я могла понять по движению его рук или головы, то вот эмоции второго оставались для меня полностью закрыты.

Дарен казался ледяной скульптурой.

Он двигался ровно и спокойно, гордо задрал голову и сунув руки в карманы шорт. Сегодня я впервые увидела его таким. Сказать по правде, раньше мне даже в голову не приходило, что кроме костюма он может носить что—то еще.

Интересно, а в чем он спит? Или же он...

О, Боже, Эбби, о чем думаешь?

– Эбс?

– Ммм... — сморгнула и повернулась. — Что?

– Ты в порядке? Мы тебя уже несколько минут зовем.

Мэнди и Элли смотрели на меня со смесью удивления и беспокойства.

Так, Эбби, возьми себя в руки. Еще не хватало, чтобы твои чересчур любопытные и надоедливые сестры начали что—то подозревать.

– Да, в порядке, — кивнула, а затем перевела взгляд на Адель. Даже несмотря на то, что моя малышка была с надежнейшим на свете человеком, я всё равно не выпускала её из виду. — Просто снова представила, что бы было, если бы Ади не нашлась.

– Эй, — Элли положила руку мне на плечо и протянула бутылку воды, — но она же нашлась, верно? И спасибо ко-е—кому, что приложил к этому силы.

– Да... кстати, — вдруг начала Мэнди, улыбаясь и смотря вперед, — ты никогда не говорила нам, что этот твой Дарен такой невероятно сексуальный красавчик. Он, наверное, и в постели настоящий Бог...

– Мэнди! — ахнула Элли, а я от неожиданности даже поперхнулась.

– Да что? — усмехнулась она. — Я же правду говорю. Разве ты не видишь, как он держится? Его походку? Взгляд? Да любая женщина отдала бы всё за то, чтобы стать его героиней! Между вами что—то есть? Боже, скажи, что есть!

— Н—нет, — тихо выдавила из себя, а, когда Мэнди разочарованно выдохнула, снова закашлялась.

— Ты дура, Эбс, — констатировала она. — Ты моя сестра, и я люблю тебя, но ответь мне, чем ты думаешь? Тебе уже 26, а у тебя до сих пор не было парня.

— Потому что Эбби предпочла забыть о себе и своих желаниях и работать день и ночь для того, чтобы одеть тебя в очередную новомодную шмотку, — хмуро напомнила ей Элли.

— Девочки, пожалуйста... — попыталась успокоить сестер, замечая, что между ними начинается буря.

Но Мэнди уже завелась.

— О, серьезно? — она сложила на груди руки и сузила глаза. — А как же ты? Для твоего образования и дурацких книг по юриспруденции она, значит, не работает?!

— Прошу вас, не надо...

— Это нечестно, — ответила она, — потому что мои дурацкие книги по юриспруденции позволяют мне учиться!

— Ну да, — усмехнулась она, — я и забыла, что ты собираешься стать великим адвокатом.

Заметила, как лицо Элли исказилось злобой. *Ой—ой.*

— По крайней мере, я думаю о своей семье! И не говорю старшей сестре, которая почти не ест и не спит: *«знаешь, плевала я на тяжелую работу, ведь моя мечта — это быть модельером»!*

— Я никогда так не говорила, — прошипела Мэнди, выставляя указательный палец.

– И не нужно было, — Элли опустила его вниз. — Это читается в твоих глазах.

– Какая же ты стерва!

– От такой же и слышу!

– Хватит!!! — не выдержав, закричала я, заставляя сестер вздрогнуть, но тут же замолчать. — Да что с вами такое?! Вы забыли, что мы одна семья?! Что мы должны всегда и во всем поддерживать друг друга?! — чувствовала в горле огромный ком, и уже тише, но все же продолжала. — Мне больно видеть вас такими. Больно видеть, как из—за какой—то глупости вы обе рушите то, что должны бережно хранить. Да, Элли, — посмотрела я на одну сестру, — ты хочешь поступить на юридический. Но не потому, что твоя цель — заработать много денег, а потому, что тебе нравятся книги Стэнли Гарднера¹³ и сериал «Схватка». — перевела глаза на вторую. — Да, Мэнди другая. Она любит «Проект Подиум» и восхищается Бетси Джонсон¹⁴, и в этом её уникальность. Она прекрасна тем, что не похожа на нас, — сестра медленно подняла свои глаза. — Я всегда хотела, чтобы вы делали что—то потому, что хотите, а не потому, что чувствуете себя обязанными.

Подошла ближе и взяла их обеих за руки.

¹³ Эрл Стэнли Гарднер – американский писатель детективного жанра. Здесь имеются в виду книги про знаменитого юриста Перри Мейсона.

¹⁴ Бетси Джонсон — американский модельер, получившая известность благодаря своим женственным и причудливым коллекциям. Многие её творения расцениваются как нарочито экстравагантные.

– Я действительно не сделала многое из того, о чем мечтала еще совсем ребенком, потому что моей главной задачей была забота о вас. Но не жалею об этом ни секунды. Я поддержу любой ваш выбор. И очень хочу, чтобы каждая из вас сделала для другой то же.

Тишина не просто давила, а словно резала ножом по сердцу. Но разве, когда близкие тебе люди ссорились, могло быть иначе?

– Прости, — первой заговорила Мэнди, — я не хотела обидеть тебя. И твои книги вовсе не такие дурацкие, — уголки её губ дернулись.

– Это мне нужно извиняться, — ответила Элли. — Я же знаю, что ты никогда не останешься в стороне от проблем. И даже вагоны пойдешь разгружать, если это будет нужно. И... я не должна была говорить, что ты не думаешь о нас.

– Всё нормально, — она обняла сестру, и я ощутила, как на душе стало легче.

Мне не всегда удавалось достучаться до Мэнди — она была импульсивной, своенравной и упрямой, но, к счастью, чаще всего, покладистость и здравомыслие брали над ней верх. А вот Элли просто была подростком. Наверное, объяснять, почему с ней часто было сложно, не требовалось.

Улыбнулась, а затем повернулась и тут же замерла.

Ощутила, как сердце забилось сильнее.

Всего в нескольких шагах позади, сложив руки на груди и, кажется, слыша каждое сказанное мною слово, стоял Он.

Но даже сейчас, когда его эмоции, казалось, были открыты, понять, что он чувствует, а тем более, думает, я не могла.

Я не знала, боялся ли он этого неизведанного чувства точно так же, как и я, или ничего подобного не ощущал. Но еще больше — почему Судьба постоянно нас сталкивала. И почему подкидывала подобные испытания.

Может быть, пришло время это выяснить?

– Ты идешь?

Я кивнула Элли:

– Я догоню. — немного выждав, перевела взгляд на мужчину, стоящего около бронзовой фигурки слона. А затем сделала шаг. *Господи, помоги ей.* — Вам что—то нужно?

– Прости? — он приподнял брови и выпрямился.

– Ну... — огляделась, нервно улыбаясь. — Вы стоите *здесь* вместо того, чтобы вместе со всеми гулять по зоопарку. Вот я и подумала, что, возможно, что—то случилось.

Заметила, как напряглись его скулы.

– Вы отстали, — сказал он так, словно это всё объясняло. И для него это, кажется, действительно было так. — Элейн попросила меня узнать, всё ли у вас в порядке.

– Да. Всё в порядке.

Он кивнул и оттолкнулся от фигуры слона. Или мамонта?

Не сдержав любопытства, попыталась заглянуть через его плечо, но при очевидно непропорциональном соотношении нашего роста, это оказалось сложнее, чем я думала.

Приподнялась на цыпочки, и моя врожденная неуклю-

жесть тут же вступила в игру.

Не устояв на ногах, начала падать назад, но почувствовала, как спину поддерживали сильные руки и инстинктивно вцепилась в широкие плечи.

Зажмурилась — как делала всегда, когда чувствовала, что вот—вот шлепнусь на задницу — но всё равно догадалась, чьи именно это были плечи.

Аромат этого парфюма... она знала его наизусть.

Осторожно открыв глаза, встретилась с глубокими голубыми глазами, в которых тонула каждый раз, когда они оказывались напротив. Сердце снова заколотилось как сумасшедшее, пульс участился, а голова завертелась точно карусель — и телом, и сознанием вновь завладел сильнейший дурман.

– Дарен?

– Эбби?

Знакомые голоса заставили нас обоих вздрогнуть.

Дарен помог мне встать на ноги, а затем отстранился.

– Она споткнулась, а я не дал ей упасть. Это всё. — услышала его по обыкновению грозный голос, а затем самодовольный смешок от Пола.

– Я так и подумал.

Замечательно, — обреченно выдохнула я. — Это то, чего мне так не хватало.

– Всё нормально? Ты не ушиблась?

Не ожидала, что Элейн так быстро окажется рядом, но

лишь кивнула в ответ.

— Всё хорошо. Просто потеряла равновесие. — слабо улыбнулась. А, когда Элейн отвернулась, подняла глаза, пытаясь найти своего спасителя.

Тщетно.

Зато нашла Пола, который, сложив руки на груди, улыбался мне своей фирменной я—знаю—правду улыбкой.

— Ты ведь понимаешь, что я ему не поверил? — спросил, когда я проходила мимо.

— Не понимаю, о чем ты, — старалась ничем не выдать своего волнения, но пальцы сами тянулись к краю майки.

— Да ладно тебе, я же вижу, что между вами что—то происходит. Но, прекрасно зная своего друга, могу с уверенностью сказать, что теперь он будет всячески это отрицать.

Я едва не задохнулась.

Одно дело просто думать об этом, но совсем другое — от кого—то слышать.

— Он просто не дал мне упасть. Это всё. — сглотнула, защищаясь и, непроизвольно обнимая себя руками. Понимая, что, кажется, с точностью повторила слова Гордеца.

— Поверь мне, Эбс, я тебе не враг, — произнес Пол. Теперь он не шутил и не дразнил. — Но я и правда замечаю, как сильно ты влияешь на Дарена. Еще никто после Эрин не вызывал в нём подобных эмоций. — Ч замерла. *Эрин?* Пол продолжал говорить, возможно, даже не замечая, что сказал, но вот только я уловила это имя четко. — Я не знаю, что

именно между вами. Но что бы это ни было, ты меняешь его.

Я медленно подняла на Пола глаза.

Он усмехнулся, но сделал это как—то печально.

— Возможно, я не вправе просить тебя, но... если ты в силах помочь ему, умоляю, сделай это. — он тоже повернулся.

— Дарен нуждается в ком—то, кто вселит в него надежду.

Мы с Элейн каждый день изо всех сил пытаемся вытащить его из этой темноты. Но безуспешно. А ты всего за несколько

дней смогла сделать то, что не смогли мы за долгие годы — зародить в нём мысль о другой жизни. О лучшей жизни.

Конечно, я понимаю, что Дарен — не тот, кому хочется помогать. Со стороны кажется, что он злой, жестокий, бездушный и черствый, но... на самом деле у него есть сердце.

Пока Пол молчал, я внимательно слушала собственное дыхание.

— Просто подумай об этом, хорошо? Сейчас я уверен — ты единственная, кто может вытащить его из этого Ада.

Я не только не знала, что ответить, но и понимала, что не могла.

Всё внутри будто бы оцепенело.

Пол еще ненадолго задержался, а затем отвернулся и отошел.

Он просто попросил.

Попросил, даже не догадываясь о том, насколько точно совпадали их мысли.

Да, своим поведением этот Гордец порой вынуждал меня

становиться той, которую я так в себе не любила — вспылчивой, немного грубой и совершенно несдержанной. Но Боже, если бы я только могла контролировать себя, когда он находился рядом! Иногда мне казалось, что он был первым и единственным в мире мужчиной, у которого так искусно получалось выводить меня из равновесия. *Меня*. Самого терпеливого, спокойного и бесконфликтного человека на свете.

Хотя, возможно, со всем светом я слегка переборщила.

— Биби! — улыбаясь во все свои двадцать зубиков, ко мне бежала счастливая Адель. Я наклонилась и резво подхватила её на руки. — Где ты была? Я везде тебя искала!

— Прости, милая, я немного задержалась, — погладила девочку по спине. — Ты хорошо проводишь время?

— Да! — её глазки счастливо загорелись. — Мы смотрели на больших обезьянок, и Элли рассказала очень много интересного. Одна из них подошла к нам совсем близко! И с ней был маленький детеныш!

— Хорошо, — улыбнулась, чувствуя облегчение от того, что Адель искренне рада каждой минуте здесь. Ведь это было так важно для меня — дать своей девочке возможность хотя бы немного побыть по—настоящему счастливой.

— Тетя Элейн и дядя Пол хотят сводить меня в детский зоопарк, можно?

Она слегка склонила головку, обнимая ручками мою шею.

— Да, милая, конечно. Я думаю, что это будет здорово.

— Эбс, — повернула голову и встретилась взглядом с по-

лыхающими глазами сестры. — Мы с Элли просто дико хотим прокатиться на верблюдах! Прошу тебя, пожалуйста, дай нам пятнадцать долларов. Обещаю, что возмещу все твои затраты уборкой в квартире и сытным ужином.

Мэнди так искренне улыбалась, а Элли восхищенно хлопала глазами, что я предпочла забыть о том, как быстро пустеет мой кошелек. Мы приехали сюда получать эмоции, и пусть мне придется потратить все свои деньги — если это будет означать, что мои девочки будут улыбаться — я именно так и поступлю.

— Конечно, — поставила малышку на ноги и начала открывать сумочку, — сейчас...

— Вы можете сделать это бесплатно.

Холодный, как сталь голос вынудил меня замереть.

— Правда? — воскликнула Мэнди.

— Да, — ответил Дарен, подходя ближе и вручая им какие-то карточки. — С этим вы можете кататься на чем угодно и сколько угодно.

— О, Боже, я просто не верю! Огромное спасибо вам! — Мэнди завизжала и запрыгала от счастья, а затем понеслась к четвероногим горбатым.

— Спасибо, мистер Бейкер, — так же счастливо поблагодарила его Элли, — вы просто невероятный!

И тоже унеслась следом за сестрой.

Я взяла Адель за руку.

— Не стоило делать этого, — по моей реакции можно бы-

ло решить, что такое его поведение показалось мне крайне возмутительным. Но оно в самом деле именно таким мне и показалось. — Я не просила помощи.

— Могла бы просто поблагодарить, — заявил он, заставляя меня невольно ахнуть.

— Неужели? А больше ничего для вас не сделать? Ведь теперь я обязана вам, не так ли? Столько раз вы благородно приходили нам на помощь и теперь по праву можете требовать свой долг. И не один. Я права? Этого вы добивались? Чтобы я сказала вам, что это так? Что я сделаю всё, что вы... — вспоминая, что в этот самый момент сжимаю маленькую ручку, замолчала. Он смотрел на меня так заворожено и внимательно, словно очень ждал, что же именно я скажу. *Ну и пусть ждет. Плевать я хотела.* — Пойдем, — уже мягче произнесла, обращаясь к малышке, — я отведу тебя к тете Элейн.

Резко развернулась и направилась к фонтану, около которого сидели её новые друзья. Я не знала, шел ли он следом, но мне показалось, что я практически уносилась прочь, волоча за собой Адель, поэтому навряд ли он как сумасшедший несся следом.

Привлекать к себе внимание такого рода было совсем не в стиле Дарена Бейкера.

Господи, да что на меня нашло? Почему я говорила ему всё это? Зачем?

— А вот и моя крошка, — Элейн улыбнулась, протягивая

руки к девочке. — Готова посмотреть на маленьких львят и слонят?

— Всегда! — она вскинула свои маленькие ручки.

— Не хочешь с нами? — спросил Пол, и я невольно улыбнулась.

— На монорельс очень длинная очередь, лучше будет занять её сейчас.

— Уверена? — он по—дружески положил свою руку мне на плечо.

Как ни странно, неловкости это не вызвало.

— Да. Думаю, что к вашему приходу как раз и наше время подойдет. Только прошу... не спускай с ней глаз.

— Конечно.

Я кивнула, зная, что даже несмотря на то, что не произнесла слова благодарности вслух, Пол всё равно всё понял. По глазам.

— Повеселись, милая! — крикнула вслед Адель, которая тут же одарила меня по—детски милым воздушным поцелуем.

Уголки моих губ непроизвольно дернулись.

Я немного подождала, пока все трое не скроются за поворотом, а затем развернулась. Не сразу заметила, что практически упираюсь в широкую мускулистую грудь. Резко подняв голову, увидела перед собой человека, от которого еще недавно фактически убегала.

Дарен мужественно стоял, засунув руки в карманы джин-

совых шорт и просто испепеляя меня своим взглядом.

— Ты не договорила, — наконец, произнес он, возвращая мне несколько секунд назад утерянный дар речи.

— Нет? — на выдохе спросила я.

— Нет, — повторил он, сокращая между нами итак ничтожное расстояние, — и я хочу услышать продолжение.

— Я не... — запнулась, растерянно отводя взгляд.

— Что? — голос Дарена был тихим, но, в то же время, ничуть не терял своей властности. — Боишься сказать то, что собиралась?

Это был вызов? Я правильно поняла?

Если тем самым он намеревался вывести меня на чистую воду, то его план удался.

Раньше я никогда бы не повелась на подобную провокацию, но с тех самых пор, как Дарен Бейкер появился в моей жизни, постоянно совершала одну безумную вещь за другой.

И видимо этот день не станет исключением.

Подняла глаза и буквально ощутила, как в них появился тот самый огонь, который теперь стал моей исключительной на него реакцией. Которую, похоже, он и добивался.

— Не боюсь, — мне показалось, что я уловила блеск в его глазах. — Но делать то, что вам хочется, не стану.

Я знала, что он ожидал от меня именно такого ответа, и отчего—то мне казалось, что он имел свой козырь в рукаве.

— Не я говорил о долге, Эбигейл, — *черт возьми, а вот и козырь!* — Не я начал эту игру.

— Это не игра, — попыталась возразить ему.

— Нет, игра, — прошептал он, рассыпав в прах мои слова.

— И теперь тебе придется следовать её правилам.

— Правилам? — мой голос почти дрожал: вот так действовала его близость.

— Да, — он подошел ещё ближе. Господи, я—то думала, что это уже просто невозможно. — Скажи мне, Эбигейл, сколько раз я приходил тебе на помощь? Сколько раз ты благодарила меня?

— Я не... не знаю...

— Подумай, — его взгляд стал пронзительнее. — Один? Два? Пять? Может, больше?

— Я не знаю, — повторила, ощущая, как пульс снова учащается.

— Думай лучше, — он сказал это таким тоном, что сразу стало ясно — «не знаю» лучше больше не говорить.

Начала судорожно вспоминать все моменты, которые до этого связывали нас вместе, хотя, находясь под его пристальным взглядом и, чувствуя дыхание на своей шее, сделать это было труднее, чем я думала. Сколько раз мне требовалась его помощь? Когда меня впервые чуть не сбила машина... это раз. И во второй раз... два. Потом... когда упала в обморок... и, когда он позаботился о том, чтобы меня накормили. Это было три и четыре (хотя в этом случае, наверное, можно было остановиться на трех).

За то, что этот злока выдернул меня с танцпола и сооб-

шил, что купил «J9», я вряд ли когда—либо скажу ему «спасибо». Так что это считать не стану. И плевать на его раздутое самомнение.

Но вот четвертое... да, за это я готова была благодарить его столько, сколько он только пожелает, потому что сегодня Дарен Бейкер спас мою малышку. Я вдруг поймала себя на мысли, что, даже не подозревая о том, кто такая Адель, этот человек готов был протянуть ей свою руку. Разве это мало значит? Разве не говорит о том, что свет внутри него всё ещё теплится?

Осмелилась поднять на Дарена свои глаза.

— Четыре, — услышала свой голос будто бы отдаленно, не узнавая его внезапную сиплость.

— Четыре... — повторил он, — ты уверена? Потому что я насчитал пять.

— Я не стану благодарить вас за те дурацкие карточки, — резко сказала, чувствуя, как кровь по венам начинает бежать быстрее.

— Я знаю, — неожиданно произнес он. — И говорил не об этом.

Он неотрывно смотрел на меня, намеренно сделав паузу, тем самым словно давая шанс самой вспомнить, что же именно я упустила.

Видит Бог, я пыталась, но на ум совсем ничего не приходило.

— Помнишь, как ты чуть не упала сегодня? — он снова

немного помолчал и, кажется, уголки его губ слегка дернулись. — Поэтому, пять, Эбигейл. И я хочу получить свою благодарность.

— И что же? — не знала, как вообще смогла заговорить. — Сказать вам «спасибо» пять раз? Или, возможно, вам нужно нечто другое?

Выпалив первое, что пришло в голову, я перевела дыхание, но никак не ожидала, что задохнусь снова. И мгновенно пожалею о сказанном.

— Верно. Мне нужно нечто совсем другое. Я хочу, чтобы ты ответила за свои слова. Те самые, которые бросила мне в лицо несколько минут назад.

— Слова... — сглотнула.

— Да, слова. О том, что ты обязана мне. И что я могу потребовать у тебя свой долг ровно столько раз, сколько заслужил. А еще... — невольно отступила назад, повинувшись своему телу, которое желало убежать отсюда как можно скорее, но уперлась в очередную бронзовую фигуру. Дарен тут же заключил меня в цепь своих рук. *Господи, кругом же люди!* — ...мне показалось, или ты хотела сказать, что сделаешь для меня абсолютно *всё*?

С каким же наслаждением он это произносил. И какой невероятной силой горели его глаза. Наверное, иногда я всё ещё боялась его хищнического взгляда, хотя отчего—то ощущала, что он не причинит мне зла. Не намеренно.

— Я... — говорить было трудно, горло словно что—то сда-

вило, — это не...

— Я так и знал, — не дал закончить мне Дарен. — Ты не умеешь отвечать за свои слова, верно? — его взгляд пробирал до мурашек, а дыхание обжигало кожу. — Или же просто боишься, что это окажется тебе не по силам? Нет? — он словно прочитал всё по моим глазам. — Так докажи мне это. Докажи, что ты достаточно смела для того, чтобы разыграть эту партию.

Сделала тяжелый вдох, не зная, какие слова подобрать в ответ. Не зная, что сейчас окажется правильным. Но отчетливо понимая — я не смею молчать. Если для него это на самом деле игра, значит, ощутив мою слабость, он почувствует себя победителем.

Наверное, мне должно было быть всё равно, но чувствовала я нечто совершенно иное. То, что подталкивало меня принять его правила. В конце концов, что такого он мог попросить её сделать? Принести ему кофе? Или организовать ещё один прием? Я справлюсь с этим. Его провокации не загонят меня в угол.

— Ладно, — сжала пальцы в кулаки, стойко выдерживая стальной взгляд, — я согласна сыграть.

Ухмылка, медленно появившаяся на его лице, заставила моментально задрожать и пожалеть о брошенных в ответ словах. Только вот отступить было слишком поздно. Его взгляд заставил понять одну простую истину: я только что добровольно заключила сделку с Дьяволом и, кажется, про-

дала Ему свою душу.

12. Дарен и Эбигейл

Я сидел за большим овальным столом, откинувшись на спинку кресла и, сложив руки перед собой, смотрел на экран. Изредка поглядывая на клиентов, замечал, что презентация, которую мы готовили вчера весь день, производит ожидаемый эффект.

Им не просто нравилось. Они были в восторге.

Эти люди с восхищением глотали каждое слово Пола, по его требованию опуская глаза на папки, лежащие перед их глазами. Так и должно было быть. Ведь «Даймонд Констракшн» являлась лучшей строительной компанией на рынке, — иного варианта не существовало.

Каждый, кто собирался возвести что—то совершенно уникальное и ценное, хотел иметь дело именно с моей фирмой. Специалисты самых различных профессий мечтали работать на меня, рекламные, юридические и обслуживающие фирмы желали сотрудничать со мной, а конкуренты жаждали растоптать.

Моё имя внушало страх и одновременно — уважение и преклонение. Так было все то время, что я себя помнил. И это не должно было меняться.

— Спасибо, мистер Бейкер, — вставая, сказал невысокий мужчина, — кофе был превосходным, а презентация —

невероятной. Это именно то, чего я хотел. Всё строго, выдержанно, холодно, и в то же время со вкусом, — он признательно кивнул, а затем вытянул свою ладонь. — Приятно иметь с вами дело.

— Приятно, когда клиенты довольны, — Дарен тоже поднялся, а затем ответил на рукопожатие. — Если у вас появятся вопросы, вы всегда можете позвонить, и мы договоримся о встрече.

— Думаю, что этого не потребуется, — уверенно отозвался тот, запахивая пиджак. — Репутация этого места говорит сама за себя. Знаете, в русском народе говорят: *«каков хозяин, таков и его дом»*. Это ваш дом, мистер Бейкер. И в нём всё идеально.

Кивнул, наблюдая, как Холли провожает клиентов к выходу. Повернул голову, замечая, как Пол так же молча направляется к двери.

Он ничего не сказал мне.

Не поздравили с нашей общей победой. Не предложил выпить в баре и отметить очередной контракт, который принесет нам миллионы. Просто развернулся и стал уходить.

Еще со вчерашнего дня я заметил в нём перемены, но спросить о том, что с ним происходит, не было возможности. Точнее, я слишком долго на это решался.

— Пол? — я остановил его практически у порога, положив свою руку ему на плечо. Казалось, что в молчании прошло слишком много времени. Он ничего не говорил, а мне было

сложно произнести то, что, однако, я должен был сказать.
— Ты... кхм... всё нормально?

— Нормально.

Он вновь хотел уйти, но я сжал руку сильнее, а затем кивнул в сторону стола.

— Сядь.

— Давай потом? Работы много накопилось.

— Пол, — резко перебил его. — Работа подождет.

Мой друг усмехнулся, разворачиваясь ко мне лицом.

— Это точно твои слова?

— Сядь, — приказным тоном повторил я, и после обреченного выдоха Пол послушно опустился на кожаный диван. Я никогда не был сентиментальным. И всегда пресекал любые, даже самые незначительные отrostки хоть каких—то чувств. Так, чтобы они никогда не пробились на поверхность.

О какой заботе здесь может идти речь?

Меня никогда не волновало душевное состояние человека, его проблемы или горести, если только этим человеком не была моя сестра. И Пол прекрасно это знал.

Все это знали.

Я не умел выражать сочувствие, не говоря уже о том, чтобы дать совет.

Но, черт возьми, будь я проклят, если не узнаю, что происходит с моим другом. С моим близким другом, который является частью семьи. *Моей* семьи.

– Тебе налить?

Этот вопрос был одним из тех, что не требовал ответа. Я подошел к тумбочке, достал стакан и высыпал туда несколько кубиков льда, которые со звоном ударились о стекло.

– Ты что, держишь алкоголь на работе?

– Иногда вместо крепкого кофе клиенты предпочитают крепкий виски, — просто отозвался я, открывая бутылку бурбона. — А так как я его не пью, то запасов у меня много.

– А я уж думал, что до вечера точно не притронусь, — усмехнулся Пол, благодарно принимая стакан из моих рук. — Спасибо.

Я терпеливо подождал, пока Пол сделает хотя бы несколько глотков — знал, что это было ему необходимо, — а затем облокотился о край стола и сложил руки на груди.

– Теперь расскажешь?

Пол поднял глаза. В них горело удивление, смешанное с большой порцией боли.

– С каких пор ты стал интересоваться чужими проблемами?

– Твои проблемы всегда меня интересовали, — его друг криво улыбнулся. Как—то недоверчиво. А затем посмотрел в пол. Я сделал ещё одну попытку. — Возможно, я на самом деле не хочу знать, что происходит в жизни тех людей, которые встречаются мне на пути, но это не означает, что твоя жизнь попадает в этот список.

– А разве нет?

— Нет, — ответил резко, быстро и четко, на какое—то короткое мгновение позволяя прошлым воспоминаниям пробраться в голову и заставить что—то внутри болезненно заныть. — Потому что этой самой жизнью ты рисковал ради совершенно незнакомого тебе мальчика. И даже спустя много лет, уже став мужчиной, этот мальчик все равно всегда будет помнить тот день.

Пол молча уставился на свой стакан, и я заметил, как сдвинулись его брови: он тоже вспомнил. Тоже мысленно прошел через весь ужас той ночи ещё раз. Я не собирался напоминать ему и вспоминать сам, и уж тем более мне не хотелось об этом говорить. Но та ночь была. От прошлого ведь никуда не денешься. Как ни старайся убежать, через время, но оно всё равно тебя нагонит. И тогда ударит ещё сильнее, чем прежде.

— Всё не так, — вдруг начал Пол, продолжая смотреть сквозь стакан.

— О чём ты? С чем не так?

— С нами, Дарен. Меня угнетает то, что мы делаем. То, как живем. То, как мыслим. — он сглотнул, а затем покачал головой. — Не об этом я мечтал, когда был еще совсем мальчишкой. Мои стремления и желания были совершенно иными. Я был совершенно иным.

— Я не понимаю.

Пол улыбнулся, немного помолчав, а затем резко поднял голову.

— Что мы делаем здесь? — я молчал. — Я имею в виду...
чем мы занимаемся?

— Строительством.

— Да. А для кого мы строим?

— Ты точно в порядке?

— Просто ответь, для кого мы строим?

— Для тех, у кого есть деньги, — выпалил он.

— Вот оно, — Пол щелкнул пальцами и поднялся с дивана, — то, как живешь *ты*. Ты строишь для тех, у кого есть деньги, а остальных просто отбрасываешь в сторону. Ты смотришь не на человека, а на его кошелек. И это никогда не изменится.

— «Даймонд Констракшн» — элитная компания, — ко мне вернулся мой привычный ледяной тон. — А в элитной компании с соответствующей репутацией в первую очередь обращают внимание именно на деньги. И да, ты прав, это не изменится.

— Но ведь дело совершенно не в том, богат человек или беден. А в том, что у него за душой. Его желания, мечты — вот, что важно. Если человек с небольшим доходом, но большим сердцем пришел к тебе и с надеждой в глазах попросил воплотить в жизнь его детскую мечту, то ты должен был ответить ему, что твоя компания сделает для этого всё возможное. Но что сказал ты? Что у него нет денег на смокинг за шесть тысяч долларов, и поэтому он не может стать нашим клиентом?

Я вспомнил о том клиенте, что приходил к нам вчера. Он действительно был одет слишком просто: серые, слегка потрепанные брюки, белая рубашка — наверное, лучшая, что у него была — и синий шерстяной жилет. Элис очень переживала и не знала, как представить этого мужчину и что сказать, чтобы не вызвать гнев своего босса — читать по её лицу без проблем мог бы, наверное, каждый в её окружении.

— Я не говорил ничего подобного, — сунул руки в карманы брюк, стараясь не обращать внимания на странное чувство, появившееся внутри. — Просто объяснил, что ему нужна другая компания.

— А ты думаешь, что для того, чтобы человек понял, что недостаточно богат, ему нужно обязательно об это сказать? Он всё увидел в твоих глазах. Как и я.

— Может быть, тебе взять небольшой отпуск? — спросил, отталкиваясь от стола. — Съездишь куда—нибудь. Развесишься. Выкинешь все ненужные мысли из своей головы.

— Ну, конечно, — усмехнулся Пол, — разве ты мог отреагировать иначе.

— Не мог, — уже серьезнее сказал я. — Потому что слежу за репутацией компании.

— Поэтому я и не хотел ничего тебе говорить, — признался он, со звоном поставив стакан на стол. — И ошибся, когда подумал, что ты сможешь понять.

— Пол! — позвал его, но тот, не обращая на меня совершенно никакого внимания, вышел из кабинета, с силой хлоп-

нув дверью. — Черт! — взял себя в руки, а затем взглянул на свои часы. — Элис! — поняв, что конференц—зал находится на приличном расстоянии от стола его секретарши, вышел наружу и заорал: — Элис!!!

Казалось, содрогнулся весь офис. Сжал кулаки, чтобы не разозлиться сильнее.

Какого хрена всё это навалилось на меня разом?! Сначала эта ненормальная, о которой я не мог перестать думать, а теперь еще и Пол вел себя, как последний кретин!

— Мистер Бейкер, — Элис чуть не споткнулась, пока бежала к нему на своих каблуках, — что—то случилось? Вам что—нибудь нужно? Мне кого—нибудь позвать?

Она явно нервничала, хотя уже и научилась вести себя так, как мне было нужно.

— Ты достала то, что я просил?

— Да, сэр, — Элис подобралась и протянула ему листок бумаги, — вот.

Взглянул на него и, запомнив каждое слово, свернул и сунул в карман.

— Я уезжаю. Если сегодня кому—нибудь понадобится — плевать. Меня нет. И не будет.

— Конечно, мистер Бейкер. А как быть с сегодняшней встречей?

Дьявол! Я совсем забыл, что должен был встретиться с клиентом.

— Перенеси, — резко ответил, — у меня важные дела.

И пока был ещё в состоянии сдерживать свою ярость, направился к выходу.

Я злился совсем не из—за Пола. Нет.

Такие перепалки между друзьями нормальны, и мы разберёмся с этим позже.

Терять над собой контроль меня заставляла *она*. Чертовка, не покидающая мою голову ни на минуту. Я думал о ней с того самого дня в парке (хотя этот ли момент правильно будет брать за точку отсчета?). Что я тогда сказал ей? Что она должна будет выполнить пять моих желаний? Что ж, в этот весьма паршивый день я намеревался использовать одно из них. А может, и два.

– Владимир.

Молодой парень тут же подскочил со своего места, откладывая в сторону журнал.

Он всегда был именно там, где должен был быть: на первом этаже, возле стойки ресепшен. Даже когда он не был занят работой, всегда верно ждал там, где его и находили.

– Да, мистер Бейкер?

– Мою машину уже привезли из сервиса?

Он кивнул.

– Она на стоянке. Подогнать?

– Нет, спасибо, я сам, — поймал ключи, которые водитель кинул издалека. — На сегодня ты свободен.

Когда Владимир кивнул, я вышел из здания, обогнул его и в два счета нашел свой черный Ламборгини Гайярдо. Я лю-

бил свою машину. Но вовсе не из—за дороговизны и престижности. И не потому, что мой статус не позволял мне ездить на чем—то менее вызывающем. А потому, что только эта модель из всех имеющихся в мире выражала мой непростой, но сильный характер.

Она была агрессивной, жесткой и властной.

Была моим зеркальным отражением.

Нажал на кнопку брелока и залез внутрь. Включив зажигание, быстро выехал на дорогу и, прибавив скорости, стал лавировать между машинами, гоня свою малышку вперед. Я любил ощущения, которые дарил скорость, но не нуждался в них постоянно.

Кому—то для того, чтобы выплеснуть наружу боль, разобраться с собственными страхами или просто убежать от действительности, нужно было гнать с сумасшедшей скоростью. Чувствовать, как в кровь вливают адреналин, и как сама Смерть смотрит на него через лобовое стекло.

Но для меня не это было отдушиной.

И если моя жизнь оборвется слишком рано, то это случится точно не на дороге.

До нужного места добрался на удивление быстро — машин было мало, а за мыслями я и вовсе потерял счет времени. Припарковав автомобиль немного поодаль от входа, заглушил мотор. В небе сверкнула молния, а затем вдалеке послышался гром. Только сейчас, обратив внимание на небо, я понял, что, по всей видимости, сегодня будет дождь.

Причем не слабый.

И всё же хорошо, что он здесь.

Поочередно послала своим сестрам воздушные поцелуи и вышла за дверь — точнее, была за неё практически вытолкнута.

— Иди уже, а то на работу опоздаешь!

— Обещай, что ваша пижамная вечеринка не затянется надолго, — развернувшись на пороге, по—родительски глядя на Мэнди. — Вам обеим завтра в школу, а Ади в садик.

— Я помню, Эбс. Считай, что я их вторая мама, — вздохнула та, смешно уперев руки в бедра. Пока она выталкивала меня из дома, её волосы порядком растрепались. И я не смогла удержаться от улыбки. — Что? Почему ты так смотришь на меня?

— Когда—нибудь ты и правда станешь замечательной мамой, — прошептала, отвечая на вопрос. — И будешь очень счастлива.

Мэнди замерла, а её глаза наполнились любовью и благодарностью. Наверное, это самое прекрасное на свете — видеть, что ты так много значишь для кого—то.

— Мэнди, иди скорее! Фильм начинается! — закричала Элли, плюхаясь на диван.

— И попкорн принесли! — парировала Адель. — Давай быстрее, пока я всё не съела!

— Иду! — крикнула она в ответ. — Всё будет хорошо, обе-

щаю.

Я кивнула, зная, что именно так всё и будет.

Поцеловав сестру, перекинула через плечо сумку и стала сбегать по лестнице. Когда вышла на улицу, подняла голову вверх. Небо заволокло черными тучами, и я поняла, что сегодня прольется не просто дождь, а сильнейший ливень.

Ииии... он определенно затопит добрую половину города, — если не весь целиком, — а затем переменится климат и наступит Ледниковый период.

Мда, Эбс, больше тебе не стоит смотреть на ночь фильмы вроде «Послезавтра». Да и вообще не стоит смотреть подобные фильмы. Ты становишься параноиком.

Раскат грома заставил вздрогнуть. Девочка, перестань бояться. Это просто гроза. Обыкновенная гроза и ничего более. Сейчас пойдет самый простой дождик... а ты не взяла зонт... да, это совершенно нормально для тебя, растяпа.

В небе снова гроыхнуло, и на этот раз, я вскрикнула и отпрыгнула в сторону, инстинктивно прикрывая глаза и желая найти что—то, за что могла бы ухватиться. Во что могла бы спрятаться.

И нашла. Точнее, почти что упала на массивное тело, вцепившись в края кашемирового пальто.

Я не знала, как это работало. Не знала даже, чудеса это или же случайность. Но когда я ощущала, что нуждаюсь в чьей—то помощи, *Он* всегда оказывался рядом.

Как я поняла, что это был именно *Он*? Очень просто —

по запаху.

Я узнала бы его из миллионов других ароматов. Похожих или нет — не важно. Просто узнала бы.

Сейчас, стоя перед ним и вжимаясь лицом в мягкую ткань, чувствовала себя той чудесной маленькой зеленой птичкой колибри, сердечко которой всю её жизнь сокращалось до 1000 ударов в минуту, — ведь и моё стучало так быстро, что казалось, вот—вот выскочит и куда—то помчится. И я уже не смогу его остановить.

— Эбби, ты в порядке?! — услышала взволнованный голос. *Взволнованный?*... — Эбигейл?! — его руки коснулись моих плеч, и он слегка встряхнул их для того, чтобы я посмотрела ему в глаза. — Что случилось?!

— Что...

— Почему ты кричала?!

Он снова потряс меня, и я резко задрала голову.

— Гроза... — на автомате призналась, стараясь не смотреть ни на черное небо, ни на него. — Я испугалась грозы...

Ощутила, как Дарен немного расслабился.

— Господи, я уж было подумал, что ты... — он сжал зубы, на мгновение прикрывая глаза, словно успокаивая себя, а затем снова встряхнул меня. — Больше никогда так не делай, слышишь?! Ты хоть понимаешь, как сильно я испугался?!

Его слова заставили окончательно прийти в себя. Я перевела на Дарена взгляд, всё еще не до конца веря в то, что услышала.

— Испугались? — прошептала и почувствовала, как Дарен застыл. — Почему?

Осознав свою ошибку, он начал медленно ослаблять хватку, а затем и вовсе разжал пальцы и, отстранившись, отвел в сторону взгляд.

— Я имел в виду... сегодня всю ночь будет гроза. И... если ты не сможешь работать, то мне придется краснеть за то, что в баре будет неподобающее обслуживание. А я не привык к такому, понятно тебе? В моем бизнесе всегда всё идеально. Поэтому, либо ты перестаешь бояться, либо будешь уволена. — я смотрела на него во все глаза. *Он что, серьезно?* — А теперь, — между тем, продолжал Дарен, — залезай в машину.

— Но вы...

— Разговор окончен, Эбигейл, — грозно бросил он, — давай в машину!

— Гордец, — себе под нос возмутилась я, — только и умеет, что приказывать. А других людей никогда не слушает.

— Долго тебя ждать?! — крикнул он.

— Да! — вызывающе ответила, сложив руки на груди. — Потому что я никуда с вами не поеду!

— Что?

— То, — съязвила, заставляя Дарена сжать зубы, — прекратите думать, что можете приказывать мне! Я не ваша кукла, мистер Бейкер, и я неоднократно говорила вам об этом!

— Ты работаешь на меня, — прошипел он. — Поэтому я имею полное право отдавать тебе распоряжения!

— Да, работаю, — согласилась, при этом, ткнув пальцем в циферблат наручных часов, — но ваши права начнут действовать только через полчаса. Когда начнется моя смена. А до этого момента, я буду делать всё, что захочу. И вы не сможете этому помешать!

— Отлично, — Дарен с силой захлопнул дверцу автомобиля, — тогда эти полчаса я постою здесь, а затем прикажу тебе сесть в машину!

— Превосходно! — развела руками я. — Не буду вам мешать!

— Что? — услышала за своей спиной. — Куда ты собралась?!

— Гулять иду, куда же ещё я могу собраться, — пробормотала, невольно закатывая глаза, — на работу!!! — крикнула, а затем услышала, как моментально завелся мотор.

Резкое скольжение шин по асфальту дало понять, что так просто я от этого Гордеца не отделаюсь. Обняла себя руками, защищаясь от усиливающегося ветра, а когда его черный автомобиль подъехал ближе, услышала звук открывающегося окна:

— И что? — спросила, не поворачивая головы. — Теперь так хвостиком и поедите за мной до самого бара?

— Да, — уверенно ответил Дарен, сжимая свои скулы. — И через двадцать девять минут ты об этом пожалеешь.

— Этого никогда не будет!! — не выдержала, останавливаясь, и заставляя Дарена так же резко затормозить. — Что

вы вообще делали у моего дома?? И откуда узнали адрес??
Следили за мной?!

— Не говори ерунды! — зарычал он. — Я знаю адреса всех своих сотрудников!

— О, конечно! И, наверное, вы точно так же приезжаете к каждому из них, чтобы подвезти на работу!

— Тебе никто не говорил, что ты невыносимая?!

— Как раз хотела спросить вас о том же!

Снова резко развернулась, и как раз в этот момент послышался новый громовой раскат. Дернулась, зажмуриваясь и съеживаясь от очередного приступа страха.

— Сейчас полет, как из ведра! Перестань упрямитесь и садись в машину!

Господи, если бы он только знал, как сильно мне хотелось именно так и сделать!

Нет, Эбби, милая, держи себя в руках. Отступить нельзя.

— Я пойду пешком, — старалась говорить спокойно и непринужденно, но голос дрожал от одной лишь мысли о том, на какую сильную непогоду я могу нарваться.

Боже, помоги.

— Эбигейл! — не обращая внимания на его слова, собралась с силами и пошла вперед. Небо затянуло сильнее, ветер усилился, а раскаты стали громче. — Вернись к машине! Черт! — мне показалось, что я услышала звук хлопающей дверцы. — Тебе нравится играть в эти игры?! Хочешь, что-

бы за тобой побегали?!)

— Да! — развернулась, солгав. — Я обожаю, когда за мной бегают! *Я хочу*, чтобы за мной бегали! Я мечтаю нарушить ваш сон и сделать так, чтобы мысли обо мне не покидали вас ни на минуту! — мне показалось, что он вздрогнул, но я не остановилась. — Ведь это из—за меня мы встретились в тот день! Из—за меня вы купили бар, который я считала своим вторым домом! Из—за меня приехали сюда, узнав мой адрес! Всё это случилось именно по моей вине! И я виновата в том, что позволила себе взять и что—то почувствовать... — Эбби замолчала, переводя дыхание, которого в данную секунду так сильно не хватало, а затем медленно покачала головой, переходя практически на шепот: — не важно. Вы правы. Просто мне нравится играть в игры.

Ещё немного постояла, смотря в глаза человеку, который точно так же застыл на месте, не в силах пошевелиться, а затем развернулась и побрела прочь. Инстинктивно обняла себя сильнее, укрываясь то ли от ветра, то ли от того, что в данную минуту ощущала и просто надеялась, что Дарен не понял тех слов, которые бесконтрольно сорвались с языка.

Услышав звук заводящегося мотора, непроизвольно прикрыла глаза, а затем почувствовала, как одинокая слеза невольно скатилась по щеке.

Я сидел за столиком в самом углу и не сводил своего взгляда с двери.

Какого хрена я позволил ей так себя повести?! Какого черта отпустил её? Почему просто не затащил в машину и не отвез сюда против воли?! Идиот! А теперь сидел здесь и волновался о том, как она доберется... да еще и в такую погоду!

Кинул взгляд на часы. До открытия оставалось всего пять минут, а её все еще не было. И Элис не могла дозвониться ей на мобильный.

Дьявол! Для чего вообще этой ненормальной мобильный?!

— Мистер Бейкер, — рыженькая девушка, которую звали Карла, подошла к нему и как—то неуверенно улыбнулась, — что—нибудь желаете? Кофе или чего покрепче?

— Нет, — резко ответил и отвернулся.

До Карлы дошел смысл моих слов, и она тут же ушла.

Хоть кто—то в моём окружении понимает с первого раза.

Почему же эта девчонка так не умеет?! Чего она вообще добилась своим упрямством?! Того, что теперь шла под ужасным ливнем, одетая в тоненькое пальто, да еще и не имея при себе зонта?!

Выглянул через окно на улицу: погода становилась всё агрессивнее. Как бы ни начался настоящий ураган. Я не знал, как всё ещё контролировал себя, но понял, что, если она не придет через минуту, я пойду на улицу и буду её искать. И плевать где и как — обойду всю землю, если понадобится, но найду эту сумасшедшую и приведу её сюда.

Щелчок открывающейся двери заставил меня вскочить.

Это была она.

То, какое облегчение я испытал, увидев её целой и невредимой, было просто невозможно передать словами.

– Всем привет! — её ангельская улыбка тут же осветила это темное место. Она закрыла дверь и расстегнула пальто, при этом слегка подпрыгнув. — На улице настоящий потоп, кажется, моя одежда слегка промокла.

– Это точно слегка, Эбс? Тебе бы переодеться, — предложил парень, которого звали Майк. Он подошел и забрал у неё мокрые вещи, и она благодарно улыбнулась ему. *Какого хрена она ему улыбнулась?!*

– Всё нормально, высохнет.

Высохнет?! Она что, совсем головой не думает?!

Эбби скрутила свои волосы в узелок, а затем выжила с них воду в стоящее неподалеку половое ведро.

– Сделать тебе горячий чай? — спросила Карла, завязывая сзади фартук. — До открытия ещё есть время. Да и думаю, если мы откроемся на пять минут попозже, ничего плохого не произойдет.

– Мне не нравятся подобные рассуждения, мисс Диас, — вмешался в разговор, и обе тут же повернулись в его сторону. — В моем баре открытие и закрытие, как и само обслуживание, должны происходить ровно по часам. Если мистер Филлипс допускал подобное поведение, и вы привыкли к нему, то, вероятно, эта работа не для вас. Тем более, что...

— провел подушечкой указательного пальца по столику, а затем потер его о большой, — ... похоже, вы не справляетесь со своими обязанностями.

Глаза Карлы тут же округлились и наполнились страхом. Она задрожала, но, по всей видимости, была не в состоянии вымолвить ни слова, поэтому лишь открывала и закрывала рот, одной рукой сжимая край фартука.

— Карла знает правила, — твердый голос Эбигейл заставил меня повернуться. От её прежней веселости не осталось и следа. — Она отличный работник и прекрасно справляется. — она посмотрела на девушку. — Спасибо. Я уже согрелась.

— Не знаю, как вы, ребята, а мне кажется, что в такую погоду к нам ни один клиент не заглянет, — заключил Майк, поставив коробку с алкоголем на столик. — И не думаю, что из «Ястреба» хоть один человек вышел на работу, они же не дураки, — усмехнулся он.

— Думать — не ваша сильная сторона, Майерс, — сказал я, заставляя парня перестать улыбаться. — И лучше, чтобы не выглядеть дураком, не делайте этого снова.

— Да, босс, — тихо ответил он. — Извините, босс.

— Обычно у нас в такую погоду со светом не лады... — начала было Карла, но побоялась закончить, дабы не повторить участь Майка.

— Я проверю щиток, — неожиданно отозвалась Эбби. — Майк, помоги, пожалуйста, Карле со столиками и убери лишний алкоголь. Мы открываемся через две минуты.

Что бы ни случилось, всё должно быть сделано ровно по часам, — вызываяще повторила она, не сводя с меня взгляда. — Только тогда наш новый босс будет нами доволен.

Майк и Карла послушно засуетились, а Эбигейл достала из ящика фонарик и, круто развернувшись, направилась в сторону служебного помещения.

Ну уж нет. Это ей с рук не сойдет. Она поплатится за каждое слово, брошенное в мой адрес. Теперь точно.

Сжав пальцы, стиснул зубы и стремительно зашагал следом. Нагнав Эбби у входа в маленькую комнатку, быстро зашел внутрь и одним ловким движением запер дверь.

Эбигейл резко развернулась, ошеломленная и даже немного напуганная.

Это ему и было нужно.

— Что вы делаете?! — воскликнула она, от удивления расширяя глаза.

— Ты выставила меня идиотом перед моими подчиненными, — сквозь зубы пояснил я. — И теперь будешь просить за это прощения.

— Извиняться следует вам, мистер Бейкер, — заявила Эбби, ткнув в меня указательным пальцем. — И если кто—то из моих друзей и посчитает вас идиотом, то уж точно не по моей вине.

Резко упер свои руки в стену по обе стороны от её головы, тем самым заставляя её вздрогнуть и инстинктивно вжаться в бетон.

— Ты зря считаешь, что можешь делать подобное и оставаться безнаказанной, — прохрипел, чувствуя, как загорелись мои глаза. — Потому что, если моему терпению придет конец, ты будешь вынуждена заплатить за каждую свою выходку.

— Я буду вести себя с вами так, как вы этого заслуживаете, — дерзко бросила она, — а если вас что—то не устраивает, меняйте свою манеру поведения!

— Я ничего не стану менять!

— Тогда вам придется смириться!

Она хотела оттолкнуть меня, но я лишь сильнее сократил расстояние.

— Я никогда и ни с чем не мирюсь, Эбигейл, — рычал, понимая, что начинаю терять контроль. — Особенно с тем, что считаю непозволительным!

— Непозволительным?! — она резко уперла ладони мне в грудь. — Не вам говорить мне о границах дозволенного, мистер Бейкер! Ведь это не я постоянно хватаю вас и прижимаю к стенке!

— Прижимают не так, — зарычал сильнее, после чего силой пригвоздил обе её руки к прохладному бетону и придвинулся ближе, — а вот так.

Слышал её неровное дыхание и отчетливо ощущал аромат лимона и мяты, исходивший от её кожи. Эбигейл смотрела на меня и не шевелилась, а я боялся, что вот—вот полностью подчинюсь инстинктам.

Взгляд переместился на её губы, которые она приоткрыла, желая поймать как можно больше воздуха, и я начал медленно ослабевать хватку, позволяя своим рукам скользнуть от её запястий по линии вниз. Её сердце колотилось невероятно быстро, так, словно бежало самый важный марафон в жизни, и я услышал, как она сделала еле слышный вдох.

Показалось или в её взгляде было то же необузданное желание?

— Вы ведете себя крайне непристойно...

— Правда? — спросил, забавляясь её ложью. — Тогда почему тебе это нравится?

— Это не так, — она старалась выглядеть уверенной, — вы ошибаетесь.

— Я никогда не ошибаюсь, — прошептал, замечая, как она дрожит.

— Когда—то всё случается впервые.

Её милая напористость заставила уголки моих губ дернуться.

— Заключим пари, — с вызовом предложил я, — и, если ты выиграешь — я признаю, что был не прав и извинюсь перед твоими друзьями.

Эбигейл замерла, внимательно и изумленно смотря мне прямо в глаза, словно пытаясь понять, не послышалось ли ей. Она прекрасно знала, что я никогда не делал ничего подобного, а я был уверен, что и не придется. Прочитал в её глазах весьма ожидаемый и свойственный её упертому характеру

ответ, поэтому решил использовать оружие, которое должно было безошибочно поразить свою мишень.

— Это будет твоей первой благодарностью, — с иронией произнес. — Ведь, надеюсь, ты не забыла, что согласилась играть?

Выстрел был произведен точно в цель.

Эбигейл молча смотрела на меня, наверное, около десяти секунд, и я знал, что она понимала все условия этой игры. Она не отступит от своего слова. Никогда не позволит себе сдаться — это я знал наверняка. И это было мне только на руку.

— А если я проиграю?

Легкая ухмылка всё же пробилась сквозь броню, однако, взгляд остался таким же властным.

— Уже настолько не уверена в себе?

— Если проиграю? — твердо повторила она, заставляя меня заранее почувствовать себя полноправным победителем.

— Будешь исполнять все мои приказы, — ответил, обхватывая руками её плечи и заставляя её вжаться головой в бетон, — молча и безоговорочно.

— Готовьтесь признать свою ошибку... — выдохнула Эбби, — потому что я не намерена проигрывать.

То, как несмотря ни на что, до самого конца, она всегда пыталась выглядеть сильной и независимой, не могло не вызывать восхищения.

— Я тоже, — прошептал, понимая, что сдерживаться ря-

дом с ней становится всё труднее. Но я должен. Должен держать себя в руках.

Придвинулся к ней так, чтобы чувствовать её учащенное сердцебиение и ощущать дыхание на своей коже. Я знал, что сейчас она испытывала то же самое. Не сомневался в этом. Эбигейл опустила свои дрожащие веки и приоткрыла губы, словно позволяя мне начать игру, из которой всё ещё надеялась выйти победителем.

Но не догадывалась, что эта игра уже давно началась.

Легким, как перышко, касанием, прикоснулся своими губами к уголку её рта, а затем ощутил, как Эбби инстинктивно ухватилась за стенку. Я мог бы поклясться, что из её горла вырвался едва различимый стон, когда она почувствовала, как мои пальцы проложили нежную дорожку от её плеч вниз по линии руки.

Её кожа мгновенно покрылась мурашками, и это вызвало на моих губах улыбку. Улыбку, которая не сравнилась бы ни с какой другой — это была улыбка удовольствия. Чувства превосходства и правоты. Вкуса победы.

Получив именно ту реакцию, на которую и рассчитывал, я медленно наклонился над её ухом.

– Надеюсь, ты сможешь принять это поражение с достоинством, — прошептал, не сдерживая победного ликования.

Когда отстранился от неё, встретил растерянный взгляд синих глаз. Она не могла ожидать от себя подобной реакции и надеялась, что сможет дать мне пусть и не словесный, но

всё же отпор — я видел это. Но также знал, что тело невозможно обмануть. И что, когда ты совершенно не будешь этого ждать, оно расскажет твоему врагу абсолютно всё.

Довольный исходом игры, собирался сделать шаг к двери, но не успел, почувствовав, как рука Эбигейл обхватила запястье.

— Я никогда не сдаюсь, мистер Бейкер, — эти слова заставили меня помедлить, — особенно, если знаю, что могу заставить врага склонить колено.

Замер, поймав на себе ледяной взгляд её синих глаз.

От испуганной и неуверенной девушки в одно мгновение не осталось и следа.

Резко оттолкнувшись от стены, она приподнялась на носочки и, обхватив руками моё лицо, поцеловала. Её губы были мягкими и на вкус напоминали шоколад. *Почему шоколад?* — а хрен его знает. Я не хотел думать об этом, потому что единственное, что сейчас занимало всю мою голову — это её запах: сладкий, дурмящий с дикими нотками цитруса.

Она целовала меня естественно и непринужденно, но властно и настойчиво, тем самым уверенно доказывая, что не только я могу быть хозяином положения. И что не только я определяю исход битвы — и, твою мать, я отчетливо понял это, когда инстинктивно прижал её еще влажное от дождя тело к себе, и зарычал от того, что почувствовал.

Эта девушка делала меня другим. Будила внутри что—то,

что я изо всех сил старался запрятать как можно глубже. И это что—то хотело намного большего, чем я мог ей предложить.

Словно почувствовав, что я вот—вот потеряю чертов контроль, она отстранилась и отошла. Мы оба тяжело дышали, и я знал, что, несмотря ни на что, были ошеломлены случившимся. Особенно я.

— Если вы не против, я предпочла бы объявить ничью, — всё ещё задыхаясь, заявила она, не глядя поворачивая замок на двери. — И я прошу прощения за своё поведение. Этого больше не повторится.

Прежде чем выйти за дверь, она ещё ненадолго задержала на мне свой взгляд, в котором, однако, не было ни единого намека на ликование или довольство.

И только когда я остался один, вдруг осознал, *почему* она не испытывала торжества.

Потому что другие чувства, которые в момент поцелуя завладели нами обоими, были намного сильнее и намного опаснее. В эту самую минуту я отчетливо понял, что именно натворил. И что самое трудное теперь ждало меня за этой дверью.

13. Эбигейл и Дарен

Я вышла за дверь и тут же ухватилась руками за стену.

Ноги подкашивались, и я чувствовала, с какой сумасшедшей скоростью колотится сердце. Почему тело так реагировало на этот поцелуй? И что, черт подери, вообще на меня нашло? Разве не было другого выхода? Почему нужно было обязательно целовать этого надменного, самовлюбленного и невыносимого грубияна? Который, помимо того, что сильно меня раздражал, еще и был моим непосредственным начальником...

Осознание происходящего потихоньку начало отрезвлять затуманенное сознание.

Я. Поцеловала. Своего. Босса.

Черт—черт—черт!

Я поцеловала Дарена Бейкера!

Того, кто презирает любое проявление чувств.

Того, кто закипает от непокорности и своеволия.

Того, кто играет лишь по собственным правилам и никогда не прощает ошибок.

А я ошиблась. И теперь определенно влипла. По уши. Очень и очень сильно!

Постаралась сделать глубокий вдох, а затем, дабы не навлечь на себя беду в этом темном углу, направилась к стойке

— по крайне мере, если он захочет на меня наорать, то при двоих свидетелях мне будет не так страшно. И, наверное, я даже останусь в живых.

— Клиентов еще не было? — переводя дыхание, спросила, при этом, стараясь не поднимать своих бесстыжих глаз.

Майк был очень пронизательным, а мне не хотелось, чтобы он что—то заподозрил.

— Никогошеньки. С щитком всё нормально? Тебя долго не было.

Он сказал это без какого—либо намека, но на какое—то мгновение я как вкопанная застыла на месте.

— Да—а, с щитком всё в порядке, — выдохнула, ощущая облегчение от того, что Майк не посмотрел на меня чуть внимательнее.

— Мистер Бейкер, вроде бы, пошел за тобой, — неожиданно произнес он, заставляя меня вновь затаить дыхание, — ты не видела его?

Я не говорила о своем крайне ужасном недостатке, который, в этот самый момент, мог выдать меня с потрохами? Нет? Так вот — я ненавидела лгать.

И самое паршивое в этом было то, что, даже если бы и захотела, то потерпела бы сильнейшее в своей жизни фиаско. Ведь мне действительно казалось, что следы недавнего поцелуя всё ещё не исчезли с моего лица. Именно поэтому, появление Карлы возле подсобки показалось самым настоящим спасением.

– Давай я помогу тебе, — я тут же подлетела к ней, придерживая за дно огромную деревянную коробку и получая благодарную улыбку в ответ.

– Эй, — голос Майка заставил девушек замереть, — наш новый босс, конечно, и так не самый славный добряк на свете, но он явно придет в ярость от подобной выходки. И я его пойму. — я обреченно подняла глаза на Карлу, мысленно уже готовясь быть уличенной во лжи. Точнее, скрытности. *Боже, я пропала.* — Я же говорил вам никогда не таскать ничего тяжелого, — он подошел сбоку и забрал коробку из наших рук, — это не женское дело, запомните уже.

– Прости, — виновато улыбнулась Карла, а я, не сдержавшись, в облегчении прикрыла глаза. *О, Боже, спасибо, что ты рядом.* — Ты что, так и не переделалась?

– Что?

– Ты до сих пор в мокрой одежде? — обеспокоенно повторила Карла, и я моментально окинула себя взглядом.

– Да, я... видимо, завозилась с щитком, — тихо ответила, пытаясь не вспоминать, что стало этому истиной причиной.

– Так ты точно нарвешься на неприятности, — Карла укоризненно мотнула головой, — а, если тебе повезет, и ты не заболеешь, то определенно лишишься своей головы. Майк об этом позаботится. Либо сам, либо с помощью нашего нового босса...

– Нет, — резко вскрикнула я, поздно осознав, какую ошибку совершила. Теперь Карла смотрела на меня во все

глаза. — Не говори ему, прошу. Я буду вынуждена слушать его лекции целую ночь. А ты ведь знаешь, какими нудными они бывают.

— Ладно, — рассмеялась Карла, — я буду молчать. Но только при условии, что ты пойдешь и снимешь с себя эту мокрую одежду. Иначе, пеняй на себя.

Я кивнула, а затем зашла внутрь, осторожно закрывая дверь до самого щелчка.

Прислонилась к ней спиной, медленно оседая на пол, потому что всё ещё была не в силах успокоить не только мысли, но и тело. Со мной происходило что—то совершенно невероятное. Что—то, что было трудно описать обыкновенными словами. Или постараться объяснить — хотя бы себе самой.

Я думала, что проучу его. Дам понять, что он не является Властелином мира. И что тем более не имеет никакой власти надо *мной*. Но на практике убедилась совсем в обратном. И вместо того, чтобы покончить с этими дурацкими играми и раз и навсегда поставить Дарена Бейкера на место, погрязла во всем этом лишь сильнее.

И что мне теперь делать? Как быть с собственной ложью?

Ведь где—то в глубине души я понимала, что то, что испытывала рядом с ним, было не просто очередной детской шалостью, а чем—то большим. Чем—то слишком настоящим для того, чтобы называться игрой.

Имея смелость начать партию, имей и мужество довести её до конца.

Верно?

Они играли. Что бы я не чувствовала, для него это не имело никакого значения. Что бы я не чувствовала, для того, чтобы выиграть, мне придется заставить себя блефовать.

Блефовать... я слабо усмехнулась собственным же мыслям.

Боже, Эбби, с каких пор ты стала творить подобное...

Неожиданный стук в дверь заставил меня вздрогнуть.

Взглянув на часы на стене, поняла, что совсем потеряла счет времени.

Наверное, Карла уже начала беспокоиться.

поднялась на ноги и, повернув замок, распахнула дверь.

— Прости, я не хотела... — запнувшись на середине фразы, инстинктивно вцепилась пальцами в дерево.

Передо мной стояла вовсе не Карла. А тот, с кем видеться, а особенности быть наедине я всё ещё не была готова. Скрестив руки на груди и своим массивным телом преграждая выход, Дарен внимательно изучал выражение на моём лице. Его взгляд был тем же ледяным и властным, но сейчас я видела в них огоньки, которых раньше не замечала.

— А мне показалось наоборот, — вдруг произнес он, заставляя меня задохнуться.

— Мне нужно выйти... — опустила глаза, понимая, что больше не могу смотреть на него, не выдавая своих истинных мыслей и чувств, но он даже не шелохнулся.

– Ты не переоделась.

Он что, волновался о ней? Или показалось?

– Я не взяла с собой никакой одежды, — честно призналась я, только сейчас понимая, что это на самом деле так. *И почему это не пришло ей в голову раньше?*

– И ты собираешься ходить вот так всю смену?

Кажется, это был не совсем вопрос.

Я сложила руки на груди.

– А у меня есть выбор? Или, может, вы хотите одолжить мне свою рубашку?

Он немного помолчал, всё так же внимательно смотря мне в глаза, а затем опустил руки вниз. Даже не представляя, что он задумал, я молча наблюдала за тем, как Дарен снимал с себя пиджак и аккуратно вешал его на настенный крючок, при этом, не смея отводить от меня своих глаз.

Я и без того чувствовала некоторую напряженность, желая узнать, какого черта он творит, но, когда его пальцы потянулись к пуговицам на рубашке, не выдержала.

– Что вы делаете?!

– Раздеваюсь.

– Как?! То есть... зачем?!

– Тебе же нужна одежда, верно?

Он говорил так невозмутимо и спокойно, а у меня внутри всё верх тормашками скакало. Я пыталась не смотреть на обнаженное тело, выглядывающее из—под белоснежной ткани, но, черт возьми, как же трудно было отвести свой взгляд.

— Да, но я не имела в виду, что... — отвернулась, когда он начал медленно снимать с себя рубашку.

Господи, похоже, это и было тем, что я называла «влипла». Закусила губу и прикрыла глаза. *Только не поворачивайся, Эбс. Позади тебя стоит полуобнаженный мужчина, которого ты только недавно поцеловала, и которого, кажется, хочешь поцеловать снова... Боже, ужасно она призналась в этом самой себе?*

— Я знаю, — услышала, а затем почувствовала, как Дарен подошел сзади и задержала дыхание, — ты просто болтаешь всё, что в голову придет.

Шевелиться и без того было трудно, и его близость не делала эту задачу проще. Он протянул мне рубашку, терпеливо ожидая, пока я подам хоть какие—то признаки жизни. И это вовсе не было смешно или весело, потому что мне на самом деле казалось, что я умерла: я не дышала, а сердце больше не билось. Разве признаки не на лицо?!

Чувствуя жар тела даже на расстоянии и, Господи, чего душой кривить, задыхаясь от того, что он находится так близко, я всё же нашла в себе силы поднять руку, при этом заставив её не задрожать. Когда пальцы сжали белую ткань, Дарен отошел.

Я не шевелилась до тех самых пор, пока в подсобку не хлопнула дверь. Только ощутив, что он ушел, смогла вернуть себе способность дышать. Более или менее.

Развернувшись, чтобы удостовериться в том, что действи-

тельно осталась одна, я медленно подошла к зеркалу, а затем, окинув себя мимолетным взглядом, опустила взгляд на рубашку, которую сжимала в руках.

Стоит ли надевать её? Стоит ли играть с огнем?

Да, это был всего лишь кусок тряпки — кстати, очень дорогой тряпки, — но почему—то мысль о том, что даже такая незначительная вещь способна многое поменять, не давала мне покоя.

У меня был выбор.

Бесспорно, был.

Я могла послушать своё здравомыслие и надеть его рубашку, либо подчиниться своему идиотизму, которое просто кричало — *«этим ты нарвешься на неприятности!!!»*.

Иногда, выбор сделать очень сложно, ведь все мы боимся совершить ошибку. Но порой ошибиться просто необходимо. Это помогает нам понять многие вещи, которые до этого оставались необъяснимыми. И людей, которые казались недостижимыми.

— Ладно, — выдохнула, вешая рубашку на стул, — была не была.

Мерил шагами зал, сунув руки в карманы брюк и иногда поглядывая на дверь подсобки. Я даже не думал, что находиться с ней наедине будет так невыносимо.

Почему согласился на её долбанные правила?

Разве раньше мне не приходилось сталкиваться с услови-

ями, которые не были для меня выгодными? Приходилось. И много раз. Почти каждый день я собственноручно сворачивал сделки, которые не вызывали во мне интереса и переделывал пункты тех из них, полезный эффект от которых мог обратить в свою сторону. Так почему же в этой ситуации не поступил так же? Почему подставил сам себя?

Дело было в ней.

Эта девчонка сама того не понимая толкала меня на безумства.

Я мог противиться сколько угодно, мог даже убеждать себя, что смогу вернуть всё назад. Вернуть холодного, безразличного и бездушного человека, коим всегда был. Но понимал, что ничего из этого не выйдет. Как бы я ни старался.

Ведь только увидев её глаза, только заглянув в их глубину, я больше уже не понимал, кто я или кем должен быть. Видел только её одну. Словно больше ничто не имело значения.

Когда дверь открылась, остановился и поднял голову вверх.

Одетая в мою широкую рубашку, Эбигейл выглядела еще миниатюрнее. Ощутил, как ненормальное ёкнуло — ведь впервые в жизни я позволил кому—то надеть свою вещь. Впервые в жизни собственными руками отдал *девушке* пусть малую, но все же частичку себя. Я заморожено наблюдал за тем, как девчонка неуверенно прикрыла дверь, а затем медленно направилась ко мне, с легкой опаской поглядывая в сторону стойки.

Я понимал, кого именно она пыталась найти. А то, как она мимолетно закусила губу и смяла край рубашки, выдало её волнение. Наверное, только идиот не заметил бы её облегчения, когда она поняла, что ни Майка, ни Карлы в зале нет.

— Я отпустил их домой, — ответил на её немой вопрос, — буря разыгралась не на шутку. Не думаю, что кто—нибудь сегодня заглянет.

Эбигейл подняла свои глаза. Удивленные, но в то же время благодарные и поразительно мягкие. И как у неё получалось смотреть на людей с такой нежностью?

— Спасибо, — прошептала она, — и за рубашку тоже. Хотя это было не обязательно.

— У тебя был другой вариант, как не замерзнуть? — спросил, выпрямляясь. — Да, я совсем не умею быть милым, ласковым и добрым, но это вовсе не означает, что мне хочется мучить и терзать людей. Я не изверг, Эбигейл. Как бы ты не считала иначе.

— Я вовсе не считаю вас таким... — она сделала неуверенный шаг, — и меньше всего на свете мне хотелось задеть вас...

— Ты и не задела, — бросил, отходя к двери, — с таким, как я, это невозможно.

— Я так не думаю.

Её уверенный и теплый тон заставил в усилии сжать пальцы. *Я не должен был отвечать на её слова. Не должен был придавать им смысл.*

— В такую погоду тебе будет трудно добраться до дома, — сказал прежде, чем она произнесла что—то еще. — Надеюсь, тебе хватило приключений и на этот раз ты позволишь подвезти тебя? Или хроническое упрямство у тебя в крови?

— Я только возьму свои вещи, — прошептала Эбби и послушно зашагала к подсобке.

Надев пальто и перебросив через плечо сумку, она выключила электричество и взяла со столика ключи.

Я вышел на улицу, тут же угодив под стоящий стеной ливень.

Недолго думая взял металлический лист, стоящий у стены бара, и поднял у ненормальной над головой, чтобы она не промокла.

Эбби бросила на меня изумленный взгляд, но ничего не сказала.

Наскоро закрыла дверь и направилась со мной к машине. Щелкнул брелоком и открыл переднюю дверь.

Когда Эбби забралась в салон, поставил «зонтик» между стеной и керамической вазой, надеясь, что так он не улетит, а затем побежал к водительской двери.

Устроившись на сиденье, почувствовал на себе пристальный взгляд синих глаз.

— Хочешь что—то спросить? — включал зажигание и стеклоочистители. Поймал себя на мысли, что увидеть дорогу в такую погоду будет сложнее, чем предполагал.

— Ничего, — ответила она, — просто... чем больше я вас

узнаю, тем сильнее не понимаю.

— Значит, и не стоит пытаться, — ответил, неторопливо выезжая на дорогу.

— Но я хочу, — не унималась ненормальная. — Мне интересно, почему ваше настроение меняется так, словно несется по радуге: в одну минуту вы горячий и опасный, как красный, а в другую — мягкий и спокойный, как синий.

Она что, в самом деле сравнила моё настроение с радугой?

— Потрогай свой лоб.

— Что? — моргнула она.

— Мне кажется, что от переохлаждения у тебя поднялась температура.

— Я... с чего вы взяли?

— Находясь в бреду, люди часто несут всякую чушь, — бросил, поворачивая за угол.

Краем глаза заметил, как она открыла рот, — видимо для того, чтобы накричать, — и я именно этого и ожидал. Но она лишь отвернулась, не произнеся при этом ни слова.

Правда что ли заболела?

Не стал выяснять, решив насладиться образовавшейся в салоне тишиной. Я был рад, что теперь не придется всю дорогу выслушивать её догадки или злиться из—за вопросов, ответы на которые она бы всё равно ни за что не получила. Я не хотел, чтобы она лезла мне в душу и интересовалась тем, что ей знать совершенно не нужно.

Поэтому, если ненормальная обидится и перестанет доку-

чать своей «помощью», будет только лучше.

Вырулив на дорогу, притормозил, замечая рабочих в желтых дождевиках и знаки, обычно не предвещающие ничего хорошего.

— Что там?

— Не знаю, — признался, хотя и чувствовал, что ничего хорошего, — я спрошу, а ты жди тут, — вышел из машины и захлопнул дверь, инстинктивно приподнимая ворот куртки. — Что случилось?

— Там деревья повалило, накрыло несколько кварталов, — крикнул подбежавший ко мне мужчина, стараясь, чтобы его было слышно через звуки рабочей пилы. — Кое—где оборвало провода, поэтому мы полностью перекрыли движение.

— Объехать можно? — крикнул, щурясь от дождевой воды.

Мужчина покачал головой.

— По всей линии так. В ту сторону сейчас не пройти, не проехать. Словно сам Господь все пути отрезал.

— И надолго это?

— На всю ночь, — ответил рабочий, подавая знак другой машине, — и это в лучшем случае.

Он побежал к следующему водителю, а я тихо выругался и только после этого забрался обратно в салон.

— Ну что? — услышал, ещё даже не успев закрыть дверь.

— Дорогу перекрыли, — объяснил, кладя руки на руль. — Мне нужно подумать.

– Тогда поехали в объезд, — предложила она, — в чем проблема?

– Держишь меня за идиота? — повернулся к ней. — Думаешь, я не подумал об этом прежде, чем искать другие варианты?

– Ладно, — она сложила руки на груди и откинулась в кресле. Её молчание выводило из себя ещё больше, чем когда она просто спорила.

– Не могла выбрать место для бара поудобнее?? Где развилок было бы побольше!!

– Прости? — ахнула Эбби. — *Не я* его строила. И *не я* виновата в том, что сегодня такой ураган.

– Но это же *ты* устроилась туда на работу!

– Знаешь что, — не выдержала она, разворачиваясь, — я не просила тебя покупать «J9»! И уж тем более не напрашивалась в попутчики!

– Верно, я сам взял тебя! — закричал. — И уже жалею об этом!

– Что ж, ладно, — спокойным тоном произнесла она, — тогда я пойду пешком!

Не успел ничего сообразить, как она уже открыла дверь и вышла из машины.

– Чокнулась?!

– Не больше, чем ты!

Показалось или она впервые позволила себе назвать меня на «ты»?

– Вернись в машину!

– И не подумаю! — она хлопнула дверцей и направилась к тротуару.

– Дьявол! Она меня доконает! — зарычал, а затем со свистом развернул машину и проехал вперед, оставляя ненормальную позадю. Резко затормозив, вылетел из машины и пошел ей навстречу.

– Лучше не подходи, — она ткнула в меня указательным пальцем, при этом сильнее запахивая пальто.

– Иди в машину, — прошипел сквозь зубы, — я серьезно.

– Я тоже серьезно, — она попыталась обойти меня, но я не позволял. — Отойди!

– Хочешь заболеть?! Что за игру ты опять затеяла?!

– Я затеяла? — она бросила тщетные попытки уйти и остановилась. — Может, это ты её затеял?! Почему ты вечно всем недоволен и только и делаешь, что кричишь на меня?! Тебе не нравится, когда я спорю, но когда я молчу — ты тоже бесишься! Чего тебе нужно, Дарен?! Чего ты хочешь от меня?!

– Я хочу, чтобы ты сейчас же села в машину, потому что снова почти что насквозь промокла!!! — заорал, а затем с силой ударил кулаком по стене здания. — Твою мать!! Ну неужели до тебя не доходит, что ты можешь заболеть?! Неужели то, что я срываюсь на тебе, беспокоит тебя больше, чем собственное здоровье?! О чем ты, черт подери, думаешь, когда разгуливаешь по улице в такой ливень?!

– О том, что проклинаяю тот день, когда ты спас меня!!

Она закричала так неожиданно, что я даже не сразу нашёл, что ответить. Дождь полил сильнее. И в этот самый момент по её глазам я понял, что эти слова сами слетели с языка. Я увидел в них раскаяние и сожаление, и что—то ещё, чего пока понять не мог.

Эбби опустила голову и прикрыла глаза, словно пыталась успокоить внутри себя ничуть не меньшую бурю. Я расстегнул куртку и, недолго думая, накинул её ей на голову, чтобы закрыть от дождя.

– Что ты делаешь? — она моментально подняла глаза и развернулась, невольно упираясь ладонями в мою теперь обнажённую грудь.

– Я не хочу, чтобы ты заболела, — тихо ответил, чувствуя, что становится холоднее.

– Но ты же... совсем без одежды... — Эбби начала испуганно осматривать меня. Её волосы липли к лицу, но теперь на них хотя бы не попадали дождевые капли. — Это безумие, — зашептала, а затем потянулась к куртке над своей головой, — надень её обратно.

– Эбигейл... — я держал кожанку мертвой хваткой. — Ты замерзнешь...

– А ты нет? — обеспокоенно спросила она. — Перестань душить, Дарен, прошу тебя, надень эту чертову куртку обратно...

Имя, практически прошептанное её губами, вынудило

сердце гулко застучать.

Я никогда не думал, что хоть кто—то, хоть когда—то сможет заставить меня испытывать нечто подобное. Но с ней всё было по—другому.

С ней даже мир казался совершенно иным.

Не таким, каким я привык его видеть. И не таким, каким он на самом деле был.

Эта ненормальная видела его своими особенными небесно—голубыми глазами — видела его сказочным, волшебным и полным чудес. Миром, где каждая начавшаяся история обязательно обретала свой счастливый конец. И этим она вселяла в меня маленький кусочек надежды. Надежды на то, что когда—нибудь я тоже смогу увидеть его именно таким.

– Не могу... — выговорил, чувствуя, как капли стекают по лицу.

– Или ты наденешь куртку, — пригрозила Эбигейл, — или я сниму пальто.

– Что? — мне показалось, что я ослышался. — С ума сошла?

– Нет, но я не хочу, чтобы ты замерз, — тихо ответила она, и я понял, что даже не знаю, что могу ей возразить.

Она заботилась обо мне? Но почему? Разве всего минуту назад она не сожалела о том, что мы встретились? Разве не хотела больше не видеть и не знать меня?

– Если я сяду в машину, — продолжила Эбби, — ты сде-

лаешь то, о чем я прошу?

Её слова окончательно выбили из колеи.

Она молча смотрела на меня, ожидая ответа, а я понимал, что не в силах что—либо сказать. Но кивнул. Инстинктивно. Неосознанно. Возможно, в какой—то мере потому, что понимал, что только так смогу заставить эту сумасшедшую укрыться от дождя.

А большего я и не хотел.

Почувствовала облегчение, когда увидела, как Дарен кивнул.

Чем он вообще думал, когда творил подобное? А я, когда устраивала сцену?

Моей вины в том, что он так долго стоял под проливным дождем, было даже больше, чем его. И я не переставала корить себя за каждое неосторожное слово и каждую глупую выходку.

Когда мы забрались в машину, я осторожно коснулась его куртки.

– Она насквозь мокрая...

– Другой у меня нет. — он положил руки на руль, и я заметила, как они дрогнули.

С его волос, лица и тела капала вода, и в какой—то момент мне показалось, что его губы задрожали. Дарен надел куртку, как и обещал, но легче мне от этого не стало.

Я чувствовала себя законченной стервой.

Попыталась извиниться, но поняла, что и рта не могу раскрыть.

Мы ехали в полном молчании. Куда именно — я не знала, и спрашивать не осмеливалась. Разве того, чего я за сегодня натворила, было не достаточно?

Только когда мы остановились, я узнала место, мельком выглянув в окно.

— Если хочешь, могу отвезти тебя в гостиницу, — услышала, но не решилась повернуться. — И... у меня есть комната, если решишь остаться.

Наверное, в любой другой ситуации, я выбрала бы гостиницу, но сейчас, отчетливо понимая, что Дарену как можно быстрее необходима горячая ванна, чай и травы, кивнула.

— Я была бы благодарна за комнату.

Пока мы поднимались на лифте, не сводила с Дарена глаз: пыталась считать каждую эмоцию, мелькающую на его лице. Пыталась понять теперь уже не его настроение, нет — его самочувствие.

Мне было важно знать, что он в порядке. Я хотела быть уверена, что его глупая самоотверженность не закончится бедой. Но боялась, что моей надежды окажется мало.

— Пойдем, — моргнула, понимая, что мы уже в квартире, — я покажу тебе комнату.

Мы дошли до конца коридора, а затем поднялись по лестнице.

Я уже видела эту часть этажа: мягкая белая мебель, большой рояль, журнальный столик, вазы с экзотическими растениями и большая настенная картина.

А вот в другую его часть попала впервые.

Мебель здесь была преимущественного черного, агрессивного цвета. Я заметила низкий ступенчатый столик, огромный книжный стеллаж, тумбу и несколько фигурных статуй. Он повел меня к очередной лестнице, которая, по всей видимости, вела в спальню.

Еще не до конца поднявшись, я уже ощутила, как от открывающегося вида перехватывает дыхание. Панорамные окна располагались во все три стены, а когда Дарен включил ночник, посередине комнаты предстала огромная кровать, «лежащая» на подъеме. Здесь пахло его парфюмом и лимоном от свечи на прикроватной тумбе. В воздухе витало особое настроение, а властность и характер ощущались с первых же секунд.

— Это ведь твоя комната? — вопрос не требовал ответа. — Поэтому ты...

— Я посплю на диване, — сказал он прежде, чем дослушал продолжение.

— На диване? — переспросила, стараясь не выдать своего беспокойства. — Но...

— Предлагаешь мне лечь с тобой?

Конечно, я прекрасно знала, что это лишь одна из его стандартных фразочек, которыми он бросался лишь для то-

го, чтобы отпугнуть меня. Держать от себя на расстоянии. Но на какое—то короткое мгновение мне стало интересно, как бы он повел себя, если бы я сказала «да».

— Ванная там, — продолжал Дарен, кивая на дверь за моей спиной. — Халат и полотенца чистые. Ты можешь освежиться, а я постараюсь найти что—нибудь, во что ты смогла бы переодеться.

— А ты? — развернулась, заставляя Дарена помедлить у верхней ступеньки.

— Внизу есть ещё одна, — стоя ко мне спиной, ответил он. — Я схожу туда.

Я рта раскрыть не успела, он практически пулей сбежал вниз по лестнице.

Всё еще не переставая нервничать за его здоровье, сняла с себя сумку и решила, что быстро схожу в душ, а затем обязательно справлюсь о его самочувствии.

Да, именно так.

Ванная комната ничуть не уступала как этой чудесной комнате, так и всему дому в совокупности. Необъятная ванная, отделанная черным и белым мрамором, огромные зеркала, необычайной красоты люстра, разрисованная вручную напольная плитка — от всего этого у меня не находилось слов.

А я уже говорила про необъятную ванную? Чертовски необъятную! Казалось, что в ней с легкостью уместится человек пять, не меньше! Ну ладно, с пятью я, пожалуй, слегка

перегнула. Или даже не слегка...

— Не важно, Эбби, — притормозила себя, — просто прими этот душ.

На это мне понадобилась чуть более десяти минут, — половину этого времени я благополучно пыталась разобраться с множественными краниками и ручками, но, в конце концов, справилась. Просушивая волосы полотенцем, вышла из ванной, почти тут же замечая на кровати одежду.

Видимо, Дарен действительно что—то для меня нашел.

Это оказались черные полуспортивные штаны и белая майка — всё определенно женское и явно не из магазинчика за углом, в котором я одевалась. Уже по одной только ткани было понятно, что стоили они, как моя месячная зарплата. Если не больше.

Оделась довольно быстро, удивляясь, как всё село точно по размеру.

Пока спускалась, старалась не думать о том, кто носил эту одежду до меня.

— И у него ты тоже не станешь этого спрашивать, — проворчала. — Это не твоё дело. Просто скажи спасибо и всё...

— Голодна? — донеслось откуда—то из—за угла.

Откуда он знал, что я спустилась?

— Немного, — крикнула в ответ.

Стараясь понять, откуда исходил голос, не заметила, как завернула на кухню.

Черт. Её описать у меня бы точно слов не нашлось.

— Ты не вегетарианка? — уже тише спросил Дарен, видимо, почувствовав, что я здесь. Он стоял спиной, одетый в серую футболку и штаны и, кажется, что—то шинковал.

— Нет, скорее всеядная, — тихо ответила, не сдержав улыбки и осторожно делая к нему шаг. — Спасибо за одежду, — ответа не последовало, но это совсем меня не удивило. *Всё, молодец, поблагодарила, теперь замолчи и сядь за стол.* — Чья она?

Блин. *Всё—таки спросила.*

Дарен помедлил, но все же ответил:

— Моей сестры. — не знаю, действительно ли в этот момент испытала облегчение, но в том, что выдохнула, не было никаких сомнений.

— Вы очень дружны, верно? — его спина напряглась, и я обеспокоенно закусил губу. *Ну хотела же замолчать, глупая, и в кого ты такая несдержанная?!* — Как ты себя чувствуешь? — решила перевести тему на более безопасную. — То есть... тебе ведь уже не холодно? Я хотела сказать...

— Послушай, — он резко развернулся. От взгляда его ледяных глаз я застыла, — я уже сто раз повторял тебе, что не собираюсь отвечать на твои дурацкие вопросы. А ты знаешь, что я не люблю, когда меня вынуждают повторять. Мы не стали друзьями, — зло бросил он, — а то, что произошло между нами — не имеет абсолютно никакого значения. Да, я одолжил тебе свою рубашку. Да, не позволил окончательно

окоченеть. Не бросил на произвол судьбы и привез к себе, потому что иначе ты спала бы на улице или в каком—нибудь грязном, паршивом мотеле, потому что вряд ли у тебя с собой много налички. — он говорил это так быстро и с такой яростью, что я даже задрожала. — И я сделал это вовсе не потому, что во мне много доброты и желания помогать, а потому, что завтра ровно по часам ты должна стоять за стойкой, а не звонить мне и сообщать, что слегла с простудой. Я собираюсь поднять этот чертов бар на новый уровень, поэтому мои сотрудники должны работать в поте лица.

— Я просто хотела узнать о твоём самочувствии...

— О вашем, — сквозь зубы сказал Дарен, — я не разрешал тебе обращаться ко мне на «ты», и уж тем более называть по имени.

— Но я думала...

— Это твоя основная проблема, — он неожиданно повысил голос, — ты думаешь, хотя это у тебя совсем не получается! Считаешь, что смогла забраться мне в душу, да?! Подумала, что если я пару раз не дал тебе угробить себе жизнь, то ты можешь справляться о моём здоровье и задавать вопросы, которые не должны тебя касаться?!

— Нет, я...

— Избавь меня от своих оправданий, — прошипел он. А затем почти что бросил на стол тарелку с едой. — Твой ужин. Надеюсь, с рассветом тебя уже здесь не будет.

С этими словами он обошел меня, и всего через несколько

секунд я услышала, как хлопнула дверь. Ощутила, как глаза невольно наполняются слезами и инстинктивно вцепилась пальцами в край стола.

Сейчас, как никогда ранее, мне хотелось просто бежать. Со всех ног. Как можно быстрее и как можно дальше. Чтобы больше никогда не видеть его лица, не слышать голоса и имени. Чтобы раз и навсегда уйти из его жизни и забыть всё произошедшее, как страшный сон. Чтобы суметь жить собственными желаниями и мечтами...

Чтобы... чтобы... чтобы...

Боже, но ведь я просто не могла этого сделать!

Как бы больно и обидно не было от его слов, я понимала, что есть кое—что намного важнее, нежели моя гордость — его самочувствие.

И пусть там наверху меня осудят. Пусть причиной станет то, что глупо и безрассудно проявлять заботу к тому, кто так рьяно этому противится, но пока я не удостоверюсь в том, что человек, который столько раз оберегал меня от беды, в порядке и ни в чем не нуждается, никуда отсюда не уйду.

Не этой ночью. И не в этот раз.

И будь, что будет.

14. Эбигейл

Ворочалась в кровати, понимая, что не могу уснуть.

Все мои мысли были заняты Дареном, и я никак не могла выкинуть его из головы.

Этот мужчина был огромной загадкой и миром, полным противоречий и тайн. Внутри него одновременно уживались и лёд, и пламя. Он мог быть холодным и безразличным, но всего через мгновение мог стать чувственным и заботливым.

Я не понимала его.

Возможно, после случившегося на кухне, какой—то частичкой себя понимать и вовсе не желала, но другой частью — всё ещё отчаянно пыталась это сделать.

Часы показывали три часа после полуночи.

Я раздраженно перевернулась и уткнулась лицом в подушку, набросив одеяло себе на голову. Нет, виноват в моей бессоннице был вовсе не этот высокомерный кретин, а тот очевидный факт, что я просто не привыкла спать по ночам. Да. Именно. Всеми виной был мой график. Вот и всё. Простое объяснение тому, почему я пытаюсь провалиться в царство Морфея уже больше двух часов, и почему у меня ничего не получается.

Сделала глубокий вдох, а затем медленно выдохнула. Сейчас я прикажу своим мыслям уйти, а затем усну. *Давай*

Эбс, расслабься, позволь себе расслабленно уплыть в страну сладких грёз и сновидений...

Неожиданный и громкий звук заставил высунуть голову из—под одеяла, — *кажется, что—то упало или разбилось... или всё же показалось...*

Звук повторился, и я резко подскочила. Выбралась из постели и стала обеспокоенно спускаться вниз. Я не представляла, от чего именно был этот шум, но мозг уже начал строить догадки. Всего через пару секунд у него уже была парочка версий: либо этот грубиян в очередном порыве гнева бросил в стенку одну из своих драгоценных ваз, либо в его квартиру вломились воры.

Я не знала, насколько реален был последний вариант, учитывая совершенную систему безопасности этого дома, — по крайней мере, я очень надеялась, что она таковой была, — но очень надеялась, что Гордец всё же ничем не разъярен.

Хотя этот вариант нравился мне куда больше.

Не зря говорят: из двух зол лучше выбрать меньшее.

Этаж освещался только тусклым светом от луны, а о том, где находился выключатель я даже и не догадывалась. Помедлила, внимательно вглядываясь в темноту и пытаюсь уловить хоть какое—то движение. Заметила возле дивана тень и, вцепившись в перила, затаила дыхание.

– Кто здесь?

– Ммм...

Голос я узнала моментально. Сорвавшись с места, подле-

тела к Дарену как раз в тот самый момент, когда он чуть не упал, потеряв равновесие.

— Вы что, пьяны? — спросила, замечая перевернутый журнальный столик и валяющиеся на полу осколки стекла.

— Я не пью, — хрипло ответил Дарен, сделав попытку сбросить со своей талии мои руки. — И не стоит держать меня. Я могу и сам устоять на ногах...

Он пошатнулся, но я вовремя его подхватила.

— Да вы же весь горите... — ахнула, касаясь пальцами его лба. — Вам надо лечь и померить температуру...

— Со мной всё нормально...

— Нормально — это когда 36.6, — перебила его, — а у вас явно намного выше.

— Я же сказал...

— Как и я — резко перебила, заставляя Дарена замолчать. — Вы сейчас же идёте наверх. По собственной воле или же вынужденно — выбор ваш, но, если мне придется вас тащить, предупреждаю — я это сделаю, и у меня получится. Я не такая слабая, какой могу показаться на первый взгляд, меня не остановит даже то, что еще около четырех часов вы имеете полное право приказывать мне. Я всё равно затащу вас в спальню и уложу в постель... — я так и почувствовала на себе его вопросительный взгляд, когда поняла двусмысленность собственной фразы. *Черт, Эбби, ну и сморозила ты!* — Для того, чтобы померить температуру, — быстро добавила, мысленно радуясь тому, что сейчас он не видит

моего смущенного лица.

Я не знала, какой именно эффект на него произвели мои слова, но, когда никакого ответа не последовало, сделала попытку повести его, — и каким же было моё удивление (и одновременно облегчение), когда он поддался.

Облокотился о неё одной рукой и позволил помогать.

— Осторожно, ступенька, — мягко сказала, правой рукой хватаясь за перила, а левой продолжая держать его за талию.

Уже на третьей ступеньке поняла — утверждая, что затащить его наверх будет проще простого, я слегка перегнула.

Довела Дарена до кровати и, дождавшись, когда он сядет на неё, включила ночник.

Только сейчас, наконец, посмотрев на него при свете, заметила, что он почти весь покрылся испариной. Не видя его, я не могла сказать наверняка, каким именно было его самочувствие, а сейчас знала точно — очень и очень хреновым.

Кем я буду, если оставлю его в подобном состоянии?

— Где лежит градусник? — спросила, помогая ему лечь.

— В тумбочке в ванной, — тихо произнес Дарен, заставляя меня направиться к двери. Найдя то, что искала и, прихватив марлю из аптечки и небольшой алюминиевый тазик, который наполнила холодной водой, вернулась в комнату.

Глаза Дарена были закрыты, но он точно находится в сознании, — к счастью и очередному облегчению. Выдохнув, я осторожно присела на край кровати.

— Прижмите как можно сильнее, — прошептала, помогая ему зафиксировать градусник, и только потом потянулась к ёмкости с водой.

— Ты не обязана делать всё это, — прохрипел он. — Не после того, что я сказал...

Выжала марлю и приложила холодный компресс к его лбу.

— Знаю, — негромко призналась, — но не могу иначе.

— Почему? — его вопрос прозвучал слишком быстро. — На твоём месте я бы не стал помогать такому бессердечному чудовищу.

Медленно убрала свои руки, не отводя взгляда от его болезненно—бледного лица. Мне показалось, что, говоря всё это, он даже слегка усмехнулся — печально усмехнулся.

— У чудовищ тоже есть сердце.

— Как кусок льда, — подтвердил он, — а это всё равно, что жить с зияющей пустотой внутри.

От его взгляда, наполненного невыносимой болью, у меня тут же защемило в груди.

Я хотела возразить, разуверить его в собственной свирепости и холодности, но вместо этого лишь молча отвела глаза. Было бы неправильно снова испытывать судьбу, ведь там, на кухне, он ясно дал понять, что не хочет, чтобы я лезла ему в душу.

И я не стану.

До тех самых пор, пока он не откроется сам.

Вытащила градусник и опустила на него взгляд. Цифры

на нём лишь подтвердили мои опасения — температура была крайне высокой. Почти сорок градусов вряд ли можно назвать той самой нормой, о которой этот спесивец так кричал внизу.

Взглянула на него исподлобья. Дарен закрыл глаза и слегка нахмурил брови, но даже этот жест не сделал его тем вечно напряженным и грозным павлином, которым я привыкла его видеть. Сейчас он представал расслабленным и нежным лебедем, и это зрелище заставило меня заворожено застыть.

Как в одном человеке могли сочетаться два совершенно противоположных характера? Я понимала, почему Элис, да и все в компании, считали своего босса жестоким и всевластным человеком, не имеющим сердца, ведь и сама видела, каким он может быть.

Но также видела и другую его сторону.

Ту, которая разительно отличалась от первой.

Там он представал передо мной мягким, заботливым, потеряннным и загнанным в угол. Человеком, который имел и сердце, и душу.

Дарен снова закашлялся, и это заставило меня моментально прийти в себя.

Осторожно встала с постели и, сменив компресс, бесшумно отправилась вниз.

Наверное, искать лекарства в чужом доме — всё равно, что пытаться обнаружить иголку в стоге сена: шансы настолько малы, что надежды на хороший исход почти не оста-

ется. Но иногда нет иного выбора.

Иногда нужно понять, что «невозможно» — это всего лишь слово, которое мешает поверить в себя.

Важно уметь находить в себе силы, которые необходимы для того, чтобы перешагнуть через то, что кажется нереальным.

Чтобы карабкаться вверх до тех пор, пока ощущаешь под ногами твердость. Чтобы бороться со своим страхом, бороться со слабостью и изнеможением, бороться до самого конца, но никогда не отступать.

Порой мы думаем, что для всего этого в нас недостаточно сил и терпения, и забываем, что стоит только захотеть, и мы способны свернуть горы.

Сделала глубокий вдох и открыла первый шкаф: полотенца, постельное белье, снова полотенца, снова постельное... так, это не то место. распахнула дверцы следующего: папки, папки, снова папки и ещё раз папки... нет, здесь лекарств тоже нет.

Пройдя в другой конец комнаты и, опустившись на корточки, отодвинула ящик небольшого комода. Мне хватило всего нескольких секунд, чтобы осознать, что за небольшие фиолетовые пакетики там лежали и, почувствовав, как по странному стало колотиться сердце — быстро задвинула его обратно.

– Решила покопаться в моих вещах? — услышала, испуганно отскочив в сторону.

Дарен стоял передо мной, как ни в чем не бывало и с интересом смотрел в глаза — и это при температуре в сорок градусов!

— Нашла что—нибудь интересное?

Ей показалось, или в его голосе скользили нотки насмешливых издевок?

— Ну я... вообще—то искала лекарства, — гордо подняла голову и сложила руки на груди. — А вот что здесь забыли вы и почему встали с постели в таком состоянии?

— Я вставал с постели и в худшем состоянии, — спокойно ответил он, подходя к большому платяному шкафу, — для меня это вовсе не повод строить из себя жалкого и больного слабака.

— Но вы действительно больны, — констатировала, подходя ближе. — И вряд ли ваше теперешнее состояние можно описать, как «лучшее».

Дарен немного помолчал, а затем повернулся и протянул мне какую—то коробку.

— Держи, — она была небольшой, однако, в моих руках казалась необъятной. — И в следующий раз, прежде чем рыться в чужих вещах, попробуй для начала спросить разрешения.

Знала, что моё лицо неосознанно приняло виноватый вид, но разум победил совесть:

— В следующий раз, прежде чем раздеваться догола в такую погоду, попробуйте для начала подумать, к чему это

приведет. Ведь если бы вы не повели себя столь глупо и безответственно, то я бы сейчас не рылась в ваших вещах.

— Это я—то повел себя безответственно? — теперь руки на груди сложил он. — А тогда что ты ответишь, если я скажу, что не выбеги ты из машины под ливень, мне не пришлось бы раздеваться догола?

— Отвечу, что, если бы вы не наорали на меня, то я бы никуда и не выбежала.

— Если бы ты не сердила меня своими детскими выходками, то я бы и не орал на тебя, — негромко проговорил Дарен.

— Не сомневаюсь, — саркастично усмехнулась я, — наверное, потому, что вы весь такой белый и пушистый и никогда ни на кого не орете.

Весело закатила глаза и прошла мимо, не давая ему возможности ответить.

Внезапное осознание того факта, что за всё время нашего знакомства, мы впервые разговаривали без злости и раздражения, заставил невольно замедлить шаг. Наш короткий и бесполезный, но всё же необходимый обоим диалог, получился ровным и спокойным. Да, каждый из нас всё так же упорно отстаивал своё мнение, озвучивая собственную правоту, но разница состояла в том, что они делали это в совершенно иной форме и с совершенно иными мыслями.

Но разве с этим мужчиной такое было возможно? Неужели я окончательно спятила, начав принимать за действительность жестокие игры своего воображения? Ведь

не мог же он в один миг вдруг стать вполне уравновешенным, слегка веселым и даже немного милым, верно? Люди не меняются так быстро. А такие, как Дарен Бейкер, кажется, не меняются и вовсе. Ведь правда?

Поднялась наверх и поставила на столик коробку, надеясь, что гордость и твердолобость не помешают Дарену подняться следом. При всей своей неопытности по части общения с мужчинами, я всё же понимала, что у них есть одно очень нехорошее качество — они хотели быть слишком сильными. Всегда. И иногда перебарщивали с этим желанием там, где это было совершенно неуместно.

Услышав шаги за спиной, еле заметно улыбнулась, начиная выставлять на столик баночки и выкладывать коробочки.

— Вы сами дали мне этот ящик Пандоры, и позволили его открыть, — начала говорить, стараясь, чтобы тон её голоса звучал как можно суровее, — теперь вам придется выпить все эти лекарства. Я не приму оправданий вроде «*я сильный и сам справлюсь*» или «*я болен не настолько серьезно, что бы меня пичкали таблетками*», — спародировала его властный голос.

Ну, попыталась спародировать.

— Ладно, — его простой ответ вынудил меня застыть.

Ослышалась или...

— Ладно? — не выдержала и повернулась к Дарену. Он сидел на диване, держа в руках какие-то папки и опустив на них свой взгляд. — То есть, вы согласны признать, что

больны? И даже не станете возражать против лекарств?

— Я не отказывался лечиться, — сказал он, не поднимая глаз, — но это не означает, что я буду валяться в постели потому, что моя температура слегка выше нормы.

— Слегка? — ахнула я. — Совсем недавно вы на ногах—то не могли стоять, не то, что самостоятельно идти.

Заметила, как он замялся, а затем оторвался от рабочих документов и поднял глаза.

— Я уже не ребенок. Я мужчина. Поэтому прекрасно понимаю, когда у меня есть силы, а когда их нет.

— Значит передо мной сидит глупый мужчина, потому что с температурой в сорок градусов, ни у кого не будет сил даже на то, чтобы держать открытыми глаза! А вы не только сидите на диване, строя из себя чертового героя, но еще и работаете!

— Эбигейл...

— Дайте мне файлы, — перебила его, вытягивая руку.

— Что?

— Файлы, — повторила. — Либо вы отдаете мне их по—хорошему, либо я заберу их по—плохому.

— Серьезно? — его брови в удивлении приподнялись. Он медленно закрыл папку и, кажется, поудобнее устроился на диване. — Так начинай.

— Простите?

— Ты можешь отнять у меня файлы, — как ни в чем не бывало, объяснил Дарен. — Точнее, можешь попытаться. Мне

интересно, как именно ты собираешься это сделать. Особенно, если «по—плохому».

Господи, ну и кто меня тянул за язык?!

Я могла остановиться после слова «файлы» и просто промолчать, но нет же, мне обязательно надо было сказать что—то пугающее.

Сказала! На свою голову! Вот же дура!

— Ладно, — ответила, заглушая свой паникующий внутренний голос, — хотите поиграть, что ж, давайте поиграем. Лишний раз докажете, что вы всё тот же ребенок, а не взрослый и здравомыслящий мужчина.

Думала, что эти слова застанут его врасплох, заставят передумать, или вызовут любую другую реакцию, которая избавит меня от необходимости вырывать папки из его рук, но он лишь кивнул, а затем с таким же нескрываемым интересом принялся ждать.

Ну и ладно. Выставить его шутком будет проще простого. Из—за высокой температуры этот Гордец стал слабее, и теперь я справлюсь с ним в два счета.

Верно. Он и глазом не успеет моргнуть, как документы уже окажутся у меня в руках.

Ох, если бы уверенности в моих действиях было бы столько же, сколько и в словах!

— Может быть, вы всё—таки добровольно отдадите мне файлы? — слова сорвались с языка прежде, чем я успела их остановить. И, видимо, это позабавило Дарена, потому что

уголки его губ поползли вверх, и он приподнялся с дивана.

— Если боишься, так и скажи. Я не стану заставлять тебя делать то, что тебе не по силам.

Мне ведь не послышалось? Он на самом деле назвал меня трусихой? Ну уж нет! Сейчас этот напыщенный индюк узнает, как всё это мне не по силам!!

— Вы ошибаетесь, — сделала несколько быстрых шагов и в одно мгновение оказалась рядом с ним. Но когда рука потянулась к файлам, Дарен резко поднял их наверх.

— Я никогда не ошибаюсь, — тихо сказал он, заставляя меня практически задохнуться от негодования. *Вот же самовлюбленный павлин!!* — Признай, что проиграла.

— Никогда!

Подпрыгнула, пытаясь коснуться папки, но при его весьма внушительном росте и с моими—то дюймами сделать это было, мягко говоря, невозможно.

— Упертость — не во всех случаях лучшая черта, — поддел он меня, пока я пыталась допрыгнуть до файлов.

— О, правда? — остановилась и сузила глаза. — И это говорит самое бескомпромиссное и своенравное млекопитающее!

Брови Дарена взлетели вверх.

— Ты назвала меня млекопитающим?

— А что, — подбоченившись, усмехнулась, — осёл вам нравится больше?

Улучив момент, пока он приходит в себя и, по всей види-

мости, обдумывает, как бы лучше меня проучить, резво подпрыгнула и быстро выдернула папку из его рук. Он тут же растерянно посмотрел на еще недавний объект своего удовольствия.

– Ты...

– С врагом никогда нельзя проявлять невнимательность. Даже на долю секунды, — довольно заключила, повертев в руках файлы и отступая немного назад. — Я же говорила, что никогда не сдаюсь.

Дарен не шевелился и молча на меня смотрел. *Наверное, пытается свыкнуться с поражением,* — улыбнувшись, подумала про себя и развернулась к столику. Но как только попыталась открыть верхний ящик тумбы, чтобы убрать туда папку, ощутила, как он резко схватил меня за запястье и, крутанув на девяносто градусов, прижал к себе.

От неожиданности выпустила документы из рук, и они плашмя упали на пол.

– Никогда не поворачивайся к врагу спиной, — прошептал он, не сводя глаз с моего лица, — ведь даже после поражения он сделает всё, чтобы победить.

Мы находились так близко друг к другу, что я ощущала его дыхание на своей коже и чувствовала, как быстро стучит сердце. Дарен сжимал рукой моё запястье, которое завел за мою спину, тем самым абсолютно лишая возможности двигаться.

Его хватка была сильной и властной, но не причиняла бо-

ли.

Я знала, что после того поцелуя в кладовке между ними что—то изменится, но сейчас мне казалось, что это была далеко не единственная причина. Этот вечер сам по себе слишком многое изменил, и я не понимала, что делать с теми чувствами, которые заставляли пульс так учащенно биться.

— Вам нужно принять лекарства, — прошептала, предпринимая ничтожные попытки выбраться из его рук.

— Зачем?

Господи, дай мне сил...

— Иначе температура поднимется ещё выше... — почти задыхаясь, ответила я.

— И что же?

— И... тогда вы не сможете работать... а это плохо для компании и...

— Эбби, — его голос заставил меня вздрогнуть, — когда я говорю с кем—то, то хочу, чтобы этот человек смотрел мне в глаза.

— Позвольте мне дать вам лекарства, — снова попыталась высвободиться, и на этот раз, к моему облегчению, он разжал пальцы.

— Ты боишься меня?

— Я не... — резко подняла голову, — ...боюсь, — закончила предложение, понимая, что попала, пропала, влипла и... какие еще там есть синонимы?

— Но ты дрожишь, — констатировал он, внимательно сле-

дя за моей реакцией.

— Конечно... — *думай, Эбби, думай*, — ... у вас дома холодно! — *Браво. Это было «гениально»*. — Тут любой замерзнет, а особенно, такой теплолюбивый человек, как я.

— Холодно? — недоверчиво спросил он.

— Да, вам следует закрывать окна на ночь, — отступила, складывая руки на груди.

— Они закрыты, — спокойно ответил он.

— Даа, точно... наверное, всё дело в кондиционере! — закивала головой и усмехнулась. — Я не привыкла к такой температуре, ведь у нас дома его нет.

— Я сделаю теплее, — сказал Дарен и отвернулся, чтобы взять пульт.

Я не смогла сдержаться и в облегчении прикрыла глаза.

Боже, спасибо, что ты есть!

Вернулась к коробке с лекарствами и начала перебирать их, понемногу расслабляясь и концентрируясь на том, что имеющегося лучше всего поможет при простуде и высокой температуре. Выбрав несколько знакомых коробочек, направилась на кухню. Взяла поднос, который к счастью, стоял на виду, поставила на него стакан с водой и выдавила на небольшое блюдце несколько таблеток, в действии которых была уверена.

Пока поднималась, надеялась, что этот невыносимый петух всё же догадался хотя бы прилечь на кровать.

Неужели он в самом деле думает, что сорок градусов это

шутки?!

Преодолев последнюю ступеньку, и обнаружив Дарена в постели, мысленно похвалила его за разумный поступок — и да, такой похвалы вполне достаточно.

Поставив поднос на тумбочку, присела на кровать, протянув стакан и лекарство.

– Вот, выпейте сразу две.

– Что это? — спросил он, переводя взгляд на маленькие капсулы.

– Родентицид¹⁵, — съязвила, но, заметив, как Дарен замер, выдохнула, — да шучу я. Это нурофен. — он недовольно сжал зубы, но таблетки всё—таки взял. Я, конечно, слышала о том, что температура порой меняет человека, но всё ещё не верила, что сам Дрен Бейкер вдруг стал таким... послушным. — Теперь вам нужно поспать.

Он покачал головой.

– У меня много работы.

Да, и всё—таки ничто не вечно.

– Никакой работы, — смело вырвала из его рук папку, которую он поднял с пола, и быстро засунула её в ящик тумбочки.

– Какого черта ты творишь?! — воскликнул он, а затем стиснул зубы. — Я выпил твои эти таблетки, а теперь хочу заняться делами, которых у меня невпроворот, кстати гово-

¹⁵ Родентицид — это пестицид, который успешно борется с теплокровными вредителями культурных посевов и зерна, такими как мыши и крысы.

ря, из—за твоего бара.

— Вы пили их не для меня, а *для себя*, — заметила, скрепящая руки на груди, — и повторяю вам уже во второй раз, я не просила вас покупать «J9». Поэтому, вряд ли этот ваш «невпроворот» — моя вина.

Дарен хотел возразить, но неожиданный звонок мобильного, заставил его повременить. Он не сводил с меня яростного взгляда, пока тянулся к телефону, а я в свою очередь не переставала стойко с ним справляться.

— Да, — рявкнул он, отвечая на вызов.

— Мистер Бейкер, это Майк...

— Какого дьявола тебе нужно посреди ночи?! — заорал он, срывая на парне свою злость. Но я даже не дернулась.

— Бар, сэръ... я звоню потому, что у нас возникли некоторые проблемы...

— Какие еще проблемы?! Ты можешь изъясняться точнее?!

Невольно прислушалась.

— Думаю, вам лучше приехать.

В трубке повисло молчание.

— Буду через пятнадцать минут, — скинув звонок, Дарен поднялся с постели.

— Что случилась? — я стояла достаточно близко для того, чтобы услышать, о чем именно шла речь, но не для того, чтобы разобраться в подробностях.

— Тебе—то какое дело? — зло бросил он, направляясь в

сторону шкафа.

– Что с баром?

– Не знаю! Твой дружок—бармен не удосужился объяснить нормально! В твоём окружении на самом деле одни придурки?!

– Майк — не придурок, — крикнула вслед Дарену, за которым захлопнулась дверь в ванную. — Он очень милый, добрый и веселый... не то, что некоторые!

Последние слова сказала достаточно громко для того, чтобы он смог их услышать.

– Договорим, когда я вернусь, — яростно прорычал Дарен. Теперь на нем были джинсы и футболка — *Боже, как же ему шло подобное облачение...* — А до тех самых пор постарайся ничего здесь не разбить и не вляпаться ни в какую историю!

Он начал быстро сбегать по лестнице, и я тоже не стала медлить.

Когда потянулась к своему пальто, он уже надевал куртку. Заметив в его глазах вопрос, решила ответить, избавив его от необходимости лишний раз кричать:

– Первое — мы договорили. Второе — я еду с вами.

– Ну уж нет, ты остаешься здесь!

– Не дождетесь! — твердо заявила, застегивая пуговицы своего пальто, — это ведь мой бар, так? Значит, я обязана там быть. С вами или без вас, но я поеду туда, — вызываю-

ще добавила, и это подействовало именно так, как и должно было.

– Дьявол! Черт с тобой, — зарычал он, а затем протянул мне зонт. — Но без этого ты никуда не пойдешь!

– Как скажете, — забрала предмет из его рук, — хотя вам он определенно нужнее.

– Замолчи, иначе я посажу тебя под замок.

Он повернулся ко мне спиной и направился к лифту.

– И с чего я взяла, что этот человек может быть милым больше пары минут, — раздраженно пробурчала. — Видимо, таблетки реанимировали в нём невыносимого задаваку. *«Замолчи, иначе я посажу тебя под замок»*, — повторила его голосом. — Тоже мне, напугал...

– Ты так и будешь бормотать себе под нос или мы, наконец, поедим?! — заорал он из кабины.

– Я прекрасно слышу, кричать было не обязательно, — сказала, заходя внутрь.

– Порой мне кажется, что по—другому до тебя не доходит, — он потянулся к сенсорному экрану, и двери почти тут же закрылись.

– Кто бы говорил о доходчивости, — возмутилась, прилоняясь к стенке и складывая руки на груди. — Сам никогда не понимает с первого раза и вечно спрашивает: *«что?»*, *«прости?»*.

– Что? — властным тоном спросил Дарен.

Вуаля! Как по заказу.

– Ничего, — съязвила я, — восхищаюсь лифтом.

По взгляду поняла, что он ей не поверил.

И в этом не было совершенно ничего удивительного.

При таком раскладе я бы тоже ни за что себе не поверила.

На улице уже не было дождя, хотя с уверенностью сказать о том, что его и не будет — было нельзя. В воздухе пахло свежестью, и это было первым и последним приятным, что нас ожидало. По всей видимости, ураган ночью разыгрался с такой силой, что последствия от него можно было наблюдать, лишь мельком выглянув в окно. А когда ты стояла посреди улицы — вся картина фактически открывалась перед тобой во всем своем «великолепии».

– Будто бы сам Дьявол поднялся из Преисподней, — прошептала, ужасаясь разрушениям, которые были видны даже глубокой ночью.

– Просто прогулялся, — услышала голос Дарена, — по сравнению с тем адом, который Он устроил нам при вторжении «Сэнди», это просто шалости.

Поёжилась, вспоминая те ужасающие дни в 2012 году, когда мощнейший тропический циклон обрушился на Атлантику, затрагивая и их родной Нью—Йорк.

«Франкеншторм» — так телевизионщики назвали тот ужас, который жителям городов пришлось пережить в те мучительные часы. Затапливало тоннели метро, дороги и дома, падали деревья, обрывало провода, горели здания, взрывались станции... город остался без электричества, его дети —

без дома, а ветер ещё слишком долго доносил до каждого из нас голоса тех, кто не сумел выжить в этой Смертельной Жатве.

Открыла дверцу машины.

Внезапный порыв ветра вынудил сильнее запахнуть ворот пальто.

Дарен был прав. Этой ночью Сатана действительно проявил милосердие.

Но отчего—то мне казалось, что это было далеко не всё, что мне сегодня предстояло увидеть.

15. Дарен и Эбигейл

Всё время, что мы ехали, Эбби молчала, а я пытался понять, почему.

Наш последний разговор прокручивался в голове словно анимационная картинка: с самого первого и до последнего сказанного слова. Снова и снова. Неужели я чем—то обидел её? Задел неосторожным словом или фразой?

Стиснув руль сильнее, выкрутил его вправо, стараясь не смотреть на девушку, отрешено вжавшуюся в сидение. Я не сомневался, что она считала меня бесчувственным, жестоким и бессердечным чудовищем, ведь таким меня считали абсолютно все.

Они были правы. А мне было плевать.

Было бы.

Я не хотел меняться. Точнее, просто не мог.

Но, черт возьми... рядом с ней я ненавидел себя за каждую такую выходку.

И каждый раз, осознанно или невольно делая ей больно, ощущал то же самое.

Ту же боль, только в стократ сильнее.

Отрегулировал температуру в салоне, замечая, как Эбби обняла себя руками.

Как бы сильно не старался, не мог заставить себя быть безразличным к ней. Не мог не хотеть защищать её. Оберегать. Заботиться. Всё, что ранее казалось мне таким диким и ненужным, с ней оказывалось необходимым и желанным. И с каждым днем контролировать это внутри становилось всё сложнее. Всё невыносимее.

Припарковавшись возле входа, заглушил мотор и немного помедлил, позволяя Эбби первой выбраться из машины. Не понять, что именно имел в виду Майк, когда говорил, что мне лучше приехать, было невозможно, потому что причина, по которой я был здесь, вдребезги разбила переднее стекло бара, наполовину войдя внутрь помещения.

Не торопясь вылез из салона, захлопывая дверь и неотрывно смотря на полуразрушенное здание. Осколки от окна валялись на асфальте, как и бывшая вывеска с названием.

Я что, выиграл джек-пот «проблемы, я вас жду»? Или им просто понравилось у меня гостить? Что ж, превосходно! Может, тогда, и вовсе пропишитесь в моей жизни?!

— Мистер Бейкер! Как хорошо, что вы здесь, — облегченно выдохнул Майк, который, заметив машину, тут же выбежал на улицу. Но я не удостоил его взглядом, пытаюсь оценить ущерб. — Воу, Эбс, ты тоже здесь? Вы что, приехали вместе?

Застыл, краем глаза замечая, что ненормальная сделала то же.

Дьявол. Я даже не подумал, как это будет выглядеть,

когда соглашался взять её с собой.

— Что ты вообще здесь делаешь? — спросил, переводя тему. — Я же отпустил тебя.

— Да... — начал Майк, слегка неуверенно потирая затылок, — но я кое—что забыл, поэтому вернулся, когда буря немного успокоилась, а тут это дерево, и я...

— Ясно, — прервал его, а затем прошел мимо и зашел внутрь.

Что может быть лучшим подарком для хозяина заведения, чем огромное дерево, разрушившее половину его черного бара? Бара, который я приобрел всего несколько дней назад, и который неожиданно принес с собой огромную кучу проблем.

От всего этого голова не просто шла кругом, а в прямом смысле слова взрывалась фейерверками. И теперь, каждый раз, думая о совершенной сделке, я невольно спрашивал себя: *нахрена я на это подписался?!*

— Я вызывал бригаду еще полчаса назад, — осторожно сказал Майк, — но они позвонили и сказали, что не могут к нам пробраться. А те, что могут, заняты с другими объектами. Раньше утра никак не приедут.

Сунул руки в карманы джинсов, мысленно измеряя масштабы бедствия, но теперь уже изнутри. Из самого эпицентра. Если мы хотели поскорее разобраться с проблемой, то нужно было искать ей другое решение. По крайней мере, мне больше нравилось работать на результат — действовать, а не

сидеть и ждать, пока решение само упадет в руки.

— Мне понадобится твоя помощь, — сказав это, повернулся к парню. — Надеюсь, тяжелой работы ты не боишься?

— Шутите? — усмехнулся Майк, гордо складывая руки на груди. — Мой дед всю жизнь проработал грузчиком и всегда всё делал своими руками: от строительства дома и до вырезания мебели. Мой отец помогал ему с тех самых пор, как научился ходить. Ну а я про тяжелую работу узнал раньше, чем сказал своё первое слово. Поэтому, нет, мистер Бейкер, нас, Майерсов, таким точно не напугать.

— Что ж, — вызывающе бросил, снимая свою куртку, — тогда раздевайся. — почувствовал, как в глазах загорелся задорный огонек. — Посмотрим, на что ты способен.

Пока подметала пол, собирая осколки и всё, что успело налететь с улицы через «открытое» окно, мельком наблюдала за тем, как Дарен и Майк пилили это огромное дерево и что—то обсуждали. Я не стала интересоваться, откуда у Гордеца в багажнике опасная железяка с острыми краями, да и думать о возможной причине, если честно, не очень—то и хотела — всё же лучше и правда не смотреть ужастики. И не только на ночь, а вообще.

Искоса посмотрела на Дарена, слегка помедлив.

С каждым днем... или даже часом, он открывался с совершенно другой стороны. С той стороны, о которой я раньше не подозревала. И догадаться о которой было невозможно,

если принимать во внимание всё то, что о нем говорили, и всё то, чему я сама так часто становилась свидетелем.

Но ведь это неправильно — судить о человеке лишь по тому, чему он позволяет показаться на поверхности, при этом, даже не пытаясь заглянуть глубже. Это всё равно, что смотреть на куб сверху: ты видишь только плоский квадрат и думаешь о фигуре уже совсем не так, как если бы, повертев её, заметил еще пять её сторон.

Окончательно расправилась с полом, не забыв вытереть стойку со столиками, заметила, что прошло около полутора часов. Дерево было почти распилено и, надо отметить, что бар, хоть всё ещё и был разгромлен, но уже выглядел намного лучше, чем когда мы только приехали.

Чего нельзя было сказать о Майке и Дарене.

С ними всё произошло с точностью да наоборот.

Потные, уставшие и грязные мужчины — весьма интересное зрелище. Особенно, когда эти мужчины такие привлекательные, а от одного из них ты вечно теряешь голову.

О чеееерт.

— Ваш кофе, — подвинула к краю стойки две кружки и облокотилась о неё локтями.

Только не думать о нем. Только не думать.

— Эбс, ты просто фея, честное слово, — отметил Майк, застонав от ароматного запаха эспрессо. Мне показалось, что Дарен зарычал, и я тут же перевела на него свой взгляд, надеясь услышать от своего угрюмца хотя бы слово. *Я сказа-*

ла «своего»? Ох Боже... — Тут стало лучше, — не унимался парень, плюхаясь на высокий стул, — мне даже кажется, что намного уютнее, чем до падения дерева. Предлагаю всерьез рассмотреть вариант с изменением интерьера, декора и самой идеи заведения. Этот ураган подал мне отличную мысль: задать бару именно такой стиль. Что скажете, мистер Бейкер?

Дарен громко поставил кружку на стол, стрельнув в него яростным взглядом.

— Нет.

— Но почему? — Майк задорно развернулся. — Вы только представьте заголовки: «J9 стал самым разрушительным местом во всем Нью—Йорке», — он мечтательно развел руками, заставив меня усмехнуться и закусить губу.

— Думаю, тебе лучше не перечить ему, — шепнула своему партнеру, наклоняясь ближе, — не хочу, чтобы ты познал, каков Дарен Бейкер в гневе.

— Он не плохой, я чувствую, — уже без наигранности сказал Майк, искренне улыбнувшись, — просто в своё время ему причинили очень большую боль.

— Почему ты так решил? — тихо спросила я.

— Детка, разве ты сама этого не поняла? Ведь всё это видно по его глазам. Каким бы жестоким и бессердечным он не пытался выглядеть перед другими, его взгляд, и даже некоторые поступки говорят совсем об обратном. — Майк немного помолчал, словно о чем—то задумался. — Знаешь, уже одно

то, что он извинился перед нами этим вечером, подтверждает мою теорию.

— Погоди, — остановила, ошеломленная его словами, — он сделал что?

— Ну, извинился. Сказал, что искренне сожалеет о каждом грубом слове, которое бросил в наш адрес, а затем отпустил домой. Прости, что не попрощались, но этот его взгляд типа *«идите вон, иначе пожалеете»*... — усмехнулся он, почесав затылок.

Когда Майк отвернулся, мне показалось, что время будто остановилось. Я не могла поверить в то, что только что услышала.

Он извинился.

Дарен Бейкер извинился.

Я хорошо помнила этот вечер. До мельчайших подробностей. Помнила каждое слово. Каждую деталь. Дарен сказал, что признает свою ошибку, если проиграет пари, что извинится перед моими друзьями, если я окажусь права. Пусть это и было какой—то совершенно безумной игрой с дурацкими правилами и условиями, но даже тогда, принимая всерьез данное мной слово, я и подумать не могла, что он на самом деле его сдержит.

А уж тем более, искренне попросит прощения у Майка и Карлы.

Кто угодно, но только не он.

— Он ведь не безразличен тебе, я прав? — услышала и пе-

ревела на Майка глаза.

— Что? — вопрос застал врасплох. Я инстинктивно сжала край стола. — Н—нет, не неси...

— ...чепухи? — закончил он, поднимаясь со стула. — Я знаю, что между вами что—то происходит. Было невозможно не заметить, как вы смотрите друг на друга. И то, что сегодня вы приехали вместе. А эта ваша... перепалка в кладовке, — усмехнулся он, и я застыла, непроизвольно расширяя глаза.

Сейчас мне определенно было не до смеха!

— Откуда ты...

— ...узнал? Да я просто проходил мимо, а вы как—то не особо шептались... — он почесал затылок. — В общем, в соревнованиях по бесконтрольному гневу наш босс точно мог бы претендовать на медаль.

— Майк, это не то, что ты подумал...

— Эй, не пытайся солгать мне, — спокойно ответил он, по—дружески накрывая мою руку своей. — Я вижу тебя насквозь. Как и то, что ты тоже не безразлична ему. Он относится к тебе не так, как к другим, Эбс. И я уверен, что, если бы не ты, он никогда бы не переступил через собственную гордость и не признал, что был не прав. Думаю, что и ты это замечаешь. Вопрос лишь в том, сможешь ли правильно поступить.

Он бросил на меня свой понимающий взгляд, а затем сжал мою руку и зашагал к подсобке. Я безмолвно смотрела Май-

ку вслед, чувствуя, как сердце рвётся от чувств. Мне хотелось закричать «*Да! Я поступлю правильно!*», но вся трудность была в том, что я просто не понимала, *как* будет правильно. И *как*, приняв верное решение, суметь избежать боли.

Я как раз убирал пилу, когда в кармане завибрировал мобильный. От неожиданности, она выскользнула из рук, и чуть было не упала мне прямо на ногу — хорошо, что я вовремя отскочил.

— Черт! — вытащил телефон и не глядя ответил. — Что?!

— Мистер Бейкер?... — мягкий, но дрожащий и отчего—то отдаленно знакомый голос заставил слегка остыть. — Простите, я... просто не знала, кому еще позвонить, — голос девушки дрожал, и мне даже показалось, что она всхлипнула, — Эбби не подходит к телефону, а я подумала, что она может быть с вами и...

— Что случилось? — перебил её, тут же сорвавшись с места.

Понял, что звонила одна из её сестер. И что что—то произошло.

— Ади так сильно кричит... а я с ней одна... — продолжала в истерике. — Я не могу её остановить... не могу ничего сделать... мистер Бейкер, я не могу...

— Успокойся.

— ...ей больно, а я ничего не могу сделать... — громко

всхлипывала она, словно совершенно меня не слыша. — Без Эбби я ничего не могу сделать...

— Возьми себя в руки!! — закричал. Когда на том конце трубки повисла тишина, продолжил уже спокойнее. — Сейчас ты нужна Адель, поэтому прекрати свою истерику и постарайся дать ей воды. Я буду гнать так быстро, как смогу, и привезу твою сестру домой. Обещаю. — сбросил звонок и, схватив со столика куртку, встретился взглядом с выходящей из подсобки ненормальной. — Полезай в машину. Нам нужно срочно ехать.

— Что? — она хлопнула глазами. — Но я...

— Твоя сестра звонила. Ты нужна Адель.

Вот когда впервые за то время, что ч знал эту девушку, ч увидел в её синих глазах дикий ужас. Да, не просто страх, а именно ужас. Не задавая никаких вопросов, она подорвалась и всего через несколько секунд уже сидела внутри моего автомобиля, который мчался по уже светлеющим улицам Нью—Йорка.

Я летел так быстро, как и обещал, мысленно благодаря Бога за то, что завалы уже успели разгрести. Я прекрасно понимал, что сейчас испытывала Эбигейл, — ведь узнай я, что моя сестра кричит от боли (плевать, от какой именно), мчал бы так быстро, как только мог. И меня бы ничто не остановило.

Начал тормозить, но Эбби вынеслась из машины ещё на ходу.

Понесся следом, успевая лишь мимолетом хлопнуть дверью, но напрочь забывая о сигнализации. Да и хрен бы с ней!

Я не знал, как всё это происходило с самой Эбигейл, но для меня всё было словно в тумане. Вот она взлетает по пролету вверх, вот открывает входную дверь и, что—то мимоходом сказав высокой пепельной блондинке, уже бежит в другой конец коридора.

Я инстинктивно лечу за ней и то, свидетелем чего становлюсь, когда пересекаю комнату, заставляет сердце невыносимо сжаться.

Маленькая девочка сидит на полу, подобрав к себе колени, и громко кричит, закрывая руками уши. Эта жизнерадостная малышка, которую я впервые увидел в зоопарке, сейчас была загнанным, испуганным ребенком, пытающимся отогнать от себя монстра.

— Ади, — Эбигейл тут же упала на пол рядом и стала её обнимать. — Я рядом, моя девочка, слышишь? Я пришла...

— Би... — она снова закричала, и я с силой стиснул зубы.

— Иди ко мне, — прошептала Эбби, и всё ещё плача, Адель бросилась в её объятия.

— Он здесь, Би... — всхлипывала она, — я видела его... он хотел забрать меня...

— Нет, милая, его здесь нет, — по щекам Эбигейл текли слезы, пока дрожащими руками она гладила девочку по спине. — Я обещала, что буду защищать тебя до самой смерти, помнишь?... Я не дам тебя в обиду, — вертела головой она.

— Больше никогда.

— Мне было очень больно... — Ади уже не кричала, но всё ещё сильно плакала, не в силах успокоиться, — как будто он опять делал это... я ощущала острое лезвие, Би...

Эти слова заставили меня застыть.

— Посмотри на меня, солнышко, — она слегка отстранилась, а затем взяла её маленькое личико в свои ладони, — я обещаю, что не позволю ему снова войти в твою жизнь. Просто поверь мне, родная, он больше не посмеет причинить тебе боль.

— Я боюсь, Би... — она снова кинулась ей на шею, и Эбби прижала девочку к себе.

— Я знаю, милая, — сквозь слезы прошептала, глядя её по волосам, — но я всегда буду рядом. И никуда не уйду.

Бесшумно попятился к двери — весь этот ужас пеленой стоял перед глазами.

Когда вышел в кухню, заметил сидящую на стуле Мэнди.

Она опустила голову, обхватив её руками, и раскачивалась, пытаясь успокоиться. Услышав мои шаги, подняла на меня глаза.

— Как она? Эбби удалось успокоить её?

— Да, — тихо ответил, и девушка в облегчении прикрыла глаза.

— Слава Богу... — она выдохнула и облегченно прикрыла глаза, — на это способна только Эбби. Я не знаю, почему, но... её руки особенные для Адель. Когда она обнимает её,

малышка неосознанно чувствует себя в безопасности.

Я не стал ни о чем спрашивать, молча подошел к шкафчику и всего через пару минут поставил на стол большую чашку с чаем.

Она подняла на меня свои благодарные глаза и взяла кружку в руки.

Заставил её всё выпить, а затем отправил спать.

Оставшись наедине с собственными мыслями, долго расхаживал взад и вперед, пытаюсь понять, чему, черт возьми, стал свидетелем. Вспоминал разговор, который услышал, и варианты, которые непроизвольно закрадывались в его голову, совершенно мне не нравились.

Одно я понял точно — Адель не только чувствовала страх, она испытывала сильную боль. И физическую, и душевную. Я знал это потому, что сам испытывал то же. Как и у меня, внутри этой маленькой девочки жили злобные демоны. Она всеми силами пыталась отогнать их, используя единственные приемы, которые знала. Но по опыту я знал, что избавиться от них не так—то просто. А иногда и вовсе невозможно.

Легкие шаги за спиной, заставили меня повернуться.

Волосы Эбби растрепались, а лицо было ещё мокрым от слез.

Увидев меня, она мгновение замерла.

— Где Мэнди?

— Я отправил её отдыхать, — прошептал. — Подумал, что

колледж не так важен.

Эбби слабо кивнула.

– Да, думаю, не сегодня.

Мы оба молчали, и я не осмеливался нарушать тишину.

В голове было столько вопросов, так болезненно давивших в самую суть, что сдерживаться с каждой секундой становилось всё невыносимее. Она ещё пару секунд нервно мяла пальцы, обдумывая произошедшее. А затем вымученно опустила на диван.

– Наверное, тебе нужны ответы.

– Почему она кричит? — спросил, надеясь, что мои самые худшие опасения не подтвердятся. И что малышке за той дверью просто приснился плохой сон. — Что с ней происходит?

– Она через многое прошла... — дрожащим голосом начала Эбби. Слова давались ей нелегко. — Родители Адель погибли во время урагана «Сэнди», а кроме них у неё больше никого не было. Поэтому она оказалась в приюте.

Эбби выдохнула и немного помолчала прежде, чем продолжить.

– Её удочерили меньше, чем через месяц. Супружеская пара, долгие годы мечтающая о ребенке, а после — не знающая себя от счастья. По крайней мере, всем так казалось. — она подняла на меня глаза. — Наша жизнь непредсказуема и жестока. И порой даже к тем, кто слишком слаб, чтобы отражать её удары.

— Почему ей так страшно? — опустил на колени рядом. Видеть муку в её глазах было непомерно тяжело. — Что они делали с ней, Эбби?

— Развлекались, — тут же прошептала она. — Получала удовольствие, причиняя этой чудесной девочке боль. Вот этими самыми руками, — дрожа, но полна решимости она подняла одну свою ладонь вверх, — он брал свой заточенный нож и, пока она держала свою связанную и рыдающую дочь, безжалостно резал им по коже, — глаза Эбигейл остекленели, а я с ужасом осознал её слова. — Каждый гребаный день они издевались над ней... без наркоза, на живую... рассекали холодным металлом... — голос Эбби сорвался, но решимость во взгляде никуда не исчезла. — За что ей всё это? Почему она так страдает? Ведь это не прекращается, Дарен. Это не проходит...

Ощутил, как что—то в области груди сорвалось и на скорости рвануло вниз.

Пальцы сжались в кулаки, а гнев и ненависть к ублюдку становились всё сильнее. Я не понимал, какой мразью нужно было быть, чтобы причинять такие мучения маленькому невинному ребенку. Получать от этого удовольствие и хотеть снова и снова... *Дьявол, дай мне только найти этого подонка... дай только найти...*

— Ты нужна своей семье, — выговорил, зная, что не отвечаю. — В баре несколько дней справятся без тебя.

Эбби смотрела на меня сквозь всё ещё не обсохшие слезы,

и я ощутил, как её полоснули мои слова. Она ждала от меня хоть какой—то поддержки. Хотя бы самой незначительной. Ей было бы достаточно одного слова утешения, но, вместо того, чтобы успокоить, я дал ей лишний повод убедиться в своей холодности и своём бессердечии.

Я хотел обнять её. Хотел отдать ей всё, что имел, лишь бы не видеть, как она страдает. Хотел сказать ей, что всё будет хорошо, но что—то сковывало меня огромными железными цепями. Внутри всё разрывалось на части, но, сдерживая крик, я молчал.

Когда Эбигейл закрывала за мной дверь, уловил промелькнувшую в её взгляде боль, и тут же ощутил, как она отозвалась внутри.

16. Дарен и Эбигейл

Агрессивно колотил грушу, чувствуя, как с волос и спины градом стекает пот.

Было невыносимо думать, что эта чудесная девочка прошла через самый настоящий ад. Ад, который по своей мощи и силе не сравнится даже с моим собственным.

Бил интенсивнее и чаще, представляя на месте снаряда лицо того уroda.

Мне хотелось заставить ублюдка испытывать всё то, что испытывала малышка Адель, и эта въедливая мысль ни на минуту не покидала голову.

Вспомнил глаза Эбигейл. Вспомнил, как сильно она нуждалась в поддержке, которую я не смог ей дать.

– Дьявол!! — со всей дури долбанул по мешку, а затем начал колотить его как ошалелый, выпуская наружу своего Зверя.

Только Он мог справиться со всем этим. Только Он имел достаточно жестокости и бешенства для того, чтобы зайдя слишком далеко, не подумать остановиться. И только Он был способен питать меня нужными мне силами.

Мы были одним целым.

Поэтому, несмотря ни на что, тьма всегда будет жить внутри меня.

— Так и думал, что найду тебя здесь, — узнал голос, но не повернулся. — В следующий раз буду делать ставки.

— Сомневаюсь, — только и ответил, понимая, что Он понемногу забирает его боль.

— Где ты был весь вечер? — спросил Пол, подходя ближе.

— Дела, — ответил, краем глаза замечая, что друг одет совсем не для офиса. — Ходить на работу в костюме уже не модно?

Совершил мощный удар, а затем резко развернулся и добил снаряд ступней, лишь на долю секунды отведя взгляд от «цели».

— Элейн попросила отвезти её в магазин, — объяснил Пол, внимательно наблюдая за моей «битвой», — я уже предупредил Элис, что приеду после обеда.

Промолчал, продолжая колотить грушу. Удар. Удар. Удар. и отправляя снаряд в другой конец зала, а затем, запыхавшийся, наконец, повернулся к другу.

— Можешь не приезжать. Сегодня нет срочных дел.

Пол усмехнулся и сложил руки на груди.

— Чем ближе Рождество, тем больше ты похож на Санта—Клауса, — пошутил Пол, но не дал мне возможности позлиться. — Кстати, твоя сестра просила передать, что ты — цитирую — *«был бы весьма мил, если бы выкроил несколько минут времени и подошел к завтраку»*.

— Ваше полотенце, сэр, — сказал появившийся в подвале Генри.

Я принял махровое из рук дворецкого.

— Она снова что—то затеяла, и теперь будет пытаться втянуть меня в очередную глупость?

— Я ничего не знаю.

— И почему я тебе не верю? — сузил глаза, снимая с плеча Генри чистую одежду.

— Потому что ты с самого детства был недоверчив ко всему, что тебя окружало.

— Ваш мобильный, сэр, — дворецкий передал мне телефон, — у вас несколько пропущенных вызовов.

Я кивнул.

— Ты можешь идти.

— Кто звонил? — Пол практически втиснулся между мной и гаджетом. — С работы или, может быть, что—то личное?

Он лукаво улыбнулся, и это заставило меня нахмуриться.

— Не твоё дело.

Пол весело пожал плечами, и я не без облегчения отметил, что его недавняя подавленность, по всей видимости, прошла без каких—либо серьезных последствий. Он снова был весел и бодр, хотя, таким он был всегда, когда приходил к нам в дом.

Звонки были с работы.

Я не знал, радоваться ли, что от Эбби и её сестер не было никаких известий. Конечно, по факту, нам было не о чем говорить, и она не обязана была звонить или писать, но что греха таить, мне хотелось, чтобы для этого нашлась хоть ка-

кая—то причина.

Да, я сам дал ей несколько выходных, но одна лишь мысль о том, что я так долго не увижу её, приводила в ужас.

Может быть, стоило позвонить ей и сказать, что я передумал?

Что она должна срочно выйти на работу и что никакие обстоятельства не должны этому помешать?

Черт, Дарен, тем самым ты поведешь себя, как самый настоящий урод. Понимаешь же, что сейчас она просто не в состоянии работать.

— Эй, а вот и мой заблудший братец, — смеясь, Элейн подставила мне щеку, — ну же, целуй меня скорее, твоей сестре не хватает любви и ласки!

— Мне она так не говорит, — усмехнулся Пол, усаживаясь на стул рядом.

— Наверное потому, что ты не мой брат, — игриво заметила Эл.

— Так я могу и не как брат, — тихо ответил он, подмигивая.

— Правда? — спросила она, весело приподнимая бровь вверх.

— Я вам не мешаю? — спросил, и взгляды обоих вернулись ко мне.

— Нет, — в один голос ответили и, улыбнувшись, опустили глаза вниз.

Они ведь не всегда были такими странными, верно?

Или раньше я просто этого не замечал?

— Как ты себя чувствуешь? — заботливо поинтересовался у сестры. — Слабость или головокружение? Приняла необходимые лекарства? Доктору Мартину позвонила?

— В такие моменты я жалею, что зову тебя к завтраку, — надула губы Элейн, — но да, я соблюдаю расписание и чувствую себя просто прекрасно. Грегу я тоже позвонила, правда не совсем по той причине, о которой ты думаешь. У меня есть просто сногшибательная мысль, и я безумно жажду ею поделиться, — загадочно улыбнулась она, отпивая чай из кружки.

— Вот почему я не люблю, когда ты зовёшь меня к завтраку, — съязвил, и Элейн, открыв рот, запустила в меня салфеткой.

— Ты невыносим!

— Какая сумасшедшая идея посетила тебя на этот раз? — ласково спросил, откладывая полетевшую в меня салфетку.

— Ты знаешь, какой сегодня день? — она сложила перед собой руки и внимательно посмотрела на меня.

— Ага, — ответил, пробегаясь глазами по утренней газете, — среда. Середина рабочей недели. У меня отчетное собрание, а затем деловая встреча.

— Да—а... — растянула Элейн, — а это значит, что завтра у нас что?

— Четверг, — так же спокойно ответил, делая глоток эс-

прессо, — у нас с Полом важная презентация, и, если всё получится, мы провернем ещё одну выгодную сделку.

— Ты можешь хотя бы на минуту выбросить из головы свою работу? — выдохнула, заставляя меня поднять глаза. — Ты постоянно думаешь о делах. Они стали такой неотъемлемой частью твоей жизни, что вытеснили из неё все остальное.

— Это не правда, — возразил, взглянув на друга, но тот, вместо поддержки, лишь тихо откашлялся и начал что—то печатать в своём мобильном.

Предатель.

— Правда. Ты ведь даже не помнишь, что завтра за день!

— Четверг, — уверенно повторил, — я думал, мы это уже выяснили.

— *Четвертый* четверг, — уточнила она. — Причем, ноября.

— Да, — согласился, немного расслабляясь, — и из—за огромного скопления работы, в этот четвертый четверг ноября мне, вероятно, придется заночевать в офисе.

— В День благодарения? — не выдержав, спросила она, складывая руки на груди.

Застыл, и кружка у рта вместе со мной.

Вот черт. Я совсем забыл про праздник. Снова.

Выдохнул, а затем виновато посмотрел на сестру.

— Элейн, я вряд ли смогу...

— Ну уж нет! — её лицо тут же приняло строгий вид — *у него переняла.* — Ты пропустил День благодарения в

прошлом году, потому что решал важные дела и исправлял ошибки в отчетах. И я это поняла. В позапрошлом году ты заявил, что, забыв о празднике, спланировал деловую поездку. К тому же, и Пола с собой утащил, — мы виновато переглянулись. — Но тебе и это сошло с рук. Три года назад ты сослался на то, что твой клиент, приехавший откуда—то из Азии, может встретиться с тобой только в этот чертов день. *«Но ведь, Эл, милая, они не отмечают День благодарения!»*, — сказал ты. Я и это поняла. Но в этом году, ты не посмеешь пропустить этот день, Дарен, иначе тебе придется до конца жизни пытаться заслужить моё прощение, а это значит — никакой работы и один вечный День благодарения!

— Индейка на завтрак, обед и ужин? Каждый день? — встрял в наш разговор довольный Пол. — Вот это я понимаю — настоящий рай.

— Ладно, — выдохнул и слабо улыбнулся, — я отменю все свои дела.

Элейн расцвела и тут же защебетала:

— В таком случае, завтра ровно в 12.00. И вы оба, не смейте опаздывать, — пригрозила она. — Вас буду ждать не только я.

— Ты кого—то пригласишь? — спросил, закрывая газету и отодвигая стул.

— Друзей, — улыбнулась она, — и я очень надеюсь, что они смогут прийти, — пока я направлялся к ней, она не сводила с меня взгляда. — Ты ведь не будешь против?

— Ты вправе звать, кого пожелаешь, — подошел к сестре и нежно поцеловал её в лоб. — Только пообещай мне, что не будешь делать всё сама и позволишь Генри и миссис Поттс помочь. Каждый год я слушаю их причитания о том, что ты не даешь им работать.

— Ладно, — рассмеялась Элейн, — я обещаю.

— Проследи за ней, — наказал Полу, заметив, как в меня летит очередная салфетка.

— Ты всё так же невыносим, Дарен Бейкер!

Прокричала мне вслед Элейн, а затем звонко засмеялась.

Я еле заметно улыбнулся, ощущая, как всё внутри наполняется теплом — и это было самым прекрасным чувством за весь мой чертов день.

Я стояла зажмурившись, до сих пор не веря в то, что согласилась.

Даже сейчас, найдившись перед огромной массивной дверью, мне казалось, что всё это просто сон. Что это происходит со мной не наяву, и что я всё ещё могу выбраться из истории, в которую влипла.

Может быть, было не поздно развернуться и уехать?

Точнее, зайти, забрать малышку, а затем уехать.

Да, именно в таком порядке.

Возможно, я могла бы сослаться на болезнь, скажем, на сильную простуду? Или оговориться тем, что у меня возникли неотложные дела?

Господи, Эбс, ты не можешь солгать этим людям. Они относятся к тебе так тепло и... сердечно. И этого не сможет перекрыть даже то, что ты еще не готова встречаться с хозяином дома... видеть его глаза, слышать голос, чувствовать прикосновения и ощущать, как всё это медленно сводит с ума...

— Мисс Дэвис? — резко распахнула глаза, от неожиданности едва не выронив мобильник из рук. Дверь открыл седовласый мужчина в черной униформе управляющего, или как они там называются... — Вы можете войти. Мисс Бейкер уже ждет вас.

— Простите, — застенчиво улыбнулась, а затем переступила порог, — отсюда вы знаете моё имя?

— Я знаю всех гостей, которые приходят в этот дом, — мягко ответил он, закрывая дверь, — это моя работа.

— Тогда... могу я узнать *ваше* имя? — заметила в его глазах удивление, поэтому снова улыбнулась, но на этот раз уже не так смущенно. — Думаю, вам будет приятно, что и вас кто—то запомнит.

Мужчина немного помедлил, но все—таки ответил:

— Генри де Моубрей, мисс, — поклонился он, — к вашим услугам.

— Де Моубрей... у вас очень красивая фамилия. Откуда она?

— Из Англии, мисс, — его глаза наполнились гордостью. — Наша фамилия происходит из древнего дворянского рода.

— Так вы дворянин? — хлопнула глазами, улавливая его полуулыбку.

— Потомственный. В тридцать седьмом поколении.

— И несмотря на это работаете дворецким?

— Мне нравится моя работа, мисс, — он указал мне следовать за ним, — я очень сильно привязан к этой семье.

— Да... наверное, невозможно не привязаться к хозяевам дома.

— Даже если порой они бывают несправедливы или холодны...

— Вы правы, — кивнул Генри, останавливаясь возле открытой двери, — но мистер Бейкер и мисс Элейн росли у меня на глазах. Они — мои дети. И даже если один из детей ошибается, родительское сердце не перестает его любить. Особенно, если каждая совершенная им ошибка приносит боль и ему самому.

Я не успела ответить. Генри указал мне на дверь, а затем зашел внутрь.

— Пришла мисс Дэвис, — объявил он, и я тут же услышала:

— Биби! — Адель спрыгнула с дивана и побежала со всех ног, запрыгивая мне на руки и крепко обнимая за шею. — Я так рада тебя видеть!

— Я тоже, милая, — успокаивающе прикрыла глаза, вдыхая родной детский запах. — Как ты провела утро?

Мельком взглянула на Элейн, только сейчас замечая Грегга.

Когда он улыбнулся, я улыбнулась в ответ, чувствуя, как внутри разливается тепло.

— Замечательно! — счастливо ответила Адель, слегка отстраняясь. — Дядя Грег научил меня рисовать пальцами, — она доказательно подняла свои испачканные краской ладошки, — но теперь они не отмываются. Хотя я и не расстраиваюсь. Потом мы все вместе играли в домино, и я выиграла! А еще тетя Элейн показала мне свой огромный шкаф, — глаза девочки непроизвольно расширились, — Би, там так много платьев, — а затем сказала уже чуть тише, — даже у моих кукол столько нет.

Я рассмеялась, опуская малышку на пол.

— Я вижу, вам и правда было весело.

— Ты даже не представляешь, насколько, — тепло улыбнулась Элейн. — Я рада, что ты согласилась оставить нам её ненадолго.

— Твоё предложение было кстати, — честно призналась я, — Мэнди проведет все праздники с Тайлером. Элли с классом уехали на конференцию в Куинс. А мне нужно было решить кое—какие дела, и очень не хотелось таскать за собой проказницу, — потрепала сестренку по волосам.

— Мисс Элейн, пора накрывать на стол, — объявила вошедшая слегка полноватая женщина с добрыми зелеными глазами. Она сразу понравилась мне, и, видимо, её мнение разделяли все присутствующие.

— Точно! Спасибо, миссис Поттс, я сейчас. Ади, хочешь

со мной?

— Да! — радостно воскликнула малышка, моментально убегая в сторону столовой.

— А ты, — обратилась она к Грегу, — займи гостью. Но помни, если я узнаю, что Эбби скучала, я тебе голову откручу. Так и знай.

Усмехнувшись, он весело покачал головой.

— Совсем не обязательно веселить меня... — если честно, от всего этого я почувствовала страшную неловкость.

— У меня нет выбора, — серьезно ответил Грег, приблизившись. — Мне придется сделать это, иначе кое—кто отправит меня на хирургический стол.

— Боже, Грег, извини, — затараторила, — мне так неудобно, я никогда не хо...

— Эй, — в одно мгновение он оказался очень близко. — Я же пошутил, глупенькая. Я чувствую себя настоящим счастливецом, когда могу говорить с тобой.

— Счастливецом?

— Ну конечно. Ведь только самый настоящий идиот может думать иначе, — он улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой, а затем наклонился и поцеловал мою ладонь.

Я заморожено застыла, не в силах пошевелиться. Я и не думала, что чувства легкости и спокойствия снова вернуться, когда он будет рядом. Этот человек дарил мне именно то ощущение теплоты, в котором я так отчаянно нуждалась. И даже то, что он стоял всего в нескольких дюймах, не вызы-

вало совершенно никакого дискомфорта.

Я хотела позволять ему быть ближе. И именно это и делала.

— Эй, всем привет, — знакомый голос заставил опомниться и отстраниться.

Пол улыбнулся, а Дарен ошеломленно застыл в дверях, заставив меня задаться вопросом — *кого из нас двоих он большего всего не ожидал здесь увидеть: меня, Грега или всё же нас обоих, да еще и вместе?*

Грег и Пол вроде бы здоровались, перекидываясь дружескими фразами... я не была уверена в этом наверняка, потому что не видела вокруг себя никого, кроме *Него*, и не слышала ничего, кроме собственного сердцебиения.

Оно неритмично билось каждый раз в его присутствии, а когда он находился в радиусе нескольких дюймов — оставалось.

Господи, да что же это такое...

— Эй, Дарен, ты так и будешь там как вкопанный стоять? — поддел его Пол, возвращая нас обоих в реальность.

— Грег, — подошел и пожал ему руку, — не ожидал увидеть тебя.

— Элейн позвонила очень неожиданно, — ответил на рукопожатие он.

— Моя сестра умеет удивлять, — сказал Дарен, при этом, внимательно сосредотачивая свой взгляд на мне. *Блин. Блин. Блин. Ну почему дыхание так учащалось, стоило ему толь-*

ко вот так на меня посмотреть?...

— А вот и мои мальчишки, — раздался из дверей веселый голос Элейн, — прямо по часам. И прямо к обеду.

— Я ни за что не пропустил бы индейку карри, — нежно сказал Пол, и я заметила, как смущенно моя подруга опустила глаза. Я прекрасно знала этот жест, и сейчас, вызывая в голове приятные и теплые эмоции, он заставил меня невольно улыбнуться.

— Я хочу сесть здесь, — прошептала Адель, вставая у стула рядом с Элейн.

— Что ж, если твоя сестра не против, то, пожалуй, я могу тебе с этим помочь, — Грег весело подхватил девочку, изображая звуки самолетика, и она тут же звонко рассмеялась.

Он покрутил её, заставляя расхохотаться сильнее, а затем усадил за стол.

— Я хочу еще!

— Ади, милая, — с некоторым укором покачала головой, но, заметив это, Грег лишь шире улыбнулся.

— Всё нормально, — затем наклонился к малышке и продолжил уже чуть тише: — Я покатаю тебя после обеда, договорились? И обязательно покажу тот пруд, которым тетя Элейн всё утро тебя дразнила.

— И ничего я не дразнила!

— Мы ведь не верим ей?

— Не верим, — прошептала Ади, — у неё в шкафу слишком много платьев.

Все за столом рассмеялись.

Почувствовав на себе взгляд пронзительных синих глаз, я повернулась и тут же ощутила, как всё внутри задрожало. Дарен внимательно смотрел на меня — без тени стеснения или страха — смотрел так, как никогда ранее не смел: *собственнически*.

Я видела его напряжение, чувствовала ярость и понимала, что лишь одно неосторожное движение или слово может вынудить его сорваться с цепи, как необузданного, дикого зверя.

Весь вечер эти глаза не давали мне покоя.

Казалось, он не отводил их ни на секунду.

Когда Грег наклонялся слишком близко, я будто слышала, как хрустели костяшки *Ego* пальцев, а когда пытался заигрывать — до меня доносилось звериное и безжалостное рычание. Я изредка поднимала глаза на других присутствующих, пытаюсь понять, слышит ли эти странные звуки кто—то еще или я просто схожу с ума? Но все вели себя совершенно обычно: шутили и смеялись, с блаженством и аппетитом поглощая индейку карри, багат, тыквенный пирог и фрукты.

Все были расслаблены и спокойны, чего нельзя было сказать обо мне — такого сильнейшего напряжения, как сейчас, я ещё никогда в жизни не испытывала.

И боялась этого.

Поэтому, когда Грег пытался заигрывать, переводила тему и предупреждала любые физические контакты, пытаюсь не

навлечь на себя *Ego* праведный гнев.

Под взглядом Дарена я всегда ощущала себя маленькой, загнанной в угол ланью, находящейся во власти жестокого и беспощадного хищника. Но только теперь этот хищник, помимо всего прочего, был еще и очень зол.

– Нет! Эбби, скажи ему! Одна я не справлюсь с этими упертыми баранами!

– Ммм? — переспросила, переключаясь. — Прости, ты что—то сказала?

– Убеди моего брата, что он должен сыграть с нами в эту игру.

– У меня много работы, — строго сказал он, — я обещал тебе обед. Слово я сдержал. Теперь нам с Полом нужно готовить важную презентацию.

– Ты и Пола забираешь? — ахнула она. — Эбби, ну сделай же что—нибудь!

– Но я... — совершенно не знала, что ответить.

– Да ладно, Эл, дай своему брату поработать. — подоспел на помощь Грег. — Мы повеселимся, это я вам обещаю.

Повернувшись, он задорно подмигнул мне.

Дарен замер, но лишь на мгновение. А в следующую секунду сжал пальцы в кулаки и стиснул скулы. Ему хватило нескольких секунд, чтобы принять решение.

– Но презентация может и подождать, — я резко подняла голову. Он смотрел мне прямо в глаза, а я почти что забыла, как правильно дышать. — Ты ведь говорил, что клиенты пе-

ренесли встречу, верно, Пол?

— Да? Я такое гово... аааах, да—а, — протянул он, после того, как слегка дернулся, — я говорил, да. Помню. Прекрасно помню, — как—то быстро закивал. — Словно это только утром было. Да. Было.

— Отлично, — радостно прошебетала Элейн. — Тогда пока миссис Поттс показывает Адель окрестности, у нас есть время для веселой и очень интересной игры.

— Что за игра? — спросил Грег, когда мы перешли в гостиную.

— Сейчас... у меня есть мешочек. Здесь написаны наши имена. А здесь, — она указала на серебряный поднос, — карточки с цитатами из кинематографа. С помощью мешочка мы определяем пару, затем эта пара выбирает одну из стопок с карточками и зачитывает цитату. Наша задача — узнать фильм. Засчитывается только полное название. Счет ведется индивидуально, но в совокупности — это борьба между полами.

— Вот оно что? — усмехнулся Пол. — Хочешь узнать, кто круче?

— Скорее, кто сообразительнее.

— Мы выиграем.

— Уверенность в победе — это еще не победа, — тихо ответила Элейн, чем вызвала на его губах задорную улыбку. Она определенно сделала так, чтобы он захотел победить. И отчего—то мне казалось, что у этого парня есть все шансы.

— Все готовы? Я достаю, — объявила она, а затем с любопытством развернула сложенные листочки. — И... первыми будут... Грег и Эбби!

Улыбка с моего лица тут же исчезла.

— Что? Я?

— Давай же, — подбодрила меня Эл, — не бойся.

— Но я никогда не играла...

— Доверься мне, — Грег протянул мне руку, повторяя те же самые слова, которые сказал в тот вечер, когда мы впервые встретились.

Тогда он объяснил, что танец нужно чувствовать сердцем, и я знала, что если и сейчас поступлю точно так же, то у меня всё получится. Почему—то я это ощущала.

— Ладно, — немного неуверенно встала с дивана и, подойдя ближе, приняла из его рук карточку. Цитата была мне незнакома, и я поняла, что, скорее всего, Элейн выбрала себе не очень сильного игрока, но всё же не собиралась сдаваться. — «Но какова причина всех этих грехов?», — прочитала, пытаюсь вложить в свои слова как можно больше чувств.

— «Женщины», — процитировал Грег, поднимая на меня глаза, — «они мне очень нравятся. Но самое страшное знаешь, что?»

— «Что?»

— «Им очень нравлюсь я», — улыбнулся он, и я сделала то же.

— Я знаю—знаю, — тут же воскликнула Элейн, — это Ад-

риано Челентано!

— Для того, чтобы получить очко, ты должна назвать фильм, — сказал Грег.

— Нет—нет—нет, — застонала Элейн. — Кто придумал эти дурацкие правила?

— Ты, — в один голос ответили мы, после чего улыбнулись.

— «Особые приметы», — между тем ответил Пол.

— Верно. Одно очко в команду «мужчин».

— Ты же говорил, что не любишь смотреть фильмы! — взвизгнула Эл.

— Да, — кивнул он, а затем его губы расплылись в улыбке, — но это не значит, что я их не смотрю.

Я старалась не смотреть в тот угол, где сидел Дарен. Потому что и без того каждой клеточкой ощущала на себе его пристальный взгляд.

— Теперь твоя очередь, — Элейн повернулась к Грегу, в последний раз кинув на Пола свой недовольный взгляд. — Так будет честнее.

— Хорошо, — пока он вытаскивал бумажки, я удобно устраивалась на диване. — Вы будете смеяться, — спустя несколько секунд молчания заявил он, а затем театрально поклонился, — Пол. Элейн. Прошу на сцену.

— Не подведи меня, — шепнула она мне, — мы должны обыграть их.

Я прикусила губу, сдерживая смех и откидываясь на спинку дивана.

С удовольствием наблюдала за тем, как Элейн брала карточку и отъезжала в центр комнаты, а затем стала свидетелем чего—то невероятного. Пол опустился перед ней на колени, что бы они имели возможность смотреть друг другу в глаза. Я знала, что, возможно, для каждого в этой комнате, этот жест совершенно ничего не значил, но видела всё иначе.

— «Ты думаешь, настоящая любовь способна сотворить чудо?», — тихо спросила она, медленно считывая вопрос с карточки.

— «Конечно, способна», — искренне веря в это, ответил он. — «Только чудо возвращает тебя ко мне».

— «Думаешь, наша любовь смогла бы забрать нас обоих?»

Его глаза поднялись и встретились с её. Это заставило меня заморожено застыть.

— «Для нашей любви нет ничего невозможного», — Пол сказал всего лишь фразу, считанную с листочка, но мне казалось, что он придавал ей намного больше значения, нежели все полагали.

Я узнала цитату с самых первых строк и, как бы сильно мне не хотелось нарушать это замороженное молчание, всё же прошептала:

— Дневник памяти.

— Не смотрел, — признался Грег, заставляя меня сморгнуть. — О чем он?

— О любви, — тихо ответила, — которая смогла победить Смерть.

Когда я произносила эти слова, то смотрела Дарену прямо в глаза. Казалось, что он чувствовал то же, что и я, и что точно так же боялся совершить ошибку.

— Предатель, — Пол сузил глаза и ткнул пальцем в Дарена. — Почему ты молчал? Ведь знал же этот фильм.

— Смирись с поражением! — весело пропела Элейн. — И вообще, у нас 1—1!

Я отвернулась первая. Но ощущала, что Дарен продолжает смотреть.

Мы играли ещё долго, в итоге выдержав счет 9—9. Дарен вышел лишь раз. И то вместе с Греггом. И то после долгих уговоров сестры. Сказать, что эта ситуация была крайне неловкой — почти ничего не сказать. Мне казалось, что Он сдерживал себя из последних сил, но до сих пор не понимала истиной причины его злости.

Ведь они хорошо дружили, разве нет?

Мартин был их семейным врачом и к тому же замечательным человеком. Тогда почему он смотрел на него так, словно был готов зубами порвать ему глотку?

— Итак, — начала Элейн, — этот раунд будет решающим, поэтому мы немного изменим правила. Теперь карточки в руках наших двоих счастливчиков будут совершенно разные, кто первый сдастся, не зная, что за фильм представляет его соперник — тот проиграл. Как и вся команда.

— Это значит, что пойдет один участник от каждой «стороны»? — уточнил Пол.

— Именно.

— Тогда пойду я, — сказал он, — и принесу своим парням победу.

— Нет—нет—нет, — Элейн усадила его на место, — всё решит случай. — она вытащила бумажки и, перемешав, протянула ему. — Но я разрешаю тебе стать его частью.

— Ты просто мастер убеждать, — усмехнулся он, а затем вытащил одну.

— Ну? Кто там?

— Эбби.

— Что? — моргнула. — Нет! Я не смогу!

— Сможешь, — поддержала меня Эл. — Особенно, если тебе попадетсЯ Грег, — затем виновато посмотрела на доктора. — Прости.

— Ничего, — рассмеялся он, — я действительно неважный игрок. Нашу команду заслуженно вытянул Пол.

— Это правда, — довольно согласился он, тут же получая от своей подруги шлепок по руке. — Но если это правда!

Элейн смерила его грозным взглядом, а затем вытащила еще одно имя.

— Дарен.

— Что?

— Не «что», а иди, — она кивнула в сторону сцены. — Фортуна выбрала тебя.

Я чуть не задохнулась.

Вот черт...

И как мне быть?

Идти? Отказаться? Сбежать, пока не стало слишком поздно? Или...

Наши пальцы соприкоснулись, когда мы одновременно потянулись к одной и той же карточке. Уступив, я быстро одернула руку. Прикосновение обжигало, но невыносимее, чем это, было находиться к нему так близко.

На расстоянии в несколько ничтожных дюймов.

Это пробуждало в памяти самые эмоциональные и чувственные воспоминания: первая встреча, поцелуй, дождь... сделала вдох, и лишь после этого смогла пошевелиться.

Почему с каждым днем становилось всё труднее? Почему то, что я считала шалостью, будоражило во мне такие безумные желания? Открывало что—то доселе неизведанное, непознанное, но такое томное и притягательное?

Я видела перед собой огромный омут, и готова была окунуться в него с головой.

Бездумно. Импульсивно. Возможно, впоследствии, сильно об этом пожалев.

Да, это неправильно, безрассудно и, может быть, даже глупо... но пересилить то, что подчиняло себе не только сердце, но и разум, становилось всё невозможнее.

Сделала шаг и встала напротив, всё ещё не решаясь поднимать на Дарена глаза.

Перевернув карточку, пробежалась глазами по цитате, ощутив, как застучал пульс.

Порой, устами кого—то иного, говорит наше сердце...

Порой то, что мы не в силах сказать в глаза, мы говорим шутя...

— «Я боюсь всего, — прошептала, пытаюсь не дрожать, — того, что я видела, того, что сделала, того, кто я есть, а больше всего — выйти из этой комнаты. Такого не бывало за всю мою жизнь. Того, что я чувствую рядом с тобой».

— Да! Проще простого, — неожиданно подпрыгнул Пол, делая жест руками, но, поняв, что остальные молчали, опустился обратно на диван. Хотя улыбку оставил. — Мы вас сделаем. Точно говорю.

Эбби осмелилась поднять свои глаза лишь тогда, когда он опустил свои.

— «Я думал, что знаю, как устроен мир, — спокойно начал Дарен, — но лишь встретив её, понял, что это не так. Я отталкивал её от себя каждый раз, когда чувствовал, что она становится ближе, потому что боялся того, что начинаю ощущать рядом с ней, и этим причинял ей сильную боль, — эта фраза заставила меня выдохнуть. — Я хотел бы... хотел бы просто сказать ей, что она дает мне надежду. Каждый день. Что я просыпаюсь и засыпаю с мыслями о ней. И что только когда вижу её, чувствую, что всё еще способен дышать... и всё еще имею силы бороться...».

Я отчаянно пыталась успокоить своё сердце, но оно колотилось и колотилось... и его ритм, кажется, было невозможно замедлить.

– Ммм, не могу понять, откуда это, — задумалась Элейн.

– И не одна ты... — так же задумчиво ответил Пол. — Хотя это совсем не важно! Мы же знаем ответ, верно, друг? — он снова подскочил. — Ну же, не молчи! Ответь!

– Не знаю, — неожиданно сказал он, чем заставил всех в удивлении открыть рты. Он задержал на мне взгляд, а затем медленно положил карточку на поднос, — я сдаюсь.

В воздухе повисла тишина и лишь спустя несколько секунд её нарушила Элейн:

– Да! Да—да—да! Мы вас сделали! Сделали—сделали—сделалиииии!

Пока она кричала от восторга, а Пол в расстроенных чувствах падал на диван, я наблюдала за тем, как Дарен, опустив глаза, направился к выходу.

Я чувствовала, что он знал ответ. Видела это по его глазам.

Так почему он сдался? Почему солгал?

Смех и споры стали задним фоном.

Сейчас я различала лишь собственное дыхание и бешено стучащий пульс.

Доверилась интуиции и подошла к серебряному подносу, не без содрогания касаясь той самой карточки, которую Дарен ещё недавно держал в своих руках.

Глаза бежали по тексту, и с каждым прочитанным словом я чувствовала, как задыхаюсь. Пальцы сильнее сжали картонку, а затем та безвольно выпала из моих рук.

17. Дарен и Эбигейл

Налил бурбон и бросил в стакан три кубика льда.

Мне нужно было очистить мысли.

Успокоиться. Расслабиться. Забыться.

Я всё так же не выносил алкоголь, но из двух возникших в голове вариантов, виски и лёд казались менее пагубными. Потому что бить морду Грегу было не лучшей идеей.

Тихие шаги вынудили меня замереть.

Запах лимона и мяты окутал комнату, и я прикрыл глаза, не зная — пытаюсь запомнить его или прогнать.

— Нам нужно поговорить, — её шепот шарахнул по оголенным нервам. Она пьянила меня всё сильнее, а после того, что я сделал в гостиной, казалось, что похмелье никогда не наступит. — Я хочу знать причину.

Пальцы сильнее сжали стакан. Но я сдержался и расслабил их.

— Не понимаю, о чем ты.

— Об этом, — Эбби подошла ближе, а затем осторожно положила передо мной карточку. Взгляд опустился и пробежался по тексту. Сердце застучало, пускай всё ещё и отказывалось принимать правду. — Ничего не хочешь мне сказать?

— Вижу её впервые, — поставил стакан на стол, но как только сделал шаг, ощутил, как её рука сжала моё запястье.

— Лжешь, — спокойно сказала она, словно видела насквозь. Обошла меня, всё ещё не разжимая пальцев, и встала напротив. Я неосознанно поднял глаза. — Почему ты не хочешь говорить правду? Что тебя удерживает?

— В этом разговоре нет смысла, — отвел взгляд, но как только попытался уйти, она преградила дорогу, прижав свои ладони к моей груди.

— Я не знаю, почему ты сделал это, — шептала Эбби, пытаясь снова поймать мой взгляд. — Не знаю даже, значило ли это что—то *для тебя*, но могу с уверенностью сказать, что для меня значило очень многое.

Поднял голову, не в силах контролировать то, что сидело внутри чертовой занозой. Не должен был смотреть ей в глаза, но плюнул на рассудительность и осторожность, пусть даже головой и понимал, что это неправильно.

Это была игра, — ответил, ощущая муку и одновременно зная, что так надо. — Я просто делал то, что и все. Не пытайся найти в этом иной смысл.

В её глазах промелькнула боль, и осознание того, что именно я является тому причиной, заставило сердце ёкнуть. Она опустила взгляд и едва заметно улыбнулась.

— Да... только вот на твоей карточке были другие слова.

— Просто это была не та карточка.

— Нет, та. Ведь я взяла её там, где ты оставил.

— Значит, не там, — стиснул пальцы в кулаки.

— Почему ты так поступаешь со мной? — спросила она,

поднимая глаза. — Почему просто не можешь сказать причину...

— Черт! — резко развернулся и, запустив руки в волосы, закрыл глаза. Простоял так всего несколько секунд, но понял, что это не поможет. — Что ты хочешь от меня услышать?

— Правду...

— Правду? — повторил, смотря в её океан, а затем кивнул. — Хорошо. Вот тебе правда: да, я сказал не то, что было написано на этой дурацкой картонке, а то, что на самом деле ощущал. Слова шли отсюда, — он стукнул себя в грудь, — и как бы я не пытался сдержать их, я не смог, — заметил, как изменился её взгляд. — Как бы сильно я не пытался уверить тебя в том, что этого не было, я бы лгал. Ты права в каждом своем суждении.

Перевел дыхание, а затем зашептал:

— Это ты хотела услышать, верно? Такую правду? Хотела убедиться в том, что в нашем мире на самом деле есть место сказке, и что такие люди, как я, меняются? — она молчала, и хотя в её глазах мелькала боль, стискивая зубы, я продолжал. — Нет, Эбигейл. Это не так. Я всё тот же бесчувственный, жестокий и холодный человек. Я не знаю, что такое доброта и жалость. Мне не знакомы чувства нежности и заботы. Я не умею быть ласковым, мне чужды сантименты, и из всех реалий жизни я признаю лишь деньги и власть. Мне плевать на других. Плевать на их желания, мечты и планы. Для до-

стижения своей цели я могу пожертвовать чем угодно, и меня не остановят обыкновенные людские слабости. Я именно такой. И никогда не намерен меняться.

Её взгляд молча бегал по моему лицу.

Несмотря ни на что, эта девушка всё ещё отчаянно пыталась разгадать меня.

Я разглядел в её глазах всю возможную гамму чувств и эмоций: грусть, удивление, ласку, боль, муку, сострадание, даже недоверие и веру... я видел в них всё, но не мог уловить хотя бы малейшей частички страха. Она не боялась правды, какой бы та ни была.

А ещё — совсем не боялась *Ego*.

— Но ведь даже несмотря на это, ты сумел сказать то, что чувствовал, — прошептала она. — Так, может быть, сказка всё же есть?

Надеялся, что та правда, которую озвучил, наконец—то, поможет ей понять, что лучше не иметь с таким человеком никаких дел. Рассчитывал, что после этого она оставит меня в покое. Уйдёт. Исчезнет из моего поля зрения. Но она вновь удивила. Вновь ухватилась за тоненькую ниточку надежды, несмотря на то, что я вновь причинил ей боль.

Черт! Если бы она только знала, как сильно я хотел обладать ею! Если бы догадывалась, что для меня значат её глаза, улыбка, слова и чистая вера... если бы она только знала, как тяжело мне каждый раз снова и снова отталкивать её от себя, раз за разом причиняя всё новую боль... если бы толь-

ко знала, как невыносимо терпеть нескончаемые истязания, когда одно и то же лезвие без конца точит всё ту же, кровоточащую рану... если бы она только знала... если бы только я мог ей сказать...

— Эй, Дар, тут... — Пол остановился в дверях, заставляя нас тут же отпрянуть друг от друга. — Оо... я не знал, что вы... то есть, я не собирался мешать... я могу уйти.

Он показал рукой на дверь, но Эбигейл легко улыбнулась и покачала головой.

Она всегда восхищала меня своей исключительной способностью улыбаться в самые непростые моменты.

— Всё нормально. Я всё равно уже ухожу.

— Уверена? Я могу подождать. У меня не срочно...

— Нет—нет, — она снова улыбнулась, — Адель уже, наверное, ищет меня. Я пойду.

Когда она вышла, осторожно закрыв за собой дверь, Пол помолчал несколько секунд и лишь потом повернулся ко мне. По глазам понял — он хотел спросить о том, что увидел.

— Ты, кажется, что—то хотел. — помог ему, пресекая его попытку сунуть нос не в своё дело. Привычная холодность не заставила себя ждать.

— Да, — Пол повертел в руках мобильный, — хотел узнать, что мы будем делать с Дэмиеном Гровером. Мне только что звонила Холли. Его адвокат снова обратился в суд.

Еле слышно зарычал. Этот жалкий любитель «позолоты» уже начинал порядком напрягать. Это было его второе об-

ращение за эти две недели — он обвинял «Даймонд Констракшн», а соответственно и меня, в ущемлении своих чертовых прав.

Конечно, на заседании его аргументы не были засчитаны, так как отказ компании от заключения договора не является противозаконным. Я не знал, какую причину этот Индюк придумал на этот раз, но и копаться в этом не имел никакого желания.

— Позвони Гранту. Пусть с юристом разбирается юрист. Но будь в курсе. Я не хочу терять своё время из—за такого никчемного человека, как Дэмиен Гровер.

Пол кивнул.

— Понял. Свяжусь с ним прямо сейчас, — он развернулся, чтобы выйти, но внезапно помедлил, видимо, вспомнив что—то еще, — кстати, а что за фильм у тебя был?

Этот вопрос вновь вернул к нежеланным воспоминаниям. Новые чувства и эмоции вихрем закрутились внутри.

— Я не помню, — резко ответил, желая, как можно скорее закрыть эту тему, но, дабы не вызвать подозрения, всё же добавил: — ты ведь знаешь, я не смотрю всю эту романтическую ерунду.

— Да... и я не стал бы спрашивать тебя, если бы мы нашли твою карточку. Элейн уже всю голову себе сломала от раздумий, — он слегка усмехнулся. — Ладно, ничего. Может, вспомнит. Когда поговорю с Грантом — сообщу.

Я слышал музыку, играющую за стенкой, веселье и смех,

и понимал, что, несмотря ни на что, мне придется туда пойти. Придется сдерживать себя в её присутствии и держаться холодно и отстраненно. Так же, как и в их первую встречу.

Я должен был доказать ей, что мои слова — единственная правда, которую она должна понимать. И, как бы тяжело мне ни было — эта самая правда никогда не изменится.

Один раз, много лет назад, я уже совершил подобную ошибку. Но затем заплатил за неё слишком высокую цену. Теперь я знал — для того, чтобы выживать в этом мире, нужно уметь брать свои чувства под контроль. Нельзя давать им даже малейшей власти, иначе они разрушат тебя до основания.

Растопчут. Сломают. Уничтожат.

И как бы сильно мне не хотелось верить в то, что на этот раз всё может быть иначе, изо дня в день колотя боксерскую грушу и отключая свой разум, я помнил лишь об одном: что уже давно продал свою душу, и что иного пути нет.

Вышла в коридор с одной единственной мыслью — Майк был абсолютно прав.

Как бы старательно Дарен не доказывал, что в его жизни нет места чувствам и человеческим слабостям, его неосторожные слова и поступки говорили совсем об обратном. Я знала, что взяла именно ту самую карточку. Знала, что, произнося те слова, он не играл, и что они действительно шли от сердца.

Сердца, которое билось внутри Дарена Бейкера, но которое он всячески прятал.

Этот мужчина с чем—то боролся. Я чувствовала это. Как и то, что его «противник» был невообразимо силен. Что—то разъедало его изнутри день ото дня, и он видел лишь один способ противостоять этому — закрыться от внешнего мира и не позволять никому увидеть его боль.

Закусила губу, не понимая, могу ли вмешиваться.

Мне хотелось знать правду, хотелось... но я не знала, чем эта правда обернется.

— Эл, — неслышно подошла к подруге, — могу я с тобой поговорить?

— Да, конечно, — она улыбнулась, отвлекаясь от игры с Адель, — милая, помучай пока дядю Грега, хорошо? А мы скоро вернемся.

— Хорошо, тетя Элейн, — радостно ответила девочка и в следующую секунду с криками «банзааай» прыгнула Мартину на шею, повалив его на пол.

Он рассмеялся и начал щекотать её, заставляя звонко расхохотаться.

— Ты хотела что—то спросить? — угадала Элейн, прикрывая дверь кабинета.

— Да... — выдохнула, пытаясь сконцентрироваться на главном. Собралась с мыслями, а затем просто их отпустила. — Я на самом деле пыталась сама во всем разобраться, но разве это возможно, если этот невыносимый себялюбец

либо кричит, либо молчит? Я уже и с одной стороны к нему подошла и с другой, а всё, что он может сказать мне, это: *«не лезь в мою жизнь»!*

Развела руками и, не обращая внимания на растерянное лицо напротив, продолжила.

— Но я же просто хочу помочь ему. Просто пытаюсь показать, что всё совсем не так, как ему кажется. Что в мире всё ещё светит солнце и слышен детский смех, а это значит, что даже если однажды ему сделали больно, это не означает, что так будет снова. Понимаешь?

— Да, но...

— Вот! — перебила её. — А он не понимает! Дальше своего носа не видит! Даже помощь мою принимать отказывается, будто бы у него таких предложений целый легион, — когда повернулась, осознала, что Элейн до сих пор не шевелясь внимательно наблюдает мой сольник. Вымученно закрыла лицо руками и, замотав головой, опустилась в кресло. — Боже, прости... иногда я совсем не умею тормозить...

— Всё нормально, — она подъехала ближе, — и знаешь, иногда даже я не могу понять своего брата до конца.

— Я просто... действительно хочу понять, что так сильно изменило его. Ведь Дарен был таким не всегда, правда? — подняла на подругу глаза, по её взгляду поняв, что была права. — Знаю, это совсем не моё дело, но я вижу, как ему больно, Эл. Вижу, как каждую секунду своей жизни он сражается сам с собой, пытаюсь что—то забыть или наоборот...

и я просто не могу смотреть на это и оставаться безразличной. — немного помолчала, а затем снова покачала головой. — Господи, я даже не знаю, зачем начала этот разговор. Сейчас у тебя есть все основания подумать: «эй, кто дал этой сумасшедшей право лезть в нашу семью?».

— Не говори так, — тихо сказала Элейн, а затем накрыла своей ладонью мою, — у тебя есть такое право, Эбби. Есть потому, что я знаю, как ты относишься к Дарену. И вижу, что это взаимно.

Застыла, ощущая, что с трудом дышу:

— Я не думаю, что...

— Поверь моему глазу, — мимолетно улыбнувшись, сказала она, не позволяя мне договорить. — Возможно, я знаю тебя недостаточно хорошо, но вот мой брат, при всем своем ослином упрямстве, моя точная копия. Хотя и эта черта, пожалуй, у нас общая, — добавила она, но почти тут же вернулась к теме разговора. — Я хочу сказать, что всегда знаю, когда он зол, расстроен, чем—то загружен или слегка привирает. Я улавливаю любую его эмоцию, как собственную, потому что между нами есть связь, — Элейн немного помолчала, а затем взяла обе мои руки в свои, — ты небезразлична ему. Но раз за разом он будет усердно доказывать обратное и не остановится, пока окончательно не оттолкнет тебя. Потеря Эрин до сих пор причиняет ему боль.

Элейн сказала последние слова словно на автомате, опустив глаза вниз, и даже не заметив, что они заставили меня

замереть.

Эрин? Снова это имя.

Сначала Пол упомянул о ней в зоопарке, когда говорил, что после неё я стала первой, которой удалось что—то в нем расшевелить, а теперь и Элейн сказала, что её потеря причинила ему боль. Значит, эта самая Эрин всё же была важным человеком в его жизни, в противном случае стали бы они вспоминать о ней?

И разве неважные люди могут сделать так больно?

— Эй, ну что за шушуканья вы здесь устроили?

— И когда ты научишься стучать? — рассмеялась Элейн.

— Когда цапли научатся летать, — с улыбкой ответил Грег, а затем схватил меня за руку и, сдернув с кресла, закружил, напевая песню из гостиной. — «Женщина, о, женщина, не будь ко мне так жестока! Ты — самая жестокая старушка на свете...»

— Грег...

— «Но, если ты так сказала, то я соберу свои вещички и уйду».

— Что ты делаешь? — смеялась, пока он кружил меня в танце.

— Давай, подпевай мне, — весело кричал он, но я лишь вертела головой.

— Я испорчу легендарную песню!

— Это блюз, детка, — он улыбнулся и, снова крутанув меня, прижал к себе, — его невозможно испортить.

Мы находились так близко друг к другу, что я чувствовала запах мускуса, сандала и тоненьких ноток ванили, исходящих от его кожи. Его серые глаза смотрели точно в душу, и, казалось, время даже ненадолго остановилось. Или все же показалось?

– Нет—нет—нет!!! Посади меня на место!!!

Веселое визжание заставило нас одновременно обернуться. Пол подхватил Элейн на руки и стал кружить по залу, пока она предпринимала отчаянные попытки ухватиться за его рубашку и заставить его снова вернуть её в коляску.

– Ни за что, — усмехнулся он, и снова закружил её, вынудив рассмеяться.

Адель задорно танцевала неподалеку, таская за руки миссис Поттс, и, смотря на всё это, я не смогла не улыбнуться.

– Видишь, как они веселятся, — подытожил Грег, заставив снова посмотреть ему в глаза, — когда же и ты уже сдашься? — весело покачала головой, но позволила ему, наконец, повести. — «А теперь, детка, послушай, — начал петь он голосом Рэя. — Не поступай так со мной, потому что однажды я вновь встану на ноги».

– «И так понятно, что это случится, но мне наплевать, — улыбнулась, включившись в «игру». — У тебя нет денег, и, к тому же, ты не так уж и хорош».

– «Ну, если ты так говоришь, — он театрально развел руками, пока я продолжала смеяться, — то я соберу свои вещички и уйду».

– «И правильно сделаешь», — в один голос закричали все.

– «Проваливай, Джек, и больше не возвращайся, не возвращайся, не возвращайся! Проваливай, Джек, и больше не возвращайся, не возвращайся! Проваливай, Джек, и больше не возвращайся, не возвращайся», — пели мы, смеясь.

Грег подхватил меня на руки, и от неожиданности я завизжала.

– Нет, что ты творишь? — запаниковала. — Грег, я упаду!

– Это вряд ли, — рассмеялся он, и начал кружить меня по залу, пока я то ли от удовольствия, то ли от страха не могла успокоить истерики.

– Только остановись, Грег Мартин, и, обещаю, тебе несдобровать!

– Тогда лучше буду кружить тебя вечно!

– О, Боже, — вцепилась в его рубашку и закрыла глаза.

Решила ловить этот момент и чувствовать. Просто чувствовать — ведь это то, чего мне действительно так сильно не хватало. Большой и величественный дом, каким он казался в самом начале, был полон отзывчивых, добрых и теплых людей, рядом с которыми мне было хорошо и уютно. И я хотела сохранить в своей памяти каждую секунду этого волшебного дня Благодарения.

Когда Грег остановился, я открыла глаза. Только спустя несколько секунд, когда музыка кончилась, невольно перевела свой взгляд на дверной проем и ощутила, как всё внутри моментально опустилось. Там стоял *Он* — причина, по которой моё сердце сейчас так бешено стучало. Его скулы

были плотно сжаты, тело напряжено, пальцы стиснуты в кулаки, а в глазах горел огонь.

Сам Дьявол воплотил. Причем дико злой Дьявол.

— Мм—м, Грег... не мог бы ты поставить меня на ноги, — прошептала, понимая, что если пробуду в его объятьях еще хотя бы секунду, то этот дом превратится в Ад.

— Ой, точно, прости, — он тут же исполнил мою просьбу, и я почувствовала себя в безопасности.

В относительной.

— Эй, где ты ходил? Ты пропустил всё веселье! Грег так здорово нас развлекал!

— Не сомневаюсь, — холодно ответил он.

Но только я знала, что при этом он кипел от ярости. И что ему было совершенно не до того спокойствия, которое он пытался изобразить.

«Ну не смотри же на меня так, не смотришии», — мысленно молила, потому что больше не могла чувствовать, как всё внутри стучит, колотится, дрожит, переворачивается, опускается, поднимается, а затем возвращается к исходной точке и повторяется сначала.

Словно несется по бесконечному кругу.

— Может, чаю? — предложила Элейн. — Миссис Поттс, вы не будете так добры...

— Я сама, — казалось, я сказала это слишком резко, но слова вырвались сами, потому что я увидела в них возможность хотя бы на некоторое время покинуть эту душную ком-

нату и избавиться от *Его* давящего взгляда. — Я хотела сказать, Вы можете отдохнуть. А я принесу чай.

— Милая, ты уверена? — спросила миссис Поттс.

— Конечно. Мне хочется что—то сделать для вас. И это доставит мне удовольствие.

— Пусть идет, — дала добро Элейн, замечая вопросительный взгляд своей работницы. — Прямо по коридору до самого конца и направо... о, чай в столе в тумбочке на верхней полочке!

Последние слова она крикнула мне в спину, потому что я как сумасшедшая, не разбирая ничего вокруг, неслась в сторону кухни.

Я могла поклясться, что как только вышла, дышать стало намного легче. Сердце и пульс понемногу успокаивались. Жаль о моих мыслях нельзя было сказать того же.

Он так смотрел на меня... так, словно... *нет, это глупости, Эбби, он не мог тебя ревновать. Да и с чего бы? Подумаешь, один раз поцеловались, и что с того? Он, наверное, каждый день целует сотни таких девушек, как ты.* Скривилась, представив себе эту картину, а затем покачала головой, — *да, и всё же ты слегка перегнула.*

За своими мыслями не заметила, как добралась до кухни. И, о, Боже, сколько же здесь было места, а главное... верхних полок! Подойдя к первому выбранному наугад шкафу, не спеша подняла глаза и ужаснулась, когда поняла, насколько это высоко.

Господи, ну неужели нельзя было сделать верхнюю полку немного пониже? Или они думают, что в богатых домах живут исключительно жирафы?

Окей, пусть так! Только вот и я далеко не промах.

Подставив к кухонной тумбе табуретку, забралась на неё и победно улыбнулась.

Вот так—то!

— Чай, где же ты... — поочередно открывала дверцы, — ммм... крупа, соль, что—то зеленое... что—то красное и ужасно похожее на перец. Здесь кукуруза, а там... — слегка откинувшись назад и, встала на носочки, пытаюсь заглянуть на самую верхнюю полку.

— А там сахар, — неожиданный голос заставил меня резко развернуться, но нога скользнула к краю и, не устояв, я с визгом полетела вниз.

Дарен моментально оказался рядом и подхватил меня как раз в тот самый момент, когда я в страхе зажмурилась, думая, что обреченно окажусь на полу.

Почувствовав опору, вцепилась пальцами ему в плечи, сменяя идеально отглаженную ткань и ощущая, как его руки сильнее обнимают спину.

Он держал меня так крепко, словно боялся, что я всё еще могу упасть, а мне до дрожи захотелось падать снова и снова, лишь бы всегда чувствовать его так близко. Безумие? Возможно. Но как же я хотела, чтобы оно не кончалось.

Медленно открыв глаза, встретила с его голубыми гла-

зами и тут же замерла, утонув в их невероятной нежности. Второй раз за пять минут я случайно оказывалась в объятиях мужчины. Но только если в руках Грега мне было спокойно и уютно, то в *Ego* руках у меня бесконтрольно перехватывало дыхание.

Когда его руки скользнули вниз по спине, инстинктивно приоткрыла губы и задрожала. Дарен так осторожно поставил меня на ноги, словно одно неосторожное движение могло разбить меня, как хрупкое стекло.

Ощутила, как он убрал руку с талии, а затем медленно потянулся себе за спину. Всего две секунды услышала звук открывающейся дверцы, а через пять — его тихий голос:

– Вот чай, — он поднял вверх небольшую оранжевую коробочку, теперь в его словах слышался укор, а нежности — как ни бывало.

– Но полка...

– ...в тумбочке, — твердо пояснил он, — не в шкафу.

Вот он — тот самый, неловкий момент.

Постоянно выставлять себя душой — что может быть проще для дуры?

– В столе... — прошептала, теперь отчетливо вспоминая слова Элейн. — Верно... совсем вылетело из головы...

– Растерянность в мыслях, дрожь в теле... это естественно, учитывая, что ты готова была отдаться Грегу Мартину прямо в моей чертовой гостиной.

Вздрогнула и тут же подняла на него свои глаза.

– Что ты сказал?

Я на самом деле думала, что ослышалась, но его лицо подтвердило всё еще до слов:

– Ты прекрасно слышала, — он бросил взгляд полный ярости и ненависти, а затем скинул с себя мои руки, заставляя задрожать сильнее. — Или будешь отрицать, что несколько минут назад ты весело смеялась, охотно на него запрыгивая?

– Что? — казалось, что я вот—вот лишусь дара речи. — Мы просто танцевали...

– Держишь меня за идиота? — рычал он, и я чувствовала его гнев каждой клеточкой. — Думаешь, я не знаю, как люди смотрят друг на друга, когда *просто* танцуют, а когда думают о том, как бы поскорее остаться друг с другом наедине? — из последних сил сдерживала обиду, надеясь, что он остановится. — Он проявил к тебе интерес, а ты и рада, верно?! Тебе понравилось, что такой статный и обеспеченный мужчина обратил на тебя внимание, да? Ну еще бы! Сам доктор Грег Мартин собственной персоной!

– Прошу... это не так...

– Ты ведь заприметила его еще на том вечере, я прав? — Дарен и не думал прекращать. Его гнев, кажется, становился лишь сильнее. — Тогда тебе показалось, что он довольно неплохой вариант, ведь так? Холостой, красивый, богатый... так ты рассуждала?

Мои губы дрожали, но я всё ещё отчаянно вертела голо-

вой:

— Хватит...

— Ты решила, что тебе нужен кто—то еще? Решила, что он будет твоим запасным, если со мной ничего не получится? — вздрогнула, поймав его бешеный взгляд. — Скажи, я прав? Я по глазам твои вижу, что если бы вы были одни, то ты бы уже давно не думая прыгнула к нему в койку!!

И тут я не сдержалась.

Как бы больно мне ни было, собрав всю свою обиду в кулачок, замахнулась и со всей возможной силой ударила его по щеке. Слезы ручьями лились по лицу, ладонь горела от резкой пощечины, а сердце так сильно терзалось, что, казалось, я не справлюсь.

Дарен на мгновение прикрыл глаза, и я этим воспользовалась:

— Я никогда не лягу в постель из—за денег или статуса, — слова резали, словно кинжал по живой плоти, но я преодолевала боль.

— Почему? — он резко схватил меня за локти и прижал к себе. В его глазах горел тот же дьявольский огонь, но я продолжала вызывающе на него смотреть. — Разве это так сложно? А? Скажи мне! — Дарен встряхнул меня. — Скажи мне, Эбигейл, почему ты не легла бы под него? В чем истинная причина?!

— В том, что для меня это значит навсегда отдать человеку своё сердце, — сквозь слезы, но сжав зубы, тихо ответила я,

— но вряд ли вы в состоянии это понять.

Еще на секунду задержав на нем свой взгляд, сделала усилие и решительно выдернула свои руки из его хватки. Практически выбежала в коридор, чувствуя, что ещё лишь мгновение, и просто потеряю силы. Пройдя несколько шагов, вцепилась в стенку, потому что за пеленой просто не различала дороги.

Слышала, как Дарен зарычал, со всего размаху стукнув кулаками по столу, и это вызвало сильнейшее жжение внутри.

Я ненавидела его.

Ненавидела рассудком, здравым смыслом и этой щемящей болью в груди... но вместе с тем, именно из—за этой самой боли понимала, что какие бы доводы не приводил мой разум, моя душа ведала то, о чем до этих самых пор не подозревала даже я сама.

И пока мой ум шаг за шагом разбивал моё чувство на миллион мельчайших осколочков, сердце старательно собирало их воедино.

18. Эбигейл

Страх — величайшее оружие в мире. Он может разрушать нас, но одновременно и давать силы, чтобы сражаться. Он наш друг, но вместе с тем и враг. До тех пор, пока ты контролируешь его — он служит тебе, но, если ослабеваешь хватку, понимаешь, что он способен убить.

Наши чувства так же могут сделать нас сильнее или же окончательно сломать. Они похожи на страхи. Они связаны с ними. Мы часто боимся рисковать, и выбираем тот вариант, который кажется наиболее безопасным, а именно — задушить в себе любые, даже самые незначительные чувства. Мы отказываемся бороться, потому что что-то пережимает нам горло, стискивает сердце... — и это делают наши страхи.

Они естественны. Порой необходимы.

Но в больших количествах, они — наш яд.

Опустила глаза на ладонь и медленно провела по ней большим пальцем. Она всё ещё горела от недавнего удара, а воспоминания об этом причиняли всё такую же сильную боль.

Как он мог говорить всё это? Как мог думать, что я могла лечь в постель с мужчиной из—за денег? Вряд ли Элейн была права. Этот человек не мог ничего испытывать. Не мог чувствовать то же, что и я.

— С тобой всё в порядке? — голос Грега заставил вернуть-

ся в реальность, и я тут же положила руки на подлокотники.
— Ты ни слова не сказала после того, как мы уехали.

— Прости, — прошептала, — я просто очень устала и хочу домой.

— Скоро приедем, — заботливо произнес, накрыв своей рукой мою. — Обещаю.

Подняла на него свои глаза и тут же почувствовала, как по телу разлилась волна приятного тепла. Рядом с ним мне снова было спокойно. Это словно находиться в тихой гавани и понимать, что она забирает всё плохое, оставляя лишь хорошее. Когда Грег был рядом, я не чувствовала шторма... только штиль. Он невольно переносил меня в место, дающее безопасность и защиту, место, где я могла расслабиться и отдохнуть от суеты.

Сердце стучало ровно, напряжение спадало, пульс выравнивался... разве не это так ценно в отношениях с людьми? Когда ты ощущаешь умиротворенность и безмятежность вместо того, чтобы чувствовать тревогу и беспокойство?

Вибрация мобильного заставила опустить глаза на экран.
«С нами всё хорошо. Малышка всё так же крепко спит. Как доедешь — напиши!»

Сообщение от Элейн вызвало на губах невольную улыбку. Пока я приводила себя в порядок, смывая следы произошедшего инцидента, Адель уснула в одной из гостевых спален. Элейн удалось уговорить меня не будить малышку, пообещав, что утром Пол привезет её домой.

«*Не отходи от неё*», — написала не без дрожи.

Я давала Адель успокоительные и весь день делала всё, чтобы она смеялась.

Но вдруг что—то пойдет не так? Вдруг её кошмары повторятся и сегодня?

Меня даже не будет рядом, чтобы обнять, успокоить...

Прикрыла глаза и сделала успокаивающий вдох.

Возможно, доктор Ховард прав. Мне нужно научиться отпускать свои страхи. Нужно понять, что я не смогу всегда быть рядом. И что, как бы сильно мне не хотелось защитить Адель от мира, она не сможет спрятаться от него навсегда.

«*Обещаю*», — пришел ответ, и я расслабилась.

Простое слово. Но оно так согревало душу, как никогда бы не согрело никакое другое.

Когда мы остановились, Грег обошел машину и, открыв переднюю дверцу, протянул свою руку.

– Ты точно в порядке?

– Да, — тихо ответила, — точно.

Нужно собраться. Не хватало, чтобы он догадался о причине моего состояния.

– Ты... я могу попросить твой номер? Телефона, — уточнил он, замечая мою растерянность, — мне бы очень не хотелось терять такого человека... но ведь я уже знаю, где ты живешь, тогда зачем мне номер, верно? А он нужен потому, что я не могу просто заявиться к тебе, когда мне вздумается и... — Грег усмехнулся и как—то неловко запустил пальцы

в волосы. — Прости, я несу какую—то ерунду.

— Вовсе нет, — невольно улыбнулась, а затем достала ручку и блокнот и, написав свой номер, протянула листок. — Мне бы тоже не хотелось терять такого человека.

— Я рад это слышать, — он тоже улыбнулся.

Между ними повисло молчание. *Неловкое? Возможно. Да. Немного. Боже...*

— Ну... я пойду, — указала рукой в сторону двери, — у меня ещё много дел: нужно убраться к приезду девочек и приготовить что—нибудь поесть.

— Я могу помочь. Из меня получился бы неплохой повар, — он усмехнулся, — когда мне было девять, я выиграл кулинарный конкурс в школе и получил приз: своё наполовину съеденное блюдо и сто нарисованных долларов. Правда вот в роли уборщика я себя ещё не пробовал. Но думаю, что буду забавно смотреться в фартучке, как думаешь?

— Не сомневаюсь, — рассмеялась и кивнула. — Спасибо, Грег. За всё. Правда. Но я хотела бы немного побыть одна.

— О, миледи, — он улыбнулся, — ваше слово для меня закон, — а затем взял меня за руку и осторожно коснулся губами тыльной стороны ладони. Слегка вздрогнула, но руки не убрала. — Я могу позвонить тебе?

— Думаю, что для этого я и дала тебе свой номер, — смущенно прошептала.

— Я позвоню, — уверенно сказал Грег, а затем, еще ненадолго задержав на мне свой взгляд, направился к машине.

Вошла в квартиру и прислонилась спиной к двери, позволяя мыслям полностью меня поглотить. Я вспомнила игру, разговор с *Ним*, *Его* разъяренные взгляды, ссору... опять же с *Ним*... почему именно *Он* всегда был в голове? Почему я постоянно думала о Дарене?

Настойчивый стук в дверь прервал мои размышления.

Неужели Грег?

Бросила сумочку на диван и распахнула дверь.

Глаза расширились, и я инстинктивно вцепилась пальцами в дерево.

– Ты...

– Ждала своего доктора? — выпалил Дарен, залетая в мою квартиру словно торнадо. — Извини, если разочаровал!

Не без беспокойства, которое я теперь всячески пыталась скрыть, осторожно закрыла дверь и снова прислонилась к ней спиной.

Так было проще, — когда я чувствовала опору.

– Что ты здесь делаешь? — старалась говорить холодно, предпочтя никак не реагировать на очередной ядовитый сарказм с его стороны.

– Пришел узнать, какого черта ты флиртowała с Грегом Мартином?! И какого черта позволяла это делать ему?! Ах да! И еще, какого черта он целовал твою руку?!

От его злости и крика даже мой дом, кажется, содрогнулся.

– Не думаю, что это твоё дело, — резко отрезала, преодо-

левая дрожь, — моя жизнь тебя не касается.

— Нет, касается, — взревел Дарен, подходя ближе, — и ты ответишь на все мои вопросы!

— Я не дам ответа ни на один из них, — старалась говорить как можно тверже, — и ты не сможешь меня заставить.

— Уверена? — он подошел почти вплотную и упер руки по обе стороны от моей головы. — Потому что я думаю иначе.

Дьявольская ярость, которая еще секунду назад горела в его глазах, движениях и словах исчезла так же, как и появилась — в одно мгновение. Я ощущала, как от его близости кружится голова, а от горячего дыхания кожа покрывается мурашками.

Сильнее вжалась в стенку. Грудь часто вздымалась, а пальцы царапали краску на двери. Я не знала, как справиться с тем, что чувствовала, но понимала, что теряла контроль.

— Тебе лучше уйти, — выдохнула, отчаянно пытаюсь дышать.

— Нет, — тихо ответил он, медленно приподнимая её подбородок вверх, — больше я не совершу подобной ошибки.

Я мгновенно растворилась в его глазах. Безвозвратно пропала в его запахе и словах. С каждой секундой он забирал меня всё глубже и глубже, в свой личный Ад. А я безвольно, как послушная раба, следовала за ним.

Он сжал свою руку в слабый кулачок и указательным пальцем мягко коснулся моей щеки. Резко выдохнула и прикрыла глаза, чувствуя, как на его прикосновения отзывается каж-

дый участочек тела. Он вел нежную дорожку из прикосновений по моей щеке и подбородку, заставляя ощущать, как кровь быстрее бежит по венам.

Из горла вырвался едва различимый стон, когда он провел большим пальцем по нижней губе. Чувственность этого момента заставила задохнуться.

– Дарен...

– Я не могу контролировать это, — прошептал у моего уха, — останови меня, или будет уже слишком поздно.

Открыла глаза, осознавая, что он прав. Если я не прекращу это, то, возможно, мы оба об этом пожалеем. Но кто бы сейчас знал, как плевать мне было на свой здравый смысл.

Я помедлила всего секунду, после чего, послав далеко и надолго все предрассудки, притянула его к себе и поцеловала. Страстно. Сильно. Со всем чертовым желанием, которое уже который день заставляло тело стогать в дьявольском огне.

Обняв руками спину, одним движением он приподнял меня, позволяя обхватить ногами его бедра, а затем прижал к стене. Я обвила руками его шею, прижимаясь к нему сильнее и чувствуя, как с каждым мгновением желание внутри разрастается всё сильнее.

Ощущала вкус темного шоколада на языке, но даже его горькость никогда не казалась мне слаще, чем сейчас. Я жадно вбирала этого мужчину и пыталась отдать ровно столько же в ответ.

– Ты уверена? — на пределе прохрипел он, сумев прервать поцелуй.

Я видела, как тяжело ему было сдерживаться, и то, что он делал это ради меня, заставило что—то внутри предательски ёкнуть.

– Нет, — тихо ответила, снова обхватив руками его лицо, — но это лучшее, в чем я когда—либо сомневалась.

И больших слов ему не требовалось. Его губы моментально нашли мой рот, и он ворвался в него с новой, удвоенной силой. Я тихо застонала, прижимаясь к нему всем своим телом и ощущая, что ещё чуть—чуть, и просто рухну... провалится в забытье.

Я не знала, что именно испытывала: обыкновенное желание или что—то большее, но даже если за этим и не крылось ничего особенного и на утро я пойму, что совершила самую большую в своей жизни ошибку... черт, эта ошибка будет того стоить.

Я не помнила, как он отнес меня в спальню, потому что всё, о чем могла в тот момент думать — его мягкие и пьянящие губы. Но когда ощутила под собой мягкость знакомых простыней, неосознанно пришла в себя.

Господи, я ведь ещё ни разу в жизни не делала этого.

Ни разу в жизни не была с мужчиной...

– Дарен... я...

– Не надо, — прошептал он, указательным пальцем касаясь моих губ, — я всё знаю.

— Откуда? — тихо спросила, чувствуя, как пульс начинает стучать как бешеный.

Он немного помолчал, нежно разглядывая её лицо.

— «Навсегда отдать человеку своё сердце»... — прошептал, повторяя мои недавние слова. — Оно ещё никому не отдано. И до сих пор бьется внутри тебя. — Дарен осторожно убрал светлую прядь с моего лица, касаясь пальцами дрожащей кожи и пропуская через всё тело мощнейший электрический заряд. — Я не знаю, имею ли право просить тебя...

Я не позволила ему договорить. Приложила ладонь к его губам, а затем, встретившись с его глазами, отрицательно покачала головой. Не спеша убрав руку, позволила ей скользнуть вниз к его шее, а затем притянула к себе.

На этот раз поцелуй был нежным и бархатистым — легкое, едва осязаемое касание губ губами. Я даже не подозревала, что мужчина, так ярко доказывающий свою жестокость и бессердечность, способен проявлять такую мягкость, заботу и чувственность.

Сколько ещё граней в нем оставалось для неизведанными?

Руки Дарена медленно сползли вниз и, ухватившись за край платья, потащили его вверх. Услышала, как лязгнула молния и непроизвольно приподнялась, чувствуя, как кожа вновь покрывается мурашками — *снова, и снова, и снова...* и я уже не могла их остановить.

Он осторожно снял с меня платье и, а я стянула с него

футболку. Когда мои ладони легли на его обнаженную грудь, ощутила, как по всему телу разлилась волна невероятной теплоты. Дарен едва ощутимо коснулся губами ключицы, шаг за шагом продвигаясь всё ниже и ниже, заставляя чувствовать трепет каждым оголенным нервом.

Мне казалось, что за моей спиной выросли крылья, а в животе начали зарождаться бабочки. Много—много разнообразных бабочек... кто бы мог подумать, что эти нелепые и, казалось бы, на первый взгляд выдуманные фразы в одно мгновение станут такими настоящими и значимыми. И что я поверю в каждую из них.

— Что ты делаешь со мной, — шептал он, прокладывая сладостную дорожку из поцелуев по линии моего живота, — что творишь...

Выгнулась от удовольствия и тихо застонала, закрывая глаза и бесконтрольно сминая пальцами простынь. Пока Дарен целовал моё тело, нежно касался его кончиками своих пальцев и лишал последней «защиты», я чувствовала, что вместе со своим телом в этот самый момент отдаю ему что—то не менее важное, то, что уже никогда не смогу забрать назад.

Да, было страшно. Очень страшно.

Но эту боязнь перекрывало то, что сейчас было намного сильнее любого страха — необъяснимое и безумное желание раствориться в этом мужчине и позволить ему испытать себя до дна. До самой последней капли.

Когда его пальцы потянулись к трусикам, я зажмурилась, вжимаясь в кровать, чувствуя, как гулко колотится сердце.

Раз — два — три — четыре — пять — шесть — семь...

— Посмотри на меня, Эбби, — его внезапный шепот прорезался сквозь затуманенное сознание.

...Восемь — девять — десять...

— Эбби, — повторил Дарен, на этот раз взяв моё лицо в свои ладони. — Посмотри на меня, — когда я открыла глаза, он тихо сказал: — я не хочу, чтобы ты боялась меня.

Ощутила, насколько тяжелыми для него оказались эти слова.

В его взгляде была такая сильная мука, что у меня до боли сжалось сердце.

Я знала, как сложно ему было контролировать себя, он был именно таким — вспыльчивым, несдержанным и заводился с пол оборота... но ради меня готов был стараться из последних сил, удерживая в узде Зверя, и я хотела дать ему что—то взамен.

— Никогда, — прошептала на выдохе, увереннее обнимая его за плечи и ощущая бешеную пульсацию внутри, — я никогда не буду бояться тебя.

И в этот момент ощутила, как он начал неторопливо, бережно заполнять меня собой. Всё моё пространство. Не смея отрывать друг от друга взгляда, мы сливались воедино, слыша, как наши сердца бьются единым ритмом.

Я приоткрыла губы, стараясь ничем не выдать своей боли,

лишь впивалась ногтями в его кожу и сдерживала рвущийся наружу крик. Он немного помедлил, словно почувствовав, что мне необходимо выдохнуть, привыкнуть к новым ощущениям, и лишь потом, заметив в моих глазах готовность, медленно задвигался.

С каждым его толчком болезненные ощущения становились всё глуше, сменяясь сладкой истомой, заставляющей тело взрываться и гореть.

Дарен прижался губами к моей шее, и я сильнее стиснула пальцами его плечи, желая ощущать его внутри дольше, сильнее, глубже. Я почти задохнулась, но когда он снова нашел мой рот — испытала что—то запредельное: словно где—то внутри меня открылось второе дыхание. Словно я обнаружила источник сладостного наслаждения и безграничных желаний, который до этой минуты был заперт под множеством замков и спрятан от чужих глаз. *До этой минуты.* Пока не появился *Он.*

Дарен нежно целовал каждый участочек моего тела, и с каждым новым толчком, наполненным чувственностью и заботой, я ощущала, как реальный мир перестает существовать, рассыпаясь на мельчайшие частички, превращаясь в пыль.

Я не знала, поднималась ли высоко в небеса или же спускалась глубоко под землю, но единственное, что понимала — даже если бы он попросил пойти за ним в Ад, я сказала бы «да». Бездумно и безрассудно променяв на него любое,

даже самое райское место.

Невольно улыбнулась — едва уловимо, почти незаметно, — а затем позволила одинокой слезинке медленно скатиться по щеке. Я снова плакала. Но впервые за долгое время, это были слезы не боли, а счастья.

Громкого, но тихого, нереального, но настоящего счастья.

Счастья, которое я испытала рядом с *Ним*.

Счастья, от которого мне вновь хотелось жить.

19. Дарен и Эбигейл

Почему я не мог не думать о ней?

Почему не мог не вспоминать то, что испытал?

С самого утра всё просто валилось из рук. Я совершенно не слушал сестру, которая без умолку что—то говорила, и уже пару раз ловил на себе её подозрительные и рассерженные взгляды.

Я на самом деле думал, что после этой ночи всё будет иначе, что всё изменится и встанет на свои места. Но не предполагал, что эффект окажется совершенно обратным.

Что вместо того, чтобы забыть Эбигейл и понять, что испытывал к ней только физическое влечение, я начну думать о ней ещё чаще. И что эти мысли будут как кислота разъедать мою голову.

Нет, это был не просто секс. Это было нечто большее.

И я понимал это потому, что моё сердце еще никогда в жизни не сокращалось так часто. Я не знал, как относиться к этому, что думать и предпринимать, но осознавал, что всего за несколько часов успел наделать кучу ошибок.

Моя ярость была настолько мощной, что казалось, по телу проносится разрушающий тайфун. Сначала история с этой дурацкой карточкой, затем моя выходка, когда я почти назвал её уличной девкой (*твою мать, язык бы мне ото-*

рвать!). Но даже после всего этого умудрился зарыть себя ещё глубже — переспать с ней.

Стать её первым.

Вымученно прикрыл глаза, вспоминая её шепот, вновь и вновь прокручивая в голове её слова: *я никогда не буду бояться тебя*. Я до сих пор чувствовал её руки, ощущал запах груши и ванили — манящий и одновременно лишаящий рассудка, — вспоминал её синие глаза, наполненные желанием, страстью и нежностью.

Почему она сделала это?

Почему безоговорочно доверилась и отдалась мужчине, который не привнес в её жизнь ничего, кроме боли? Отчего не оттолкнула? Среди миллиона выбрав именно меня?

– Рождественские распродажи просто невероятны, правда? Я обожаю эти суетливые и немного безумные дни.

– Разве ты не могла заказать всё необходимое в интернете? — вздыхал Пол, как и я вынужденно таскаясь за Элейн по торговому центру. — Двадцать первый век на дворе.

– Конечно же, нет, — фыркнула она. — Очень важно поддержать подарок в руках прежде, чем кому—либо его преподнести. Он должен пропитаться любовью, нежностью и небольшим сумасшествием от человека, который его выбирает. Его должен благословить Дух Рождества, а он не делает этого, если я кликну кнопку «доставка» в интернете.

– Дух рождества, ну да, точно... — усмехнулся Пол, а затем, пока Элейн что—то расспрашивала у молоденькой про-

давщицы, развернулся ко мне. — Еще хотя бы пять минут в этом торговом центре, и я точно завою, — тихо сказал он, а затем усмехнулся. — В следующий раз, когда в «черную пятницу» я дам согласие пойти с твоей сестрой за покупками, застрели меня.

Пол устало выдохнул, а я так до конца и не осознал, что он мне говорил. Только когда ощутил легкое прикосновение к плечу, вышел из оцепенения и повернулся.

– Что?

– Где ты витаешь? — промолчал, услышав, как Пол усмехнулся. — Дух Рождества и тебя обольстил?

Посмотрел на экран своего мобильного: ни одного сообщения, ни одного звонка, и ни единого намека на то, что Эбби вообще захочет объявиться.

Интересно, она уже проснулась? Как она себя чувствует?

Я ушел ещё ранним утром, пока она крепко спала, и решение, которое тогда казалось верным и обдуманым, теперь угнетало и не давало покоя. Было неправильно оставлять её после того, что произошло, но проблема была в том, что я просто не знал, что было бы, если бы я остался.

Что мы сказали бы друг другу?

Да и разве здесь могли найтись подходящие слова?

Я был уверен, что мы оба чувствовали бы неловкость и сожаление, и своим присутствием не хотел усложнять всё ещё больше.

Но, черт возьми, кто бы знал, как сильно мне хотелось

вновь её увидеть. Услышать голос, ощутить запах, почувствовать прикосновение её рук... Господи, я словно стал зависим от этой женщины. Словно она — мой наркотик, и теперь будто бы по идеально отлаженной схеме я постоянно думал об очередной дозе и был не в силах это отключить.

— Эбби? — замер, услышав голос сестры, а затем медленно поднял глаза. — Вот это встреча!

Она стояла, так же испуганно смотря на меня и нервно сминая край пальто. Казалось, что она дрожала, и я был практически уверен в том, что не придумал это сам.

Да, на улице было холоднее, чем обычно... но это ли было тому причиной?

— Как я рада тебя видеть, — Элейн подъехала к ней, и они обнялись. Эбби даже улыбнулась, по всей видимости, взяв себя в руки. — Тоже за подарками?

— Да, решила прикупить кое—что.

— Видимо, все решили этим заняться, — рассмеялась она, выглядывая за её спину, — а где же наша маленькая принцесса? Да, я знаю, что не видела её всего несколько часов, но признаюсь честно, уже безумно соскучилась! И что мне с собой делать?

И тут она искренне засмеялась. Чисто, невинно, солнечно... так, словно сам Ангел вдруг спустился к нему с Небес.

— Она там, — Эбби отступила, а затем помахала малышке рукой.

Осторожно перевел взгляд, чувствуя, как напряглось всё

тело.

Лишь бы не увидеть Грега.

Черт подери, лишь бы с Адель был не он.

К моему величайшему облегчению, увидел, как малышка шла за руку с невысокой девушкой. Она была немного смуглее Эбби, а её короткие черные волосы вились и слегка касались плеч. Она улыбалась, но эта улыбка была лживой. Всего за секунду я понял, что её темные глаза скрывали намного больше, чем выставляли напоказ.

И это смог бы разглядеть лишь тот, кто испытал то же.

— А вот и моя маленькая Рапунцель!

— Тетя Эл! — Адель радостно кинулась в её объятия.

— Прости, задержались в отделе кукол, — прошептала девушка, — никак не могла утащить её оттуда.

— Ничего, — понимающе кивнула Эбигейл, а затем перевела глаза на Элейн. — Позвольте представить вам мою подругу Нэл. Мы росли в... — она запнулась, — ...вместе. Нэл, это Элейн, — быстро сказала она, чтобы, как мне подумалось, перевести тему, — я рассказывала тебе, что провела праздник у неё в доме.

Нелли широко улыбнулась.

— Очень приятно, наконец, познакомиться с вами, мисс Бейкер.

— Просто Элейн, — так же искренне улыбнулась моя сестра, — терпеть не могу все эти никому ненужные формальности.

— Это Пол, — мой друг тут же по—петушину выпрямился, — член этой замечательной семьи и прекрасный человек и друг.

— Я очень скромн, но она права, — улыбнулся он.

— Не сомневаюсь, Пол. Мне очень приятно.

Наблюдал за тем, как веселое выражение с лица Эбби медленно исчезало, и как она пыталась набирать в легкие больше воздуха:

— А это...

— Дарен, — представился прежде, чем позволил ей решить, какая характеристика подходит ему больше. — Просто Дарен.

— Не просто, — вмешалась Элейн, и её глаза заблестели, — он мой брат. Лучший на этой Земле, во всей нашей необъятной Вселенной и её параллелях.

Всего на мгновение, но успеть заметить, как расширились глаза брюнетки.

Что за...

— Ладно, нам пора, — услышал голос Эбигейл.

— Что? — огорченно переспросила Элейн. — Уже? Но я думала, что мы пройдемся по магазинам все вместе, а затем зайдем в Данкин Донатс.

— Да! — восторженно заголосила Адель, но Эбби лишь выдохнула.

— Прости, Эл, не могу. Скоро приедут девочки, а у меня дома полный бедлам, — на этой фразе её голос стал тише,

но затем он продолжила уже громче: — Тем более, что нам с Нэл нужно разобраться с некоторыми делами. И я хочу закончить с ними сегодня.

— Жаль, но я надеюсь, что мы все—таки увидимся на Рождество. И тебя мы тоже будем рады видеть, Нэл.

Когда они попрощались, Элейн попросила Пола сопроводить её в отдел игрушек, так как присмотрела там новый наконечник в виде ангела и твердо намерена была его купить.

Я не стал терять времени и последовал за Эбби, нагнав её в несколько шагов.

— Нам нужно поговорить.

Она вздрогнула и чуть не отпрыгнула в сторону, но затем отрицательно покачала головой и зашагала быстрее.

— Извини, но у меня нет времени.

Плюнув на всё, схватил её под локоть. Она резко остановилась, поднимая свои испуганные глаза. Раньше я начал бы кричать, пользоваться своим перед ней преимуществом, но сейчас, смотря на девушку, с которой провел ночь, смог повысить тон голоса лишь до еле слышного шепота:

— Прошу. Я не задержу тебя надолго.

Эбигейл внимательно изучала моё лицо, и я заметил, как страх и напряжение, еще недавно сковывающие её тело, начинали понемногу исчезать.

— Идите в машину, — обратилась она к Нэл, — я подойду через пару минут.

Её подруга, по всей видимости, знающая намного больше,

чем могло показаться, молча взяла Адель за руку и повела её к выходу.

Эбби резко отступила назад.

Я не знал почему, но это заставило что—то внутри болезненно сжаться.

— О чем ты хотел поговорить?

— Как ты? — неожиданный вопрос, который я и сам не думал когда—либо задать, заставил Эбби замереть. — Я не должен был делать этого. Пользоваться твоей слабостью, а затем оставлять одну.

— Дарен...

— Это так, — настаивал, наблюдая за её реакцией. — Я повел себя, как трус.

Подобные слова были в новинку для нас обоих, и я понимал, почему они сбивали с толку. Я только что, наверное, впервые в жизни признал, что был не прав, и именно поэтому Эбби смотрела на меня со смесью удивления и... восхищения?

— Все нормально, — откашлялась она и, ненадолго задержав свою руку у виска, вскинула ею и мимолетно усмехнулась. — Ведь я знала, на что шла, верно? Мы оба знали. На нас что—то вдруг нашло, и мы этому поддались. Я ни в чем тебя не виню. И ни в коем случае не считаю трусом. Ты всё сделал правильно. И будет лучше, если мы сумеем оставить то, что было в прошлом.

Её безразличный тон ударил сильнее, чем я предполагал.

Она просто молча смотрела на меня, и я уже не узнавал в ней ту Эбби, которая была со мной этой ночью. Она смотрела так, словно совершенно ничего не чувствовала.

Неужели я ошибся? Неужели эта ночь все же ничего для неё не значила?

— Если это всё, что ты хотел со мной обсудить, я пойду, — она стала медленно отступать, указывая рукой за свою спину, — у меня действительно полно дел. Я... извини.

Резко развернулась и зашагала к выходу. А когда приблизилась к двери, практически выбежала на улицу. Я не знал, сколько времени простоял, молча и неподвижно смотря на чертову дверь, но мне показалось, что прошла целая вечность.

Эбигейл Дэвис стала той самой девушкой, которой удалось заставить такого, как я, что—то почувствовать. Спустя долгие годы, мой прочный лед, наконец, дал трещину.

Но теперь я ощущал боль внутри ещё сильнее.

С утроенной силой.

И она безжалостно рвала меня на части.

Выходные прошли в предрождественской суете.

Точнее, суетилась в основном моя сестра и тащила за собой всех, кто попадался ей под руку. Я же пытался сосредоточиться на работе.

Элейн упаковывала подарки, скупив, наверное, добрую половину города.

И всё потому, что Рождество очень много для неё значило.

В понедельник утром, после довольно продуктивных двух дней (я имел в виду работу, а не упаковку подарков), мы с Полом должны были провести отчетное собрание, на котором подводились итоги уходящего года и обговаривались планы на будущий.

Собрание было решено провести не в девять, — так как многие ещё не пришли в себя после четырехдневного отдыха, — а в одиннадцать. Это было самое позднее, на что я согласился по предложению друга. Но самое странное было то, что согласился вовсе.

Невероятно.

— Я хочу, чтобы проектом «Ноттингем» вы занялись вместе с Холли, — сказал Полу, когда все начали расходиться, — если вдруг что—то пойдет не так я знаю, что вы всё исправите.

— А почему этот проект не берешь ты сам?

— Не могу сейчас думать о работе, — признался, понимая, что сделал это вслух. *Да что со мной, черт возьми, такое?* — Позвони Гранту, пусть придет. У меня есть к нему разговор, — быстро сказал, надеясь избежать лишних расспросов и дальнейшей беседы на тему, которую я не хотел ни обсуждать, ни развивать.

Войдя в кабинет, собирался сесть и подумать, но дверь снова отворилась и в неё влетел самый настоящий тайфун.

— Слава Богу, ты здесь, — облегченно произнесла Холли.

— Я думала, это дурацкое собрание никогда не кончится.

— Могла зайти в конференц—зал, что тебе мешало?

— Не люблю все эти унылые лица за столом, ты же знаешь.

Отвращение, с которым она буквально выплюнула эти слова, взбесило. Но я сдержался. Только тот факт, что Магнус Тревис так много значил для компании, давал его дочери исключительное право не посещать собрания и не получать за это совершенно никакой взбучки. Сделай так кто—то ещё, и ему бы точно не поздоровилось.

— У тебя какое—то дело? Или пришла напомнить мне о своих фобиях?

Услышал, как она выдохнула, а затем зашагала к моему столу.

— К тебе приходила эта... ну, безвкусная секретарша, которую ты брал на работу. Не помню, как её зовут, — брезгливо бросила Холли, кладя перед ним лист бумаги.

Ощутил, как и тело, и мозг отреагировали на одно лишь *о ней* упоминание, пусть и в той манере, которая его совершенно не устраивала.

— Элис шла к тебе, чтобы отдать заявление, но я сказала, что занесу его сама, — она улыбнулась, плюхаясь в кожаное кресло.

— Заявление? — переспросил, тут же хватая бумагу и опуская на неё взгляд.

— Да, наконец—то, — Холли с отвращением бросила эту

«важную» информацию, а затем приподняла свою бровь вверх. — Кстати, ты что, купил бар?

Но я уже не слушал её. Мои глаза бегали по строчкам, и я был полностью поглощен их содержимым.

Твою мать, она что, совсем обезумела?!

Пальцы моментально сжали лист, глаза налились яростью, а на лице выступили жилки. Я напрягся, только не знал, что злило меня больше: то, что она сделала или то, какой способ для этого избрала.

— Где она? — прошипел, обращаясь к Холли.

— Да откуда я знаю, куда она хо... — начала, но я уже сорвался и, распахнув дверь, словно разъяренный зверь вылетел в коридор.

— Где твоя подруга?! — практически проорал, заставляя Элис подпрыгнуть.

Она непонимающе уставилась на меня, при этом сжавшись от страха.

— М—мистер Бейкер—р...

— Где Эбигейл? — повторил спокойнее, стискивая пальцами край стола и понимая, что если сейчас же не получу ответа, переверну его ко всем чертям.

— Она ушла... — дрожащим голосом ответила Элис. — Отдала мне заявление и...

— Давно она ушла?!

— Пошла к лифту как раз перед вашим появлением, но она не од...

Зарычал и рванул к лифту. Со всей силой долбанул по кнопке, но только после заметил, что кабина движется вниз и вот—вот остановится на первом этаже.

– Дьявол!!

Резко бросился к лестнице и, перепрыгнув первый пролет, побежал.

Почти пятьдесят этажей вниз — что может быть проще, правда?!

Понимал, что нагнать её было почти невозможно, поэтому решил пойти на хитрость. Вытащил мобильник из кармана и набрал номер.

– Задержи Эбигейл на выходе! — заорал. — Как угодно, не дай ей покинуть здание!

Отключился и зарычал, помчавшись быстрее. Чувствовал, как глаза начинают гореть ещё большим безумием, чем обычно.

Нет, эта девчонка не успокаивала во мне Зверя, она его будила!

Добравшись до первого этажа, вылетел в коридор, заметив, как Владимир что—то выплясывает перед Эбби, а она смотрит на него, широко раскрыв рот.

Даже невольно усмехнулся. Этот парень нравился мне всё больше.

– Ты свободен, — ещё не до конца отдышавшись, приказал, подходя к ним практически вплотную. Эбби повернулась и замерла, кажется, только теперь понимая, что делал

Владимир и собственно *по какой причине*.

— Что здесь происходит? — резко спросила она. — Это ты попросил его устроить весь этот цирк?

— Нам нужно поговорить, — сказал вместо ответа, чувствуя, что всё ещё дико зол.

— Я всё сказала. А если ты не понял — перечитай заявление.

Развернулась, намереваясь уйти, но я ей не позволил.

— Как раз о нем и пойдет речь, — преградил ей дорогу, встав прямо перед стеклянными дверьми, — я не подпишу.

— Что?

— Что слышала, Эбигейл! Я не подпишу это чертово заявление!

В холле повисла тишина. Сцену с оружием начальником, который несется почти пятьдесят этажей вниз лишь для того, чтобы отказаться подписывать заявление на увольнение своего работника, увидишь не часто. А точнее — вряд ли увидишь вообще.

— Ты не можешь не подписать! — закричала она. — У тебя нет веских причин!

— О, нет, — ухмыльнулся, начиная терять над собой контроль, — это я как раз—таки очень даже могу! И для этого мне совсем не нужна причина!

— Я не собираюсь играть в твои игры, — произнесла Эбби, отталкивая меня со своего пути. Я схватил её за плечи и без труда отодвинул. Легко и непринужденно, словно она была

куклой. — Что ты делаешь?! У тебя нет права хватать меня!!

— Думаю, что после той ночи оно у меня появилось, — хрипло произнес, заставляя её застыть.

Эбби не мигала, и мне показалось, что я заметил промелькнувшую в её глазах боль.

Но всего на долю секунды.

— Я не собираюсь говорить об этом при всех, — её холодный безразличный тон ещё больше выводил из равновесия.

— Все вон! — заорал, заставляя сотрудников в страхе замереть, а Эбби — в изумлении поднять голову. — Я сказал вон!!! Выметайтесь отсюда!!! — когда все выбежали из холла, спотыкаясь и желая поскорее исчезнуть, я вновь обратился к ней: — Теперь мы, наконец, можем всё обсудить?

Держал себя в руках из последних сил. Не отрывая от неё взгляда, и всё это время сжимая её уже такие знакомые плечи. Я чувствовал, как она дрожала. Чувствовал каждым нервным окончанием. И смотрел на неё, мысленно молясь лишь об одном — чтобы причиной этой дрожи был не страх.

— Отпусти меня, — одними губами прошептала она, вынуждая меня разжать пальцы. Она тут же отступила, и я ощутил, как острое лезвие вонзилось в грудь.

— Почему ты делаешь это? — прошептал я. — Зачем уходишь?

— Я не хочу, чтобы ты думал, что теперь что—то мне должен, — всё ещё слегка дрожа, ответила она. — Да, та ночь была. Этого не изменить. Но это не значит, что я стану

что—то от тебя требовать...

— Эбби... — хотел прикоснуться к ней, но она отшатнулась, как от пощечины.

— Прошу, не подходи... стой там...

— Нет, — сделал уверенный шаг, заставляя её отступить.

— Дарен, пожалуйста...

Страх в её взгляде стал заметнее, губы задрожали сильнее.

Эбигейл нащупала руками стенку и, когда поняла, что отходить некуда, вымученно прикрыла глаза, вжимаясь в бетон. Я слышал её неровное дыхание, слышал учащенное сердцебиение и мог бы поклясться, что отчетливо улавливал боль. Каждую её крупницу.

— Дай мне уйти... — умоляюще прошептала она.

— Не могу, — так же тихо признался. Придвинулся ближе и, осторожно убрав волосы с её лица, ощутил, как она вздрогнула. — Потому что не в силах не думать о тебе.

На мгновение встретился с её небесно—синими глазами. Почти полностью растворился в их чистоте и нежности, почти полностью потерял самого себя.

Разве я когда—либо предполагал, что испытаю нечто подобное? Что в моей жизни появится женщина, которая сможет добраться до самых глубин сердца? И сумеет вновь вселить в него надежду?

Осторожно взял её лицо в ладони, ощущая пронзивший насквозь мощнейший электрический разряд, а затем, помедлив всего мгновение, наклонился к её дрожащим губам. Она

почти незамедлительно ответила на поцелуй, давая мне понять, что тоже что—то испытывает.

Её губы обжигали, но эта боль была не сравнима с той, которую я чувствовал, когда её не было рядом. Её лицо все ещё было мокрым от слез, а пульс почти не проступал. Слышал, как бешено колотится её сердце, и ловил его ритмы каждой клеточкой своей души.

Неожиданно Эбби уперлась ладонями мне в грудь и завертела головой. Она оттолкнула меня так внезапно, что я едва устоял на ногах.

— Я не могу... — качала головой, пытаюсь дышать. — Прости...

Из синих глаз брызнули слезы. Бросившись к двери, она резко распахнула её и выбежала наружу.

Закрыв глаза и прислонился лбом к холодной стене, чувствуя, как невыносимо при этом жжет в груди. Пальцы непроизвольно сжались в кулак и, зарывав, я со всей силой долбанул по твердому бетону.

Когда Нэл увидела Дарена, — или как она говорит: сексапильного спасителя, — единственное, что сумела вымолвить, было *«обалдеет...»*. Дальнейшие мысли не требовали словесного выражения, их можно было прочесть по её глазам. А те просто вопили: *«Господи, этот мужчина божественен! А какой у него взгляд?! Это с ним ты спала?! И как тебе только в голову могло прийти, что это ошибка?!»*

Это называется удачей, подруга, и Судьбой, не иначе!».

При всей своей не легкой жизни, Нелли старалась быть жизнерадостной, и при каждом удобном случае пыталась научить этому и меня. Но после нашей с Ним встречи, я осознала, что не могу находиться рядом. Его близость давалось слишком тяжело.

Я боялась того, что начинала испытывать, и меня пугало, как много та ночь мне дала. Глупо. Непонятно. Трусливо. Да, возможно, именно так оно и было.

И именно эти чувства стали причиной, по которой я ушла.
— Что сделала? — ошеломленно спросила Мэнди, чуть не выронив вилку из рук.

— Почему ты уволилась? — Элли смотрела на меня так же изумленно. — Ты же обожала работу в баре.

— Иногда приходится что—то менять, — сказала, погладив Адель по волосам, — но не волнуйтесь, мы справимся.

Малышка улыбнулась ей, счастливо запихивая в рот ложку хлопьев.

— Ага, как же, — протянула Мэнди, поднимаясь из—за стола, — мы и так еле концы с концами сводим, а теперь, когда ты ушла с работы, что с нами будет?

— Я найду новую.

— У тебя всё так просто, да? — усмехнулась та, складывая руки на груди. — Ты же не хуже меня знаешь, что найти работу без образования практически невозможно. Нам улыбнулась удача, когда Гарри взял тебя в бар. А теперь что? Пой-

десь уборщицей?

– Мэнди, — с укором оборвала её Элли, — притормози.

Её сестра выдохнула, на секунду прикрыв ладонью глаза.

– Простите, просто... нам будет трудно. Я думаю, мне тоже стоит найти работу.

– Ни в коем случае, — возразила я, — об этом не может быть и речи.

– Но одна ты не справишься!

– Справлюсь, — посмотрела сестре в глаза, — я сделаю всё, чтобы обеспечить вам достойное будущее, но надрываться тебе не позволю.

– Миссис Райли предложила мне помогать с конференциями. За плату, конечно, — не громко сообщила Элли. — Я и не думала соглашаться, но теперь...

– Нет, — твердо сказала Эбби. — Вы обе, — она по очереди обвела сестер пальцем, — запомните: никакой работы, пока не получите образование. Это вам ясно?

– Но Эбс...

– Никаких «но»! Выкиньте это из головы. Я обещала, что вытяну нас, и сделаю это. Не думала, что вы станете сомневаться, ведь раньше у меня получалось.

– Да, — немного грустно согласилась Мэнди, — только раньше у тебя была работа.

Молчание, воцарившееся на кухне, прервал телефонный звонок.

– Я возьму, — Элли прыгнула со стула и направилась к

аппарату, — алло, — она немного помолчала. На лице отразилось беспокойство. — Да, здравствуйте. Спасибо, хорошо. Секунду. Это миссис Харрис, — прошептала она, закрывая ладонью микрофон, — она звонит уже в третий раз.

— Что? — прошептала, почувствовав, как похолодело внутри. — Почему ты ничего не сказала? — Элли виновато закусил губу, а затем протянула мне телефон. Руки тряслись, когда я подносила трубку к уху. — Да, миссис Харрис.

— Эбигейл, — ледяной голос заставил поёжиться. — Я не могла дозвониться до тебя весь день.

— Да... извините. У меня было много дел.

— Хм, — произнесла она, и это было именно то, чего я так боялась. — Я звоню сказать, что наша завтрашняя встреча состоится не в 10.00, как обычно, а на час позже. Я должна отвезти свою внучку в бальную школу — её родители улетели в срочную командировку. — я моментально хлопнула себя по лбу. *Встреча. Блин! Я совершенно о ней забыла!* В трубке воцарилось недолгое молчание. — Я надеюсь, вы помните о встрече.

— Да! — ответила слишком быстро. — Конечно, помню! Всегда помню.

— В таком случае жду вас утром. И мисс Дэвис, не опаздывайте.

— Не лучшее время для увольнения, — подытожила Мэнди.

Конечно же, сестры всё увидели в моих глазах: страх, со-

жаление, потерянности, и им ничего не требовалось говорить.

Обессиленно уронила голову на стол, почувствовав, как меня обняли родные крохотные руки. И только эти руки удерживали меня от того, чтобы вновь не заплакать.

Я сидела на стуле и как могла, пыталась унять разрастающуюся в коленях дрожь.

Эти встречи отнимали не только силы, но и лишали рассудка.

Одетт Харрис сидела прямо передо мной и внимательно изучала бумаги.

Вся наша жизнь: от макушки и до пят, подлежала постоянному жесткому контролю.

Женщина за столом была уполномоченным по правам ребенка и состояла в службе защиты детей. Своей внешностью: короткими светлыми волосами и синими глазами, на первый взгляд казалась милой и понимающей, но тот, кто хотя бы однажды видел её в работе, знал её как железную леди с волевым характером и непоколебимостью в решениях.

И ничего в эти самые моменты я не боялась сильнее, чем услышать её вердикт.

– Страховка в порядке, — наконец, произнесла она, — счета находятся в пределах нормы. Что насчет справки от работодателя?

Когда Одетт сложила перед собой руки, сосредоточив на

мне взгляд, я затаила дыхание. Здесь я могла бы солгать, но как известно, ложь никогда не кончалась ничем хорошим. Особенно, когда ты лгал человеку, в руках которого находилось твоё будущее.

— Миссис Харрис... — взяла себя в руки и продолжила, — ...дело в том, что я временно не работаю, — светлые брови поднялись, и я поспешила исправиться. — Точнее, я уволилась. Вчера. По некоторым личным обстоятельствам. Но уже активно ищу новую работу! И почти её нашла!

Она долго и внимательно смотрела на меня, а затем не спеша сняла очки.

— Скажу честно, мисс Дэвис, мне никогда не нравилась ваша ночная работа. Но, несмотря на её многочисленные минусы, я видела в ней два основных плюса: первый — заведение слыло хорошей репутацией и второй — благодаря ему вы имели стабильный доход. — я незаметно облизнула нижнюю губу, чувствуя, как во рту начинает пересыхать. — И теперь, когда оба плюса я могу считать исчерпывающими, мне не остается ничего другого, как выразить вам свои сожаления.

— Что? — сердце сжалось от страха, и я инстинктивно вцепилась пальцами в подлокотники. — Что вы имеете в виду?

— Отдавая ребенка в приемную семью, я должна быть уверена, что у него будет достойное будущее. Особенно, это касается Адель. Эта девочка пережила слишком многое для своего юного возраста, и я не хочу, чтобы в дальнейшем существовал хотя бы малейший шанс на то, что всё может по-

вториться.

— Нет, — отчаянно завертела головой, пытаясь сдержать слезы, — нет—нет—нет, послушайте, прошу вас! Я найду работу, вот увидите, и она будет даже лучше, чем прежняя! — подалась вперед, понимая, что глаза горят, как никогда. — Я готова отдать за эту девочку жизнь, слышите? Готова умереть за неё. Я пойду на любую работу. На две, если это будет нужно. Я буду работать день и ночь, забуду про еду и сон, но сделаю всё, чтобы она ни в чем не нуждалась. Клянусь вам. Адель никогда не будет хорошо ни в одном другом доме. Она привязалась к нам. Она наша семья...

Одетт медленно положила очки на стол.

Её молчание продлилось всего несколько секунд.

— Вы должны понять меня, Эбигейл, — начала она, скрепляя пальцы в замок. — Моя работа состоит в том, чтобы не допустить хотя бы малейшее отклонение от нормы в воспитании ребенка. Да, для девочки, разделение с вами, несомненно, будет травмой, но я обещаю, что определю её к лучшим психоаналитикам Нью—Йорка.

— Да не нужны ей ваши психоаналитики! — взорвалась, вскакивая с места. — Как вы не понимаете, что тем самым причините ей огромную боль?! Она только начала приходить в себя, только стала улыбаться, а вы хотите снова заставить её страдать...

— Не *это* является моей целью, — спокойно, но твердо произнесла Одетт. — Я просто хочу, чтобы у малышки были

комфортные условия. И чтобы она была счастлива.

— Счастье измеряется далеко не деньгами, миссис Харрис, — я почти что выплонула ей это в лицо. — Я думала, что женщина, у которой есть дети, понимает это. Да, мы не богаты. Я не имею возможности одевать её в наряды от кутюр, но у меня есть нечто большее, чем деньги. У меня есть любовь. И я готова дарить её снова и снова, зная, что она никогда не кончится. Когда тебя искренне любят, то становится не важно, во что именно ты одет: в дорогое платье или потертые джинсы. Важно лишь то, что на душе у тебя тепло. А рядом есть люди, которым ты нужен.

Впервые за долгие годы я позволила себе высказать то, что на самом деле было на моём сердце. Пусть манеру выражения и объект для опыта избрала и не самые подходящие, но понимала, что больше просто не могу молчать.

И теперь, когда до закровов сознания начала добираться вся катастрофичность происходящего, ни на шутку испугалась, подумав о последствиях своей несдержанности.

Потерять Адель — вот самый сильный мой страх.

— Я согласна с вами, мисс Дэвис, — неожиданно произнесла Одетт, поднимаясь со стула, — счастье измеряется далеко не деньгами. Но как не прискорбно — зависит от них.

Её властный взгляд напомнил взгляд Дарена. Та же холодность и отстраненность. Те же манеры держаться.

— В любом случае, — продолжала она, — я просто не в силах что—либо сделать. По договору, единственным усло-

вием является наличие у вас стабильного заработка. Я могла бы принять во внимание смягчающие обстоятельства, если бы ваша семья не держалась только лишь на вас. Но ведь, насколько мне известно, рядом с вами нет мужчины, верно? Жениха, мужа? Адель, как и вам, нужно сильное плечо, которое могло бы гарантировать ей ту поддержку, которую не всегда способна дать мать. Скажите, Эбигейл, в вашей жизни есть мужчина, который мог бы за вас поручиться? Который мог бы стать для Адель отцом?

Я в оцепенении застыла, понимая, что только что потеряла свой последний шанс переубедить Одетт. Но что я могла ответить? *«Да, Одетт! Да! Он у меня есть!»* — я могла выкрикивать это, могла топтать ногами, размахивать руками, да хоть вытанцовывать перед ней, но разве от этого ложь стала бы правдой?

Ощутила, как в груди потяжелело, а дыхания перестало хватать даже на один ничтожный вдох. Я лишь открывала и закрывала рот, понимая, что не могу ни озвучить очевидное, ни солгать. Сдерживать слезы внутри стало совсем невыносимо, поэтому они бесконтрольно покатались вниз.

— Мисс Дэвис? — терпеливо переспросила Одетт, пристально заглядывая ей в глаза. — Рядом с девочкой есть такой человек?

— Есть, — неожиданный голос в дверях заставил резко развернуться. — Я.

20. Дарен и Эбигейл

Эбби резко повернула голову, одной рукой ухватившись за край стола. Всеми силами старалась выглядеть невозмутимой, но заставить солгать свои глаза так и не смогла. Они шептались, кричали, радовались и одновременно взрывались рыданиями, пока слова безмолвно томились где—то внутри. В который раз удостоверился в их необъяснимой магии. А особенно той её части, которой обладала *Она*.

— Кто вы? И как сюда попали?

Взгляд переместился к элегантно одетой женщине с короткими светлыми волосами, чуть тронутыми сединой: хорошо уложенными и полностью соответствующими её образу. Её голос был стальным и властным, а стан и взгляд ясно говорили: «ты не знаешь, с кем имеешь дело».

Удивительно было то, что и она этого не знала.

— Если я хочу куда—то войти — я вхожу, — объяснил, не спеша проходя вглубь кабинета. — И никто не может мне помешать.

Мимолетно взглянул на Эбби — она всё так же не отводила от меня глаз, словно мысленно умоляла помочь. И я чувствовал, как сильно она боится.

— Это возмутительно, — не веря своим ушам, ответила Одетт, — я вызываю охрану.

Женская рука потянулась к телефону, но я вовремя её перехватил.

— На вашем месте я бы не стал этого делать, — тихо произнес, чувствуя, как начинаю злиться.

— Да что вы себе позволяете! Кто вы, черт возьми, такой?!

— Тот, на ком держится это место, — уперся руками в стол, — и весь его фонд.

Одетт очень внимательно смотрела на меня, а затем её словно молнией шарахнуло. Глаза, которые ещё минуту назад горели уверенностью и силой, погасли, уступая место растерянности и страху. Я никогда не появлялся на публике в местах, в фонды которых перенаправлял средства. Все взносы от нашей семьи всегда совершала Элейн.

Но не сомневался, что Одетт Харрис обладала достаточным количеством информации для того, чтобы догадаться о том, кто я, черт возьми, такой.

— Мистер Бейкер, — произнесла она уже тише. — Я прошу прощения за своё крайне неподобающее поведение.

— Ваши извинения не принесут мне абсолютно никакой выгоды, — холодно ответил, — пустым словам я предпочитаю поступки.

— Да... — немного растерянно отозвалась Одетт, но затем быстро засуетилась, — конечно! Всё, что угодно для вашей семьи! Только скажите и...

Поднял ладонь, заставляя Одетт замолчать. В этот момент я позволил своему Зверю выйти наружу. Позволил жестоко-

му и беспощадному демону взять всё в свои руки.

— У меня только одно условие. Мисс Дэвис должна получить полную и бесконтрольную опеку над Аделаидой Саммерс. За лично вашей подписью.

В кабинете наступила тишина. Эбби подняла на меня глаза, и я заметил, как по её щеке скатилась слеза. Мне до боли захотелось прижать её к себе, но я сдержался, незаметно сжав пальцы в кулаки.

— При всем уважении... — немного испуганно начала Одетт, — ... я просто не имею права. Эбигейл потеряла работу, а это было главным условием договора. По всем правилам, я не могу...

— Можете, — перебил её, — и сделаете. Потому что эти люди — семья. И им важно быть рядом друг с другом.

— Как человек, которому небезразлично будущее маленьких сироток, — настаивала она, — подчеркну, что мисс Дэвис лишилась своего единственного заработка, а это значит, что более она не может обеспечить девочке достойную жизнь и дать образование...

— Вы не можете забрать её! — не выдержала Эбби. — Не можете лишить моей малышки!

На мгновение прикрыл глаза, услышав, как зарычал.

— Если проблема только в этом, то можете считать, что больше её нет, — яростно бросил ей. — Потому что мы с Эбигейл скоро поженимся, и я удочерю Аделю. Она получит лучшее образование. И я лично прослежу за тем, чтобы её

будущее было самым достойным.

Казалось, дар речи потеряли они обе.

Чувствовал, как ошарашена Эбби, но надеялся, что у неё хватит ума всё не испортить. На эмоциях эта девчонка творила черти что. А я — расплачивался за последствия.

— Я и не думала, что... — не менее изумленная миссис Харрис откашлялась, — Эбигейл, почему вы ничего мне не сказали? Если бы я знала, что такой мужчина, как мистер Бейкер, берет вас под своё крыло, то у нас бы никогда не возникло подобной проблемы.

Не дожидаясь ответа, Одетт нажала кнопку телефона.

— Да, миссис Харрис?

— Лидия, подготовь все необходимые документы, которые нужны для удочерения Аделаиды Саммерс и пришли их мисс Дэвис.

— Да, мэм.

— Мы начнем работу немедленно, — отчиталась она, снимая палец с кнопки. — Надеюсь, больше разногласий у нас не возникнет.

— Я тоже надеюсь на это, миссис Харрис, — вытащил из кармана визитку, — как только документы будут готовы — сообщите мне.

— Конечно, мистер Бейкер. Для вас мы всё сделаем за пару дней. Передавайте привет вашей сестре!

Видел, как Эбби дрожала, хотя и всячески пыталась это скрыть. Подошел к ней и, осторожно взяв за руку, повел из

кабинета.

Предугадать реакцию этой женщины было невозможно: в одну минуту она кроткая, слабая и наивная, а в другую — сильная, независимая и готова дать отпор. Вот и сейчас я не знал, какую из своих внутренних «сущностей» она выпустит — своевольную тигрицу или маленького беззащитного котенка.

Но она поддалась.

Молча последовала за ним.

Я мог бы гадать, будет ли она кричать или всё же поблагодарит, но не ожидал, что эта ненормальная сможет вновь меня удивить. Как только мы вышли, Эбби кинулась мне на грудь и, вцепившись в рубашку, уткнулась в неё лицом.

Застыл в оцепенении, наблюдая за её подрагивающими плечами, чувствуя появляющуюся на ткани влажность — она плакала. Тихо. Устало. Не сдерживаясь. Выплескивала боль, желая ощутить долгожданное облегчение. Ведь малышка теперь будет с ней. Всегда. Я обязательно об этом позабочусь.

— Эбби, — прошептал, надеясь, что она слышит, — всё кончилось.

— Обними меня, — тихо попросила она, — пожалуйста, Дарен, обними...

Ощутил, как от её слов сердце подпрыгнуло и сделало кувырок. А затем — как участился пульс. Никогда в жизни — никогда — я не испытывал ничего подобного. Только лишь

с ней чувствовал, как становлюсь кем—то другим. Как позволяю себе им стать.

Медленно приподнял руки, и осторожно, словно собирался коснуться хрустальной вазы, обвил ими её спину. Сквозь пальцы пробежал ток. Вероятно, он хотел оттолкнуть нас друг от друга, но, сам того не понимая, сделал наши объятия ещё крепче. *Еще значимее.*

Мы стояли так минуту, две, пять, десять? Я не знал.

Черт подери, не знал потому, что просто потерял счет времени.

Когда я чувствовал её запах, касался волос или смотрел в её глаза, то всё остальное прекращало иметь какое—либо значение. С ней важно было лишь *«здесь и сейчас»*.

Сегодня, стоя в кабинете, я неожиданно понял, что ради этой женщины готов был биться со всем миром. Сражаться с самым опасным, самым смертельным врагом и рисковать всем, что у меня было, лишь бы больше никогда не видеть, как она страдает.

Её слезы — для меня они были сравнимы с адским пламенем, в котором я горел день ото дня. Вот, чему у меня не было сил противостоять.

Но этот Дьявол внутри... я не знал, смогу ли когда—нибудь изгнать его. Именно это всё ещё продолжало держать меня на безопасном расстоянии *от неё*.

Только лишь это.

Завел двигатель автомобиля и медленно вырулил на дорогу. Эбигейл сидела на соседнем сиденье, положив голову между окном и спинкой кресла — её волосы спадали на лицо, не позволяя разглядеть ни одной отражающейся на нем эмоции.

Мы молчали почти всю дорогу, потому что я не решался начать разговор первым.

Да и что я мог сказать? Спросить, как она себя чувствует? Всё ли у неё в порядке? Или — нужно ли ей что—то ещё?

— Как ты узнал?

Её голос прозвучал так тихо, что показался выдумкой. Но когда она повернулась, я понял, что всё происходило по—настоящему.

— О чем? — уточнил, выходя на поворот.

— О том, где я, — прошептала Эбби, — и о том, что мне нужна помощь.

Помолчал, думая, стоит ли отвечать, но всё же решил сказать правду.

— Твоя сестра позвонила мне.

— Мэнди?

— Да, — ответил, замедляясь на светофоре. Эбби замолчала, отвернувшись к окну, и я понял, что сейчас самое время сказать ей о своём решении. — Соберите необходимые вещи. Завтра я перевезу вас к себе.

Заметил, как она напряглась.

— Перевезешь *к себе*?

— У меня есть небольшая квартирка на Мэдисон—авеню. Ты и девочки впредь будете жить там.

— Жить *для чего?* — её голос стал громче и увереннее. — Какая тебе с этого выгода?

Маленький и беззащитный котенок выпустил свои острые коготки.

И, черт возьми, этим она снова начинала выводить меня из себя!

— Я дал обещание, — сказал так, словно это всё объясняло. — И сдержу его.

Она внимательно смотрела на меня, изучая каждый нерв на лице, а затем, усмехнувшись собственным же мыслям, спросила:

— Даже если тебе придется жениться?

— Да, — тут же ответил, — потому что знаю, что такое семья.

Эбби замерла, словно не представляя, что может ответить, а затем отвернулась. В машине вновь образовалась тишина, и лишь стук моего сердца имел смелость её нарушить.

— Эта фикция не пошла бы на пользу твоей репутации, — наконец, тихо произнесла она. — А мне не хочется думать, что именно моя семья стала тому причиной. Поэтому, будет лучше, если я сама справлюсь со своими проблемами. Не вовлекая в них больше никого.

— Об этом стоило думать прежде, чем бросаться под чертову машину, — напомнил, понимая, что снова злюсь.

— Я не бросалась, это вышло случайно! — подчеркнула Эбби, сужая глаза и складывая руки на груди. — Зачем постоянно об этом вспоминать?

— Затем, что если ты всегда решаешь проблемы подобным образом, то сама точно не справишься!

— О, очень остроумно, — саркастично ответила она. — Долго формулировал свою мысль?

Сжал зубы, сильнее стиснул пальцами руль.

— Я больше ничего не хочу слышать, — еле сдерживаясь, заявил я. — Вы переезжаете на Манхэттен и точка!

— Нет! — бросила Эбби. — Мы остаемся в Гарлеме! И вот тут точно точка!

— Твою мать! — выругался, резко затормозив недалеко от её дома, а затем, почти полностью утратив всяческое самообладание, повернулся к ней. — Ты что, не можешь просто замолчать и сделать так, как я говорю?!

— А кто ты такой, чтобы я тебя слушалась?! — тоже взорвалась она. — Я больше даже не твоя подчиненная, не говоря уже о том, что ты не покупал меня и мою покорность!!

— Да даже если бы и купил, ты бы всё равно вечно со мной спорила!!

— Потому что имею собственное мнение и не собираюсь терпеть твои тоталитарные замашки!! Я буду сама распоряжаться своей жизнью!!

— Ты уже распорядилась ею вчера, и к чему это привело?! — заорал громче. — Уволившись с работы, черт знает поче-

му, ты подставила под удар самое дорогое, что имела — свою семью!! И если ты не перестанешь показывать свою гордость, то навсегда потеряешь Адель!!

Она осознала мои слова в одну секунду. Тут же. Её глаза смягчились и наполнились нескрываемым ужасом, а злость испарилась так же быстро, как и появилась.

Она знала, что я был прав. И понимала, насколько шатким было её положение — лишь один неосторожный шаг мог стать для неё роковым.

Возможно, ей не хотелось впускать меня в свою жизнь настолько глубоко, но страх лишиться самого дорогого был сильнее всего остального.

И я видел это по её взгляду.

Видел, что она приняла решение.

— Мы будем готовы к пяти, — спокойно произнесла она, отводя глаза и медленно отщелкивая ручку, — если тебя не затруднит, я бы хотела, чтобы за нами заехал Владимир... с ним мне будет спокойнее, — делая вдох, добавила Эбби, а затем быстро вылезла из автомобиля и, захлопнув дверцу, направилась к дому.

Она даже не представляла, какой болью сжалось сердце, оставшееся одиноко пульсировать в *моей* груди.

Все вещи были уложены к 17.00.

В дверь позвонили через две минуты, и к удивлению, за ней оказался Владимир.

Не понимая, испытываю досаду или облегчение, улыбнулась и впустила парня внутрь. Закинув сумки в багажник примерно за десять минут и, успев понравиться всей моей семье, он усадил нас в салон и всю дорогу не прекращал веселить своими рассказами.

Его истории были наполнены приключениями, мистикой, преданиями и обычаями, — разве такое могло не увлечь?

Я смотрела в окно машины, изредка улыбаясь, чтобы мои чересчур пронизательные сестры ничего не поняли.

Но остальное время думала лишь о Дарене.

И о том, что произошло вчера.

Не передать словами, что я почувствовала, когда увидела его в дверях кабинета. Это были одновременно и радость, и смятение, и благодарность, и паника — и я не представляла, что из этого проявлялось в тот момент сильнее.

Наверняка знала лишь одно: он оказался рядом, когда больше всего был мне нужен.

Когда я готова была сдаться, встал между мной и всем остальным миром, ясно дав понять, что готов защищать меня до самого конца. Готов биться за мою семью.

— Ну, вот мы и приехали, — раздался веселый голос Владимира, а затем он кивнул в сторону многоэтажки. — Ваш вон тот.

— Не шутите?! Тот громадный дом?! — Мэнди подскочила. — В нем же этажей сорок не меньше!

— А точнее, сорок девять, — улыбнувшись, уточнил па-

рень, — и ваш — самый последний.

– О Боже, обалдеть! — завизжала она и, как только машина остановилась, выскочила наружу.

– Некоторые никогда не взрослеют, — покачала головой Элли, выбираясь следом за сестрой.

– Они у тебя классные.

– Да, — ответила, чувствуя, как от его слов теплеет на душе, — это так.

– О, чуть не забыл, — он полез в карман и доставал оттуда несколько связок. Отобрав две из них, протянул мне. — Это девочкам. А эти лично твои, — он дал мне связку побольше.

– Мм—м, и какой здесь от чего?

– Смотри, — начал он, поочередно указывая на каждый ключ на связке, — от квартиры, от ячейки в холле, от сейфа в спальне — в целях безопасности советую держать его в другом месте, — от спортивного шкафчика...

– Спортивного шкафчика? — не выдержала, подняв на него взгляд.

– На первом этаже есть тренажерный зал: бассейн, сауна и прочее. Только для жителей дома. Так что... он в вашем полном распоряжении.

– Обалдеть! — восторженно воскликнула Мэнди в открытое окно, заставляя нас повернуть головы. — Это значит, что мы сможем ходить туда в любое время и совершенно бесплатно?

– Именно так, — подтвердил Владимир.

— Господи, я люблю тебя! — закричала она, расставляя руки в стороны. — Рай, я иду к тебе!

— Прости, — тихо рассмеялась, — обычно они не ведут себя так на людях.

— Тогда я просто счастливчик, — улыбнулся он, а затем подбадривающе заглянул мне в глаза. — Готова увидеть свой новый дом?

Кивнула, но задержалась в салоне еще на некоторое время, чтобы сделать глубокий, успокаивающий вдох. Лишь теперь, стоя перед красивым, высотным зданием я, наконец, в полной мере осознала, что делаю. А именно — круто и безрассудно меняю всю свою жизнь.

Мне было неловко принимать такого рода «подарки», а особенно от человека, с которым меня связывали отношения, определение которым я всё еще не могла найти. Но для того, чтобы защитить свою семью, я готова была пойти на многое. И из всего возможного списка вариантов, альтернатива переехать в фактически пустующую квартиру уже не казалась такой уж и безумной. Пусть даже это и означало переступить через свои чертовы принципы.

В конце концов, что значат наши принципы, если их отстаивание шаг за шагом ломает нашу жизнь? Забирает у нас что—то важное?

Легкое прикосновение к руке, заставило меня опустить взгляд вниз.

Адель стояла у меня под боком и немного растерянно

смотрела на переливающиеся окна многоэтажного дома.

— Боишься? — шепотом спросила я, опускаясь перед малышкой на корточки.

Девочка медленно завертела головой, а затем повернулась и заглянула мне в глаза.

— С тобой мне никогда не страшно.

— Как и мне с тобой, — ответила, нежно касаясь её щеки.

— Ты ведь всегда будешь рядом, правда?

Эти слова заставили меня невольно вздрогнуть.

— Почему ты спрашиваешь об этом?

— Я слышала, как Мэнди говорила по телефону. Она просила мистера Бейкера что—нибудь сделать, иначе миссис Харрис может меня забрать.

Я едва не задохнулась, чувствуя, как сжалось сердце. Больше всего на свете я боялась, что мою девочку вновь одолеют прежние страхи.

И что я буду не в силах ей помочь.

— Это правда могло случиться, — не стала лгать, обхватив пальцами её плечи, — но не случилось. И я сделаю всё, чтобы никогда не случилось. Ты просто должна верить мне.

Адель медленно обвила мою шею руками и уткнулась носом в волосы.

— Хорошо, — её тихое обещание значило намного больше, чем любые другие слова.

Я облегченно прикрыла глаза и крепче прижала к себе малышку, а затем поцеловала её в носик, заставив улыбнуться.

И дороже этой улыбки не было ничего.

Мы вошли в здание, и я заметила огромный холл, стойку ресепшн и целых четыре (!) лифта. Несмотря на то, что этаж у нас был самый последний, поднимались мы не долго — хвала скоростным механизмам! Повернув ключ в замке двери с табличкой «97А», я осторожно её распахнула: словно открыла новую главу своей жизни.

— Мне кажется, или эта квартира нереально огромна? — тихо спросила Мэнди, истерически хохотнув.

И по правде сказать, шок испытывала не одна она.

Когда вам говорят «у меня есть небольшая квартира на Мэдисон—авеню», вы ожидаете увидеть именно *небольшую* квартиру на Мэдисон—авеню, а не необъятные апартаменты, в которых не грех и заблудиться.

— Можно сказать и так, — усмехнулся Владимир, затаскивая сумки внутрь и ставя их на пол. — Это, как вы уже, наверное, поняли, коридор. Там небольшая гостиная, — продолжил он, указывая в сторону арки. — Рядом смежные с ней столовая и кухня. Сразу налево, — уточнил, пока Элли заглядывала за стену в том направлении, в котором двигалась его рука. — Ванную комнату мы прошли, она прямо при входе. Та дверь, — добавил он, разворачиваясь.

— А там что? — спросила Мэнди, указывая налево, на длинный коридор.

— О, там две спальни и детская. Еще одна спальня на втором этаже. Она совмещена с кабинетом и второй ванной ком-

натой. Там же и выход на небольшую летнюю веранду.

— Эта комната моей мечты! — слышался восторженный голос Мэнди, которая уже зашла в одну из дверей. — Она лиловая, в ней есть телек и огромный зеркальный шкаф!

— Вторая такая же, только серо—голубая, — немного замаявшись, объяснил Владимир. — Это тебя не расстроит?

— Шутите? — усмехнулась Элли. — Лучшей новости я в жизни не слышала.

— Биби, а где моя комната? — с интересом спросила Адель, ладошку которой я всё ещё крепко сжимала в своей.

— Принцесса Аделаида, позвольте мне сопроводить Вас в Ваши царские покои, — Владимир поклонился, подставляя ей свою руку. Я думала, что она испугается и вцепится в меня сильнее, но она неожиданно рассмеялась и сделала реверанс, с гордостью и радостью приняв его приглашение.

Детская оказалась настолько прекрасной, что бедняжка Адель сначала ахнула, после чего от счастья чуть не лишилась чувств — она решила, что раз уж её величали принцессой, то нужно быть ею во всём и до самого конца.

Спустя пару минут неопишуемого восторга, она принялась изучать кукольный домик и его жильцов, попросив не беспокоить её некоторое время.

Да, кажется, кое—кто довольно—таки быстро вжился в свою новую роль.

Комнаты девочек оказались не менее удивительными: элегантные, современные и со вкусом. В общем, их обладатель-

ницы были очень довольны.

От просторной черно—белой кухни в стиле хай тек я и вовсе пришла в экстаз. Учитывая, как сильно я любила готовить, это место определенно должно было стать моим самым любимым. И мне не терпелось его опробовать.

Но, несмотря на всю красоту первого этажа, комната наверху не поддавалась совершенно никакому описанию. Огромная двуспальная кровать, необъятная гардеробная, огромный плазменный телевизор и фантастическая ванная комната.

Этот Гордец всерьез называет свои трехсотметровые хоромы «небольшой квартирой»? Да, места здесь было меньше, чем в его пентхаусе, но определение «небольшая» явно было сильным преуменьшением. *Очень* сильным преуменьшением.

Когда они остались одни, а сумки были более или менее разобраны, я отправилась туда, куда меня тянуло большего всего — на кухню.

Владимир не соврал — холодильник и вправду был забит доверху.

Найдя все необходимые продукты, я приступила к приготовлению ужина.

Уже через полчаса по всей квартире разносился божественный аромат.

– Что готовишь?

Элли заглянула мне через плечо, но, когда потянулась к

кружочку огурца, схлопотала по носу.

– Эллисон Вирджиния Дэвис, где твои манеры?

– Она их потеряла, — весело заметила Мэнди, которой удалось украсть кусочек спаржи, но её попытки закинуть его в рот также не увенчались успехом.

– Тебя это тоже касается, — предупредила, но улыбнулась, когда сестра надула губы, — лучше накройте на стол. Мне осталось совсем немного.

– И всё же мистер Бейкер нереально крутой мужик, — перевела тему Мэнди, открывая шкафчик. — Он понравился мне с первой минуты.

– А я, как ни пыталась, так и не смогла его понять, — произнесла Элли, доставая бокалы. — Если Эбби уволилась, то почему он позволил нам въехать в эту квартиру?

Моя рука, которая до этого момента быстро нашинковывала зелень, замерла.

– Господи, Элс, перестань во всём искать скрытый мотив, — закатила глаза Мэнди. — Попробуй просто расслабиться и получать удовольствие.

– А разве тебе это не интересно, что им двигало? — не унималась она. — И почему человек, возглавляющий список самых безжалостных бизнесменов Нью—Йорка, вдруг вот так просто решил бескорыстно кому—то помочь?

– Нет, — честно ответила её сестра, начиная расставлять тарелки. — После долгих лет бедности и постоянный череды проблем нам, наконец—то, улыбнулась удача. И я не особо

рвусь узнать, что двигало пусть даже и бывшим начальником моей сестры, и почему он разрешил нам переехать в эту идеальную квартиру. Я хочу просто поверить в то, что на свете всё ещё есть люди, способные совершать добрые поступки и при этом ничего не требовать взамен. И тебе советую.

Я благодарно выдохнула, радуясь тому, что её наивная и немного неразумная сестра хотя бы иногда приносит своими недостатками пользу.

– Если всё, что о нем пишут в интернете — правда, то я очень сомневаюсь, что это был широкий жест его души, — настаивала Элли.

– О, Господи, Эллисон, просто будь благодарна!

– Я благодарна, но всё же считаю, что было не самой удачной иде...

От резкого звонка в дверь я бросила нож и помчалась в коридор.

– Я открою! — крикнула, почти убегая с кухни и на ходу вытирая руки полотенцем.

Я больше не могла смотреть, как сестры «играют в перепалку», даже не подозревая обо всём том, что произошло за эти недели. И О, Боги, сейчас я буду рада видеть кого угодно, лишь бы больше не слышать этой музыки!

Повернув ключ и распахнув дверь, подняла свои глаза — вся чертова уверенность, которая ещё недавно заполняла собой эту квартиру, рассеялась так мгновенно, словно её и во все никогда не существовало. *Вот же черт.*

– Здравствуй, Эбигейл.

– Миссис Харрис? — прошептала, в панике сжимая ручку.

– Уже много лет, — объявила она. — Могу я войти?

– Да, конечно, — быстро опомнившись, я постаралась больше ничем не выдать своего оцепенения. Пройдя вперед, Одетт повернулась ко мне, дождавшись, пока я закрою дверь. — Я... не ждала, что вы придете. Что—то случилось? Проблема с документами? Нужно моё присутствие?

– Нет, с документами всё в порядке. Пока, — добавила она так, словно что—то непременно должно произойти.

Ох, не нравилось мне всё это.

Одетт молчала, и я решила, что стоит пригласить её войти — хотя эта мысль совсем мне не нравилась. Но правильно говорят: нет худа, без добра. По крайней мере, я надеялась, что меня ожидает именно такой исход.

– Девочки, у нас гости, — объявила, входя в столовую, и, выражением своего лица показывая сестрам все одолевающие её чувства сразу.

– Миссис Харрис? — ошеломленно произнесла Мэнди. — Что—то случилось?

Стандартный вопрос адекватно мыслящего человека.

– Ничего. Просто захотелось проведать подопечную, — заявила, с высокомерием посмотрев на свою оппонентку. *Вот же ведьма старая.* — Кстати, а где Аделаида?

– Играет в детской, — ответила, взглянув на сестру, —

Элли, позови её, пожалуйста.

— Конечно, — кивнула она, беспокойно переглянувшись с Мэнди.

— Что—то готовите? — спросила Одетт, своевольно направляясь к плите. — Вкусно пахнет.

— Да, спасибо, — я немного замялась. — Мы собирались ужинать.

— Хм, — только и ответила она.

Снова это дурацкое «хм», которое никогда не предвещало ничего хорошего.

— Если хотите, оставайтесь, — предложила, ловя на себе потрясенный взгляд сестры. — Мы будем рады.

— Пожалуй, немного задержусь, — заметила её довольное лицо. *Да что же ты затеяла, змея...* — А ваш жених дома?

Мэнди едва не подавилась.

Черт. Черт. Черт. Ну почему всё так не вовремя...

— Нет, его нет, — собравшись с силами, ответила, пока моя сестра не сделала этого за меня и ещё больше всё не усложнила

— Что ж, — медленно протянула Одетт, одаривая меня каким—то не совсем доверчивым взглядом. — Очень жаль. Я думала, что мы сможем посидеть все вместе. Это значительно ускорило бы процесс оформления. Ах, какая чудная ваза, — восхитилась она, словно до этого и не намекала на то, что с документами, а значит и удочерением Адель, могут возникнуть проблемы.

О, Дарен... знал бы ты, как сильно сейчас нужен здесь...
Господи, а ведь у меня даже нет его номера! Но зато...

— Я могу ему позвонить, — быстро спохватилась, вспоминая, кто может мне в этом помочь, — Мэнди, милая, ты не могла бы дать мне свой мобильный? На моём села батарейка, — объяснила, когда Одетт одарила её оценивающим взглядом.

Мэнди замерла, и своим испуганным и виноватым взглядом в одно мгновение убила светлый лучик надежды, появившийся в моём сердце всего несколько секунд назад.

— Я разбила телефон сегодня днем... — её слова прозвучали, как приговор, — прости, я не сказала, потому что не хотела тебя расстраивать. Тайлер пытается что-нибудь придумать... Я думала, что всё уладится прежде, чем...

— Ничего страшного, дорогая, — неожиданно сказала Одетт, — мистер Бейкер купит тебе новый, ты и глазом не успеешь моргнуть. Ведь твоя сестра не зря составила такую выгодную партию.

Ведьма. Ведьма. Ведьма. О, как же сильно я её ненавидела! Намекнуть моей семье на то, что я повелась на деньги! Какой же стервой нужно быть?!

— А вот и мы, — Элли вошла в гостиную, крепко держа Адель за руку, и довольная Одетт тут же направилась к малышке. — Ади, поздоровайся с миссис Харрис.

— Здравствуйте, — послушно произнесла она, пока главная ведьма Нью-Йорка опускалась перед ней на корточки.

– Привет, Аделаида. Как твои дела?

– Спасибо, хорошо. А Ваши?

– У меня всё в порядке, — легко улыбнулась Одетт, поправляя выбившийся из прически локон. — Тебе нравится здесь жить?

– Да, — кивнула Адель, — у меня чудесная комната и много новых кукол. И дом очень большой.

– Это верно, — согласилась она. — А что скажешь о мистере Бейкере? *Он* тебе нравится?

Замерла, как и все в этой комнате. Мэнди потому, что уже кое—что понимала во всей этой истории, а Элли потому, что знала — эта женщина никогда не задает пустых вопросов. Они всегда несут особый смысл и от ответа на них очень многое зависит.

– Да, — прошептала Адель, — когда я потерялась в зоопарке, он меня нашел.

– Ты потерялась в зоопарке?

Блин. Блин. Блин.

– Случайно, — виновато сказала она.

– Может быть, поужинаем? — улыбнулась Мэнди, очень вовремя переводя тему. — Ади, милая, помоги мне накрыть на стол. Элли, будь так добра, достань для миссис Харрис ещё один прибор.

– У вас очень мило, — сказала Одетт, медленно поднимаясь. — Но такое ощущение, что вы въехали совсем недавно. В этом доме недостаточно... жизни, — после небольшой па-

узы заключила она, абсолютно точно желая до чего—то докопаться.

— Мы долго тянули с переездом, — ответила, приглашая гостью к столу. — И после почти здесь не жили. Мы с Адель гостили загородом. Элли уезжала на конференцию в Куинс, а Мэнди была со своим парнем.

— Как интересно, — отозвалась она, опускаясь на стул. *Как же мне не нравилось выражение лица этой Ведьмы. Она словно вынашивала какой—то план.* — Мм—м... курица с овощами и зеленый салат — выглядит аппетитно. Любите готовить?

С любопытством поинтересовалась она, выставя ладонь и давая Мэнди понять, что сама заполнит свою тарелку.

— Да. Очень люблю.

— А своего жениха, мисс Дэвис? — выстрелила Одетт. — Его вы любите?

Девочки смотрели на всё происходящее со смесью удивления и потерянности, и даже Адель, которая, возможно, и вовсе не понимала смысла разговора, следуя всеобщему примеру, застыла с вилкой в руках.

Не время молчать, Эбби. Не время.

— Я никогда не стану жить с мужчиной, к которому ничего не чувствую, миссис Харрис, — справляясь со страхом, заявила я. — И уж тем более, никогда за него не выйду.

— Весьма похвально, милая, — лукаво улыбнулась Одетт, складывая руки перед собой, — наверно, причина, по кото-

рой вы не носите помолвочного кольца, у вас тоже имеется.

— Даже, если и нет, — начала, пытаясь выглядеть как можно более невозмутимо, — вас, миссис Харрис, это, в любом случае, не касается. Такие подробности должны оставаться только лишь между невестой и её женихом.

Я почти мгновенно пожалела о своих словах, потому что лицо Одетт тут же приняло весьма обиженный вид. А обиженная женщина, как известно, способна абсолютно на всё.

— Так, где же ваш любимый, мисс Дэвис? — не стала более церемониться она. — Он вообще живет здесь? Или это очередная ваша ложь?

Под её пристальным взором даже самые самовлюбленные гордецы забывали, как нужно держать голову. Эта женщина доводила людей до отчаяния, умело пользуясь их слабостями и своими преимуществами.

— В моём доме никогда не лгут.

Резко повернула голову, почувствовав, как от знакомого и властного тембра мгновенно перехватило дыхание.

— Дарен... — его имя слетело с губ произвольно, раздавшись в стенах дома тихим, никому неслышным шепотом.

Он быстро взбежал на кухонный выступ, на котором стоял обеденный стол, после чего одной рукой облокотился о него, а другой — о спинку моего стула.

— Прости, милая, — тихо сказал он, нежно касаясь моей щеки, — пришлось кое—куда заехать.

Я ощутила целую стаю мурашек, которые от его нежности

мгновенно побежали по коже. От его близости каждая клеточка тела всякий раз медленно, но верно сходила с ума.

— Кхм, мистер Бейкер, рада вас видеть, — откашлялась Ведьма, её голос тут же изменился. А я бросила на неё свой победный взгляд. — А я просто...

— Обвиняли мою будущую жену во лжи, — закончил он за неё, продолжая возвышаться надо мной, словно оберегая от любых нападков. И не только со стороны Одетт.

— Конечно же, нет, — немного нервно рассмеялась она, — как Вы могли такое предположить! Мы с мисс Дэвис очень хорошо ладим, верно, дорогая? Я просто интересовалась, почему у такой красивой девушки нет кольца, но это, впрочем, совсем не важно! Мы живем в современном мире, так ведь? Можно и без него.

Она не переставала глупо улыбаться. Возможно, Дарен ждал, что я опровергну её слова, но я не стала. Никогда в жизни ни я, ни моя семья не опустятся до такого.

— Вы правы, — произнес Дарен, медленно выпрямляясь, — мы действительно живем в современном мире, и сейчас, когда девушка не носит помолвочного кольца — это не значит, что она лжет.

— Да—да, я не...

— Возвращаясь к тому, почему на пальце моей невесты его нет, — резко перебил он Одетт, явно не собираясь выслушивать её оправданий, — видите ли, миссис Харрис, я не очень хорошо разбираюсь в размерах. Наверное, это беда многих

мужчин. И, когда я делал Эбби предложение, кольцо оказалось ей слегка велико, и я отвез его мастеру.

Он достал из кармана небольшую бархатную коробочку темно—синего цвета, от одного взгляда на которую у меня снова перехватило дыхание. Открыл её и, вытащив оттуда колечко, не спеша опустился перед ней на корточки.

— Я забирал его для тебя, поэтому задержался, — тихо сказал Дарен, заглядывая мне в глаза. — Ты позволишь?

Инстинктивно кивнула, продолжая заворочено смотреть на мужчину перед собой, а затем неторопливо протянула ему свою руку. Когда он коснулся ладони, меня прошибло и отбросило куда—то назад, а когда стал осторожно надевать кольцо на палец — я ощутила, как замедляется её пульс. Это длилось всего несколько секунд, но как же сильно я хотела остановить время. Задержать это мгновение еще хотя бы на чуть—чуть.

— Какое прелестное кольцо! О, Эбигейл, ты настоящая счастливица! — защebetала Одетт, заставляя меня отвести глаза от Дарена и посмотреть на свою руку.

Мой палец украшало кольцо из белого золота, обрамленное несколькими небольшими бриллиантами по бокам и одним крупным посередине. Казалось бы, всё это должно было сделать меня счастливой, но тогда почему я чувствовала внутри пустоту?

— Признаюсь честно, миссис Харрис, — послышался грубый голос Дарена, — мы не были подготовлены к Вашему

визиту. У нас намечался тихий семейный ужин.

Медленно подняла глаза, ощущая, как сердце сжало в тисках.

Он только что назвал нас своей семьей...

— О, я понимаю, — кивнула Одетт, — и очень извиняюсь, что не предупредила Вас и мисс Дэвис. Но я была неподалеку, поэтому решила зайти...

— Чтобы что—то сообщить? — прервал он её, складывая руки на груди. — Я правильно Вас понял?

По лицу Ведьмы стало ясно, что Дарен снова зажал её в углу. Даже, если бы Одетт Харрис пришла сюда с совершенно иной целью, ни за что не позволила бы об этом узнать.

— Да, верно. И я хотела сделать это лично, — она натянуто улыбнулась, а затем перевела взгляд на меня. Было видно, что следующие слова дадутся ей крайне тяжело. — Документы почти готовы. Лидия вышлет их вам завтра утром. Но даже сейчас могу сказать, что... Аделаида уже может официально считаться вашей приемной дочерью. Поздравляю.

Мне показалось, что я вот—вот упаду — пусть даже и стараюсь крепко и ровно сидеть на стуле. Глаза наполнились слезами, а когда Адель с радостным визгом бросилась мне на шею — расплакалась, не выдержав, нахлынувших чувств.

Я обняла малышку и прижала её к себе, краем глаза замечая, что Мэнди и Элли так же тайком утирают слезы. *Вот, где было истинное счастье, и вот, что смогло заполнить пустоту в моей груди.*

Отдаленно слышала восторженные охи Мэнди — её восхищения кольцом, его размером и стоимостью. Но сконцентрироваться пыталась на другом.

Дарен почти тут же выпроводил Одетт из квартиры, умудрившись при этом соблюсти все нормы приличия и галантно довести её до выхода. Более или менее успокоившись, я ещё раз поцеловала Адель и, пообещав ей отойти всего на минутку, направилась к человеку, которому в этот самый момент была готова подарить абсолютно всё. Ему стоило только попросить.

— У тебя есть ключ? — тихо спросила она, как только за Одетт закрылась дверь.

Дарен ответил не сразу, поэтому понять, о чем он думал, я не смогла. Он сунул руки в карманы и лишь после этого повернулся.

— Здесь столько всего произошло, а тебя интересует, есть ли у меня ключ?

Он сказал это без злости или раздражения. Его голос был спокоен и тих. И уже в который раз я поразилась его многогранности.

— Как ты понял, что нужен нам?

— Я знал, что она не поверит в тот спектакль, что я устроил в её офисе, поэтому вместе со своей визиткой дал твой новый адрес, — объяснил Дарен. — Она бы ни за что не упустила шанс увидеть всё своими глазами и убедиться в собственной правоте.

— А если бы мы не переехали? — прошептала я. — Если бы я сказала «нет»?

— Ты бы не сказала.

Усмехнулась.

— Снова твоя самоуверенность?

— Нет. Просто ты слишком сильно любишь свою семью.

И на это у меня не нашлось ответа. Ведь он был прав — моя любовь была слишком сильна. Жертвенна. Безрассудна. За близких людей я была готова даже умереть.

— Если я сейчас же не поем, то первичноротые в моём желудке затанцуют чечетку! — прокричала Мэнди, заставляя остальных своих сестер рассмеяться.

— Я тоже очень голодна! — вслед за ней заголосила Элли.

— Иди, — велел Дарен, выпуская руки из карманов, — тебя ждут.

— Останешься?

Вопрос слетел с языка непроизвольно и, возможно, я уже немножко о нём жалела, но сердце выражало совсем иные чувства. И надеялось на простое «да».

— Пожалуйста. — тоненький голосок заставил меня повернуться, а Дарена лишил возможности отказаться.

Адель, ещё секунду назад стоявшая у стены, подбежала к нему и осторожно вложила свою маленькую ладошку в его большую.

— Я бы очень хотела, чтобы ты остался.

Я не знала, что именно испытывал Дарен и какими были

его мысли, но от того, как он смотрел на малышку, осознавала — эта девочка сумела тронуть его сердце.

Когда жесткий и безжалостный человек, коим его все считали, поддался мягким уговорам и прошел внутрь, крепче сжав крохотную ручку, я поняла, что именно скрывала его толстая и практически непробиваемая броня.

В это самое мгновение я увидела его бессмертную сущность. И в это же мгновение убедилась в том, что его душу всё ещё можно было спасти.

21. Дарен

Первое декабря. Начало зимы. Начало времени, когда весь Нью—Йорк окутывает предрождественская световая паутина, мягко и бережно опускаясь на сказочный город.

Такого количества и разнообразия огней невозможно увидеть больше нигде.

И именно в декабре это удивительное зрелище достигает своего наивысшего пика — разноцветными и блестящими гирляндами опутана каждая веточка каждого дерева, повсюду можно увидеть украшенные ёлки: большие и малые. Цепь яркого света тянется по всем улицам и переулкам, а магазины соревнуются друг с другом, устраивая на фасадах фантастические световые шоу.

Для кого—то это самое лучшее время года, наполненное волшебством и чудесами, но для таких, как я — очередной месяц очередного года, который в очередной раз может принести очередную прибыль моей компании. На этом всё. Никакой магии в этих днях нет.

И, если я прав (а я прав), то остаются совершенно непонятными мой утренний поступок и моя рука, поставившая подпись на контракте.

Казалось бы, что в этом магического, волшебного и необычного?

Ведь я совершаю такие сделки постоянно.

Но необычной была не сама сделка, нет, а то, с кем я её заключил и то, что *сам* пришел к своему потенциальному клиенту. *«Дело совершенно не в том, богат человек или беден. А в том, что у него за душой. Его желания, мечты — вот, что важно»*, — слова Пола, пусть и сказанные сгоряча, с того самого дня не выходили у меня из головы.

У Дарена Бейкера проснулась совесть — это вы хотите сказать?...

Я не знал, как правильно это назвать. Правда, не знал. Но что—то совершенно чуждое, то, что раньше я прятал где—то глубоко внутри, сегодня взяло за руку и потянуло в маленький магазинчик в Бруклине.

Сэмюэль Дилэни — так звали уже немного седоволосого мужчину в серых, слегка потрепанных брюках, белой рубашке и синем шерстяном жилете — по—доброму улыбнулся мне и предложил выпить с ним чаю.

И даже после напоминания о том, кто именно перед ним стоит — ничего не изменилось. Он вел себя так, словно ничего не было. Так, словно я не отказал ему, разрушив давнюю мечту, не унизил, не обидел.

Разве такое бывает? Разве люди могут быть настолько добрыми внутри?

Перевел глаза на настенные часы — было почти пять.

Интересно, чем она сейчас занималась?

Сидела дома или гуляла по городу?

Возможно, готовила ужин или ехала в садик за Адель.

Не выдержав, взял мобильный и начал набирать сообщение:

«Ты получила документы? Как всё идет?»

Уже в который раз поблагодарил удачное стечение обстоятельств, а точнее — Мэнди, которая предложила им на «экстренный случай» обменяться номерами. И эта была её лучшая идея. Так они могли быть точно уверены в том, что при любой необходимости, смогут связаться без каких—либо проблем. Конечно, я видел, с какой осторожностью она давала своё согласие, и теперь мог только предполагать, *как именно* она ответит на сообщение, да и ответит ли вообще.

«Подписали полчаса назад. Думала, Грант тебе сказал».

Грант... конечно, он сказал мне.

Позвонил сразу же, как только всё закончилось, и сообщил, что никаких проблем не возникло. Он был лучшим в своем деле, и я не сомневался, что при необходимости выложится на все сто процентов, вот почему поручил удочерение Адель именно ему.

«Иногда он забывчив», — напечатал, думая о том, что если бы это действительно было так, я бы уже давно открутил своему юристу голову.

Ответ пришел почти тут же:

«Я знаю, что этих слов будет мало после всего того, что ты для нас сделал, но... спасибо. Ты спас мою жизнь. Снова».

Я долго смотрел на текст, не понимая, как подобрать подходящие слова.

Что мне на это ответить?

«Не за что», или *«Я не мог иначе»*, или опять напомнить ей, что всё это случается лишь из—за её хронической жажды искать приключения на свою пятую точку? Нет. Всё не то. Лучше написать, что её благодарность мне не нужна. И это будет правдой.

Я не любил, когда кто—либо говорил «спасибо» и сам никогда не благодарил. Однажды отец преподавал мне хороший урок — один из тех, которые не забывают.

Вот и я не забыл.

Вибрация отвлекла меня от мыслей. И я снова посмотрел на экран.

«Не волнуйся, я больше не доставлю тебе проблем. Мы сегодня же осв. кв.».

Осв. кв? Это что ещё за хрень?

Снова вибрация:

«И деньги... я отдам всё до цента. Включая каждое причиненное тебе неудобство».

Зарычал, сильнее сжимая телефон в руках.

Она воспринимала мои действия, как услугу. То, за что платят, а не то, что делают за так. Всерьез считала, что мне нужны деньги. Всерьез полагала, что я не способен сделать что—то и при этом не потребовать расчёт. В её глазах я оставался всё тем же жестоким и бессердечным чудовищем, ко-

им и был. Конечно, я и не думал, что она увидит во мне кого—то другого, но тогда почему при одной лишь мысли об этом сердце так сильно сжималось? Почему я чувствовал эту необъяснимую, тянущую боль?

Стук в дверь заставил меня сморгнуть.

— Входите, — крикнул, кидая смартфон на стол. Я разберусь с этим позже.

— Мистер Бейкер. Сэр.

— Да, Владимир, — развернулся в его сторону, складывая руки на столе, — что—то случилось?

— Мисс Дэвис попросила меня приехать, и я хотел бы узнать, могу ли... — он указал рукой на дверь, похоже даже не замечая, как я при этом вжался в кресло.

— Зачем она попросила тебя приехать? — спросил, пытаюсь контролировать свой голос. Потому что в этот самый момент мне захотелось сильно заорать.

— Помочь перевести вещи, — на выдохе ответил он так, словно рассказал что—то, от чего с его плеч свалился огромный камень. — Она сказала, что все проблемы уже решались, и она хочет вернуться домой. Ну, в Гарлем.

Какого хрена она заявила об этом не мне, а Владимиру?!

Какого хрена вообще приняла такое решение?!

— Сэр, она сказала, что Вы всё знаете.

Твою мать! Если бы я знал, то не сидел бы сейчас здесь! Из всей той переписки, что между нами произошла, Эбби заикнулась лишь про деньги — что, кстати говоря, тоже поигра-

ло на струнах моей Бешеной Арфы, — но ни единым словом не обмолвилась о том, что собирается съехать!! И как мне, черт подери, это понимать?!

Почувствовал, как Зверь зарычал.

Глаза налились гневом, пальцы непроизвольно сжались в кулаки, а тело превратилось в раскаленный металл. Бросил взгляд на телефон, поймав два несуразных слога, значение которых до этих самых пор совершенно не мог понять.

Осв. кв. Несколько букв, не имеющих абсолютно никакого смысла, являющиеся опечаткой или обыкновенным бредом — так мне казалось. Но теперь голове всё, наконец, встало на свои места.

Осв. кв. означало — освободим квартиру. Эбби написала: «*мы сегодня же освободим квартиру*», а я не смог этого понять. Не смог прочитать между строк.

Дьявол!

– Ты свободен, — прохрипел. — Я со всем разберусь сам.

Владимир склонил голову, а я, схватив свой пиджак, вылетел из кабинета, на ходу засовывая мобильник в карман.

– Меня не будет до конца дня, — гневно бросил, заставляя свою помощницу подскочить. — Скажи Холли, пусть закончит с контрактом.

Элис тут же кивнула, а её пальцы потянулись к трубке.

Достигнув лифта, с силой стукнул по кнопке.

Эта девчонка окончательно сведет меня с ума! Я так злился на неё, что готов был придушить голыми руками! Она

могла вывести меня из себя одним только взглядом. Могла заставить послать к черту свои принципы, которые всю жизнь являлись для меня священными.

Она была ангелом с характером дьяволицы.

И медленно, но верно утаскивала меня в свой персональный Ад.

Завел мотор и резко тронулся, заставляя шины завизжать по асфальту. Разгонялся, лавируя между другими машинами, крепче стискивая руль и с каждой секундой увеличивая скорость. Я желал, чтобы стрелка спидометра достигла своего пика, чтобы помогла сильнее сковать цепями Зверя внутри — иначе я просто убью эту женщину.

Выкрутив руль, и резко затормозив у знакомого здания, выбрался из машины и практически вбежал внутрь, всё это время стараясь настроить себя лишь на одно — *главное, не сорваться.*

Поняв, что оставил ключ в пентхаусе, позвонил в звонок, а затем постучал, пытаясь не думать о том, как сильно мне хотелось выбить эту хренову дверь с ноги!

Шаги послышались сразу. Замок несколько раз повернулся, а затем дверь распахнулась. Эбби подняла на меня глаза, и я успел уловить в них удивление и одновременно волнение. Но совсем не ожидал, что увижу, как в них появляется штиль.

— Что—то случилось? — подумать только, с каким спокойствием она говорила.

— В моей жизни случилась ты, — сказал сквозь зубы, проходя в квартиру.

Услышал, как она закрыла дверь и развернулся.

— Снова не в духе? — выдыхая, спросила она, складывая на груди руки.

— Не играй со мной, когда я в гневе, — предупредил, подходя ближе. — Иначе пожалеешь о каждом своём слове.

— Я и не играла, — как ни в чем не бывало, ответила Эбби. Только сейчас её голос стал тверже. — Ты действительно не в духе.

Она обошла меня и направилась в сторону кухни, а я, кое—как сдерживаясь, последовал за ней.

— И виной этому ты!

— Какая новость! А я уж было расстроилась, что привилегия раздражать тебя досталась кому—то другому!

Снова зарычал, еле удержавшись от того, чтобы не долбануть кулаком в стену.

— Какого дьявола ты удумала съезжать?! — она помолчала и, дойдя до столешницы, облокотилась о неё руками. — Решила в очередной раз показать свою гордость?!

— Причина тебя не касается, — спокойно сказала Эбби, — это только моё решение.

— Правда? — сделал два больших шага, резко схватил её за руку и развернул к себе. — Но только вот ты не имеешь права принимать такие решения одна.

— Почему? — вызывающе спросила она. Её глаза потем-

нели. — Потому что после того, как ты надел мне на палец кольцо, я должна советоваться *с тобой*? Это ты хотел сказать?

Её слова ударили хлыстом по обнаженной коже, но ч не подал виду. Я умел терпеть.

— Та помолвка ничего не значила, — хрипло отозвался, скорее пытаюсь уверить в этом самого себя. — Это был просто спектакль, и ты прекрасно об этом знаешь. — она будто вздрогнула от услышанного, но сделала и всё возможное для того, чтобы умело это скрыть. — Но в твоей жизни есть люди, которые заслуживают решать такие вопросы вместе с тобой. Это твоя семья, Эбигейл. Сестры, которые будут идти с тобой бок о бок, и которые так же имеют право голоса.

Она резко выдернула запястье из моей хватки.

— В этой семье решаю только я, — подобной жестокости в словах и во взгляде, как сейчас, я не видел ещё никогда. От нежной и милой Эбби в один момент не осталось и следа. — Много лет я пыталась вытащить нас из ямы, в которой мы оказались. Это были долгие и мучительные годы, наполненные болью, страданием, отчаяньем и трудом. Каждодневным, кропотливым и порой слишком непосильным. Мы пробивали себе дорогу вот этими руками, — она подняла свои ладони вверх, — и каждую минуту я просила своих сестер надеяться и тихо молиться. Даже тогда, когда сама не знала, стоит ли. Когда уже не верила, что хоть кто—то услышит эти мольбы. Да, мы никогда не знали подобной роско-

ши, — усмехнулась она, — потому что там, где мы выросли, её просто нет. Мне было двенадцать, когда жизнь, которую я любила, превратилась в ад. Мэнди было пять, а Элли всего год. Мы оказались на улице, и единственным местом, где могли получить еду и одежду, был приют. Именно он стал нашим домом. И каждый час пребывания в нём мы боролись за жизнь.

Увидел мимолетный страх в её глазах, и понял, как больно ей было. До сих пор.

– Я защищала своих сестер со дня их рождения. И не перестану делать этого после смерти. Твоё кольцо, — она бросила драгоценность на стол, следом за ним полетел бумажный конверт, — и твои деньги. Спасибо за всё. Но дальше мы справимся сами.

Задержал свой взгляд на кольце, а затем слегка усмехнулся.

– Не справитесь.

Эбби замерла на половине пути. Остановилась, а затем не спеша повернулась.

– Что ты сказал?

– Что вы не справитесь, — повторил, встречая её взгляд. — И не потому, что в тебе недостаточно силы, а потому, что теперь твоя жизнь находится в моих руках.

– Это не так.

– Так, — ответил, двигаясь в её сторону. — Вспомни это чувство. Когда ты находишься на самом краю обрыва, и от

твоего следующего шага зависит всё. — Заметил, как на её лице промелькнула тень страха. — Вспомнила, верно? А теперь вспомни, кто в эти моменты оказывался рядом, — двигался неторопливо, почти шептал. — Решал твои проблемы... тянул от утеса назад... не позволяя каждый раз, снова и снова, лететь с него вниз. — когда подошел к ней вплотную, услышал, как гулко стучит её сердце. — Ты *зависнешь* от меня. И понимаешь это.

— Нет, — завертела головой она, — я отдала тебе деньги. Вернула кольцо. Ушла с работы. И больше ничего тебе не должна.

— Ошибаешься, — её аромат окутал каждый миллиметр меня. — У тебя есть неоплаченный долг. И я собираюсь его забрать.

Эбби подняла на меня глаза. Она боялась. Всё ещё боялась, как бы усердно не старалась доказывать обратное.

— Чего ты хочешь?

— Свои призы, — ответил, резко разворачиваясь к окну, — не так давно мы заключили пари, правила которого ты приняла. Из пяти благодарностей, которые мне полагались, была использована лишь одна. А остальные четыре всё ещё нет, — немного помолчав, повернулся к ней лицом. — Пришло время потратить их.

— А если я откажусь? — тихо, но гордо спросила она. — Заставишь меня силой?

— Скажем так, я имею рычаги, на которые смогу надавить,

когда захочу. Это не лучшие методы, но самые действенные. Тебе придется выполнить все условия хочешь ты этого или нет, но можешь сама выбрать способ, — не сводя с неё взгляда, опустился на кожаный диван. — И почему—то мне кажется, что ты способна мыслить здраво.

Эбигейл замерла, заново прокручивая в своей голове мои слова. Она понимала, что я не шучу. Прекрасно осознала, что у меня достаточно власти и уверенности для того, чтобы заставить её подчиниться. И именно поэтому не спешила с ответом.

При всей своей вспыльчивости и редкой безрассудности, она была умной и здравомыслящей. И я знал, что недавние события вынудили её стать менее гордой — теперь она думала прежде, чем сделать или сказать что—то, что могло навредить её семье.

— Что тебе нужно? — спросила она, и мой Зверь победно заликовал.

Мне бы хотелось ответить иначе, хотелось бы произнести то, что я ощущал рядом с ней, но сказал лишь то, что четко спланировал в своей голове:

— Чтобы вы остались.

Она молчала, наверное, около минуты, — по крайней мере, так мне показалось, — а затем я услышал:

— Что—то еще?

Эбби внимательно смотрела на меня. И по выражению её лица я понял — она злилась. Очень сильно злилась.

– Ты забереешь свои деньги обратно. Они мне не нужны. Теперь и впредь.

– Как скажешь, — согласие далось ей тяжело. Она произнесла его раздраженно, но сдержанно, повинувшись его приказу и, в то же время, борясь с ним.

Эбби подошла к столику и взяла с него свежий номер Нью-Йоркских времен. Опустилась на другой конец дивана и, раскрыв газету, зарылась в неё с головой. Мы сидели так минуту или две. Может, больше. Чертовка делала вид, что не замечает меня. Словно меня тут нет. *Показывает характер.*

– И долго ты будешь так сидеть? — не сдержавшись, рявкнул.

– Столько, сколько захочу, — услышал, — если, конечно, ты снова не прикажешь мне. Ведь, о, какое счастье, у тебя есть ещё целых два желания!

– И я обязательно потрачу их, — прорычал, — можешь в этом не сомневаться.

– А знаешь, я и не сомневаюсь, — Эбби опустила газету вниз, и я встретился с её бешеным взглядом. — Ты умеешь лишь приказывать и шантажировать! Ах да, и ещё у тебя отлично получается манипулировать! Остальных человеческих талантов ты попросту лишен!

– Да, я такой, — рыкнул, приходя в бешенство, — и мне это нравится!

– Но *мне* не нравится! — чертовка вскочила на ноги, бросая газету на стол. — Не нравится, что приходится подчи-

няться! Не нравится, что приходится зависеть от человека, который ничего не делает без выгоды для себя!

— Об этом нужно было беспокоиться прежде, чем связываться с таким Чудовищем, как я! — громко объяснил, тоже поднимаясь. — И прежде, чем ложиться с ним в постель!

Она не ожидала этих слов. Признаться, я и сам не ожидал.

— Я легла в постель не с Чудовищем, — прошептала она, делая ко мне шаг, — а с мужчиной, который всеми силами пытается с ним бороться. И пусть та ночь была ошибкой и ничего не изменила, ни единой секунды я не потрачу на сожаления об этом. Никогда.

Мы долго смотрели друг на друга, а затем Эбби отвела свои глаза. Я последовал её примеру, но уловил взглядом красные овальные линии, которыми была очерчена одна сторона газеты. Потянулся к ней и, взяв в руки, пробежался по выделенным фрагментам. Рыкнул и сжал пальцами бумагу, чувствуя, как на меня вновь накатывает волна гнева.

— Что это?

Поняв, что я всё равно уже обо всём догадался, она решила не юлить.

— Я ищу работу.

— По—твоему для *таких мест* это подходящее определение? — крикнул, пытаясь не убить её за то, какие отвратительные и «грязные» заведения она выбрала.

— У меня нет образования, ясно? — развела руками Эбби. — Ночные клубы и забегаловки в Гарлеме — единственные

мои варианты!

Заметил наполовину заполненную анкету, вложенную в газету. Место и должность на ней заставили окончательно рассвирепеть. Сорвался и порвал её вместе с газетой, вынуждая Эбби ахнуть и расширить глаза.

— Что ты делаешь?! Я почти получила эту работу!!

— Уличной девкой ты работать не станешь, — прошипел я. — Усеки это.

— Это должность официантки!

— В таких заведениях это сути не меняет.

— Отлично! — вспыхнула она, наблюдая за тем, как её будущее рассыпается на части. — И что прикажешь делать? Как мне платить за эту огромную квартиру, в которой ты почти насильно заставил нас остаться, и главное, как кормить свою семью? Деньги, как известно, с неба не падают!

— Тебе не нужно платить за квартиру, — всё ещё злясь, пояснил я, — эта обязанность всегда лежала на мне. Так будет и впредь. Что касается еды — каждую неделю сюда будет приезжать Владимир, закупаясь по твоему списку всем необходимым.

— А если я захочу купить что—то еще? Где мне тогда взять деньги?

— Скажешь мне — я выпишу чек.

Эбигейл усмехнулась, невольно прикрывая глаза и качая головой, словно не до конца веря в услышанное. Она немного помолчала, а затем всё же подняла на меня взгляд.

– Это шутка, да?

Она не ждала ответа, потому что прекрасно знала, что перед ней стоял человек, не привыкший шутить. Эбби подошла к двери, с которой их разделяло всего несколько шагов, и лишь, открыв её, наконец, заговорила:

– Я никогда не буду ничьей содержанкой. Ты тоже усеки это.

В любой другой ситуации, с любой другой женщиной, я, наверное, поступил бы так же, как и всегда — заставил бы её раз и навсегда понять, чем может обернуться следующая подобная выходка. И эта любая другая никогда снова не посмела бы заговорить со мной подобным образом. Она склонилась бы передо мной голову и стала почитать, как Бога.

Но эта женщина была совсем другой. Да, она злила меня, и порой мне хотелось её придушить, но никогда в жизни я не посмел бы вынудить её опуститься передо мной на колени. Никогда бы не допустил такого унижения. Только не с ней.

– Думаю, тебе пора, — прошептала, давая понять, что более не желает меня видеть.

Я ничего не сказал. Сделал несколько шагов и переступил порог.

Дверь захлопнулась почти тут же, заставив ощутить, как что—то внутри встрепенулось, подпрыгнуло и сжалось.

Я почувствовал боль, но лишь сильнее стиснул зубы — так было нужно.

На улице меня встретили холод и темнота. Ночь была мо-

им любимым временем суток, поэтому, решив, что заберу машину утром, свернул в переулок, ведущий к дому более длинным путем. Я не понимал, как объяснить то, что эта девочка заставляла меня испытывать. Но в одном был уверен — мне хотелось, чтобы она была рядом. Хотелось оберегать её, забирать печали и дарить счастье. От её улыбки, смеха и запаха я сходил с ума. Она доводила меня до безумия, но вместе с тем, заставляла становиться другим.

Она делала меня Человеком. Пусть и всего на время.

– Тащи её живее, пока нас не заметили.

Голос неподалеку заставил меня замедлить шаг.

– Скажем, что сняли шляху, — усмехнулся другой, — девка всё равно не сможет возразить.

Говорили двое мужчин. Я разглядел их силуэты и, уйдя в тень, прислушался.

– Нахрена ты подсыпал ей столько наркоты? А если она содохнет от передоза? — первому мужчине, судя по голосу, было около тридцати, и он явно злился.

– Ты прав... будет жаль, если я не успею насладиться такой красоткой.

Вгляделся в темноту. Второй мужчина прислонил девушку к стене в переулке, пока она безвольно, словно кукла, пыталась устоять на ногах.

– Ты что, собираешься сделать это прямо здесь? — прохрипел первый. — Дик, ты спятил?!

– Лучше на шухере постой.

Первый выругался, но всё же отвернулся, изредка поглядывая то направо, то налево. Мне показалось, что руки второго потянулись к краю короткой юбки. Ублюдок сильнее прижал девушку к бетону, а другой рукой схватил за волосы.

— Пожалуйста... — её шёпот был слышен едва, но я сумел уловить в нём страх.

— Тише, детка, не переживай, — успокаивал её, расстегивая ремень, — тебе и со мной понравится.

— Нет... прошу...

— Кончай уже с ней! — рычал первый. — И заткни рот, чтобы не хныкала! Ненавижу бабье нытье...

— Как эпично, — произнес, а затем вышел из тени и мгновенно отправил свой кулак прямо в его нахальную рожу.

— Твою мать, — застонал ублюдок, хватаясь за свой разбитый нос.

Схватил его за шиворот и со всей силой долбанул мордой о своё колено. Когда ещё один кулак прилетел ему в живот, он снова застонал и, корчась от боли, упал на асфальт.

— Клайд хватит измываться! — не повернувшись, ухмыльнулся Дик, раздвигая девушке ноги, пока та беспомощно извивалась. — Иди и себе найди девку.

Когда девушка повернулась, я замер.

Эти синие глаза и растрепанные светлые волосы... нет, я просто не мог ошибаться.

Она выдохнула, а затем посмотрела прямо на меня. Она узнала меня. Я мог бы поклясться, что узнала. Заметил её

потекшую тушь, размазанную помаду и совершенно беззащитное состояние, и ощутил, как волна ярости накатила с удвоенной силой.

— Повернись... идиот... — прохрипел его друг, закашлявшись, и, когда тот развернулся, я отправил кулак и в его морду.

Ублюдок отлетел в сторону, ударившись о стену, но следующий мой выпад предупредил — нагнулся, отправляя свой кулак мне в живот.

— Что? Решил заделаться героем? — спросил он, сплевывая кровь. — Тебе со мной не справиться. Я — Зверь!

— Да, — ответил, выпрямляясь, — как раз хотел сказать тебе то же.

Зарычал и долбанул по легким, перекрывая ему кислород, а затем впечатывая в стену. Ублюдок больно влетел в камень, но пригнулся перед новым ударом и, схватив меня за ноги, отправил его на асфальт. Я перехватил его кулак и, отшвырнув, поднялся.

— А ты неплохо дерешься, — запыхавшись, признал Дик.

— Так же, как и ты болтаешь, — снова ударил, но теперь уже прямиком в челюсть.

На время ублюдок потерял ориентацию, но вскоре собрался и, пригнувшись, нанес мне удар в ребро. Я должен был взреветь, но не почувствовал абсолютно ничего. Всё, что ощущал — дикая злость, которую почти не имел сил контролировать. Если мой Зверь захочет, то отправит ублюдка на

тот свет. А он очень сильно этого хотел.

Сделав разворот, сбил парня с ног и, воспользовавшись его растерянностью, схватил за куртку и снова ударил в лицо. Затем ещё раз и ещё. Бил со всей свирепостью. Забывая о том, что могу убить. А, возможно, прекрасно об этом помня.

Удары сыпались чаще, я совершенно терял контроль, не слыша мольбы того другого, который просил оставить его друга в живых.

Но разве эта мразь заслуживала жить? Разве заслуживала?

— Пожалуйста... — почувствовал, как дрожащая рука легла мне на плечо и только тогда остановился. — Не надо... умоляю...

Услышал тихие всхлипы, а затем ощутил, как рука скользнула по пиджаку вниз. Повернулся, поймав и прижав обесиленную девушку к себе. Она заплакала сильнее, а затем осторожно обняла меня за шею.

— Забери эту тварь, иначе ему не жить, — прохрипел, и Клайд судорожно закивал, меля что—то о том, как сильно он мне благодарен.

Дьявол! Да если бы она не попросила, я бы сломал ублюдку шею! И ничуть бы об этом не пожалел. Стараясь не замечать того, что происходит за спиной, крепче сжал подрагивающее тело — если я повернусь, мой Зверь закончит то, что начал и его уже ничто не сможет остановить.

— Меня так клонит в сон... — её шепот прорезался сквозь сознание.

Я слегка отстранился, а затем разжал пальцы.

— Накинь это, — набросил пиджак ей на плечи, и лишь после того, как она кивнула, решился взять её на руки, позволяя уткнуться лицом в рубашку.

Когда мы подходили к дому, она разжала пальцы, позволив руке безвольно сползти вниз. Она уже не плакала: её глаза были закрыты, а дыхание почти полностью выровнялось.

Входя в здание, старался не думать о том, что, несмотря на нашу постоянную веру в лучшее, опасения о худшем всегда крадутся где—то рядом. И поджидают своего часа.

Служащий в холе, который уже довольно давно знал своего жильца, снял очки, приготовившись получить указания. И он их получил.

— Позвони в «97А». Пусть откроют. И позови доктора Эмерсона. Он нужен мне.

— Да, мистер Бейкер, — не задавая вопросов, мужчина потянулся к телефону.

Выходя на нужном этаже, встретился взглядом с её синими, взволнованными глазами. Когда Эбби увидела, кого я нес на руках, еле сдержалась, чтобы не закричать.

— Боже... нет—нет—нет, скажи, что это не то, о чем я думаю... — её голос сорвался, и она ухватилась за край стены.

— Эллисон, — посмотрел на не менее испуганную сестру, — уведи Адель в комнату.

— Что с ней? — спросил доктор, заходя за мной в квартиру и сжимая в руках черный чемодан.

– Наркотики и попытка изнасилования, — постарался сказать как можно тише, но Эбби всё равно услышала.

– Уведи её, — попросил Эмерсон, мгновенно принимаясь за осмотр.

Повернулся к потерявшей себя от ужаса Эбби, которая отчаянно вертела головой.

– Нет... нет, я никуда не пойду...

– Дай ему несколько минут, — осторожно коснулся её поддрагивающих плеч, — я обещаю, что Мэнди будет в полном порядке.

Она подняла на меня глаза — стеклянные, потерянные, полные безысходности и злости. Злости на себя за то, что не смогла защитить дорогого человека.

Мне было слишком хорошо знакомо это чувство.

Эбби позволила мне вывести себя из комнаты. Её руки дрожали, а по щекам ручьями текли слезы. Когда я принес ей воды, она уже не плакала — просто отстраненно смотрела в одну точку в стене, пытаясь понять, что и когда сделала не так. Они молчали ещё несколько минут, а затем я услышал:

– Ты был там... видел, как... — она запнулась, резко выдыхая. — Расскажи мне.

– Не думаю, что тебе стоит знать подробности, — тихо отозвался, и Эбби зажмурилась, пытаясь удержать в себе боль, которая безжалостно рвала её на части.

Я всё ещё как наяву ощущал запах крови того ублюдка, всё ещё помнил его омерзительную ухмылку и чувствовал,

как пальцы снова безвольно сжимаются в кулаки.

— Твои руки... — её содрогнувшийся шепот заставил перевести взгляд.

Засунул их в карманы, а затем отстранился.

— Всего лишь царапины.

Ощущение, что она внимательно смотрит на меня, пробирало каждую клеточку тела, и, наверное, я бы даже снова услышал её голос, если бы не открылась дверь.

Эбби тут же поднялась.

— С вашей сестрой всё хорошо, Эбигейл. Не переживайте. Я сделал ей укол и дал таблетки. Передозировки нет. Она очнулась и чувствует себя гораздо лучше.

— Я могу...

— Вы обязаны, — настоял он, и Эбби, прошептав, как сильно ему благодарна, влетела в комнату. — Её жизни ничто не угрожает, — он повернулся ко мне, — но я всё же выписал ей некоторые лекарства. Проследи за тем, чтобы она их принимала.

— Да, — без раздумий ответил, принимая из его рук рецепт, — я понял.

Он хлопнул меня по плечу, а затем я проводил его до двери.

Еще некоторое время сидел на диване и, опустив голову и закрыв глаза, думал о том, что могло бы случиться, пойдя другой дорогой. Что было бы с жизнью невинной девятнадцатилетней девушки, если бы по воле случая меня просто

там не оказалось? Что же это за Судьба такая, которая вечно играла в подобные игры? В смертельные игры.

Осторожные шаги вынудили поднять глаза. Эбби слегка помедлила, а затем не спеша направилась ко мне, засовывая руки в карманы джинсовых шорт.

— Я дала Мэнди успокоительное. Она уснула, обнимая девочек.

— Это... хорошая новость.

Я не знал, что ещё мог сказать, но ощущал, что мне и самому стало легче.

— Я думала, ты ушел, — прошептала она, и я тут же Дарен поднялся с дивана.

— Доктор Эмерсон попросил соблюдать режим, — объяснил, передавая ей листочек. Опустив глаза, она осторожно взяла его своими ещё подрагивающими пальцами. — Я просто хотел удостовериться, что вы в порядке.

Она молчала несколько секунд, словно о чем—то размышляя, а затем сделала вдох.

— Мы всегда будем в порядке, пока рядом ты, — сунула рецепт в задний карман, после чего потянулась к его рукам, — покажи мне.

— Не стоит.

— Это не просьба, — тихо, но уверенно заявила она, и руки сами, словно заколдованные, подчинились её воле. Она слегка дернулась, когда лучше рассмотрела все кровоподтеки и синяки. Мне даже показалось, что часто заморгала, словно

таким образом пыталась сдержать слезы. — Это нужно обработать. Не мог бы ты подняться наверх?

Она не дала мне возможности ответить, просто отвернулась и направилась в сторону кухни. Я не считал это хорошей идеей, мне было бы намного легче уйти, но почему—то сделал именно так, как она попросила. И всего через минуту переступил порог комнаты.

Она пришла ещё минуту спустя, держа в руках небольшой тазик с водой, который поставила на прикроватную тумбу. Притащив аптечку из ванной комнаты, попросила меня сесть на кровать, а затем забралась рядом и, подогнув под себя ноги, осторожно положила мои руки себе на колени.

Раньше лишь Элейн могла без разрешения дотрагиваться до него, а теперь я дал это право женщине, которая день ото дня заставляла меня менять одну из сторон своей души.

Эбигейл сосредоточенно смывала запекшуюся кровь с костяшек, делая это так бережно и неторопливо, словно боялась причинить мне случайную боль. Она споласкивала тряпку в тазике, выжимала её и затем снова споласкивала. По мере того, как текли минуты, вода становилась всё багровее, а молчание всё томительнее.

– Ты едва не убил его.

Её неожиданное заявление прозвучало очень тихо. И хотя я чувствовал холодность в голосе, в нем так же присутствовала и некоторая доля страха. Эбби не поднимала своих глаз, продолжая, как ни в чем не бывало, омывать мои руки.

— И жалею, что остановился, — прохрипел, вспоминая рожу той мрази и ощущая, как гнев накатывает с новой силой.

— А я благодарю за это Бога, — она макнула тампон в антисептик, — потому что тогда бы тебя посадили.

— Зато этот ублюдок больше уже никогда не дотронулся бы ни до одной девушки. Но я отпустил его, и теперь не знаю, как с этим жить.

Эбби слегка помедлила, а затем выдохнула:

— Будет немного больно.

— Вряд ли на свете есть боль сильнее, чем я уже испытал, — интуитивно ответил, наверное, даже не до конца осознавая, что произнес слова вслух.

Эбигейл провела ватой по ссадинам на обеих руках, а затем стала осторожно, легкими касаниями наносить на них мазь.

— Ты помог незнакомой девушке, рискуя своей жизнью, — после паузы, сказала она, забинтовывая мои руки, — тот, у кого нет сердца, никогда бы так не поступил.

Я замер, но затем стиснул зубы и сказал:

— Просто я ненавижу конченных людей. Сердце тут не причем.

— Такими поступками движет именно оно, — настаивала Эбби, поднимая вверх глаза, — в ином случае ты бы просто прошел мимо.

— Ты всё ещё не уволена из «J9», — понимал, что должен это сказать. — Сейчас там полным ходом идет ремонт, но

он должен закончиться к понедельнику, и тогда ты сможешь снова заняться тем, что любила. Если, конечно, захочешь.

Её пальцы произвольно сжали мои ладони в легком, едва ощутимом движении.

— Я бы очень этого хотела, — прошептала, а затем сильнее сжала его руку.

— А ещё, чтобы ты остался. Здесь. Со мной.

— Эбби...

— Прошу, — еле слышно попросила она, — ты нужен мне.

Её глаза налились уже такой знакомой мне пеленой, той самой, от которой каждый раз что—то внутри так предательски щемило. Она была так близко, что желание плюнуть на всё остальное, что в данный момент вдруг стало таким незначительным, пересиливало здравый смысл.

Я смотрел в бездонные синие глаза и понимал, что безвозвратно проваливаюсь в их бездну. Что погибаю в их глубине и уже вряд ли сумею выбраться.

Потянулся и коснулся ладонью щеки.

Эбби благодарно прикрыла глаза, слегка наклоняя голову, словно пыталась сильнее ощутить касание, а затем накрыла мою руку своей. По её лицу потекли слезы, но я нежно стер каждую из них и осторожно притянул её к себе.

— Я совсем не такой, каким ты меня видишь.

— Нет, — теперь и её ладони коснулись моего лица, — ты именно такой.

Она обвила руками мою шею, а затем медленно прильнула

к губам.

Я ответил на поцелуй, почувствовав, как гулко застучало сердце. Я снова испытывал это. Снова переживал ощущения, появляющиеся каждый раз, когда она находилась так близко. Снова забывал о том, кто я есть, открывая ей того, кем когда—то был. Я позволял себе проявлять слабость. Впервые в жизни, делая это по собственной воле.

Не спеша потянул её, приподнимая и усаживая к себе на колени, а затем, позволяя своим пальцам пробраться под тоненькую белую ткань. От прикосновения к обнаженной спине, кожу закололо, но даже это предупреждение никого из нас не остановило.

Если бы для того, чтобы ощущать её, мне приходилось бы проходить через боль, я бы проходил. Клянусь, проходил бы. Лишь бы продолжать ощущать.

Мы не смели отрывать друг от друга взгляда, когда медленно и бережливо избавлялись от лишней одежды — это был наш особый ритуал. Ритуал *Доверия. Заботы*. И маленькой частички *Надежды*.

Этой ночью я отдал ей всю свою нежность. Зачерпнул её глубоко внутри и вытащил на поверхность. Целовал каждый участочек её тела, вдыхал запах каждой клеточкой, заставляя её томиться, задыхаться и дрожать. Она согревала меня своими лучами так, словно готова была отдать абсолютно всё. Но только я знал, что это невозможно.

Полюбить беспощадного зверя, не знающего, что такое

жалость — нельзя.

Это сказка. И как бы её доброе сердце не верило в обратное, в жизни одних только чувств порой бывает слишком мало. Лепестки моей розы уже давно опали, а заклятье навсегда сделало Чудовищем.

Но только в эти минуты и только ради них я понимал, что готов был пройти даже через Ад. И проходил бы. Выживая лишь для того, чтобы вновь вернуться к ней. К женщине, благодаря которой я хотел терпеть всю эту боль. К женщине, которая стала моим личным грехом. К женщине, с которой я либо погибну, либо стану сильнее.

22. Эбигейл

Зажмурилась, почувствовав, как лучи солнца, прорвавшись через шелки не до конца задернутых штор, упали на лицо, и невольно улыбнулась. Я любила просыпаться с ранним восходом. Будучи крохой, ловила каждое мгновение в свои ладошки и, закрывая глаза, представляла, как развеиваю его над головой, — так я пыталась запечатлеть его в памяти.

Ведь что может быть прекраснее, чем наблюдать и ощущать пробуждение такого огромного, по—своему волшебного и порой необъяснимо загадочного мира?

Особенно, когда впервые за долгое время маленькая испуганная сирота, живущая внутри уже повзрослевшей девушки, чувствовала, что, наконец, нашла свою тихую гавань.

Нашла свой дом.

И теперь, сминая пальцами простынь, боялась открыть глаза.

Боялась осознать, что произошедшее этой ночью было одноразовым влечением.

Боялась подумать, что стала очередной женщиной в жизни человека, который просто не хотел быть способен на большее. Боялась, что снова испытаю боль.

Вспомнила, каким нежным он был.

Как медленно и чувственно целовали его губы, а руки бережно и томно блуждали по телу, не желая выпускать из объятий. Он крепко переплетал мои пальцы со своими, и с каждой секундой лишь сильнее. Этой ночью мне казалось, что больше всего на свете, в те самые минуты, он боялся меня потерять — вот, почему не разжимал своих рук. А сейчас, не чувствуя его тепла и ощущая, как колотится сердце, потерять боялась я.

Сделав глубокий вдох, решила открыть глаза.

Не ожидая, что встречу с его синими, как море, глазами.

Дарен смотрел прямо на меня. Без тени стеснения или обыденной для него злости. Смотрел так, как не смотрел еще ни один мужчина в мире. И я ощущала, как по всему телу медленно разливается волна обжигающего тепла.

– Ты не ушел, — прошептала, сама не понимая, спрашиваю или утверждаю.

– Нет.

Его тихий, но невероятно мягкий голос придал сил:

– Почему?

Дарен молчал, внимательно разглядывая моё лицо, будто пытаясь поймать каждую поочередно появляющуюся на нём эмоцию. Я видела, как меняются выражение и глубина его глаз, как расширяются и темнеют зрачки — он ни на миг не отводил от меня взгляда, и дышать от этого с каждой минутой становилось всё труднее.

Когда он неторопливо потянулся к выбившейся прядке

светлых волос, я забыла, как дышать. Его пальцы слегка покалывали кожу, и я жмурилась, ощущая, как реагирую.

— Не смог, — произнес он, заставляя снова открыть глаза.

Он медленно убрал руку, и если бы биение моего сердца было ещё хотя бы на тон громче, то он бы непременно его услышал.

Понял бы, *что* эти слова заставили меня почувствовать.

— Мне... нужно разбудить девочек, — выдохнула я. — И проведать Мэнди.

— Я могу принять душ?

— Конечно, — быстро сказала, — дальняя дверь налево. Хотя ты и так знаешь, это ведь твоя квартира... — почти шепотом добавила, когда Дарен вставал с постели.

Села на кровати и, продышавшись, попыталась трезво оценить ситуацию.

Руки дрожали, голос срывался, сердце колотилось как бешеное, а внутри всё скакало и переворачивалось — едва ли меня можно назвать способной к трезвому мышлению.

Спрыгнув на пол, подобрала свои вещи и, натянув шорты и майку, стала бесшумно спускаться вниз. Сейчас я быстро воспользуюсь душем, приведу в порядок волосы, вежливо попрошу Дарена уйти, а затем пойду будить девочек.

Да, за эти несколько минут я успею полностью восстановить контроль над эмоциями и вновь предстану перед всеми той Эбби, которую они привыкли видеть: сосредоточенной, улыбающейся и не имеющей совершенно никаких чувств

к... Боже, и почему я постоянно пытаюсь сказать это вслух! Мысленно вслух! *О, девочка, выкинь это из своей головы...*

— О, ты уже встала, прекрасно! А я как раз шла тебя будить, — знакомый голос заставил застыть на последней ступеньке и повернуться. Сунув руки в карманы широких штанов, у подножья меня встречала Элли. *Вот блин!* — Ты в порядке? — поинтересовалась она, а затем усмехнулась. — Выглядишь так, словно привидение увидела.

— Я... да! — соврала. — Конечно, в порядке. Просто думала, что вы ещё спите.

— Ты же знаешь Аделаиду. Когда она чего—то ждет, может вскочить раньше любого петуха.

— Да, — согласилась с ней, судорожно пытаюсь вспомнить, чего именно она ждет и параллельно придумать план, по которому мужчина в моей спальне незаметно уйдет из этого дома. И, Господи, как же сложно было думать обо всем сразу!

— Ты ведешь её в «Игрушки для нас»¹⁶, — напомнила Элли, насмешливо складывая руки на груди, — и да, ты бы без меня совсем пропала.

Магазин игрушек! Точно!

— Это так, — улыбнулась, — иногда и мне нужно что—то напоминать.

Послышался стук, и Элли резко вскинула голову. Я силь-

¹⁶ Toys "R" Us — гигантский магазин игрушек с тематическими залами и развлечениями для детей любого возраста.

нее вцепилась в перила.

– Ты слышала?

– Да, наверное, птицы, — выпалила первое, что пришло в голову. — Всю ночь стучали в окна. Что хотите на завтрак? — спросила она, разворачивая сестру и направляясь вместе с ней к кухне. — Блинчики? Яйца? Бекон?

– Вафли! — послышался веселый голос. — И как говорят лучшие шеф—повара мира: Bon appétit!

Мэнди поставила тарелки на стол и улыбнулась, а вот мне было совсем не до этого.

Мне не верилось, что моя девочка, только несколько часов назад пережившая самый настоящий кошмар, ведет себя так, словно сегодня было самое обыкновенное утро.

– У меня было точно такое же лицо сегодня утром, — шепнула Элли, — и я сразу позвонила доктору Эммерсону. Он сказал, что подобное поведение — либо защитная реакция, либо побочный эффект от препарата. Если через сутки, когда его действие закончится, она не придет в себя, то её следует показать психологу.

– Эй, ну что вы стоите, как статуи! — прошебетала Мэнди, доставая из холодильника сироп. — Давайте—ка за стол! Иначе будете есть холодный завтрак!

– Да! — поддержала Адель, указывая вилкой в серединку теста. — Налей мне сюда... да, сюда.

– Даже не знаю, что из этого будет лучшим исходом, — ответила, неотрывно наблюдая за происходящим. — И есть

ли он вообще.

— Мистер Бейкер! Вы здесь так рано! — веселый голос Мэнди снова заставил меня замереть, но уже по совсем иной причине. — Хотите вафли?

Я начала медленно поворачиваться, замечая, что Элли делает то же самое.

Дарен стоял чуть поодаль и, казалось, не выражал совершенно никаких эмоций, а я сама не до конца понимала, какой реакции мне ждать от себя и своих собственных сестер.

Боже, ну почему всё всегда идет совсем не так, как задумывается!...

— Я зашел всего на минуту. Узнать, всё ли в порядке.

— Это так мило, что вы интересуетесь нашей жизнью, — пропела Мэнди, снимая фартук, а затем широко улыбаясь. — Но у нас всё просто прекрасно!

— За исключением одного, — выдохнула Элли, — ты приготовила столько вафель, что ими можно накормить весь квартал. До отвала.

— Я могу приготовить еще больше! — крикнула Мэнди из кухни, начиная пританцовывать под песню Майкла Джексона, и на этот раз Эллисон, качая головой, направилась к ней.

— Милая, этого достаточно...

— Она, что, совсем ничего не помнит? — тихо спросил Дарен, приблизившись.

— Либо пытается не вспоминать, — ответила, наблюдая за своей слишком жизнерадостной сестрой.

– Я попрошу доктора Эммерсона зайти. Если понадобится, привлеку лучших психологов и педагогов. Только дай мне знать.

– Спасибо, — почувствовав, как тепло стало от его поддержки, я не смогла сдержать легкой полуулыбки — едва заметного движения губ.

– Я пойду. Если что—то понадобится — говори.

Повернулась, неуверенно открывая рот и засовывая руки в карманы шорт.

– Да—а... есть ещё кое—что, что ты мог бы для нас сделать, — снова улыбнулась, но на этот раз шире, — нам будет трудно одним одолеть эту огромную... гору вафель. И ты мог бы...

Замявшись, пожала плечами и инстинктивно закусила нижнюю губу.

Это было не самое лучшее приглашение к завтраку, которое, помимо всего прочего, совсем не входило в первоначальный план, но как же сильно мне хотелось услышать «да»!

Дарен молчал, и за это время сердце в который раз попыталось совершить бешеное путешествие во имя свободы, будто бы в самом деле сокращалось до 1000 ударов в минуту.

Он подошел ближе, окутывая своим чарующим ароматом и окончательно лишая способности думать. Даже не имея при себе одеколона и, смыв все запахи утреннем душем, этот невероятный мужчина продолжал пахнуть так, что у меня начисто сносило крышу.

— Почему бы тебе просто не произнести это вслух, — прошептал он, придвигаясь ко мне вплотную: — *«я не хочу, чтобы ты уходил»*.

Ощутила, как от его близости перехватило дыхание, а от слов — в горле встал ком.

Ну уж нет. Черта с два я позволю себе признаться ему в таком уже во второй раз. Не так скоро.

— Если такой труд тебе не по силам, просто скажи, и я попрошу кого—нибудь другого, — с достоинством и нахальством выдержала твердый взгляд, а затем сложила руки на груди. Его глаза мгновенно загорелись.

Очко! Может начать вести счет?

— Не стоит играть с человеком, который в этом деле намного опытнее, — усмехнулся Дарен. — Тебя может ждать поражение.

— Просто с языка снял, — улыбнулась и, развернувшись, гордо направилась к столу.

Коленки слегка дрожали, а тело ощущало прилив адреналина, но мне это нравилось. Нравилось осознанно задирать его. И чего греха таить — его выигрыши в ста процентах случаев стоили моих проигрышей.

— Ну, наконец—то! Тебя пока дождешься — с голоду умрешь, — заявила Мэнди, отправляя в рот большущий кусок вафли.

— И поэтому ты не стала ждать, — закончила, поцеловав Адель в волосы и подходя к кофемолке.

— Верно, — с набитым ртом согласилась она, — прости. Но я такая голодная, словно сутки ничего не ела... о, мистер Бейкер, хотите вафли? Я положу Вам! — выдохнула, понимая, что он не ушел и в этот самый момент стоит за моей спиной. Я словно ощущала на себе его пронзительный взгляд, пробирающий до мурашек, и не могла понять, какое чувство внутри сейчас было сильнее: страх или облегчение. — Эбс, приготовь мистеру Бейкеру свой фирменный кофе! Вы не представляете, какой вкусный кофе она делает!

— Мэнди...

— Что? Я вовсе не нахваливаю твой эспрессо, — улыбнулась она, накладывая Дарену вафли, а затем продолжила тише. — Я руку готова дать на отсечение, что после этого кофе, вы не сможете пить никакой другой.

— Перестань говорить ерунду, — шлепнула сестру по руке, а когда та весело отпрыгнула, поставила перед Дареном чашку. — Мой кофе совершенно обычный.

— Уверен, что это невозможно, — наши взгляды встретились всего на несколько секунд, но и этого хватило, чтобы я ощутила, как кружится комната.

Я не убирала своих рук, поэтому, когда он потянулся к кружке, то невольно или сознательно коснулся пальцами кожи — я могла бы поклясться, что почувствовала, как в животе запорхали бабочки, которые, в самом деле, оторвали меня от земли.

Что этот мужчина со мной делал...

Опустившись на стул, пыталась сделать вид, что совершенно не беспокоюсь насчет вкуса своего эспрессо, но, когда Дарен поднес чашку к губам, задержала дыхание.

Он сделал глоток: медленно, бережно, словно старался распробовать каждое перемолотое зернышко, но молчал. Возможно, это длилось всего мгновение, но каким же долгим это мгновение было *для меня*.

— Вкусно? — неожиданно спросила Адель, наконец, оторвавшись от своей куклы. Казалось, даже сам Дарен не ожидал от неё вопроса, но ко всеобщему удивлению лишь наклонился и поманил девочку ближе. Моя малышка тут же подогнула под себя колени и, слегка привстав на стуле, потянулась к нему. На её губах играла улыбка, пока он что—то нашептывал ей на ухо, а затем она кивнула. — Хорошо, — лучезарнее улыбнувшись, Ади повернулась ко мне. — Тигруля сказал... — она запнулась и на секунду вернулась глазами к Дарену: — пожалуйста, не злись, я очень люблю этот мультик. — затем снова отвернулась и продолжила. — Он сказал, что даже Ангелы никогда не пробовали ничего вкуснее. И ещё попросил передать, что у тебя не получится это оспорить: дети всегда говорят сердцем, а значит, просто не могут солгать.

Казалось, я забыла, как правильно дышать.

Что вообще должна дышать.

— Мм—м... нам уже пора, иначе опоздаем. Эйс, ты идешь?

— Опоздаем? Но ведь ещё... — Мэнди пнула несообразно-

тельную под столом, и Элли смерила сестру суровым взглядом.

— Ты забыла, что у тебя лабораторная? Нужно подготовиться. Давай, поднимайся, лентяйка, мы с Тайлером подбросим тебя до школы, — она потянула Элли за руку. — Была рада встречи, мистер Бейкер. Милая, мы побежали, — она помахала мне и чмокнула Адель в носик.

Элли кивнула нам обеим, на бегу дожевывая вафлю и хватая сумку со спинки стула.

— Пойдите! Вы не взяли ланчи... — развернулась к сестрам, но Мэнди лишь отмахнулась.

— Купим что—нибудь по дороге!

— Не переживай, они зайдут в Данкин Донатс, — послышался успокаивающий голос Адель. — Ты поедешь с нами в большой магазин игрушек? — внезапно спросила она, слегка приподнимаясь и обнимая Дарена за шею.

Этот жест заставил нас обоих замереть. Я видела, как изменился его стальной взгляд. Дарен смотрел в чистые небесно—синие глаза, которые терпеливо ждали ответа, но молчал. Почувствовав, как что—то ёкнуло в груди, я сделала усилие:

— Милая... — когда малышка посмотрела на меня, улыбнулась, — я думаю, что у мистера Бейкера очень много важных дел. И ему нужно решить их. Понимаешь?

Адель помолчала, а затем снова повернулась к Дарену.

— Но ведь ты можешь их перенести? Пожалуйста, — она

слегка склонила голову.

В её голосе было столько мольбы и надежды, что отказать ей сейчас, значило бы разбить маленькое сердечко. И больше всего на свете я боялась, что Дарен это сделает.

— Возьми, — он протянул ей свой мобильный, и Адель не без интереса, хотя и слегка настороженно приняла незатейливую вещицу из его рук. Для этого ей пришлось отпустить его шею, но, видимо, она совсем не огорчилось, ведь то, что стало происходить дальше, зажгло в ней ещё больший интерес. — Теперь нажми сюда. Верно. И сюда, — она сделала всё в точности, как он и говорил.

Раздались гудки, а затем кто—то снял трубку.

Адель медленно подняла на Дарена глаза, горевшие то ли вопросом, то ли пониманием, но когда он кивнул ей, сделала то же самое.

— Это Аделаида. Тигруля сейчас ест вафли и просит передать, что не придет на работу. Он едет со мной и Биби в большой магазин игрушек. — Адель немного помолчала, видимо слушая ответ. Дарен быстро написал что—то ручкой на салфетке, а затем показал ей. — Да. Тигруля говорит, что на его столе лежит красная папка. Вы сами всё поймете. Спасибо. Тете Элейн тоже. — с этими словами она отняла телефон от уха и отдала его владельцу. — Я всё уладила. Дядя Пол со всем справится. Теперь ты можешь ехать с нами и ни о чем не волноваться.

Малышка еще раз обняла руками его шею, а затем, объ-

завив, что будет готова через пять минут, спрыгнула со стула и побежала в свою комнату.

— Либо у меня едет крыша, либо ты только что всерьез отказался приезжать на работу, предпочтя ей магазин игрушек, — пробормотала, пытаясь понять, не сплю ли.

— И к какому варианту ты склоняешься? — спросил он, убирая в карман телефон.

— К первому, — нервно усмехнулась, а затем обхватила голову руками, — Господи, я и впрямь чувствую, как она медленно съезжает...

Мне вдруг показалось, что Дарен усмехнулся: легко и непринужденно, так, словно стал совершенно другим. Я до сих пор не понимала его. До сих пор не знала, какая часть него сильнее, и может ли та, светлая сторона его души взять верх над стороной темной.

Его чувства и ощущения даже сейчас оставались для меня большой загадкой. И даже после сегодняшней ночи я не знала, чего ожидать в следующую минуту: ведь его настроение менялось со скоростью света. Да, где—то глубоко внутри себя я понимала, что должна держаться от него как можно дальше, но в то же время испытывала необъяснимое влечение, которое не могла контролировать.

Просто не умела.

Этот мужчина был полюсом, к которому я тянулась, подчиняясь силе магнетизма.

Может быть, нам действительно стоило идти лишь той

тропой, которую чертило наше сердце? Забывая обо всех границах и условностях. Заглушая голос разума.

Ведь *Он* не знает наших истинных желаний, грёз и фантазий, их знает лишь *Оно*.

И именно *Оно* учит нас рисковать.

Учит кидаться в омут с головой, совершать безумства и стоять на самом краю пропасти, раскинув в стороны руки и закрыв глаза.

Оно учит нас чувствовать. Понимать. Дышать. Бороться. Жить... хотеть жить.

И, возможно, это самый правильный наш путь.

Самый верный выбор.

Посещение магазина «Игрушки для нас» было мечтой любого ребенка, предпочитающего новомодным брендовым ауди игрушечные грузовички, а шикарным дизайнерским платьям — наряды для кукол.

Гигантский магазин игрушек, располагающийся на Таймс—сквер, любили абсолютно все. И даже самые маленькие жители Нью—Йорка, только открывшие свои глазки, считали это место сказкой.

Здесь сбывались самые заветные детские мечты.

Плюшевые мишки, паровозики, машинки, динозавры, электрогитары, микроскопы, куклы и многое—многое другое поджидало своего маленького «воздыхателя» почти на каждом шагу. Вот и Адель, только переступив порог магази-

на, попалась в его цепкие лапки.

— Я хочу на колесо! — малышка потянула меня за руку, и, если бы я вовремя не спохватилась, нелепо распласталась бы на полу. — Пошли—пошли—пошлиииии. Биби, ты обещала мне!

— Милая, может лучше пойдём в домик Барби...

— Обязательно, — согласно кивнула Адель, — но сначала прокатимся там, — она указала рукой на колесо и снова потянула меня за руку.

Я инстинктивно поддалась, а затем медленно и осторожно подняла глаза. Боже, я до ужаса боялась высоты. Боялась панически. И даже детское колесо, высотой, казалось бы, всего каких—то шестьдесят футов¹⁷ пугало меня до чертиков.

И почему я не подумала об этом до того, как давать обещание?

— Хочешь я сам? — спросил Дарен, отходя от кассы.

Он будто ощущал мою тревогу и понял, что глубоко внутри я умираю от волнения.

Задумалась, но затем медленно покачала головой и взяла из его рук билеты.

Когда мы оказались около «аттракциона страха», Адель подпрыгнула и захлопала в ладоши, — *мне бы сейчас её уверенность...* Выбрав кабинку зеленого цвета из мультика «Мой маленький пони», она принялась весело дожидаться своей очереди.

¹⁷ Фут – мера длины в Америке (60 футов = 18 метров)

— Ладно, — шепотом успокаивала себя, дыша и наблюдая за тем, как к нам подъезжает «вагончик», — я совсем не боюсь. Меня не бросает в жар, и я не хочу кричать, что есть мочи и бежать отсюда как можно дальше. Да. Нет. Боже, я вру... нагло вру...

— Ты боишься? — внезапно спросила Адель.

— Нет, — мягко ответила, понимая, что в этот самый момент страх неожиданно исчез, — с тобой мне ничего не страшно. Помнишь?

Она улыбнулась и вложила свою маленькую ладошку в мою. Почувствовав её тепло и поддержку, я нашла в себе силы и сделала шаг.

Господи, спаси и сохрани!

— Посмотри! — крикнула Адель, когда мы уселись на сиденья. — Вон там домик Барби! А вон там отдел с легио! — она рассмеялась и задергала ногами. — Там динозавры, Биби! Почти такие же, как мы видели в зоопарке! Смотри!

Она восторженно кричала, указывая то на одно, то на другое, а я лишь кивала, сильнее хватаясь за перила. Наверное, мне стоило расслабиться, но я не могла, потому что с каждой секундой эта махина поднималась всё выше, потихоньку возвращая мой страх.

И, к сожалению, возвращаясь, он лишь усиливался.

— Милая, сколько здесь кругов? — спросила, когда кабинка вновь оказалась внизу.

— Три, — довольно ответила она, — здорово, правда?

— Очень, — согласилась, а затем обреченно вжалась в спинку своего сидения.

Минута спокойствия, и конструкция снова поднимается вверх. *Нет, три круга я просто не вынесу. И тогда вынесут отсюда меня. Вперед ногами. Боже, что я несу...*

— Та девочка, которая едет с Картошками из Истории игрушек катается уже во второй раз, — заметила Адель, смотря куда—то вниз, — а мы поедем второй раз?

— Поедешь с дядей Дреном, — тихо ответила, прикрывая глаза и вцепляясь в перила, когда нас неожиданно трянуло. — Что это было?

— Не переживай, — улыбнулась Адель, — иногда такое бывает.

— Такого не должно быть... не на высоте в шестьдесят чертовых футов...

Когда мы проезжали по низу, пальцы слегка ослабили хватку.

И всё же на земле я чувствовала себя куда лучше.

Последний круг. Последний круг. Последний адский круг... — вертелось в моей голове, пока я пыталась отвлечься песенкой Адель. Она напевала что—то про рождество, оленей, Санту и то, как хорошо получать подарки.

Нас снова трянуло, и на этот раз я резко распахнула глаза. Аттракцион остановился, а наша кабинка оказалась на самом верху. Страх сдавил горло. Но не тот, который я чувствовала до этого момента, а другой, новый страх — за жизнь

моей малышки.

— Не бойся, — успокаивающе сказала Адель, — Мы сейчас поедem.

— И в кого ты такая бесстрашная?

— В тебя. Просто ты сама этого не осознаешь.

Она попыталась отстегнуть пояс, но я резко её остановила.

— Что ты делаешь?!

— Хочу посмотреть вниз.

— Даже не думай! Ты можешь упасть!

— Но они хотят нам что—то сказать, — объяснила, а затем указала вниз пальцем.

— Я сама посмотрю. Сиди спокойно. — осторожно подвинулась к краю сиденья, а затем выглянула из кабинки.

Высота в двадцать шесть футов... ну почему они не могли застрять внизу?! Почему?!

Заметила, как из кабинки Истории игрушек, которая как раз была почти на нижнем ярусе, вылез мужчина, а затем вытащил за собой маленькую девочку. Я огляделась: показалось или в кабинках и правда больше никого не было?

— Мисс, вы в порядке? — раздался громкий голос мужчины.

По—видимому, менеджера магазина.

— Не считая того факта, что мы застряли на самом верху? — попыталась отшутиться, ощущая, как начинает кружиться голова.

— Не переживайте и постарайтесь расслабиться, — крик-

нул он. — Спасатели уже на подходе.

— Звучит многообещающе, — пробормотала, а затем осторожно облокотилась о спинку. — Зайчонок, — позвала Адель, и она моментально подняла глаза, — всё будет хорошо. Ты ведь знаешь это?

— Да, — негромко ответила девочка, — ты же рядом.

— Всегда, милая. Всегда... — прошептала, стараясь не думать о плохом.

Ради неё я обязана была сохранять спокойствие. И просто не имела права паниковать. Поэтому, выдохнув, и, прикрыв глаза, попыталась вернуть себе пусть и ничтожное, но такое необходимое самообладание.

Мои фобии не должны брать верх над разумом. Не сейчас. Не когда со мной Адель.

Услышав звук, похожий на трение металла о металл, резко повернула голову. Задние двери большой лифтовой конструкции, располагающейся почти вплотную к аттракциону, начали открываться: их раздвигали двое мужчин. Подумала, что это спасатели, но, внезапно узнала второго человека, и это заставило меня остолбенеть.

— Тигруля пришел нас спасти! — воскликнула Адель. — Да, вперед, мой Тигруля!

— Дарен...

— Вы не ранены? — его глаза тревожно бегали, внимательно осматривая каждую с макушки до пят. Когда я кивнула, он облегченно выдохнул.

— Хорошо. Нужно, чтобы вы верили мне. — я лишь надеялась, что он прочел ответ в её глазах: ведь я верила ему, как никому. Сделав усилие, Дарен отвел взгляд, а затем полностью сосредоточился на Адель. — Эй, хочешь побыть супергероем?

— Да, — тут же заулыбалась девочка. — Очень хочу.

— Тогда отстегни ремень, — когда она всё сделала, Дарен продолжил: — мне нужно, чтобы ты была храброй. Встала на край, а затем прыгнула. — я чуть не задохнулась от страха, и, заметив это, он добавил: — Обещаю. Я поймаю. Никогда не позволю упасть.

Адель кивнула, а он медленно поднял руки, протягивая их к девочке.

— Не бойся, — малышка повернулась ко мне, — он сказал, что поймает.

Знаете чувство, когда сердце останавливается, а воздуха вдруг перестает хватать? Так вот сейчас я ощущала ровно то же. Приложила ладони ко рту, почувствовав, как перед глазами встает пелена и замерла, когда Адель подошла к краю.

Дарен встал ровнее, опершись обо всё, что только мог и кивнул.

Ади сделала шаг как раз в тот момент, когда конструкция вдруг внезапно дернулась вниз. Я не видела, что происходило дальше, лишь услышала тихий вскрик, а затем машинально ухватилась пальцами за трубу.

— Адель!!! — закричала, ощущая, что снова стою, но те-

пять футов на пятнадцать ниже. Из глаз брызнули слезы и, резко отстегнув ремень, я бросилась к краю, пытаюсь увидеть малышку.

— Адель в порядке, — голос Дарена заставил меня вскинуть голову. — Я поймал.

Я облегченно прикрыла глаза — *моя крошка была в безопасности.*

— Нам нужно снаряжение, — произнес незнакомый голос, — без него мы ничего не сможем. Нужно дождаться спасателей.

Наши взгляды встретились. Я знала, что Дарен заметит в них страх, потому что уже не единожды видел меня в его власти. И снова, как и каждый раз, был рядом.

— Я не собираюсь ждать, — не отрывая от меня взгляд, Дарен снял пиджак и потянулся к галстуку. — Если конструкция дернется ещё раз, то может развалиться, — начиная злиться, объяснил он.

Тем самым тоном, который ни в коем случае нельзя было оспаривать.

— Но сэр, я... что вы делаете?... — менеджер явно не понимал действий Дарена, и в его глазах, так же, как и в моих, начинал загораться ужас.

— Иду за ней, — просто сказал он, закатывая рукава.

— Сэр, я не могу этого допустить! Я разрешил вам совершить глупость и подняться сюда, но не допущу ещё большего безумства! Ответственность за вас ложится на меня!

— Тогда я снимаю с вас всю ответственность, — бросил Дарен, хватаясь за трубу лифта.

— Что ты делаешь?! — не выдержала я, выглядывая из кабинки. — Немедленно слезай оттуда! Дарен! — сделала шаг, но тут же вспомнила, что сто на самом краю и, невольно бросив вниз взгляд, сильнее вцепилась в железку и прислонилась к кабине спиной.

— Боже, Боже, Боже, я ненавижу детские аттракционы... ненавижу высоту... — когда меня покачнуло, я непроизвольно вскрикнула. — Дарен, мне страшно!

— Закрой глаза и успокойся!!

— Легко ему командовать, — пробормотала, но совету последовала, — закрой глаза и успокойся... как же... посмотрела бы я на него, оживи его детские страхи... — механизм снова дернулся, заставляя сильнее зажмуриться. — Боже... как думаешь, это то самое время, когда я должна извиниться за всё, что делала не так? Знаешь... если это последний шанс сказать, как сильно я благодарна тебе за всё, что ты для меня сделал, то я хочу, чтобы ты это услышал. Я благодарна тебе за спасение от машины в нашу первую встречу. Особенно за второй раз... — расслабилась и даже улыбнулась. — Я и правда безумная, раз пошла на такое, верно? Теперь я даже понимаю, почему ты думал, что я ненормальная. А мои падения? Помнишь, как ты постоянно ловил меня? Всегда оказывался рядом. А удочерение Адель... спасение Мэнди... — завертела головой, чувствуя, что страх отступает, сменяясь

невероятной теплотой внутри. — Я не знаю, смогу ли когда—нибудь дать тебе что—то, что хотя бы на малую долю будет так же равноценно... но если бы я только знала, что это, я бы отдала... совершенно не задумываясь.

— Ты уже отдала, — его тихий голос был так близко, что заставил задохнуться. Ритм снова участился и разогнался почти до предельных скоростей, словно сердце на самом деле собиралось выпрыгнуть из груди. Буквально. — Совершенно не задумываясь.

Медленно открыв глаза, встретила с синими глазами, без которых уже почти не представляла своего существования.

Когда я поняла это? Сейчас. Говоря все эти слова, осознала, что не хочу говорить их в последний раз. Что хочу повторять снова и снова. Каждый день. Всю жизнь.

— Ты сумасшедший, — прошептала, качая головой, — ненормальный, безумный, сумасбродный...

— Помолчи, — мягко остановил её, а затем осторожно забрался внутрь.

— Ты вечно командуешь.

— А ты вечно не слушаешься.

— И это никак не отменяет того, что ты сумасшедший. Ты подумал, что будет, если конструкция вдруг сорвется? И мы полетим вниз?

— Да. Я просто не мог позволить тебе проходить через это одной, — тихо пояснил Дарен, подходя ко мне практически

вплотную. Я смотрела ему в глаза, чувствуя, как пульс начинает, как бешеный стучать в ушах. — Ты же трясешься, как ребенок.

— Ты... пришел посмеяться надо мной, да? Но это совсем не смешно, слышишь? Я с детства боюсь высоты, ясно тебе? И клоунов. Этих страшных и разукрашенных монстров с огромным ртом. Ты видел их рот?! Как у истинных маньяков! Так и ждешь, что они схватят тебя и...

Запнулась, потому что увидела, как он улыбнулся и даже тихо рассмеялся. Как замороженная смотрела на обыкновенную человеческую улыбку, которая, однако, была настолько волшебной, прекрасной и неземной, что от её вида замирало сердце.

Он улыбнулся. Впервые улыбнулся при мне. И мне.

В этот самый момент я почувствовала, что у него есть надежда. Что внутри него теплится, пусть даже совсем маленький, но уголек. И если у меня есть хотя бы один шанс из миллиона на то, что я сумею разжечь из него огонь, то я буду пытаться. Перепробую все возможные варианты, но не оставлю его одного.

Не позволю ему проходить через это в одиночку.

Расслабилась, ощутив, как по телу разливается волна невероятного тепла.

Но в следующую секунду уже не понимала, что происходит, потому что конструкция внезапно дернулась и снова со-

рвалась вниз.

23. Дарен и Эбигейл

Ещё до того, как механизм колеса задвигался, я уже предчувствовал, что вот—вот произойдет что—то плохое. Ощутил резкий толчок, лишь через мгновение поняв, что конструкция снова сорвалась. Послышался скрежет «рвущегося» металла, а затем кабинка накренилась и резко стукнулась о железку с другой стороны.

Эбби вскрикнула и, потеряв равновесие, стала падать. Быстро зацепившись за вертикальный столбик «вагончика», который теперь располагался параллельно полу, я успел схватить её за запястье.

— Цепляйся за меня, — прохрипел, чувствуя, что удерживать её с каждой секундой становится всё сложнее.

Мне было плевать на боль в коленке и возможный вывих. То, что нога в любой момент могла съехать с твердой поверхности, помешав удерживать Эбби, пугало намного сильнее. Она изо всех сил пытаясь дотянуться до моей руки, но не выходило. Мышцы в теле словно парализовало, и Эбби в отчаянии завертела головой.

— Я не могу...

Зарычал, ощущая, как рука начинает соскальзывать.

— Я раскачаю тебя. Попробуй подтянуться и ухватиться за дверцу. — она помедлила, осознавая, что тогда ему придется

на время отпустить её. — Знаю, ты боишься, но, если я не поменяю положение, мы упадем вместе.

Когда она кивнула, стиснул зубы и, приглушив рык, подбросил Эбби до цели. Понимал, что она не сможет долго держаться, поэтому, когда она вцепилась в металл пальцами, нашел опору и, сжав ремень безопасности, схватил её запястье.

Накручивал ремень на ладонь, вытягивая Эбби за собой до тех пор, пока она не ощутила под коленями твердость, а её пальцы не сжались вокруг пластмассы. Помогая ей встать, прислонился к корпусу кабинки и ощутил, как ко мне прильнуло хрупкое тело. Эбби отцепилась ото всего, за что держалась и бросилась мне на грудь.

Позволил себе вдохнуть её запах и, прикрыв глаза, за волосы прижать к себе. В этот момент я мог думать лишь о том, что никогда не простил бы себя, если бы вдруг не сумел её удержать.

— Эбби... — мне не хотелось отпускать её, но мы всё ещё сильно рисковали. — Нам нужно выбираться.

Когда она медленно отстранилась, опустил взгляд и встретился с её наполненными страхом глазами. Могло показаться, что сейчас она вот—вот разревётся, начнет паниковать и бить кулаками в грудь, но я знал, сколько в этой женщине было силы и отваги. Сколько собранности в нужную для этого минуту.

— С вами всё в порядке? Вы целы? — спросили в микрофон.

– Целы, — крикнул, не отрывая от Эбби взгляда.

Послышался металлический скрежет, заставивший голос быстро продолжить:

– Прямо под вами батут. Вы должны осторожно, повторяю: *осторожно*, спрыгнуть. По очереди. Постарайтесь не волноваться и сохранять образовавшийся градус угла.

– Давай, — тихо велел, когда голос замолк, — сделай, как он говорит.

Эбби лишь сильнее вцепилась пальцами в рубашку и отчаянно завертела головой:

– Я не смогу...

– Сможешь, — новый скрежет вынудил вдохнуть. — Просто закрой глаза и прыгни.

– Я боюсь, Дарен... я...

– Ты прыгнешь, — сказал твердо, но при этом бережно сжал её плечо, — ведь внизу тебя ждет кое—кто важный.

– Адель... — прошептала она, с пониманием смотря мне в глаза.

– Да, Адель. И ей нужно, чтобы ты была рядом.

Эбби задрожала, но кивнула. Медленно отойдя в сторону, уцепилась за бортик кабинки, а затем схватилась за левую балку. Развернувшись, я помог ей не спеша взобраться наверх, но даже после этого не убрал своей руки.

Просто знал, что так будет спокойнее. И не только ей.

– Мисс, — снова крикнул менеджер, — всё готово. Прошу, прыгайте.

Послышался очередной металлический звук и, резко подняв голову, я увидел, как ломается вторая часть железки, которая и держала кабинку на весу. Среагировал моментально: отцепившись от ремня, толкнул Эбби вниз, а затем ощутил, как что—то тяжелое ударило в затылок, и, не справившись с тупой болью, погрузился в темноту.

Ощутила резкий толчок в спину и поняла, что с огромной скоростью лечу вниз. Крик хотел сорваться с губ, но почувствовала, как на что—то приземлилась. Слегка подпрыгнув, вжалась в материал, и лишь через несколько секунд услышала голоса:

— Давай—давай—давай, убирай её оттуда! Эта штука сейчас развалится! — крики болезненно долбили по вискам. — Уходите отсюда! Быстрее! На выход, на выход!...

— Мисс, вставайте, — кто—то схватил меня за запястье, — нам нужно идти.

Ощутила резкий подъем, а затем почувствовала, как чьи—то руки помогают мне бежать. Возможно, я не до конца осознавала, что происходило, но когда услышала знакомый голос, окончательно пришла в себя:

— Биби! — повернулась и, не сдержав эмоций, рухнула на колени, позволив малышке упасть в свои объятия. — Я так испугалась, что больше не увижу тебя...

— Нет, — завертела головой, крепче прижимая к себе Адель, — этого никогда не будет. Ты не потеряешь меня,

слышишь? Где бы я не оказалась, я вернусь... всегда... — отстранившись, обхватила её маленькое личико. — Ты в порядке? Нигде не болит?

Она отрицательно покачала головой.

Я облегченно выдохнула, однако, почувствовала, что беспокойство не только не исчезло, но и наоборот — стало только сильнее. И когда услышала громкий звук ударяющегося о пол железа, поняла, почему.

— Дарен... — задрав голову, увидела, как колесо, с которого прыгнула всего минуту назад, срывается и с грохотом падает вниз.

Люди с этажа убежали как можно дальше, с криками и паникой в глазах выносясь на улицу, а я могла думать лишь о том, что где—то там был Дарен. И он нуждался во мне.

Заметив знакомое лицо, схватила Адель и побежала к двери.

— Вы почему ещё здесь?! Я же сказал...

— Прошу, присмотрите за ней, — прервала мужчину. — Мне больше некого попросить.

Менеджер не успел ответить, потому что я развернулась, а затем так быстро, как только могла, понеслась в сторону колеса.

— Куда вы...?! Мисс!! Такая же сумасшедшая, как и он, покалечит же себя...

Но я уже не слушала. Просто бежала, зная, что мужчина, столько раз спасавший мне жизнь, теперь и сам находится на

волоске.

Спасатели, прибывшие на вызов, уже были рядом с местом происшествия, освобождая территорию от нежелательных зевак и доставая необходимое снаряжение. Подняв глаза, я едва не задохнулась: колесо упало, сломав перегородки между этажами; некоторые железные балки теперь валялись на полу, как и кабинки, тоже сорвавшиеся с петель; пластмасса и прочие детали были разбросаны по полу, но сама конструкция, к счастью, больше не двигалась.

По крайней мере, я сильно надеялась, что это к счастью.

— Эй, эй, эй... туда нельзя, — один из спасателей преградил мне дорогу, мягко схватив за плечи. — Идите к выходу.

— Нет, прошу, пустите меня к нему...

— Мисс...

— Вы не понимаете, он остался там, — замерла, заметив, что тот самый «вагончик», в котором мы были, валяется в стороне, сломанный пополам и придавленный сверху огромной металлической балкой. — Нет... — прошептала, завертев головой. — Нет—нет—нет... этого не может быть... Дарен!!! — закричала, что есть мочи.

Так сильно, как не кричала еще никогда в жизни.

Резко выдернув руки из стальной хватки, рванула вперед, огибая на миг застывших работников. Чувствовала, что спасатель бежал прямо за мной, и понимала, что рискую, но знала, что никогда ещё не делала ничего более правильного.

Упав на колени перед кабинкой, проскользнула еще

несколько дюймов по плитке, а затем стала отбрасывать в сторону ненужные куски пластмассы и железа, которые была в состоянии поднять. Слезы жгли глаза, застилая их пеленой, руки слабели, дыхания не хватало, но я продолжала шептать молитву и «откапывать» человека, который так много для меня значил. Грязный кусок ткани от пиджака заставил всхлипнуть, а спасатель, который в эту секунду, упал на колени рядом, тут же напрягся.

— Майлз, — закричал он, начиная интенсивно расчищать площадку, — тащи домкрат! Он здесь!

Кто—то отвел меня в сторону, попросив зайти за ограждение.

А дальше всё было, словно в тумане.

Я слышала далекие голоса, видела профессионально суетившихся спасателей: они разрезали металл и поднимали тяжелые конструкции оборудованием. Я не знала, сколько времени простояла, пытаюсь не потерять сознание, но ноги ослабли, и я облокотилась о каменный столб. Чувствуя, как похолодели руки, и всё поплыло перед глазами, скатилась по нему вниз. Слезы ручьями хлынули из глаз. Подтянула к себе колени и зарылась в них с головой, обняв себя руками.

— Господи, помоги ему... — шептала, понимая, что силы покидают тело, — я ведь не так часто о чем—то Тебя прошу... но если с ним что—то случится... если он... — голос сорвался, я замотала головой, — я просто не смогу жить, зная, что, спасая мою жизнь, он пожертвовал своей... не смо-

гу...

– С Тигрулей ведь всё будет хорошо?

Тоненький голосок заставил сначала застыть, а затем поднять голову. Адель стояла прямо передо мной: её маленькое личико было заплаканным, волосы растрепаны, а сердечко колотилось, как сумасшедшее, — я могла бы поклясться, что слышала его стук.

– Милая, что ты... я же попросила тебя оставаться с этим хорошим дядей.

– Простите, — извинился Эндрю, — она плакала и просила отвести её к вам.

– Ничего, — кивнула и поманила малышку к себе, — иди ко мне.

Адель села рядом, положив голову мне на грудь, и я обняла её так крепко, как только могла. *Главное, больше не плакать. Чтобы не показать свою слабость.*

– Биби, мне страшно. Я не хочу, чтобы с Тигрулей что—то случилось.

– Ну что ты, родная, — поцеловала девочку в волосы, зарываясь в них лицом и прикрывая глаза, — с ним ничего не случится. Он же Тигруля. И всегда выбирается из любых передряг, верно?

– Потому что рядом с ним всегда его друзья.

– Мы тоже будем рядом, — прошептала я. — И никуда не уйдем. Согласна?

Ощутила, как Адель закивала, и лишь после этого позво-

лила нескольким слезинкам скатиться по щеке.

Если бы во мне и правда было столько силы, сколько видел во мне Дарен.

Если бы я только нашла в себе мужество заставить его прыгнуть вместе со мной.

Тогда с ним всё было бы хорошо. Всё было бы...

– Давай на носилки!

Я неторопливо поднялась с пола, всё ещё держась руками за стену.

– Он без сознания! Начинается брадикардия!

Из глаз снова потекли слезы. Я сильнее вцепилась в бетон.

– Дефибриллятор! 4000 вольт! Разряд!

– Ничего.

– Увеличивай до 5000 вольт! Разряд!

Адель вцепилась мне в ноги и отвернулась.

– Пульса все ещё нет.

– Вижу! 7000 вольт! — медики помедлили. — Давай же!

Иначе потеряем его!

– 7000 вольт.

Тишина. Звук прибора. Разряд.

Не помня себя от страха, слегка отстранила от себя Адель и сделала несколько неуверенных шагов вперед. Голосов я больше не слышала. Видела шевеление губ, замечала движение рук, суету... но была не в силах разобрать ни слова.

Не спеша приподняв ленту, прошла под ней и словно замороженная направилась к носилкам. Сердце подпрыгивало

и останавливалось. И так по кругу. Раз за разом.

Замерла в нескольких дюймах, понимая, что не в силах подойти ближе. Горло сдавил ужас, а от вида безвольного тела бросило в дрожь. Ноги подкосились, и на этот раз я зажала рот ладонью, позволяя слезам ручьями политься по щекам.

Врач что—то сказал второму, а затем поднялся и отошел. Глаза нашли то, что искали, из горла вырвался то ли всхлип, то ли нервный смешок — я не разобралась до конца.

– Эбби...

Его голос я бы узнала из миллиона похожих. Узнала бы, несмотря ни на что и вопреки всему. Развернувшись, громко выдохнула и бросилась к Дарену, едва не свалив его с ног. Он обнял меня тут же. Как можно крепче прижимая к себе.

Это было, наверное, самое прекрасное чувство на земле — ощущать человека, без которого каждый вздох кажется пустым и ненужным.

Без которого сама жизнь, как оказалось, совершенно не имеет смысла.

– Я думала, что потеряла тебя, — прошептала, вжимаясь в его тело, и вдыхая его запах. — Пыталась закрыть глаза и проснуться, надеясь, что всё это лишь дурной сон...

– Тише... — от его успокаивающего голоса захотелось плакать лишь сильнее, — я здесь. Я рядом.

Он гладил меня по волосам, и я ощущала, как по телу разливается тепло. То самое, которое я чувствовала лишь, когда он был рядом. Лишь когда вот так прижимал к себе.

— Ты вернулся... — едва различимый голос, который, однако, я узнала моментально, заставил отстраниться. Адель, личико которой всё ещё не обсохло от недавних слез, тут же бросилась к Дарену и неожиданно обняла его за ноги. Никто из нас не мог вымолвить ни слова. — Мы были с тобой, — прошептала она, — поэтому ты вернулся к нам. Ты ведь всегда будешь рядом, правда? И больше никуда не уйдешь?

Она подняла свою головку вверх, мгновенно встречаясь с его взглядом. Я наблюдала за происходящим, боясь спугнуть это мгновение. Да. Мне до боли хотелось услышать «да». Хотелось знать, что Дарен чувствует то же, что чувствую я. Но стук в голове отрезвлял — *наша жизнь не всегда складывается именно так, как мы того хотим.*

— Не уйду, — прошептал он, опускаясь перед малышкой на корточки. — Я никогда не оставлю тебя. Даю слово.

— Я верю тебе, Тигруля, — нежно произнесла Адель и, осторожно наклонившись, обняла его за шею. Дарен слегка помедлил, но всё же дотронулся до её крохотной спинки, а затем и вовсе крепко прижал к себе.

Ощутила, как по её щеке снова скатилась слеза — я не понимала, куда делся тот жестокий и высокомерный Зверь, который жил внутри этого мужчины, но, если честно, понимать и не хотела. Я всегда верила в иную его сторону, а теперь и видела её.

Так, может, люди на самом деле способны меняться? Даже те, которые, казалось бы, утратили на это всякую надежду?

Может, рядом с ними просто должен быть кто—то, кто смог бы смягчить их очерствелое сердце... кто—то, кто мог бы научить их любить...

— Оповести его семью.

Я узнала тембр и, повернув голову, увидела, как мужчину, которого вначале ошибочно приняла за Дарена, начинают увозить к выходу.

— Как он оказался под завалом? На колесе ведь больше никого не было...

— Никого и не было, — ответил Дарен, — он был внизу. И закрыл меня собой.

Санитары покидали здание и грузили мужчину в машину скорой помощи. На какую—то долю секунды мне показалось, что я заметила в глазах Дарена вину за то, что тот, кто спас его, теперь сам находится на грани. И отлично понимала это чувство.

— Мы стабилизировали его. Есть небольшие осложнения, но жизни больше ничего не угрожает. Вас бы тоже осмотреть.

Глаза санитара переместились на Дарена.

— Я в норме, — отказался он, осторожно меняя положение.

— Судя по скованности, у вас перелом третьего ребра, вывих правого плеча и ушиб левого колена. Возможно, травма головы. Не думаю, что это ваша норма.

— Значит, думать — не ваша сильная сторона, — заме-

тил Дарен, и я даже ахнуть не успела от такого «комплекта» травм. Ахнула уже совершенно по другой причине. — Я сама могу о себе позаботиться.

— Вы не правы. На вашем месте я бы...

— Вы не на моем месте, — оборвал его Дарен. — И не вам решать, прав я или нет.

В его глазах начали появляться привычные жесткость и властность. Надменность и безжалостность. Суммируя всё, чему стала свидетелем, я понимала, что Дарен здорово перегнул палку, но несмотря на то, что его слова заделли доктора, он не подал вида.

— Как скажете, — затем перевел глаза на меня. — Я рад, что с вами всё в порядке. Но если почувствуете головокружение или головные боли, пожалуйста, обратитесь к врачу.

После непровольного кивка, я ещё несколько секунд молча смотрела ему вслед, а затем не сдержавшись, развернулась к Дарену.

— Да что с тобой не так? Зачем нужно было так с ним говорить?

— Мне не нужна помощь, — только и ответил он.

Как ни в чем не бывало. Господи!

— Определенно нужна! И, кажется, не только медицинская!

— Прости? — не понял он, поднимая на меня глаза.

— Ты только что чудом избежал смерти, — еле сдерживая себя, я стала подходить ближе. — У тебя перелом ребра, по-

вреждения плеча и колена. А ещё, возможно, травма головы! И ты считаешь, что тебе не нужен врач?!

— Да, я так считаю, — отрезал Дарен. — И не собираюсь это обсуждать.

— Почему? Потому что святой Дарен Бейкер никогда не ошибается? — после этих слов он резко повернулся. Наши взгляды встретились. — Нет, Дарен, я открою тебе правду: ты ошибаешься. И даже чаще, чем все остальные.

На его лице напряглась, кажется, каждая мышца.

— Я вовсе не святой, — сквозь зубы ответил он.

— Да! Верно! Не святой! — повысила голос. — Ты обыкновенный. Но очень часто мнишь себя Богом.

— Я живу, как умею, — бросил он, — и не тебе учить меня жить по—другому. Ты не имеешь на это права. И, будучи зависимой от меня, тебе лучше помолчать.

Застыла, не ожидая, что снова услышу подобное. Не допуская даже мысли, что это возможно. Не после всего того, что между нами было.

— Да, — легко улыбнулась сквозь выступившие слезы, — ты прав. Что это со мной, — коснулась ладонью лба, а затем покачала головой. — У меня ведь есть перед тобой лишь обязательства, так? За то, что дал нам крышу над головой, спас маленькую девочку от участи жить в детском доме и навсегда разлучиться со своей семьей. За то, что просто изменил нашу жизнь... — на этих словах запнулась.

Мне не хотелось видеть его, но отвернуться оказалось вы-

ше моих сил.

— Ты даже не представляешь, что я чувствовала, когда думала, что это ты лежишь на тех носилках. Я умирала каждое мгновение, когда слышала непрекращающийся писк монитора, а они всё повторяли: разряд, разряд, разряд... — завертела головой, слезы хлынули сильнее. — Ты не хочешь осознать, что можешь быть кому—то дорог, и даже не понимаешь, что своим стремлением казаться сильнее делаешь людям вокруг больно...

В его взгляде что—то переменялось, но ни одна мышца на лице не дрогнула. Не смягчилась. Передо мной стоял всё тот же несокрушимый и волевой человек, которого я впервые увидела в тот день. И совсем не тот, каким я увидела его вчера.

— Я строил свою жизнь именно так на протяжении многих лет, потому что у меня была на то причина, — вдруг спокойно произнес он, — но менять её у меня причины нет.

Я всё ещё надеялась, что ослышалась. Мне хотелось закричать: «А как же мы?! Разве мы не причина? Разве этого мало?», но вместо этого подавила в себе нарастающее чувство и прошептала:

— Может, тогда было бы намного проще, если бы ты никогда нас не встречал? Если бы не встречал *меня*?

Секунда. Вздох. Две. Вздох. Три...

— Да, — его ответ лезвием резанул по коже, — так было бы намного проще.

Почувствовала, как крохотные пальчики внезапно сжали руку и лишь после этого задышала. Если бы не этот жест, то не выдержав, я бы, наверное, просто упала без сил. Но вместо этого опустила взгляд и, смахнув слезу, улыбнулась.

Как делала всегда, когда было тяжело.

— Мы больше не нравимся Тигруле? — в маленьких глазах мгновенно застыли слезы. Слова Адель ударили больнее и полоснули сильнее.

— Нет, милая... — попыталась опуститься перед ней на корточки, но девочка внезапно отпрянула.

— Он сказал, что мы ему не нужны, — не дождавшись ответа, она перевела глаза на Дарена, — ты сказал, что не оставишь нас. Что не уйдешь. Ты дал слово!

— Адель, послушай, я не...

— Я не хочу тебя слушать! Ты солгал мне! — она завертела головой, слезы покатались по лицу. — Я больше никогда не поверю тебе! Никогда!

С этими словами она вдруг побежала.

— Адель!... Адель, стой! — рванула за ней, чувствуя, что Дарен помчался следом.

Сейчас мне не хотелось разбираться. Не хотелось искать правых или виноватых. Хотелось лишь одного: вернуть свою девочку целой и невредимой.

Когда мы выбежали на улицу, остановилась, поняв, что не вижу её.

Не вижу свою малышку.

– Дарен....

– Вон она, — он указал на дорогу, и тут же побежал туда.

Осознав, что Адель в любой момент может угодить под колеса, сорвалась с места и понеслась быстрее, чем когда бы то ни было. Это был тот же адреналин, который я чувствовала, когда полчаса назад бежала к мужчине, за чью жизнь боялась больше, чем за собственную. И вот теперь бежала снова. И в этот раз страх практически задушил.

Закашлялась, ощущая, как в глазах темнеет, но не остановилась.

Не могла. Не имела права.

Машина вырулила из—за поворота, и я ощутила сдавивший легкие ужас.

Закричала — громко, что было мочи.

И не знала, что стало бы с моим сердцем дальше, если бы не увидела, как Дарен подхватил Адель на руки в нескольких дюймах от смертоносных колес. И если бы не заметила, как живую, но напуганную, прижал к себе.

Выдохнув от облегчения, почувствовала потекшие по щекам слезы, а затем, словно дав себе слабину, потеряла сознание.

Сидел у больничной койки, сцепив пальцы в замок и, не находя себя от беспокойства, смотрел на спящую Эбби. Когда увидел, как она падает на асфальт, ощутил, как сердце остановилось.

Мне показалось, что оно просто не пожелало биться без неё. словно мы были связаны невидимой нитью, и каждый её вдох был продолжением моего выдоха.

Когда она не дышала, я даже не хотел пытаться.

Да и разве сумел бы?

Её веки дрогнули, и я тут же выпрямился, опустившись перед кроватью на колени. Коснулся рукой её слегка влажных волос. Сейчас я жалел о каждом брошенном слове, о каждой крупице боли, которую ей причинил. Мне хотелось отмотать назад время, сделать всё по—другому, *сказать* всё иначе... но я понимал, что, даже, если бы смог вернуться, поступил бы точно так же.

Потому что Зверь привык защищаться от мира только так — вгрызаясь в горло тому, кто переступал черту. Причиняя ему сильную боль. Разбивая сердце и убивая надежду.

Только так. И никак иначе.

Эбби зашевелилась, а затем поморщилась, почувствовав, как луч солнца упал ей на лицо. Я пододвинулся, закрывая её собой, и замер, когда она начала открывать глаза.

– Адель...

– Она в порядке, — прошептал, — цела и невредима.

Сердце застучало сильнее, когда я поймал живой блеск её глаз. Глаз, которые смотрели прямо на меня. Мягко. Будто с облегчением.

– Ты здесь? — тихо спросила она, заставляя меня не спеша кивнуть.

— Я здесь, — пальцы вновь невольно коснулись светлых волос. Заметив в её взгляде вопрос, решил сам его озвучить, — снова спросишь, почему не ушел?

— Только если ты ответишь, что не смог, — так же тихо сказала она, и в её взгляде мелькнуло столько боли, сколько даже сам Ад никогда не смог бы причинить.

На это был способен лишь человек.

Осторожно взял её руку и легонько сжал в своей, почувствовав, как при этом задрожали её пальцы. Как задрожала она сама.

— Не смог. Но если после всего того, что я наговорил тебе в магазине, ты захочешь, чтобы я ушел, я пойму... если ты только дашь мне понять, что не хочешь меня видеть...

Она вкинула руку и приложила ладонь к моим губам. Её голова медленно задвигалась — этим жестом она словно говорила «молчи», и я так и сделал.

— Я никогда этого не захочу, чтобы ни случилось.

— ...мы самые ближайшие родственники, поверьте, ближе нас нет никого! — мы оба повернулись на голос, а затем дверь распахнулась, и на пороге показались два до боли знакомых лица. — О, Эбби! Ты в порядке? Мы так волновались за тебя, что места не нахо... Пол, давай сюда цветы и фрукты!

Помог ей приподняться, заметив, как она поморщилась от внезапной головной боли.

— Как вы здесь оказались? Что... — её глаза расширились,

когда она увидела Пола, вносившего в её палату две огромные корзинки. В одной были цветы, в другой — фрукты.

Следом за ним зашла ещё целая «армия» санитаров с такими же огромными плетенками в руках. Палата наполнилась цветочно—цитрусовым ароматом, и места в ней, кажется, не осталось даже для вдоха.

— Мы знаем, что ты здесь совсем ненадолго, но нам очень хотелось создать тебе атмосферу уюта и хоть немного поднять настроение, — Элейн улыбнулась, но затем слегка поникла, — перестарались, да? Тебе не нравится?

— Что? — Эбби сморгнула. — О, нет. Это... прекрасно. Спасибо.

Элейн поцеловала её в лоб и сжала руку.

— Видишь, что ты наделала? — усмехнулся Пол, указывая на Элейн. — Цветочный магазин окупился на год вперед. — а затем подошел и тоже поцеловал её в волосы. — Но я рад, что ты в порядке. Мы, правда, беспокоились.

— Не стоило так тратиться...

— О, нет, стоило. Более того, если ты посмеешь учудить подобное снова, то просто цветами не отделаешься.

На её губах снова появилась улыбка.

— Не нужно было Дарену звонить вам.

— Это был не он, — на удивление Эбби, произнес Пол, — а Адель.

— Я оставила ей свой номер на случай, если она захочет поболтать, ну, там о модных платьях или сумках... — объяс-

нила Элейн, а затем на мгновение взглянула на Пола. — Она рассказала нам, что случилось. И, помимо тревоги за тебя, я очень зла на своего брата.

Я поднял на сестру глаза.

— А что я сделал?

— Что сделал? — Элейн сложила руки на груди. — Ты все-ррез спрашиваешь это?

Хотел было объяснить, почему не рассказал о том, что сегодня произошло сразу, но не смог. Ведь на самом деле не собирался говорить. Так было бы спокойнее. И ей. И всем.

— Послушай...

— Мы обсудим это дома. И на этот раз тебе по—крупному влетит!

— Эл, он... пытался спасти *меня*, — неожиданно произнесла Эбби. — И если кого и винить в том, что с ним могло бы случиться, то только меня.

— Я знаю, милая, но в этом нет твоей вины, — Элейн нежно коснулась её щеки, — я злюсь не потому, что мой брат рискнул своей жизнью, а потому, что он скрыл от меня одну очень важную новость.

— Новость? — в один голос спросили мы.

— Да, — Элейн невольно улыбнулась, а затем завизжала от радости, — о том, что вы обручены и скоро поженитесь! Я так счастлива, словно это моя помолвка!

Напрягся, медленно переводя на Эбби глаза и, замечая, что она тоже замерла. По её глазам видел, что она всецело

разделяла те два слова, которые сейчас вертелись у меня в голове. Те два слова, которые очень точно описывали их теперешнее положение.

Два простых слова.

Вот Черт!

24. Эбигейл и Дарен

Боже. Боже. Боже—е—е.

Словами просто не описать, что я почувствовала, когда поняла, что всё это мне не послышалось. «...*Вы обручены и скоро поженитесь!*». Я должна была сходить с ума от счастья. В нормальной ситуации. При нормальных обстоятельствах. Но вместо этого ощущала страх. И огромный, всеобъемлющий, просто гигантский стыд.

Пол молчал — возможно, потому, что так до конца и не понимал, как такое было возможно. Здравомыслящий человек! А вот Элейн, пока мы ехали, не смолкая тараторила о том, какую красивую свадьбу поможет нам организовать.

Ну что я могла ей ответить?

Я ненавидела лгать. Люто ненавидела.

Но впервые за долгое время просто не представляла, как именно сказать правду.

Как подобрать слова и объяснить всё так, чтобы не разбить Элейн сердце. Ведь узнай она о том, что всё это просто представление... что бы она ощутила?

— ...ак вот когда Одетт сказала мне о том, что вы обручились...

— Что? — вырвалось у меня. — Так это она сказала тебе?

— Ох, я же совершенно забыла рассказать, — Элейн вино-

вато улыбнулась, — она проговорилась совершенно случайно. И очень долго извинялась, предполагая, что испортила весь сюрприз. Думала, может, вы хотите объявить всем на официальном приеме. Но я сказала ей, что проблем нет. Мы ведь семья, и не должны скрывать такое друг от друга.

— Да, — тихо ответила, слыша, как Дарен напряженно втянул в себя воздух.

Мы оба прекрасно знали и понимали, что Одетт Харрис не пробалтывается случайно и что, если она и сказала Элейн об предстоящей свадьбе, то сделала это лишь с одной целью — причинить вред. Я лишь надеялась, что больше у этой женщины не было никакого плана.

— Кстати, Одетт так светилась, когда рассказывала о бриллианте! Покажи его скорее, иначе я умру от нетерпения, — Элейн схватила меня за руку, а затем удивленно и осторожно подняла свои глаза. — Ты не носишь кольца?

— Я... оставила его дома, — выпалила первое, что пришло в голову.

И, кстати, даже не солгала.

— Дома? — ахнула Элейн, и её глаза тут же расширились. — Милая, нельзя снимать помолвочное кольцо ни под каким предлогом, и уж тем более оставлять его где бы то ни было. Это плохая примета. Свадьба может не состояться.

— Впредь я буду более осмотрительна. Обещаю.

Когда Элейн удовлетворенно кивнула, я отвернулась к окну.

Всё это было слишком тяжело, и я понимала, что играть долго не получится.

Я просто не смогу лгать тем, кто мне дорог.

– Не забывай принимать таблетки, которые прописал врач.

Моргнула, беспомощно открывая рот:

– Всего лишь переутомление...

– Стресс, — перебила она меня, — и, судя по тому, как здорово ты шлепнулась на асфальт, не слабый. Тебе нужен отдых. Обещай, что позаботишься о себе. Иначе я к тебе перееду.

– Обещаю, — рассмеялась я, а затем кивнула, — в любом случае, твой брат не даст мне поступить иначе.

– Знаю. И не беспокоюсь лишь потому, что даже, когда вы перестанете лгать всем вокруг, он всё равно будет о тебе волноваться.

– Лгать? — шепотом спросила, надеясь, что расценила слова Элейн неверно, но глаза, которые она медленно подняла, убили последнюю крупичку. — Как ты поняла?

– Он мой брат, — сказав очевидное, она улыбнулась краешком губ, — эта ложь слишком прекрасна, чтобы быть правдой. Сейчас. Когда все эти демоны ещё рвут его изнутри. Мне не известна причина вашей лжи, и я не стану в ней копаться. Я просто хочу, чтобы мой брат, наконец, позволил себе поверить...

– Поверить?

— Он чувствует *это* здесь, — прошептала Элейн, касаясь своей груди, — и то, что он чувствует, пугает его. Дарен скорее умрет, чем поверит в то, что способен что—то к кому—то испытывать. И что кто—то способен испытывать что—то к нему.

— Но почему?

— Наша мама умерла рано, и это стало для маленького мальчика не только сильным ударом, но и тяжелейшим испытанием, — объяснила она, а затем выдохнула. — Дарен не умеет выражать своих чувств. И часто делает что—то, от чего мучается сам. Но... так он был воспитан. Так учил его отец. Ни на кого не надеяться и быть сильнее остального мира.

Не дыша наблюдала за болью в зеленых глазах.

Элейн сильнее сжала мои пальцы в своих, а затем сказала:

— Я вижу, как день ото дня ты собираешь его душу по кусочкам. Что бы он не говорил, чтобы не делал... ты — его якорь. Его надежда на спасение.

— Эй, — внезапный стук в стекло заставил вздрогнуть.

Элейн на мгновение отвернулась, чтобы смахнуть слезы прежде, чем Пол их заметит. — Отпусти уже Эбигейл отдохнуть. Потом наболтаетесь.

Элейн закатила глаза и позволила Полу помочь ей выбраться.

— Поправляйся, хорошо? — он обнял меня и лишь, когда ощутил ответный кивок, разжал руки и направился к своему

Форду. — Не спрашиваю, едешь ты или нет, по глазам вижу, что нет, — насмешливо крикнул он, а затем приобнял Дарена на прощание.

— Почему ты так и не показался врачу? — спросила, когда он забрался в машину.

Наверное, вопрос прозвучал неожиданно, но только сам Господь знал, как долго я ждала момента, когда, наконец, смогу его задать.

— Я ведь сказал, что не стану.

— Однако меня почему—то обработали с ног до головы, — повернула запястья, показывая свои перевязки, — хотя это не я находилась под завалом.

— Ты снова заводишь эту тему?

— Да, — вызывающе ответила, складывая руки на груди. — Потому что не собираюсь делать вид, что всё в порядке.

Его скулы напряглись. Глаза налились яростью. Казалось, сейчас он вновь взорвется, выпустит наружу Зверя, но, вместо этого, лишь развернулся и зашагал ко входу в... — если не придирается к словам — ... *мой* дом.

— Не нужно идти со мной. Я в состоянии сама дойти до квартиры.

— Ты в состоянии лишь бес конца падать: то в обмороки, то на ровном месте, — сквозь зубы процедил он, практически отшвыривая дверь в стену.

От внезапного удара консьерж подскочил со стула, но ничего не сказал. Видимо, подобное поведение «жильца» было

для него не в новинку.

— Ты... — я чуть не задохнулась от негодования. Хотелось бросить что-то такое же несправедливое в ответ, но я сдержалась. — Я просто не нуждаюсь в сопровождении.

— Это не тебе решать. Заходи, — велел он, когда створки лифта открылись.

— И не подумаю, — сложила руки на груди и бросила на него свой гордый взгляд.

Пусть знает, что не подчинил меня себе.

— Тебе лучше зайти по собственной воле, — сдерживаясь, но явно из последних сил, предупредил Дарен.

— Или что? — тихо спросила я. — Затащишь меня силой? Мышцы на его лице мгновенно напряглись. Он злился. Очень сильно злился.

— Заходи в этот чертов лифт...

— Нет! Я с места не сдвинусь, пока ты не согл... — взвизгнула, когда Дарен подхватил меня на руки и, перекинув через плечо, зашел в кабину.

Он сделал это так легко, словно я была пушинкой и... Господи, от его силы и властности у меня мурашки понеслись по коже. Сейчас я в самом деле готова была ему повиноваться, и... *нет—нет—нет. Черт!*

— Отпусти! У тебя нет никакого права хватать меня! — пыталась говорить уверенно и сердито, но мой вопль скорее напоминал томный вздох.

Божееее. Этот мужчина истинный Дьявол!

Когда собиралась снова закричать, он неожиданно поставил меня на ноги, а затем всё с той же злостью долбанул по кнопке лифта.

— Что? Доволен собой?! — сдувая растрепавшиеся локоны с лица, спросила я.

— Я предупреждал, — просто, но как—то тихо ответил он.

— Это тебя не оправдывает! Так, как ты поступил, делает только варвар со своей добычей или хозяин со своей работой! А я для тебя, уж прости, ни та, ни другая!

— У меня был иной способ заставить тебя зайти в этот хренов лифт? — заорал он, резко разворачиваясь ко мне.

Его глаза горели такой свирепостью и таким огнем, что заставили инстинктивно вжаться в стенку. Я не боялась Дарена, но боялась того, *кто* жил внутри него.

— Был, — тихо ответила, стараясь преодолеть свой страх, — если бы ты позволил помочь тебе, если бы согласился на медицинскую помощь...

— Дьявол! — резко долбанул ладонью по холодному металлу, вынуждая меня на мгновение прикрыть глаза. — Почему всё повторяется по кругу?! Почему ты никак не поймешь, что мне не нужна ничья помощь?!

— Но тебе больно... — одними губами прошептала, замечая, как почти мгновенно переменялось выражение его лица. Ярость полностью уступила своё место тому пламени, которое всего минуту назад я видела в его глазах.

— Постоянно, — еле слышно ответил он, — мне больно

постоянно. Это часть меня. И ни врачи, ни кто—либо ещё не в силах это изменить. В ту секунду, когда я перестану чувствовать боль — я буду мертв.

Затаила дыхание, с мучением смотря ему в глаза и понимая, что, наверное, впервые в жизни этот мужчина признался в том, что чувствует на самом деле. В этот момент раздался до боли знакомый звук и двери лифта открылись. Дарен развернулся, чтобы выйти, но помедлил.

— Элли... — имя сестры произвольно слетело с губ.

— Слава Богу, — она выдохнула, дрожащими пальцами стискивая трубку. — Я уже просто не знала, что делать... вас нет... телефон доктора Эмерсона не отвечает...

— Что случилось? — сердце опустилось, предчувствуя беду.

— Мэнди... — всхлипнула она. — Действие препарата кончилось и...

Из квартиры донесся душераздирающий крик, который заставил всё внутри похолодеть. Я не помнила, как добралась до комнаты, лишь то, что бежала туда, сбивая ноги и стараясь сдерживать слезы.

— ...нет! Отпусти меня! Не трогай! Отпусти...

Ухватилась за край косяка, не в силах пошевелиться. Тайлер из последних сил, как мог, сдерживал Мэнди, прижимая её к себе, пока она, полностью утратив над собой контроль, отбивалась ногами и пыталась вырваться.

— Детка, пожалуйста...

— Я хочу умереть! Дай мне умереть... — обессилено качала головой она, пока по щекам текли слезы, — я не смогу так жить... не смогу...

В этот момент Тайлер поднял голову и посмотрел мне прямо в глаза. Мимолетно. Наверное, всего на секунду задержав взгляд, но и этого оказалось достаточно для того, чтобы я заметила в них боль. Сумасшедшую. Ту самую, от которой чувствуешь бессилие, отчаяние и страх.

— Она ничего не говорит, — смотря куда—то сквозь меня, вдруг сказал Тайлер. Он еле сдерживал дрожь в руках. — Я не понимаю, как помочь... просто не знаю...

— Отойди, — голос, раздавшийся за спиной, заставил выдохнуть. — Подальше.

Я медленно повернулась и тут же встретилась с бешеным, почти что нечеловеческим взглядом синих глаз, и этот самый взгляд заставил Тайлера подчиниться. Он осторожно, словно загипнотизированный, отошел в сторону, нехотя разжав руки, пока Мэнди, лишившись его опоры, беспомощно скатывалась по стене вниз. Моя девочка осела на пол и обхватила руками голову.

— Мэнди, — позвал её Дарен, а затем начал приближаться, — посмотри на меня.

— Не могу... — срывающимся голосом повторяла она, — не могу...

— Посмотри, — властно повторил он, заставляя Мэнди лишь ослаблено качать головой. Дарен резко схватил её,

поставил на ноги, а затем практически впечатал в стену, вынуждая её зажмуриться и заплакать сильнее.

— Какого хрена вы творите?! — не выдержав, заорал Тайлер. — Это, по—вашему, помощь?!

Но когда он попытался подойти, мгновенно встретился с горящими, как Ад, глазами.

— Сделаешь ещё хотя бы шаг, и я сверну тебе шею, — яростно прохрипел Дарен, и его слова подействовали именно так, как и должны были — отрезвляюще.

Даже видя его впервые в жизни, он каким—то образом ощущал, кто именно перед ним стоял. Чувствовал, что сейчас в обличии этого мужчины с ним говорил сам Дьявол.

А я просто ему верила. Просто знала, что даже будучи самой адской сущностью на Земле, он никогда не причинит моей семье вреда.

— Я не могу... — прошептала Мэнди, смотря Дарену в глаза, — ... не справляюсь... — она всхлипнула, а затем ухватилась за его руки, — ... это глубоко внутри меня...

— Знаю...

— Нет... — она быстро завертела головой, — не знаете... вы не видели всего...

— Так расскажи мне, — мягко попросил он. — Отдай часть своей боли.

Молчание, заполнившее комнату, длилось будто целую вечность.

Тиканье часов. Сбившееся дыхание. Неровное биение

сердце.

Я различала каждый звук. А ожидание медленно убивало.

— Они накачали меня... — её шепот прорезал тишину, — ...ещё в клубе... тот другой... он просто оказался сильнее... — её голос сорвался. — ... Я кричала и умоляла его остановиться, но он лишь улыбался и говорил, что всё будет хорошо... — она завертела головой, — это всё, что я могла... всё, что могла...

Тайлер сжал зубы и отвернулся, запустив пальцы в волосы, а затем со всей дури долбанул кулаками по стене. Я безвольно опустилась на дрожащие колени и прижалась лбом к дверному косяку. Слова Мэнди снова и снова прокручивались в голове, но я отталкивала их, понимая, что если допущу хоть одну мысль о том, что мне не послышалось, то весь этот ужас станет реальностью. Жесточкой, неизменной реальностью, которая будет грызть мою сестру изнутри всю оставшуюся жизнь... ведь разве возможно с этим жить?

Как возможно с этим жить?

— Ты сможешь жить с этим, — произнес Дарен, будто слышал её мысли, — это будет нелегко. Каждый день ты будешь чувствовать эту боль, но со временем она притупится. Со временем тебе станет легче.

— Не станет... — по щекам Мэнди текли слезы, и она отчаянно хваталась за его рубашку. — Лекарства нет. Препараты, врачи, сеансы... они не помогут забыть... ничто не поможет заглушить муку, от которой не хочется жить...

Я медленно подняла глаза. Тело Мэнди сотрясилось в рыданиях. Умирало секунду за секундой. Я отчаянно замотала головой, а затем бросилась к сестре.

— Больше никогда не смей так говорить, — строго прошептала, прикрывая глаза, — слышишь? — слегка трянула её, прижимая к себе сильнее. — Ты будешь жить. Ради нас. Ради Тайлера. Ради себя самой. И когда тебе будет больно... — сделала вдох, — когда ты будешь чувствовать, что вот—вот готова шагнуть в пропасть... я будем рядом, чтобы протянуть свою руку. Каждый из нас. Всегда.

Мэнди зарыдала сильнее, но лишь глубже зарылась в моих объятиях.

— А если у меня не хватит сил... Эбби, если их не хватит...

— Тогда я отдам тебе свои, — ответила с готовностью, прижимая её к себе. — Отдам все, без остатка. Только борись. Только не смей сдаваться.

Мэнди слабо кивнула и крепче меня обняла.

Я прикрыла глаза, вдыхая родной запах, исходивший от её волос.

Никогда, никому из тех, кого люблю, я не позволю опустить руки. Пойду за ними и в огонь, и в воду, жертвую собственным счастьем и, если будет необходимо, отдам жизнь.

Буду рядом до самого конца.

Лишь бы они позволяли.

Лишь бы *Он* позволил...

Смотрел в панорамное окно гостиной, наблюдая за проезжающими вдалеке машинами. Сжал пальцы, когда ощутил, как руки вновь затряслись. Картинки из минувших дней начали мелькать, как анимационный фильм, причиняя адские мучения, через которые мне приходилось проходить снова и снова. Бес конца.

Я не мог забыть ни секунды прошлой жизни, как бы сильно ни старался. Не мог выкинуть из головы тот день. Тот вечер. И ту ночь, которая навсегда изменила мою жизнь.

Изменила *меня*.

Демоны, которые этим вечером так отчаянно пытались пробраться в душу Мэнди, уже долгие годы были моей неотъемлемой частью. И я знал, какого было каждое утро просыпаться с мыслью, что ни ты, ни кто—либо ещё не в силах этого изменить.

Что теперь *это* твоя реальность. И что тебе придется с ней жить.

– Спасибо.

До боли тихий и мягкий голос заставил в мучении прикрыть глаза. Я не мог находиться рядом с ней и не причинять боли. Но и изменить себя тоже не мог.

– Я ничего не сделал, — сглатывая, ответил я.

– Ты сделал многое. Моя сестра доверилась тебе. И ты ей помог.

– Просто подобрал слова, — развернулся, чтобы уйти,

но застыл, встретившись с её голубыми, как небо, глазами, смотрящими мне прямо в душу.

Точнее в то, что от неё осталось.

— Ты знал, что сказать, — прошептала Эбби. — И за это я буду всегда тебе благодарна.

Она опустила глаза и обхватила себя руками, словно пыталась от чего—то защититься или наоборот, что—то удержать внутри себя.

— Как ты?

— Лучше, чем Мэнди, — еле слышно ответила она, и я почувствовал на себе всю тяжесть её ноши. — Всё, что с нами происходит... всё это кажется мне одним диким кошмаром... — её взгляд стал стеклянным, а затем она завертела головой, — больше всего на свете мне хочется просто открыть глаза... просто проснуться и всё забыть... но каждый раз я понимаю, что это не сон. И что люди, которых я люблю, будут всё это помнить.

— Ты будешь рядом, чтобы им помочь.

Эбби подняла голову. Я и сам не ожидал, что скажу подобное, но понимал, что не просто должен, что хочу её поддержать. Хочу дать понять, что у неё хватит сил для борьбы.

— Разве одного моего желания достаточно? — спросила она, внимательно заглядывая мне в глаза.

Я молчал, прекрасно понимая, что теперь мы говорили вовсе не о Мэнди. И не о том, что происходило все эти дни. Мы говорили не о той боли, которую чувствовала её семья.

А о той боли, которую испытывал я сам.

— Иногда одного желания недостаточно, — признался, зная, что своим ответом причиняю ей боль. Но понимая, что не могу ей солгать.

Эбби резко выдохнула и, чтобы не видеть её разочарования, я отвернулся.

Чтобы не испытывать ту боль, существовать бок о бок с которой я ещё не научился.

Ту боль, которая ломала меня сильнее, чем любая другая. Из коридора неспешным шагом, запустив руки в карманы джинсов, шёл Тайлер. И я решил, что его появление — подходящая возможность сменить тему.

— Я знаю, что может помочь Мэнди.

— Что? Снова швырнете её в стену? — раздраженно бросил парень.

— У тебя ко мне претензии? — не без интереса спросил, бросая ему вызов.

— Да, — ответил Тайлер, широко расставляя ноги и складывая руки на груди. — Я не позволю мужику с замашками деспотичного кретина приходить к моей девушке и делать ей больно. Особенно, когда каждое неосторожное слово может заставить её свести счеты с жизнью.

— Справедливо, — я встал точно в такую же позу, — но, если мне не изменяет память, то именно этот деспотичный кретин смог совладать с ситуацией, пока слабовольный влюбленный идиот топтался в углу и паниковал, как ребен-

НОК.

— Да, я испугался. Вы правы, — Тайлер дерзко ткнул в меня указательным пальцем. Его лицо приняло жесткий вид. — Но теперь и впредь во мне всегда будет достаточно сил для того, чтобы справиться с любой ситуацией. Я буду защищать Мэнди до последнего своего вздоха, потому что в ней вся моя жизнь. Сегодня я совершил ошибку. Но больше никогда не повторю её снова.

— И почему я должен тебе верить?

— Вы и не должны, — вдруг уверенно ответил Тайлер, и я заметил, как загорелись его глаза. — Мне просто плевать на ваше мнение.

— А не боишься, что я это изменю?

— Не боюсь. И готов ответить за каждое своё слово.

Его ответ заставили уголки губ слегка дернуться. Еле заметно, возможно, даже заметно только мне одному. В этом парне определено что—то было. Но, самое главное, его дерзость и готовность жертвовать собственной жизнью — были не простыми словами.

А будущим поступком будущего настоящего мужчины.

— Может, вы померитесь мускулами немного позже? — встряла в наш разговор Эбби, разозлено вставая между ними. — Сейчас для этого не самое удачное время.

— Вы правы, мисс Дэвис, — Тайлер перевел на неё свой смягченный взгляд. — Извините, что стали свидетелем моей вспыльчивости.

Взял вину на себя.

Ещё одно очко в его пользу.

— Что поможет Мэнди? — еле слышно спросила она, поворачиваясь ко мне.

— Я знаю место, где ей смогут помочь. Понадобится время, чтобы добраться туда и пару дней, чтобы сделать то, что необходимо, но если ты веришь мне, я...

— Когда мы едем? — оборвала меня.

Как сильно нужно верить человеку свою жизнь, чтобы вот так вот запросто сказать ему «да»? Чтобы доверить самое близкое, что имеешь?

— Если вы готовы, то прямо сейчас.

— Да, — кивнула она. — Да, конечно, готовы. Элли и Адель...

— Поедут с нами, — я не позволил ей договорить, — вам стоит быть вместе.

— Я тоже поеду, — выступил Тайлер, и прежде, чем кто—то и что—то ему ответил, добавил. — Я хочу быть рядом с ней. Я уже говорил.

— Хорошо, — согласился, а затем подошел ближе, — но, если попытаешься вмешаться в то, чего не понимаешь, я сверну тебе шею. И на этот раз серьезно.

— Мне просто нужно быть с ней.

Кивнул, увидев понимание в глазах, а затем достал из кармана мобильник.

— Вызовем такси или поедем на служебной? — услышал

её вопрос.

— Машина не подойдет. Чтобы добраться туда, нам понадобится кое—что побольше, — тихо сказал, — и пошумнее, — после этого нажал на вызов.

Когда мы поднялись на крышу пентхауса, большой и шумный транспорт — как я выразился — уже ждал своих пассажиров. Вокруг него суетились люди. А я смотрел на Эбби, которая хлопала глазами, пытаясь то ли принять, что ли развидеть очевидное.

— Это же...

— ... вертолет, — закончила за неё Элли. — Один из самых небезопасных видов транспорта.

— Но один из самых прекрасных, — прошептала Мэнди, и девушки тут же затихли.

— Сэр, мы выполнили все указания, — отчитался Дэрк — один из моих главных работников. — Ваш вертолет готов к полету.

— *Его* вертолет? — акцентировала Эбби, совершенно не скрывая своего изумления. — Может быть, у него в арсенале ещё и самолет имеется?

Она нервно усмехнулась, видимо, даже не предполагая, что услышит.

— Имеется, мисс Дэвис, — ответил Дэрк, помогая ей застегнуть жилет. — В данный момент его как раз перепрошивают.

Улыбнулся, заметив её реакцию: она снова открыла рот, но на этот раз ещё и расширила свои глаза. Покачал головой и отвернулся, чтобы достать жилет и для себя, и в этот момент услышал тоненький детский голосок:

— Биби, мы полетим на этом? — Адель вопросительно посмотрела на Эбби.

Она кивнула и опустилась перед малышкой на корточки.

— Да, милая. Это вертолет. Помнишь, мы как—то раз летали на самолете?

— Тот большой с крыльями?

— Верно. Этот такой же, только поменьше. И летит немного быстрее.

— А мне не будет страшно? — настороженно спросила она после того, как Дэрк застегнул на ней жилет.

— Никогда, — вмешиваясь в их разговор, не давая Эбигейл ответить, — ты же самая храбрая девочка супергерой на свете, помнишь? — Адель перевела на меня глаза, и только после этого я позволил себе медленно опуститься перед ней на корточки. — Я знаю, что обидел тебя. Мне очень жаль. Меньшее, чего мне хотелось — причинять тебе боль.

— Я знаю, — понимающе ответила малышка. — Биби мне всё объяснила.

Мимолетно взглянул на Эбби, замечая, как она вдыхает.

— И ты больше не сердишься на меня?

Девочка отрицательно покачала головой.

— Ты по—прежнему мой Тигруля, — она сделала шаг, а за-

тем внезапно меня обняла. Я ощутил тепло, и непроизвольно сомкнул руки. — Я тоже не хотела тебя расстраивать, — прошептала мне в ухо. — У тебя доброе сердце.

Почувствовал, как застучало сердце и, когда Адель отстранилась, встречаясь с моими глазами, понял, как сильно к ней привязался.

Каким—то чудным образом она сумела установить связь с тем, кто, казалось бы, уже давно исчез — ей удалось вернуть надежду маленькому мальчику, который когда—то верил в добро и волшебство. Который мог чувствовать и любить. Мог просто жить и не оглядываться назад. И ещё не знал, что такое бороться каждую секунду своего существования за то, что уже никогда не будет ему принадлежать — самого себя.

— Сэр, жилеты розданы, надеты и надежно зафиксированы, я всё проверил. Остальные пассажиры уже в кабине. Вы можете лететь, — отчитался Дэрек, после чего Адель вдруг повернулась к нему.

— Спасибо. Сегодня ваши услуги больше не потребуются.

— Да, мисс, — его губы тронула улыбка.

Дэрек поклонился, а затем бросил мне ключи.

Я снова улыбнулся, в который раз убеждаясь, какая эта девочка не по годам смышленная и умная. Даже в шестнадцать не все похващаются подобной сообразительностью, что уж говорить о шести?

— Я всё уладила, — Адель снова посмотрела на меня.

— Что бы я без тебя делал, — иронично отозвался, хотя малышка восприняла это со всей серьезностью.

— Не знаю, — тихо ответила она, испуганно качая головой, а затем убрала руки с моей шеи. — Но пока я рядом, тебе не о чем переживать.

Она побежала к вертолету, в салоне которого Элли уже протягивала к ней руки.

А Эбби тем временем подошла ближе.

— Иногда она бывает слегка... эксцентрична.

— Есть в кого, — заметил, когда мы подошли к вертолету. — Лишь бы до такой же стадии не дошло.

— Прости? — ахнула она, снова невольно открывая рот. — Ты на меня намекаешь?

— Разве здесь есть кто—то ещё с неизлечимыми странностями?

— Ты... ты... невыносимый, грубый и... эгоистичный! — выкрикнула она, подобрав, наконец, нужное слово. — И у меня нет совершенно никакого желания лететь с тобой в одном вертолете!

— Второго у меня нет. Поэтому, если ты закончила, садись.

Она бросила на меня свой фирменный гневный взгляд, но всё же забралась в кабину, позволяя мне закрыть дверцу. Когда я сел в кресло пилота, заметил, как Тайлер вопросительно и слегка воодушевленно глядит на меня исподлобья.

— Надень, — не поворачивая головы, сказал, протягивая парню наушники.

— Вау, круто! И вы дадите мне порулить?

— Нет, — резко отрезал, тоже надевая аппаратуру.

— Ладно, — тут же послушно кивнул Тайлер, — но попробовать стоило.

На автомате отщелкнул нужные кнопки, повернул необходимые рычаги, а затем нажал кнопку запуска. Лопасты начали двигаться и разгоняться. Проверив все показатели двигателей, топлива и пробежавшись по остальным «циферблатам», позволил вертолету покачнуться и оторваться от земли.

Отключился от всех посторонних звуков, прислушиваясь к одному единственному — механизма вертушки. Пока вертолет набирал высоту, не прекращал наблюдать за показателями. Во всем, что касалось видения бизнеса и управления, Томас Бейкер приучил сына к трем главным вещам: порядку, вниманию и осторожности. И это единственный данный им урок, за который я до сих пор был ему благодарен.

— Океан! — восторженно воскликнула Адель. — Смотрите, какой огромный!

— Да, на твоей ладошке точно не поместится, — выдохнула Элли, придвигаясь к окну. — Это потрясающе... правда же, Эбс? От такой красоты можно задохнуться.

Глянув в зеркало, заметил, как Эбби улыбнулась. Несмотря на то, что она до дрожи боялась высоты, как и сестра, загипнотизированная открывающимся перед ней видом, лишь придвинулась ближе. Даже Мэнди, удобно устроив свою го-

лову между спинкой кожаного сиденья и стекла и закутавшись в теплый плед, зачарованно смотрела на бескрайний океан.

Вода всегда завораживала — в силу своей природы просто не могла влиять иначе. А когда ты смотрел на неё с высоты, чувствовал что—то совершенно особенное. Словно ощущал, как перед тобой открывается мир — опасный и прекрасный, близкий и далекий. Будто бы достаточно лишь протянуть руку, чтобы его коснуться.

– Куда мы летим? — донесся голос Тайлера.

– Название ни о чем тебе не скажет.

– Что, этого места нет на карте? — усмехнулся парень.

Медленно развернулся, взглядом давая понять, что задавать вопросы, а особенно подобные, больше лучше не стоит. Тайлер мгновенно стер с лица свою теперь уже не такую уверенную улыбку, а затем сделал его серьезным и выпрямился в кресле. Наверное, если взять этого парня под контроль, из него может выйти что—то путное.

Элли надела наушники и достала свой блокнот. Всю дорогу она делала какие—то пометки, часто поглядывая в окно, словно искала вдохновение или собирала материал для очередной взрывной диссертации. Адель вырубилась примерно через полчаса. Сейчас, спустя некоторое время, она тихо и мирно посапывала на коленях у Мэнди, которая, подперев голову одной рукой и, положив вторую на тело сестренки, тоже спала.

Я лишь надеялся, что так же спокойно и ровно, видя только хорошие сны.

Неожиданный храп, раздавшийся на всю кабину, вынудил меня оторваться от зеркала и перевести взгляд. Протянул руку к своему соседу и повернул его голову набок, заставляя замолчать. Тайлер слегка застонал и, нахмурившись, передвинулся, чтобы сменить позу, а затем снова погрузился в глубокий сон.

Меньше, чем через час бескрайний океан начал сменяться всё большим числом островов, а затем полностью превратился в те самые знакомые скалы и леса, которые были для меня вторым домом. Я начал переключать кнопки управления, параллельно проверяя в норме ли показатели и начиная потихоньку подготавливать вертолет к посадке.

— Это то самое место? — тихо спросила Эбби, замечая, что мы снижаемся.

— Да, — ответил, неотрывно смотря вперед. Почувствовав, как от знакомой улыбки старика тело наполняется теплотой. — Мой дом.

Когда ползковые шасси вертолета коснулись земли, отключил двигатель, прислушиваясь к звуку затихающих лопастей. Окончательно отжав необходимые кнопки, снял наушники и, открыв дверцу, выбрался из кабины.

— Чевеио, — Кваху направился к нему, приветственно раскинув руки, и, воспользовавшись этим, я закрыл глаза и обнял старика.

– Я не должен был пропадать так надолго, — прошептал, ощущая, как индеец кивает, а затем хлопает меня по спине.

Когда отстранился, Кваху на мгновение сильнее сжал мои плечи.

– У каждого поступка есть причина. Но я горд, что ты не ставишь их выше своих обещаний.

Коротко кивнул, а затем почувствовал знакомые шаги и сделал вдох.

– Я хочу кое с кем тебя познакомить, — начал, медленно отступая в сторону, — это *Кола*¹⁸. Мои друзья. И им нужна твоя помощь.

Улыбка с лица Кваху тут же исчезла. Он сделал несколько шагов, внимательно оглядывая тех, кто прибыл. Я знал — в этот момент вождь племени призвал своего Духа.

– В глазах Ничууинтку¹⁹ нет жизни, — произнес индеец, останавливаясь возле Мэнди, которая от волнения задышала чаще.

Он медленно поднял свою ладонь, на некоторое время задерживая её в воздухе, и всего через несколько секунд дыхание девушки выровнялось. Она перестала дрожать и нервничать, а цвет её лица стал заметно розовее.

– Как вы... — я знал, что Эбби заметила каждое изменение в сестре, именно поэтому так изумленно смотрела на старика. — Это что, какая—то магия?

¹⁸ Кола – на языке индейцев Сиу означает «Друг».

¹⁹ Ничууинтку – на языке индейцев Сиу означает «Дочь»

— Это Дух, — ответил Кваху. — И Ему понадобится время, чтобы ослабить Их.

— Их? — переспросила Эбигейл. — Кого их?

— Демонов. — пояснил Кваху. — Они существуют внутри нас подобно тени, и лишь, когда мы начинаем кормить их со своей руки, обретают мощнейшую силу, способную разрушить весь живущий в нас свет.

— Но этого ни за что не произойдет, — до боли знакомый голос заставил Дарена повернуться. Женщина, фактически заменившая ему мать, вышла вперед. — Великий Вождь поможет её Чанте²⁰ вновь наполниться светом. — улыбнувшись гостям, она подошла ко мне и, окунув два пальца в чашу, нежно провела по моей щеке. — Я рада, что ты снова дома. Нам не хватало тебя.

Накрыл её руку своей, позволив теплу от прикосновения ненадолго задержаться на коже, а затем мимолетно коснулся губами внутренней стороны её ладони.

— Алита, — с любовью произнес Кваху, заставляя женщину повернуться, — луна перестанет светить, а моя жена никогда не научится сидеть на месте.

— Не когда мой Чевеио здесь, — улыбнувшись, ответила она, — даже Великому Духу не под силу удержать мать от встречи с сыном.

— Иногда мне кажется, что его ты любишь больше, чем меня.

²⁰ Чанте – на языке индейцев Сиу означает «Сердце»

— Моё сердце поделено пополам и каждая его часть отдана вам в равной мере, — ласково ответила она, а затем перевела глаза на гостей. — Живите долго и счастливо, — поприветствовала Алита каждого, совершив тот же самый обряд с чашей. — Пусть это место станет и вашим домом. *Кола* нашего сына, *Кола* и для нас.

— Спасибо, — прошептала Эбби, когда Алита коснулась её щеки.

Она улыбнулась, а затем осторожно, со всей возможной теплотой подарила ей своё благословение. Ладонь моей матери задержалась на её лице чуть дольше, а, когда она повернулась, я всё понял по её глазам.

Умение чувствовать и видеть людей, лишь прикасаясь к ним, было её небесным даром. И она, несомненно, узнала у Неба всё, что хотела.

— Переоденься, — велел Кваху, когда мы приблизились к поселению, — сегодня праздник у костра. Каждый, кто присутствует на нем, должен соответствовать.

Кивнул, а затем, глубоко вдохнув прохладный воздух приближающейся ночи, направился к своему домику. Я прекрасно знал правила этого племени, как и то, что они распространялись абсолютно на всех. Индеец ты или белый, верующий или атеист, но до тех пор, пока твоя нога находится на землях резервации, ты обязан поступать так, как прописано в законе племени.

Особенно, если не по крови, но по духу, ты являешься

сыном Великого Вождя.

Когда вышел, услышал звонкий смех и тут же повернул голову. Я узнал бы это звучание из миллиона похожих, потому что голос, который жил в сердце, никогда не спутал бы ни с каким другим. Эбби улыбнулась, когда её окружили несколько индейских ребяташек, играющих около неё в салки, а когда они закружили её, вызывая новую волну смеха, ощутил, как что—то ёкнуло внутри.

Узнал на ней мамино платье цвета слоновой кости до колен и белые сапоги. Её волосы были распущены, и их украшал ободок, с одной стороны которого выглядывали несколько перьев. Она закрыла глаза, поддавшись детской игре, и засмеялась звонче, когда они все разом обняли её за ноги.

В то время, как я сам пытался справиться с тем, что испытывал.

– Ты считаешь, что твоё сердце останется холодным навсегда, но я вижу, что его лед уже тронулся.

Сделал вдох, понимая, что убежать от разговора с Вождем великого племени у меня нет совершенно никаких шансов.

– Ночь правит лишь половину всего времени, — повторяя его же мудрость, сказал я. — Но и солнцу не суждено светить вечно.

– Ничто не совершенно и ни у одной материи на этой Земле нет безграничной власти, — согласился Кваху. — Даже Великий Дух несет собой две сущности: светлую и темную.

Но лишь та начинает преобладать над его решениями, которой он дает на это волю.

Мы оба молчали, наблюдая за ярко горящим костром. Знакомые звуки окутывали воздух, создавая ощущение дома, а тишина помогала распутывать мысли.

– Возможно, моя жизнь просто не должна быть другой. Возможно, мне не суждено измениться, — тихо произнес, всё так же не сводя с Эби глаз. — И если это действительно так, то меньше всего на свете я хочу причинить ей боль.

– Наша жизнь подобна мерцанию ночного светлячка, — неожиданно произнес Вождь, заставляя меня перевести на него взгляд, — она так же прекрасна, но, вместе с тем, и так же быстротечна. Знаешь, в чем мудрость этой поговорки, Чевеио?

– В том, что нужно использовать каждое мгновение жизни? — предположил, и тогда Кваху не спеша развернулся.

– В том, что нужно принять боль и смерть, как её неотъемлемую часть, — объяснил, дотрагиваясь до моего «сердца». — И не бояться чувствовать что—то вот здесь.

– Я не способен что—то чувствовать.

– Если бы это было так, то тебе бы не было так больно, — тихо сказал Кваху так, словно знал это. — И ты не понимал бы, что былая пустота начинает заполняться.

– Вождь...

– Её любовь сумела тронуть ледяное сердце маленького мальчика, — перебил он меня, — и потеряв её, этот мальчик

навсегда утратит свой Свет.

– Это тоже мудрость твоего народа? — шепотом спросил я.

– Не моего, — ответил Кваху, отступая назад, — твоего. Я смотрел Вождю вслед, ощущая, как это самое сердце, про которое он говорил, начинает болезненно сжиматься.

Холодное сердце не может так биться.

Покрытое толстым слоем льда, оно должно послушно молчать.

Создавать видимость и только.

Не переставая напоминать, что хранит в себе только пустоту.

Но когда она находилась рядом, когда я слышал её смех, ощущал запах и чувствовал легкое касание пальцев, всё моментально переворачивалось. Моё сердце делало то, что многие годы казалось невозможным: вопреки всему, наперекор каждому моему убеждению оно гулко стучало, отзывалось, заставляло чувствовать.

И теперь я понимал, что хотел сказать Вождь.

Даже если это будет мимолетно, даже если продлится всего одну ночь или одно мгновение, я должен позволить этому произойти.

Должен позволить своему чувству освободиться от железных оков.

Хотя бы на одну ночь.

Хотя бы на одно мгновение.

25. Эбигейл

Его глаза всегда пленили меня. Синие, бездонные, наполненные болью и дикой свирепостью, но, в то же время, невероятной мягкостью и нежностью.

Я никогда не понимала, как в ком—то одном может существовать и дышать две совершенно противоположные сущности, но лишь сегодня осознала, что это неотъемлемая часть каждого человека.

Ангел и Демон владеют нашей душой в равной степени.

С самого рождения и до последних дней жизни.

Но кто мы в действительности, и чей голос становится голосом нашего сердца, зависит лишь от нас самих.

От нашего выбора.

Его долгий и невероятно ласковый взгляд заставил невольно улыбнуться.

Медленно отвернулась и прикрыла глаза.

Я все ещё не верила, что всё, что происходило, было наяву. Ведь это была самая прекрасная моя реальность. И даже, если бы всё это оказалось одним большим прекрасным сном, я просто попросила бы, чтобы он длился вечно.

Плавные звуки флейты заставили медленно открыть глаза. Группа индейцев из племени расположилась на земле у костра, держа в руках свой особый деревянный инструмент,

а все остальные, заслышав музыку, начали собираться вокруг.

Какая—то невидимая сила поманила меня, и я заворожено направилась к костру, неслышно прислоняясь к коре дерева. Один из сиу улыбнулся и резво ударил по барабанам, подзадоривая другого сделать то же самое. Ещё один так же умело подхватил ритм и заиграл на трещотке. Несколько индейцев весело закричали, то замирая над своим инструментом, то наоборот — не смея прерывать его звучания, и я осознала — такими были их традиционные песни.

Я не понимала сиуанский, но чувства, которые вызывало их пение, делали это ненужным. От каждого слова, от мелодии каждого инструмента у меня перехватывало дыхание. Казалось, что в этот самый момент вместе с ними в пении соревнуется сама природа: птицы, деревья, горные ручьи — всё в эти секунды ожило и заиграло свою собственную музыку.

И ничего прекраснее было просто невозможно представить.

Потому что ничего прекраснее просто не существовало.

– Волшебно, верно?

Слегка вздрогнула, но тут же расслабилась, ощущая тепло от присутствия Алиты, которая так же неотрывно смотрела на костер.

– Да... невероятно волшебно, — почти прошептала, чувствуя, как что—то словно манит меня к костру.

— Это место наполнено магией, но увидеть её может лишь тот, кто добр сердцем и чист душой, — сказала жена Вождя, а затем медленно перевела на меня глаза. — В тебе живут любовь ко всему живому и огромное терпение. Ты *Шейенна* — «сильная духом». Лишь подобным тебе под силу менять увековеченное и склонять к своим ногам эпохи. И только ты способна разрушить темный мир и вступить в борьбу с Дьяволом, чтобы высвободить плененный им свет.

Выдохнула, а затем ощутила ладонь Алиты на своей щеке.

— Ты достойна моего сына, как никто в этом мире, — болезненным шепотом произнесла она. — Я лишь надеюсь, что он вовремя осознает, что так же достоин тебя.

Сердце забилося сильнее.

Почувствовала, как малышка запрыгивает мне на спину и звонко смеется.

— Давайте скорее, там уже всё начинается, — воскликнула радостная Элли. — Я жду вечер с таким нетерпением! Ничего подобного в жизни не видела! А что сегодня за праздник?

— Я просто не сомневаюсь, что тебе понравится, — улыбнулась Алита, — сегодня мы отмечаем *Чанте* — праздник Сердца.

— Чанте... — Элли растеряно повертела головой и задумалась, начиная что—то судорожно вспоминать. — Нет—нет—нет, я перечитала очень много исследовательских статей и книг, но никогда не слышала ни о чем подобном.

Алита кивнула и неожиданно тихо рассмеялась.

— Потому что этот день увековечил наш Вождь. Мой муж. — заметив наш вопросительный взгляд, она улыбнулась и прошептала: — В этот я вошла в его сердце.

— И поселилась в нем навсегда, — с любовью добавил Кваху, заставляя жену смущенно отвести взгляд.

Подумать только, после стольких лет совместной жизни, они всё ещё могут найти повод, чтобы смутить друг друга...

Адель нечаянно дернула меня за волосы, но, вместо того, чтобы извиниться, просто расхохоталась.

— Сколько же в тебе озорства, маленькая Эхой²¹, — весело покачала головой Алита, снимая малышку с моей спины. — Ты так же вольна, как ветер.

— Она напоминает тебя, — Кваху заставил жену покраснеть, а затем благословенно положил ладонь на волосы Адель. — Поэтому её Судьба будет такой же счастливой.

Невольно улыбнулась, почувствовав новую волну тепла. Такие незнакомые и далекие, мы казались такими близкими и родными, словно наши миры были одним целым.

Словно наши *сердца* были одним целым.

Подойдя к костру, опустилась на землю, а затем повернулась на знакомый смех.

Мэнди сидела по другую сторону от огня и счастливо улыбалась, глубже зарываясь в нежные объятия Тайлера. Сердце наполнилось радостным облегчением от того, что её де-

²¹ Эхой – женское имя у индейцев Сиу. Означает «Смеющаяся дева»

вочка улыбалась, и неописуемо сильной признательностью, которую я испытывала к Тайлеру за то, что в такой трудный для всей нашей семьи момент, он просто был рядом. Держал Мэнди в своих руках и целовал в волосы. Оберегал её.

Могла ли я ошибиться в этом парне? Могла ли не разглядеть его искренность?

Словно услышав мой немой вопрос, Мэнди подняла голову, и наши взгляды встретились. В её глазах горела целая гамма самых разнообразных эмоций и чувств, но одно из них выражалось ярче и сильнее остальных — благодарность. За этот день. За понимание и поддержку. За заботу. И Тайлера... в особенности, за него.

Мэнди улыбнулась, с упоением прикрывая глаза и сильнее кутаясь в тёплый плед.

Иногда мы чувствуем спокойствие и тепло даже в моменты, когда наше сердце разрывается от боли. Просто потому, что рядом с нами те, кого мы безгранично любим. Те, для кого смысл жизни именно в нас, какими бы мы ни были. Те, кто делают нас целостными и нужными. Самими собой, несмотря ни на что. И, наверное, в этом и заключается главный секрет счастья. Самый простой в мире секрет.

Почувствовала на себе знакомый, пробирающий до мурашек взгляд, и повернулась. Дарен медленно опускался на землю неподалеку, при этом неотрывно смотря прямо на меня. Всё тело тут же отреагировало на его взгляд: сердце бешено застучало, пульс участился, а в животе вновь запорхало.

ли бабочки.

Я приоткрыла губы, чтобы впустить внутрь чуть больше воздуха, а затем отвела глаза, ощутив, как невыносимо смотреть на него и не иметь возможности прикоснуться.

Послышались звуки барабанов. Кваху вышел в центр круга в традиционном парадном облачении. Его голову украшал солнечный головной убор, а взгляд был таким величественным, что от увиденного захватывало дух.

— Вождь, я думаю, что прежде чем мы начнем *Чанте*, белым людям нужно услышать наши предания, — выступил один из молодых индейцев племени. Он был высоким и очень крепким, а его взгляд был твердым и властным. — Это поможет им понять наши обычаи и нас самих.

— Ты прав, Охитека. В твоих словах много мудрости, и поэтому я сделаю, как ты говоришь, — Кваху согласно закивал. Я заметила, как дети абсолютно всех возрастов придвинулись ближе и затаили дыхание. — Легенда, о которой я хочу поведать, очень стара, но каждое слово в ней истинно. Возможно, некоторые из вас услышат её впервые, но запомнят на всю оставшуюся жизнь. В далекие—далекие времена. Много тысяч лун назад. Ещё до того, как был создан человек, Великий Дух убивал бизонов и поедал их на вершине Красных Скал. — Вождь нарисовал на земле гору, сосредотачивая на ней взгляд каждого. — Их кровь стекала по скалам и окрашивала камни в красный цвет, оставляя на них следы в форме большой птицы. И именно эти следы с древнейших

времен считаются доказательством существования Духа.

Поленья в костре затрещали, а ветер задул сильнее, подтверждая слова Вождя.

— Однажды, когда большая змея забралась в гнездо птицы, чтобы съесть яйца, одно из них расколосось с громовым раскатом.

Кваху ненадолго замолчал. Все терпеливо ждали, затаив дыхание, и только один самый маленький и, казалось, самый нетерпеливый мальчик, не выдержал:

— И что случилось дальше, Вождь Кваху? Что было потом? Заметила промелькнувшую на лице Вождя тень улыбки.

— Великий Дух набрал пригоршню белой глины и швырнул её в змею. Из всего этого Он вылепил человека. Ноги этого человека сразу же приросли к земле. Он простоял так много веков, подобно большому могучему дереву. Но время сделало его очень старым.

— Насколько старым, Вождь Кваху? — спросил всё тот же любопытный мальчик.

— Очень старым, Монгво. Он был старше сотни людей, но не потерял своей силы.

— И что же произошло дальше? — поинтересовался Нуто.

С этим мальчиком лет двенадцати я познакомилась около получаса назад, когда он кружил меня вместе с другими ребятами.

— Спустя много лун и солнц рядом с ним выросло другое дерево, — ответил Кваху, снова рисуя на поверхности длин-

ной палкой. — Большая змея перегрызла их корни, и они ушли вместе скитаться по горам. От них произошли все народы, населяющие землю.

— Но разве змея не должна была погибнуть? — тихий, но красивый голос заставил повернуть голову.

Маленькая темноволосая девочка в платье из кожи внимательно смотрела на вождя своими большими черными глазами. Женщина, за которую она пряталась, отрицательно покачала головой и что—то сказала малышке на их родном языке.

— Всё нормально, Сиху, — лицо Кваху сделалось невероятно мягким, а затем он поманил девочку к себе. — Подойти ко мне, Иоки. Не бойся.

Девочка сначала неуверенно взглянула на маму, словно узнавая её мнение, и только лишь когда та кивнула, не спеша направилась к своему Вождю. Он постучал по своему колену, а затем помог малышке удобно на нем расположиться.

— Почему ты так решила? — девочка помолчала, снова осторожно переведя свои глаза на маму. — Ты можешь ответить мне, Иоки. Ты имеешь на это право.

— Я... — она немного замялась, но затем вдруг осмелела, — читала про свойства глины. Ведь в ней невозможно дышать. А всё живое должно дышать. Ведь так?

— Да, ты права, Иоки. В тебе есть способности к знанию, и я рад, что ты развиваешь их, — девочка облегченно улыбнулась, и в её глазах появилась гордость. Даже её мама, ка-

залось, расслабилась. — Однако, я хочу, чтобы ты понимала разницу между физическим и духовным мирами. И каждый из вас должен её понимать. Несмотря на то, что многие явления, происходящие в этом мире, стали объяснять наукой, духовная материя всё так же существует и остается всё такой же недостижимой для человека. Её нельзя обличить в страницы учебников. Она слишком сложна и не поддается людским законам.

— Значит, Дух — это материя, которую нельзя объяснить? — верно понял Нуто.

— Верно, — кивнул Кваху. — Её можно лишь почувствовать.

— И это Великий Дух сделал так, что змея смогла дышать? — спросила Иоки.

— Да. Он дал ей цель. И в том, чтобы создать новый мир было её предназначение.

— Значит, наша судьба прописана Великим Духом? — спросил Монгво.

— И мы не можем её изменить? — поддержал его Нуто.

— Я расскажу вам об этом на следующем уроке, — улыбнулся Кваху, отпуская Иоки на землю.

— Ну, пожалуйста, Вождь Кваху!

— Пожалуйста, ещё немного.

— Расскажите, — с надеждой в голосе попросила Иоки. — Пожалуйста.

Множество пронзительных, детских глаз, смотрящих глу-

боко в душу Вождя, заставили его с укоризненной веселостью покачать головой, но всё же сдаться.

— Уже многие годы он обучает нас вашему языку и некоторым наукам, — тихо сказала Алита, пока её муж отвечал на вопросы ребятишек. — Но, несмотря на это, не позволяет забыть, *кто* живет в наших сердцах, — её губы тронула искренняя улыбка, наполненная нежностью и лаской. — И мы не забываем. Даже когда покидаем свой дом.

Проследила за взглядом Алиты, и ощутила, как сердце вновь учащенно забилось. Моя малышка сидела у Дарена в ногах и, облокотившись о его широкую грудь, слушала рассказы Вождя. Глазки Адель были полужакрыты, а тело настолько расслабленно, словно ещё ни разу в жизни она не чувствовала себя настолько уютно и тепло. Словно именно сейчас находилась в объятиях человека, который защищал её от всех кошмаров и несчастий.

Дарен укрыл малышку пледом, и она улыбнулась, потянув его за кожаный ремешок. Когда она что—то шепнула, он улыбнулся. Легко. Мимолетно. Но это мгновение, однако, показалось мне целой вечностью. Прекрасной вечностью.

Нуто ударил по барабанам — и это было так красиво и завораживающе, что описать не находилось подходящих слов. Он был ещё мал, но его способности казались невероятными. Этот любопытный и очень забавный мальчик играл так мощно и красиво, что все великие музыканты, вне всякого сомнения, восхитились бы его талантом.

— Как насчет танца с Вождем? — Кваху стоял рядом со своей женой, с нежностью и любовью в глазах протягивая ей свою руку.

Алита немного помолчала, словно пыталась понять значение его слов, а затем её глаза расширились, а лицо залилось краской.

— Мы не можем...

— Раньше ты никогда не отказывала мне в этом, — улыбнулся Вождь.

— Да, — шепотом ответила она, — потому что раньше мы делали это наедине и за закрытой дверью. Племя не поймет этого...

— Племя видело и не такое, — усмехнулся Кваху, а затем, не дождавшись ответа, взял её за руку и слегка потянул, осторожно, но властно привлекая к себе. — Теперь они должны узнать, что, похитив моё *Чанте*, жена сделала их Вождя безумцем.

Алита предприняла лишь одну единственную попытку отстраниться, но он не позволил ей и лишь крепче прижал к себе. Чувственные звуки флейты заставили её сдаться. Она расслабилась, а затем положила голову ему на грудь.

Я никогда не думала, что увижу столь сильную любовь и преданность. Несмотря на то, что сиуанцы были старинным племени, почитающем свои традиции, и даже на то, что будучи Великим Вождем, Кваху должен был всячески пресекать любое влияние иной культуры на их жизнь, он позволял

прекрасным обычаям других народов проникать в их сердца. Брал лучшее, что существовало в других мирах этой Земли, и строил свой собственный, свой маленький рай.

Закрыла глаза, стараясь насладиться каждой секундой божественной музыки, ощутить её биением своего пульса. Что может быть прекраснее, чем чувствовать, что тебя так сильно любят? Что ты необходима кому—то настолько, что этот человек готов разрушить все условности и отодвинуть все границы, только бы быть рядом с тобой?

Дать понять, что ты — единственная, о ком он думает.

Ощувив легкое покалывание на коже, затаила дыхание и, почувствовав знакомый дурманящий запах, медленно открыла глаза. Его синие глубины уже в который раз давали мне понять, что утонуть можно не только буквально, не только в океане, море или реке, и что есть погибель, которую желаешь отчаянно, страстно, на грани безумия. С каждым новым вздохом всё сильнее лишаясь рассудка.

Дарен сидел на корточках в нескольких ничтожных дюймах, заставляя сердце колотиться с такой бешеной скоростью, что сказать, что оно сейчас «вот—вот выпрыгнет» было бы, наверное, очень поздно и совершенно неверно. Ведь оно уже находилось не в моей груди, потому что *Он* держал его в своих руках.

И оно билось, лишь чувствуя, как стучит его пульс.

Не говоря ни слова, Дарен протянул свою руку, продолжая все так же неотрывно смотреть мне в глаза. Я не знала,

действительно ли в этот самый момент время вдруг остановилось, или это я перестала дышать, но лишь, когда вложила свою ладонь в его, смогла вновь почувствовать реальность окружающего меня мира.

Дарен осторожно, со всей бережностью притянул меня к себе. Раздалась уже знакомая музыка флейты, а затем задул легкий ветерок.

— Я не умею... — прошептала, едва выговаривая слова.

— И не нужно, — ответил, скользнув рукой по моей спине, — просто чувствуй меня.

Его слова заставили забыть и музыку, и даже о том, что происходило вокруг. Я не слышала ни голосов, ни пения птиц, лишь то, как наши сердца отбивали один единый ритм.

Дарен медленно двигался, с каждым мгновением уводя меня всё дальше за собой. И я шла, безрассудно повинуюсь томному голосу внутри.

В Рай или в Ад — не имело значения.

Главное, что рядом был тот, без кого я не могла дышать в полную силу.

Без кого каждый вздох казался пустым и бессмысленным.

Когда его пальцы скользнули вверх по позвоночнику, инстинктивно приоткрыла губы. Даже через ткань его прикосновения обжигали. Под его властным, но безумно мягким взглядом я ощущала, как становлюсь безвольной куклой. Марионеткой, которой он мог управлять лишь одним щелчком пальцев. И эта марионетка готова была сделать для него

абсолютно всё. *Абсолютно.*

Дарен привлек меня к себе, окончательно сократив то расстояние, которое ещё существовало между нами, заставляя ощутить его запах сильнее. Крепче вцепилась пальцами в жесткую ткань его одежды, и на мгновение прикрыла глаза, всеми силами пытаюсь просто совладать с собой.

— Убеги со мной, — его шепот заставил бабочек в её животе снова расправить крылья. — Прямо сейчас. Как можно дальше. — чувствовала, как болезненна для него каждая секунда тишины. — Прошу, скажи «да», — Дарен мучительно выдохнул и прикрыл глаза, легко касаясь щекой моей, — мне это так необходимо... так нужно...

— Да, — прошептала, прерывая его.

Я помнила, как он дышал: так, словно каждый вдох был равносильным шагу по раскаленным углям. Но сейчас всё было иначе. Будто бы именно сейчас он, наконец, смог ощутить, как это легко и просто. Словно смог сделать вдох и не почувствовать боли.

Дарен осторожно взял меня за запястье и повлек за собой.

В голову не закралось ни единой мысли о том, что я совершаю ошибку. Ни единой мысли о том, что делаю неверный выбор. И сердце, и разум, наконец, сошлись в одном: верить. Верить и идти по его следам. Куда бы они ни вели.

Я не знала, где мы окажемся через минуту, полчаса или день. Я даже не знала, куда мы шли, но шла, не задавая вопросы и не пытаюсь получить ответы.

Сейчас они попросту не имели значения.

На всю резервацию, как и на половину планеты, опустилась ночь. В небе светила луна. В воздухе пахло свежестью и свободой. То, что я ощутила, когда мы остановились, невозможно было описать словами. Передо мной словно, в самом деле, вдруг открылся целый мир. Впереди раскинулись величественные горы, а большое и широкое озеро у их подножья освещалось серебристым светом, создавая лунную дорожку на воде. По всей поверхности, словно благословленные самой Луной, распускались белые кувшинки.

Завороженная, я боялась пошевелиться. Почувствовав это, Дарен неторопливо развернул меня к себе, а затем нежно коснулся щеки. Я выдохнула и прикрыла глаза. На этот раз сердце замедлило свой ритм, а когда он заговорил, остановилось:

— Я не знаю, что со мной, — прошептал, давая прочувствовать свой пульс, — и знать не хочу. Я собираюсь просто использовать каждое мгновение, данное мне Небесами. Взять от этой ночи всё. Раствориться с тобой и в тебе. Раствориться в том, что мы оба могли бы почувствовать, если бы только сказала, что тоже этого хочешь. Если бы позволила...

Накрыла его рот ладонью, а затем неспешно замотала головой.

Сделала шаг, позволяя пледу с плеч упасть на землю.

Мне не хотелось бессмысленных разговоров, не хотелось громких слов, извинений или рассуждений, я просто посту-

пала так, как велело сердце, как хотел разум, и желало тело. Подойдя к Дарену, позволила своей ладони скользнуть вниз к его груди, а затем замерла. Секунда. Две. Три. Его губы накрыли мои, а рука сжала волосы.

Я застонала, а затем впустила его внутрь. Позволила языку ворваться и со всей властью заявить свои права. Он целовал меня нежно и одновременно страстно, пламенно, грубо, словно раз и навсегда ставил на мне свою личную печать, и мне нравилась его сила. Нравилось принадлежать только ему.

Пальцы нашли края рубашки и, прервав поцелуй, я потянула её вверх. Дарен также неторопливо, но в то же время нежно избавил меня от платья. Затем вновь поцеловал и осторожно опустил на землю.

Я ощутила тепло пледа, а затем мужские руки, проделывающие нежную дорожку из прикосновений от щиколотки до ключицы.

По коже побежали мурашки. Завопил и оголился каждый нерв.

Дарен ласкал меня, мучая. Неспешно целовал грудь, спускаясь ниже, подбираясь к самому центру живота. Резко вдохнула, когда он поцеловал пупок, а когда его губы коснулись внутренней стороны бедра, поняла, что обречена.

С ним я либо провалюсь в Ад, либо вознесусь к Небесам. И что—то подсказывало мне, что, если он не сделает выбор, я сделаю его сама.

– Дарен... — успела лишь шепнуть его имя, а затем задохнулась, ощутив его пальцы глубоко внутри.

Когда его губы вновь накрыли мои, застонала, обхватив руками его шею, крепче прижимая к себе. Я хотела, чтобы он наполнял меня сильнее и больше, отдавая всего себя и забирая всю меня. Без остатка. Раздвигая границы. Ломая преграды.

Прервав поцелуй, пригвоздил мои запястья к земле, а затем посмотрел в глаза.

– Скажи, что я необходим тебе, — прошептал мне губы, — скажи, что нуждаешься во мне...

– Да...

– Что...

– Я нуждаюсь в тебе, — повторила, чувствуя, что еще немного, и окончательно лишусь чувств. — Ты необходим мне, Дарен... необходим...

И на последнем выдохе он наполнил меня.

Выгнулась, почувствовав, как он медленно задвигался. Ощутила теплое дыхание у своих губ, и позволила с новой силой вторгнуться в свой рот. Дарен всё ещё держал мои запястья, лишая возможности касаться его. Понимая, что мне это нужно. Мучая.

И не думая это прекращать.

Его толчки становились резче и чаще. Быстрее. Невыносимее.

Он ускорялся, вынуждая меня умолять. Подчиняться ему.

Становиться его рабой.

Стон сорвался в крик, и я не удержала это мучение внутри.

Словно почувствовав, что мне нужно касаться его, Дарен разжал пальцы. И я коснулась. Вцепилась. В его спину. Мощно, больно, совершенно не контролируя себя.

Я царапала кожу на теле мужчины, в котором отчаянно нуждаюсь.

Каждое моё слово, пусть даже и сказанное в момент страсти, было правдой. Я знала, что могу без него дышать, знала, что могу научиться не нуждаться в его взглядах, словах и прикосновениях. Но весь парадокс заключался в том, что я просто этого не хотела.

Не хотела прожить свою жизнь без человека, которого всем сердцем полюбила.

Черт возьми, да! Так сильно полюбила, что готова была кричать об этом во всё горло!

Готова была стерпеть ради него и за него любую боль, простить каждое неосторожно брошенное слово, лишь бы только он сказал, что тоже чувствует это.

Что любит меня так же сильно и безрассудно.

Что не представляет своего существования без любимых глаз и родной улыбки, потому что я не представляю. И не хочу даже пытаться.

Вскрикнула, чувствуя, как по телу разлилось самое приятное на свете тепло — его тепло. Тепло того, кто навсегда

поселился в моём сердце ещё тогда. В нашу первую встречу.

Того, кто похитил мои мысли и желания.

И навсегда разрушил для любого другого мужчины.

Ощутила, как он ласково поцеловал каждое опущенное веко, а затем добрался до распухших от страсти и вожделения губ. На этот раз поцелуй получился неторопливым, нежным и невероятно чувственным.

Дарен не спеша опустился на землю рядом, а затем привлек меня к себе. Я положила голову ему на грудь и закрыла глаза. Лишь после этого он бережно укрыл нас пледом, губами касаясь моих влажных волос.

Ночь казалась бы темной и холодной, если бы его объятия не согревали, как тысяча самых жарких каминов, и не дарили мне необходимый жизненный свет и тепло.

Наверное, это выглядело, как настоящее безумие, но сейчас ни время, ни проблемы, ни прошлое просто не имели никакого значения.

Сейчас существовали только он и я.

Небо и земля.

Луна и звезды.

И большего было не нужно.

26. Дарен

— Эбби, — тихо позвал её и, услышав слабый вздох, продолжил, — нам пора идти.

— Ммм... но мы же лежим всего пару минут... — полусонным голосом запротестовала она.

— Земля холодная, я не хочу, чтобы ты простудилась.

— Мне нравится, когда ты заботишься обо мне, — промурлыкала она, — это так сексуально.

— Серьезно? — усмехнулся. — Я думал, ты скажешь «мило».

— А я думала, что не сказала этого вслух, — услышал её смущенный стон, а затем почувствовал, как она зарылась лицом в плед.

— Эй—эй—эй, не делай так, — перевернулся на бок, а затем осторожно стянул ткань вниз. — Мне нравится, что ты говоришь такое вслух.

— Я не умею сдерживать мысли, — завертела головой она, — это очень плохо и...

— Это хорошо, — прервал её, а затем нежно провел пальцем по её щеке, — так я всегда буду знать, о чем ты думаешь.

— И что же тут хорошего? А если я подумаю о чем—то, о чем тебе знать нельзя?

— Это о чем же?

– Ты удивляешься так, словно у меня не могут быть личные мысли.

– Могут, но только, если обо мне, — прошептал ей в губы, чувствуя, как она затаила дыхание.

– О тебе... — хрипло шептала Эбби, пока её ладони исследовали моё тело, — о твоих глазах, улыбке и губах... о том, как ты наполняешь меня... — она томно выдохнула, и я ощутил, как реагирую. — Мои мысли о том, как ты дышишь... и о том, как я с ума схожу от твоих поцелуев... а еще... знаешь, о чем я думаю ещё? — ощутил её горячее дыхание у своего уха. — О том, какой ты всё—таки самовлюбленный и заносчивый!

Она неожиданно оттолкнула меня и с и победным кличем вскочила на ноги.

Я упал на спину и, несмотря на то, что мне должно было быть совершенно не до смеха, засмеялся. Громко и тепло, так, как не смеялся уже много—много лет.

И причиной этого смеха была она.

Приподнялся на локтях и заметил, что Эбби стоит всего в нескольких шагах и, прижимая к себе кусок маленького платица, смотрит на меня так, словно видит впервые. В её глазах скрывались удивление, восхищение и облегчение одновременно. Она не двигалась, продолжая заморожено наблюдать за моей реакцией, а когда я иронично и вопросительно вздернул голову, смущенно улыбнулась.

– Не мог бы ты... — она закусила губу, а затем очертила

круг рукой.

Очень хотелось снова рассмеяться, теперь уже от её стеснения, но я сдержался.

– Встать?

– Нет...

– Помочь тебе надеть платье?

– Нет, я могу сама...

– Тогда, что?

– Я... мне очень неудобно, поэтому... не мог бы ты...

Когда я улыбнулся, Эбби запнулась и сузила глаза.

– Почему ты улыбаешься?

– Потому что ты очень забавно просишь меня отвернуться.

– Так ты понял?

– Сразу же, — честно признался.

Почувствовал, как сильно ей хотелось сложить на груди руки, но она просто не могла этого сделать, иначе платье, которым она прикрывалась, скользнуло бы вниз.

– Тогда почему просто не отвернулся?

– Потому что хочу смотреть на тебя каждую секунду, — признался, — особенно, когда на тебе ничего нет.

Заведя руки за голову, удобно устроился на пледе, наслаждаясь тем, как лунный свет ласкает виднеющуюся из—под ткани кожу. Эбби стала оглядываться, видимо, пытаюсь найти хоть какое—то укрытие и, завидев неподалеку несколько прилегающих друг к другу деревьев, направилась к ним.

Рассмеялся и, качнув головой, поднялся с пледа. Я мог бы пойти за ней и показать, что все эти прятки ни к чему. Она сдалась бы уже через минуту. Но остался на месте, позволив ей взять первенство. В этот раз.

Натянув одежду, поднял с земли плед и слегка отряхнул его.

Когда Эбби вышла, довольная, одетая и теперь уже ни капли не смущенная, бережно накинул теплую ткань ей на плечи.

– А ты?

– Мне тепло, — прошептал, целуя её в волосы.

Эбби улыбнулась, а затем вложила свою ладонь в мою и крепко её сжала.

Вздрогнул, но руки не отнял.

Несмотря на то, что между ними сегодня было, мне ещё только предстояло привыкнуть к этой новой мысли. К мысли, что в моей жизни появилась женщина, которая теперь будет всегда вот так вот держать меня за руку. Которая будет заставляя меня смеяться. Заставлять *хотеть* смеяться. Видеть необыкновенное в обыденном и значимое в незначительном. Видеть этот мир совершенно другими глазами. *Её* глазами.

– Дарен?

– Мм—м?

– Я не помню, где мой домик, — испуганно прошептала Эбби, вынуждая меня рассмеяться.

– Не волнуйся, я помню, — уверенно повел её через домики, ощущая, как легко она поддалась и доверилась мне.

В окрестностях этого места я ориентировался и в кромешной темноте, и даже с закрытыми глазами: среди этих деревьев, полей и небольших деревянных построек прошла самая важная часть моей жизни — когда я родился. Заново.

Подведя её к одному из домов, остановился около двери, и в свете луны заметил её слабую улыбку.

– Я, наверное, пойду. Увидимся утром.

Маленькая рука почти выскользнула из моей большой ладони, но я успел ухватить её за кончики пальцев.

– Есть одна проблема, — тихо произнес, — и ты нужна мне, чтобы её решить.

– Я уверена, что ты справишься с ней сам, — с улыбкой прошептала она, намереваясь уйти, но я резко притянул её к себе.

– Это ты её создала, — прошептал, давая ей в полной мере ощутить, насколько велика и сложна эта самая проблема, — вот почему я не намерен справляться один.

– Но я... — она не успела возразить, потому что я подхватил её на руки, — что ты делаешь... — не слушая, отшвырнул дверь ногой, замечая, как при этом расширились её глаза. — Ты сошел с ума? Здесь же девочки! Отпусти меня! Отпусти, пока мы не попались...

– Не попадемся, — ответил, уверенно переступая порог, — потому что дом — мой.

— Сумасшедший... — она покачала головой, но при этом заметно расслабилась. В глазах появился живой блеск, — ты просто безумен, когда...

— ... когда ты рядом, — закончил, осторожно ставя её на ноги. — Да, это так.

— Дарен...

Приложил указательный палец к её губам, заставляя судорожно вдохнуть.

От прежней веселости и задора не осталось и следа. В глазах горело лишь влечение: неистовое, безрассудное, всеобъемлющее. Оно медленно и мучительно текло по венам, пробираясь всё глубже, к сознанию, затуманивая его, а затем отключая.

Бережно притянул Эбби к себе, побуждая её стиснуть пальцами мои плечи.

Чувствовал, как часто она дышит, ощущал, как сильно бьется её сердце, и как бешено стучит пульс. Её горячее дыхание обжигало, а сладкий запах дурманил и пьянил, заставляя терять рассудок. Когда я легко коснулся её мягких губ, понял, что сжимаю в своих руках ту, которую больше уже не хочу отпускать.

Эбби запустила пальцы в мои волосы. Прижавшись ко мне всем своим телом, снова открылась ему. Снова отдала всю себя. И снова сделала это единственным способом, который знала — без остатка, ничего не требуя взамен.

— Я не могу не вдыхать тебя, — прошептал всего в дюйм-

ме от её губ, — я просто должен ощущать твой раскаленный воздух в легких. Ты — мой дым, слышишь? Мой томительный дым. И я просто не в силах надышаться тобой.

Почувствовал её судорожный выдох и интуитивно сделал затяжной вдох. Позволил боли расползтись по легким, опускаясь ниже, пробираясь глубже. Позволил себе ощущать её каждым нервным окончанием и понимать, что всё сказанное не было выдумкой.

Её дым существовал.

И медленно уничтожал меня секунду за секундой.

Минуту за минутой.

Оставляя считанные дни на существование.

Проснулся от стука и застонал, пытаясь прогнать его прочь из своей головы.

Набросил сверху подушку и уткнулся лицом в покрывало, но, когда звук никуда не делся, зарычал и подскочил с постели, быстро натягивая на себя штаны.

— У меня нет способностей, когда ты это поймешь? — знакомый голос заставил подойти к окну.

— Никогда, потому что это очень просто, — Элли несколько раз умело стукнула по барабанам, заставляя Охитеку одобрительно улыбнуться. — Даже ребенок справится.

— Как ты это делаешь, Боже... — качая головой, смеялась Эбби, пытаясь изобразить что-то похожее.

— Акуна Матата! — крикнула Адель, в точности повторяя

за сестрой.

— Видишь? — рассмеялась Элли, смотря на удивленную, но веселящуюся Эбби. — А ведь ей всего шесть!

— Мне скоро семь, — с небольшой обидой в голосе поправила её Адель, и сестре пришлось виновато погладить её по золотистым волосам.

— Конечно, милая, извини.

— Помните о том, что хотите сказать, — внезапно произнес Охитека, усаживаясь за барабан, — и, если слова исходят отсюда, — он положил ладонь на свою грудь, — руки сами поведут вас.

Сказав это, он начал играть знакомый мне ритм и улыбался на старания Элли составить ему достойную партию. Они веселились и играли, а затем Эбби подняла взгляд, словно почувствовав, что я на неё смотрю.

Она неуверенно махнула мне рукой, а затем рассмеялась, когда Адель запрыгнула ей на спину. Эбби повалила её к себе на коленки и стала щекотать, вынуждая малышку звонко хохотать и барахтаться ногами. А затем — урвать свой заслуженный поцелуй в носик.

Половину дня Элли и Адель терпеливо слушали Охитеку, пытаясь запомнить все секреты игры на барабанах. Мэнди пыталась противостоять своим демонам: советы, наставления и методики ей давал Кваху, а поддержку и силу для борьбы она получала благодаря Тайлеру. Я помогал местным ребятишкам в сооружении их первых луков и стрел. А Эб-

би внимательно слушала секреты сиуийцев, которыми делилась моя мать. Несколько раз мы перекидывались нежными и одновременно пытливыми взглядами, но каждый раз, после улыбающегося лица Алиты, она долго не решалась смотреть в мою сторону.

Спустя невыносимо изнурительных часов, на протяжении которых нам так ни разу и не удалось остаться наедине, я решил пойти на отчаянный шаг. Улучив момент, когда мама отошла за травами, подбежал к Эбби и, схватив её за руку, утащил за угол домика.

— Ты сошел с ума? Твоя мама вот—вот вернется, — с укором произнесла она, когда я прижал её к деревянной постройке.

— Про то, как готовить мои любимые блюда, ты можешь послушать и потом, — попытался поцеловать её, но она выставила ладони вперед и улыбнулась.

— Вообще—то, я слушала про то, как снимать жар и головную боль.

— Я знаю один верный способ... — вновь наклонился к её губам, но и на этот раз она пронырливо увернулась. Воспользовавшись секундной растерянностью, попыталась выбраться из моих объятий, но я ловко пригвоздил её всё к той же стене. — Я не дам тебе уйти, пока не получу свой заслуженный поцелуй.

— Вот как? — её губы тронула улыбка. — И чем же таким ты его заслужил?

— Я терпеливо ждал с самого утра, — тихо сказа, скользнув одной рукой по её бедру. Она затаила дыхание, зрачки расширились. — А ещё проснулся в пустой постели. Мне нужно одно из двух: либо твой поцелуй, либо...

Слегка задрал её платье, заставляя Эбби судорожно вдохнуть.

— Прекрати... твоя мама нас увидит...

— Да, — ответил, медленно поднимая её руки вверх и прижимая запястьями к дереву. — И что именно она увидит, решать тебе.

Она смотрела на меня со смесью желания и неодобрения, словно сейчас в ней сражались две стороны: темная и светлая, и это вселяло в меня почти сто процентную уверенность в победе. Совращать её прямо на улице почти у всех на глазах не входило в мои планы, я лишь хотел добиться своей цели, заставив её поверить в то, что именно так и поступлю, если она не примет моё маленькое условие.

— Ты невыносимый... — обреченно сказала она.

— Знаю.

— ...властный...

— Да, — согласился.

— ...самоуверенный...

— Вполне.

— ...и думаешь, что выиграл...

— Именно.

— ...вот почему я не стану тебя целовать.

– Несомн... погоди, что? — удивленно вскинул брови.

— Не станешь?

– Не стану, — твердо сказала она и снова уперла ладони мне в грудь. — Пока ты не попросишь меня.

– Прости? — она оттолкнула его и улыбнулась, складывая на груди руки. Я нервно усмехнулся, а затем моё лицо приняло грозный вид. — Я никогда не стану просить.

– Ну а я — выполнять приказы. — зарычал и развернулся, чтобы уйти, но вдруг почувствовал, как Эбби осторожно взяла меня за руку. Сделала шаг и заглянула в глаза, бережно коснувшись щеки. — Но ведь делать то, что велит мне сердце, я могу.

Приподнялась на носочки и легко, словно боясь сделать больно, коснулась губами моих. Злость исчезла в то же мгновение. И вместо неё сердце наполнило тепло, которое я чувствовал всякий раз, когда она находилась так близко.

– Хочу кое—что тебе показать, — прошептал, осторожно сжав её руку.

Чуть потянул её и, не сказав ни слова, Эбби последовала за мной.

Покорно, всецело вверяя всю себя, и ничего не прося взамен.

Это заставляло меня чувствовать себя другим.

Не человеком, который вынужден существовать, а человеком, в котором с каждой секундой всё сильнее разрасталось желание *жить*. Чувствовать. Мечтать. Верить. Надеяться.

Любить. И позволять кому—то испытывать то же.

Распахнув деревянные двери и, почувствовав запах свежескошенного сена, на мгновение прикрыл глаза, чтобы в полной мере ощутить себя дома. Рядом с единственной в мире душой, с которой у нас была общая боль.

Кто был мне больше, чем просто другом. Был частью меня самого.

Знакомое фырканье и топот по дощатому полу, заставили почувствовать знакомый трепет внутри. Подведя Эбби к одному из денников²², открыл его и, когда такая родная и драгоценная ему мордочка высунулась из проема, коснулся её рукой.

— Это Ахига, — конь одобрительно фыркнул и мягко при-
топнул. — Мой друг.

— Он прекрасен, — прошептала Эбби, нежно касаясь черного шёлка, — ты ведь не просто так дал ему такое имя, верно? Что оно означает?

— *«Тот, кто борется»*, — тихо ответил, и Ахига кивнул в знак согласия.

— Ему нравится, — Эбби улыбнулась, ласково погладив мустанга по переносице, а затем вдруг выдохнула и развернулась ко мне лицом. — Как ты пришел к этому? К мысли о том, что *«борьба — это смысл жизни»*?

Выдохнул, ощутив, как прошлое вновь начало медленно душисть.

²² Денник – отдельная комнатка для лошади в конюшне.

— Я получил два важных наставления, которые всегда буду помнить, — заговорил, внимательно смотря ей в глаза. — Мне было восемь, когда я лишился матери. Именно тогда я понял, что жизнь не состоит только из радостных моментов — в действительности в ней слишком много темного и по—настоящему страшного. В ней много боли, которая надламывает тебя день за днем, мучает, потешается. И чтобы выдерживать это — ты должен защищаться. Так я получил свой первый урок.

Эбби выдохнула, но не смела меня прерывать.

— Когда мне было двенадцать, я уже твердо знал, что жизнь — это борьба. Постоянная. Нескончаемая. Жестокая. Борьба, из которой победителем может выйти лишь кто—то один. Тогда же я осознал, что из—за страха и алчности люди готовы пойти абсолютно на всё: на безумие, предательство, преступление... — сглотнул, — ... я потерял друга. Не смог спасти её, потому что был слишком слаб. Это был мой второй урок. И жизнь с усмешкой бросила его мне в лицо.

— Эрин? — тихо спросила она, с болью и пониманием смотря мне в глаза.

Я выдохнул и замер. Мне хотелось закричать: «Откуда? Откуда ты знаешь?», но я промолчал. Сейчас всё это было не важно. Сейчас мне просто хотелось выговориться. Впервые в своей жизни.

— Она была единственной, у кого получалось сдерживать мой гнев. — сглотнул огромный ком, вспоминая ту ночь.

— А когда её не стало, я... решил, что больше никогда не позволю себе быть слабым. И что, если мне придется противостоять целому миру, ни за что не посмею сдать.

— И ты борешься всю свою жизнь?

— Я не умею по—другому.

— Но жизнь — не вечная война, — тихо запротестовала Эбби, касаясь ладонью моей щеки, — в ней очень много светлого. Мирного. Спокойного. В ней есть место счастью и простым человеческим слабостям.

— Эбби... — накрыл её руку своей, — жизнь доказала мне, что она никогда не бывает жалостлива к тем, кто слаб. Не принимает отговорку и не терпит постоянства. Ей нужны перемены. Ежедневные, ежеминутные. Вот, почему она постоянно наносит удар за ударом. Я просто не жду, когда она вновь сожмет пальцы в кулак. Я бью первым.

— Это неправильно... — она почти шептала, почти судорожно качала головой, — неправильно так жить — без единой возможности быть счастливым.

— Ты не знаешь... — попытался снять её ладонь, но она прижала и вторую, тем самым сильнее сжав моё лицо в своих руках.

— Знаю. Потому что видела, каким ты можешь быть, — прошептала, и я почти утонул в её глазах, — разве не ты говорил Мэнди, чтобы она отдала часть своей боли? Разве это были не твои слова? О том, что с болью тяжело, но возможно жить, и что со временем она притупится?

– Это совершенно другое...

– Чем же? Почему тебе так трудно поверить, что ты можешь с этим справиться?

– Потому что наша боль слишком разная, — ответил, осторожно отнимая её руки, — и мою уже ничто не сможет притупить.

– Мы будем пытаться, — настаивала она, не слушая меня и не желая слышать. — Я уверена, что ты попробовал ещё не всё. Что мы найдем выход и...

– Всё, Эбби, — прервал её, а затем слегка качнул головой, — я перепробовал абсолютно всё.

– Не важно, — она мягко упала в мои объятия, и я ощутил, как уверенно завертела головой. — Ничто не имеет значения, потому что я всё равно буду бороться за тебя. Буду бороться за нас. Заново переберу все варианты, узнаю все возможные пути, но найду то, что заставит тебя поверить. Я знаю, что в этой войне меня не остановит ни Время, ни Боль, ни даже сама Смерть. Но только если *ты*... — вдруг прошептала она, прижимаясь ко мне сильнее — ...никогда не отпустишь моей руки.

Мучительно прикрыл глаза, чувствуя, какой болью внутри отзываются её слова.

Не знал, что ответить, как объяснить, что всё это невозможно, потому что я уже давно обречен... навсегда. Без права выбора. Без шанса на исправление.

Но руки сами потянулись к её спине. Я крепче прижал

Эбби к себе, пытаясь ощутить её присутствие ещё отчаяннее, ещё явственнее. Словно в данный момент, как и, черт возьми, во все прочие, это было самым необходимым, самым нужным на свете чувством.

И, попытавшись отбросить болезненные мысли прочь, я сделал вдох.

Повертел разряженный мобильник в руках, а затем терпеливо сунул его в карман джинсов. Он окончательно разрядился ещё в день прилета, а зарядить я его так и не смог. Первое — я не взял с собой шнур. Второе — даже, если бы и взял, в поселении всё равно не было ни одной розетки. При всем более или менее современном видении жизни, Сиу до сих пор не пользовались никакими технологиями. Наверное, поэтому в их культуре все ещё было место тем удивительным вещам, о которых забыли люди, живущие в век «информационного бума» и подверженные его непосредственному влиянию.

За те несколько дней, которые мы провели среди племени, многое поменялось. Мэнди чувствовала себя гораздо лучше, Элли собрала достаточно материала для новой статьи и теперь вплотную увлеклась жизнью древних племен, окончательно позабыв о гориллах, а Адель всю дорогу до дома просила Эбби купить ей точно такие же барабаны, какие были у её друга Охитеки.

Но самое главное — изменились мы с Эбби.

Наши отношения. Чувства. Желания. Мне казалось, что если дать всему этому шанс, то, возможно, моё будущее действительно может быть светлым. Наше будущее.

– Зайдешь? — спросила Эбби, когда девочки понесли вещи в квартиру.

– Сначала заеду к себе и узнаю, какие дела в офисе, — то, как она расстроено надула губы, заставило меня усмехнуться. — Меня не было три дня, и я никому не сказал, куда пропал. Я даже пойму, если Элис захочет уволиться, потому что я пропустил две деловые встречи. И ещё на этот раз моя сестра определенно открутит мне голову, как и мой друг, на которого я, даже не предупредив, скинул управление фирмой.

Эбби улыбнулась.

– Тогда, да. Тебе стоит поехать.

Услышал вибрацию и удивленно вскинул брови:

– Это твой мобильник?

– Он самый. Я выключила его ещё по прилёту, потому что поймать хотя бы одну полосочку связи стало для него невыполнимой задачей. — выдохнула она, доставая из сумки телефон. — Теперь он решил разорваться от бесчисленного количества сообщений.

– От кого?

– Наверное, снова от телефонной компании, — усмехнулась Эбби, — кто ещё будет столько писать?

Она улыбнулась шире и опустила глаза на экран.

Улыбка чуть поблекла, а затем на лице появилось легкое недоумение.

– Что?

– Странно, но... они от Пола... — Эбби нахмурила брови, и я заметил, как её глаза начинают бегать по строчкам сообщения.

То, как её лицо меняло своё выражение, заставляло чувствовать тревогу. Сердце начинало стучать, предчувствуя беду, а когда Эбби судорожно выдохнула, уронив на пол сумку, ощутил, как внутри что—то оборвалось.

– Боже...

– Что там? Что, Эбби?! Что он написал?!

– Элейн... — при упоминании имени сестры, меня ментально оглушило.

Я перестал ощущать пространство и время, перестал чувствовать собственный пульс. Сейчас всем моим телом и всеми эмоциями завладело лишь одно чувство — ледящий душу страх: сильнейший, который я только мог испытывать в своей жизни.

– Что с моей сестрой? — прошептал и, когда Эбби качнула головой, выхватил из её рук мобильный.

Первое сообщение Пол прислал сегодня утром. Второе — часом позже. Третье — ещё через три. Он искал меня. Искал, чтобы сказать, что моя сестренка, моя маленькая сестренка, которую я поклялся всегда оберегать, в больнице.

Ощутил, как трудно стало дышать. И как сердце мучи-

тельно сдавило в тиски. От такой боли невозможно было не закричать. И я закричал: сильно, мощно, во всё горло.

«У меня чувство, что я говорю сам с собой, но мне так проще. Так я чувствую, что прохожу через это не один. Прогнозы доктора неоднозначны...»

Не дочитав, сорвался с места, поняв, что больше ничего не хочу знать. Мне нужно было увидеть сестру — это единственное, что сейчас имело значение. А до этого момента я буду жить мыслью о том, что с ней всё в порядке. И не посмею думать иначе.

Когда добрался до автомобиля, заметил, что Эбби всё это время бежала следом.

— Просто поехали, — только и сказала она, садясь в салон, и как бы говоря «не нужно вопросов». И я не задал ни одного. Да и не хотел.

До больницы гнал, как ошалелый. Не переставая думать о сестре.

Только бы увидеть её. Только бы убедиться, что она в безопасности.

К клинике подъехали через пять минут, а менее, чем через одну я уже открывал её двери, — понять, где именно находится Элейн было просто, потому что и я, и Пол доверили бы её жизнь лишь одному месту и одному человеку.

— Элейн Бейкер, — запыхавшись, подлетел к стойке, хватаясь пальцами за край стола. — В какой она палате?!

Пока медсестра что—то долго — *слишком, мать твою,*

долго! — смотрела у себя в записях, я перебрал в своей голове, наверное, слишком много вариантов исхода всей этой ситуации. И, не выдержав, полетел в сторону лестницы, совершенно не разбирая голоса, который что—то обеспокоенно кричал мне вслед. Пробежал этаж за этажом, пока, наконец, на третьем не заметил знакомый силуэт.

— Пол! — он повернулся, когда я почти подбежал. — Где она?! Как она?!

— Доктор сказал ждать, — ответил, а затем перевел глаза на вбежавшую на этаж Эбби. Они только обменялись сочувственными взглядами: и слов было совсем не нужно.

— Я хочу увидеть её, — попытался пройти вперед, но ощутил, как меня остановили знакомые руки.

— К ней никого не пускают. — не знал, какое желание в этот самый момент было сильнее: врезать *Полу* потому, что он удерживал меня, или *самому себе* потому, что допустил всё это. Только лишь когда отступил, стискивая зубы, Пол, наконец, посмотрел ему в глаза. — Я звонил тебе... — в его голосе чувствовались и гнев, и раздражение, и волнение, — ...сотню раз. Оставил, наверное, штук сорок сообщений...

Чертыхнулся, понимая, что сейчас злость друга была вполне оправдана. Я и сам ненавидел себя за то, что поступил столь опрометчиво и слепо. Ненавидел за то, что оставил сестру одну и никому ничего не сказал.

— Мой телефон сел... — попытался объяснить, проведя рукой по волосам, но, заметив взгляд Пола, не сдержался и

со всего размаху долбанул по стене больницы — Черт!! Я знаю, что это не оправдание!! Знаю, что должен был хотя бы просто позвонить!!

Прислонился лбом к холодному камню и завертел головой.

— Я не прощу себя, если с ней что—нибудь случится... никогда не смогу... — голос надорвался, и я закрыл глаза, пытаясь просто не заплакать.

Потому что впервые за долгое время мне хотелось рыдать во весь голос и разбивать руки до крови. Впервые хотелось кричать так сильно, чтобы суметь выпустить наружу всю свою боль. Ведь в одном человеке, пусть и сильном, не может уместиться *столько* боли...

— С ней всё будет хорошо, — прошептала Эбби, касаясь моего плеча, — твоя сестра очень сильная. Она справится...

Её прикосновение сделало только хуже.

Я дернулся, сбрасывая с себя её руку, потому что жжение было слишком сильным. Слишком нестерпимым. Я знал, что причиняю ей боль, но по—другому просто не мог. Сейчас я думал лишь об Элейн. Лишь о своей маленькой сестренке, с которой не был рядом, когда был ей так нужен. О которой забыл, потому что... Черт—черт—черт!

— Мистер Бейкер, — голос женщины заставил резко развернуться. Высокая девушка с короткими темно—рыжими волосами внимательно смотрела мне в глаза, — меня зовут Меган О'Нил. Я новый лечащий врач вашей сестры.

Опустил взгляд на бейджик. *«Доктор Меган О'Нил. Невролог, хирург».*

— Новый... — повторил, пытаясь осознать то, что услышал. — А где доктор Мартин?

— Доктору Мартину пришлось срочно улететь. Но не волнуйтесь, он передал мне всю картотеку...

— Не волноваться? — ощутил, как сжались мои скулы. — Моей сестре в любой момент могла понадобиться его помощь... как сейчас... Черт! Да я вверил ему её жизнь, а он просто улетел и ничего нам не сказал?!

— Об этой поездке его уведомили заранее, но вызвали намного раньше запланированного, — спокойно, но твердо ответила Меган, — Он сел в самолет сегодня ночью, а вашу сестру доставили лишь утром.

— И когда же он вернется? — держа себя в руках из последних сил прохрипел я.

— Этого я сказать не могу. Несколько недель, возможно, месяцев.

— Месяцев?! — нервно взъерошил волосы, а затем снова стукнул кулаком по стене. — Если бы он только сказал, что существует возможность его отсутствия, я бы тут же нашел для Элейн другого врача!! И того, что случилось бы, не произошло!!

— Это не вина доктора Мартина, — уже тише произнесла Меган, — просто последние несколько недель ваша сестра не принимала выписанных ей лекарств... — застыл, ожидая

продолжения, но не ожидая, что при этом испытаю, — ... намеренно.

Слова Меган О'Нил эхом пронеслись по всему коридору. Мне показалось, что я впервые понял, что чувствует человек, когда теряет ощущение твердости под ногами.

Покачнулся, прекрасно осознавая, какой именно смысл она вложила в последнее слово: «...намеренно...», его сестра намеренно не принимала лекарства.

Она хотела что? Сдаться? Уйти из жизни? Оставить меня одного?

— Нет... — я отказывался верить, — нет... она не могла... я... я бы заметил... что—то бы почувствовал... моя сестра никогда бы так не поступила, слышите? Никогда бы добровольно не ушла из жизни...

— Мистер Бейкер, послушайте...

— Нет! Я не хочу слушать вас! Не хочу слушать этот бред!

— Дарен, — Пол резко развернул меня, — от того, что ты не хочешь принимать слова доктора О'Нил, ты не изменишь очевидного.

— Ты что, действительно веришь в это? — усмехнулся, чувствуя, как легкие болезненно сжались. — Веришь, что Эл могла так поступить?

— Мне бы не хотелось, — просто ответил Пол, — но другого выбора нет.

— Нет... — отошел от друга, скинув с себя его руки. — Ты обезумел, если считаешь, что ей могло прийти такое в голо-

ву! Она... просто забывала, вот и всё! Теперь я буду следить за каждым приемом лекарства, и такого больше не повторится!

— Дарен... — но я уже не слушал друга, и повернулся к доктору О'Нил.

— А может, это и вовсе врачебная ошибка, а?

— Дарен...

— Как я могу верить в ваш профессионализм, если совершенно вас не знаю?! Я вообще не знаю, врач ли вы!!

— Черт подери, Дарен, Элейн сама сказала мне! — заорал Пол, и эти слова прошибли до мозга костей.

Я застыл, не зная, дышу ли, и если нет, то хочу ли пытаться. Хочу ли жить здесь и сейчас, в этом мире без человека, ради которого каждое утро открываю свои глаза. Хочу ли бороться с тьмой, если моего единственного солнышка не будет рядом.

Как бы сильно мне не хотелось верить в то, что слова Меган О'Нил — ложь, я понимал одно — Пол никогда бы мне не соврал. После всего, через что нам пришлось пройти, он ни за что бы так не поступил. Особенно в том, что касалось моей сестры.

— Каковы прогнозы? — тихо спросил, решая, что с остальным разберусь позже.

— Состояние стабилизировалось, — спокойно и ровно ответила Меган. — Мы приняли меры вовремя, но ещё всего лишь день или два...

– Я хочу увидеть её, — тут же произнес, замечая, как О'Нил на несколько секунд застыла. И она бы могла и имела право отказать, но, несмотря на всё это, кивнула.

– Только сначала я проверю её показатели.

Смотрел ей вслед, а затем, наверное, впервые за эти мучительно тянущиеся минуты сделал вдох. Повернулся к другу, который стоял, устало прислонившись к стене.

– Я знаю, что уезжать ты откажешься, но внизу делают великолепный эспрессо и выпекают вкуснейшие булочки, — встретив слегка протестующий взгляд Пола, добавил: — если не пойдешь сам, я затащу тебя туда силой.

Тот легко усмехнулся, но ещё всего через несколько категоричных заявлений со стороны друга, согласился немного отдохнуть. Я знал, что Пол совершенно забывал о себе, когда дело касалось близких ему людей. Особенно, в такой ситуации. Особенно, учитывая, что мы были его единственной семьей, которую он не хотел... нет, даже боялся потерять.

– Всё наладится, — услышал за спиной. — Мы пройдем через это вместе.

Эти слова были сродни ножевым ударам, — такие же болезненные и глубокие, — и именно потому, что причиняли такую муку, они вынудили меня лишь сильнее укрепиться в своем решении.

– Ничего не выйдет.

Эбби молчала всего несколько секунд, однако, мне показалось, что они тянулись намного дольше. Словно недав-

них ран было недостаточно. Словно жизни хотелось вновь и вновь полосовать меня лезвием, пока я окончательно не перестану дышать.

— О чем ты?

— О нас, — сглотнул боль и повернулся. — Ничего не получится.

— Дарен...

— Эбби, я не могу... — перебил её, чувствуя, как невыносимо горят легкие. — Я чуть не потерял сестру... чуть не лишился самого дорогого в своей жизни... из—за того, что был с тобой.

Заметил, как мои слова, будто плетка, стегнули её по лицу.

— Ты... винишь в этом *меня*? — одними губами прошептала она.

— Я виню *себя*, — ответил, пытаясь сдержать новую волну боли, — за то, что позволил желаемому взять верх над должным. За то, что страсть и вожеление затуманили мне разум.

— То, что было между нами... — она вдруг запнулась, словно пыталась не переставать хватать ртом воздух, — ...ты называешь вожелением? *Это* ты испытывал?...

— Да.

Ответ дался с большим трудом, но поступить по—другому я просто не мог.

— Нет, — она завертела головой, а затем внезапно взяла его лицо в свои ладони, — тебе сейчас тяжело, я знаю. Ты

боишься за Элейн. Вiniшь себя в том, что случилось. Ты раздавлен и потерян. Имеешь право злиться, кричать, швыряться вещами... но не смей мне лгать. Не смей говорить, что совершенно ничего не чувствовал...

— Но я не чувствовал.

— Это не правда...

— Правда, — осторожно, всё ещё сохраняя ту же самую бережность, что и раньше, отнял её руки от своего лица. — Но теперь чувствую... — в её глазах промелькнул лучик надежды, который мне тоже пришлось разбить, — ...что всё это было ошибкой.

Ощутил, как Эбби замерла. Мог бы поклясться, что слышал её учащенное сердцебиение и бешено колотящийся пульс, видел глаза, из которых вот—вот готовы были брызнуть слезы, но она держалась.

— Чувства не могут быть ошибкой.

— Но это были не они.

— Ты говорил, что не можешь надышаться мной, — прошептала она, своими словами причиняя лишь ещё больше боли. — Целовал так, словно в каждом касании находил причину жить. Разве можно жить человеком и при этом ничего не чувствовать?...

— Я не умею чувствовать. Это была обыкновенная похоть. Мужская слабость. Животная потребность... Дьявол, называй, как хочешь!

— Но ты говорил...

— ...что люблю тебя? — вдруг резко спросил, заставляя Эбби запнуться. — Что хочу прожить с тобой всю жизнь? Что изменюсь, и мы сможем жить долго и счастливо? Я говорил тебе это? Разве говорил? — ярость брала своё, и я понял, что именно она — его решение. Резко схватил её за плечи и потряхнул. — Скажи, Эбби! Разве я говорил тебе, что люблю?! Скажи мне это, черт подери!!!

Она молчала, всё ещё беспомощно хватая ртом воздух, будто бы просто не могла ничего произнести. Словно у неё просто не было на это сил. По её щекам потекли слезы, и тогда я так же резко отпустил её, слегка отталкивая к стене.

Отвернулся, как можно сильнее зажмуривая глаза и сжимая пальцы в кулаки. Понимал, что так будет лучше. И для меня. И для неё. Особенно, *для неё*.

— Мистер Бейкер, — послышался голос Меган, — вы можете зайти к сестре.

Помедлил всего секунду, прежде чем сделать шаг к палате, но именно эта секунда дала Эбби возможность коснуться моей руки. Крепко сжать пальцы и встать напротив.

Я чувствовал на себе её взгляд. Слышал немую мольбу её глаз. Слышал, как они снова повторяли то же, что и в конюшне, но изо всех сил старался не поднимать головы.

— Не делай этого, — её шепот добирался до самых темных и отдаленных уголков сознания, — прошу тебя, Дарен, не после всего... ведь ты не такой...

— Нет, я именно такой, — прохрипел, сжимая скулы, — и

уже никогда не стану другим.

Высвободил свою руку из дрожащей ладони и сделал шаг вперед.

Когда прошел мимо неё, понял, что для меня рухнул целый мир.

Мой мир.

Замедлились время, сердцебиение, пульс, дыхание.

Всё стало пустым и ненужным, но я почувствовал, что поступаю правильно.

Что уберегаю её от вероятных страданий, а, возможно, и мучительных сожалений.

Моё место в Аду, но ангелы должны существовать на небесах.

Это просто.

Просто так будет лучше. *Просто* так будет менее больно.

Просто это так...

Закрыв глаза и, сделав выдох, распахнул дверь.